

ВАЛЕНТИНА КРАСКОВА

ТАЙНЫ КРЕМЛЕВСКОЙ ЛЮБВИ

ВАЛЕНТИНА КРАСКОВА

**ТАЙНЫ
КРЕМЛЕВСКОЙ
ЛЮБВИ**

МИНСК
СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТОР
2000

УДК 947
ББК 63.3(2)
К 78

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Краскова В.

К 78 Тайны кремлевской любви.— Мн.: Современный литератор, 2000.— 448 с.

ISBN 985-456-484-3.

Эту книгу с интересом прочтут все, кого волнуют не только интимные подробности власть предержащих, но и взаимоотношения между народом и властью. Обилие исторических фактов из личной жизни обитателей Кремля позволяет читателю приподнять плотную занавесь тайн и окунуться в полную интриг и пикантных подробностей закулисную жизнь московских правителей. Чем же отличается любовь по-русски от прочих любовей на свете? Чтобы дать подробный ответ на этот вопрос, включая философскую подкладку плотской любви во все времена и у всех народов и авторскую интерпретацию эротики и секса в приложении к жизни сильных мира сего от начала веков до наших дней и написано это увлекательное исследование.

УДК 947
ББК 63.3(2)

ISBN 985-456-484-3

© Современный литератор, 2000

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Жизнь без любви я считаю греховным
и безнравственным состоянием.*

В. Ван Гог

*Любовь — неистовое влечение к тому,
что убегает от нас.*

М. Монтень

Если хочешь быть любимым, люби сам.

Сенека

Кремлевская любовь... Есть ли в ней какое-то отличие от иной любви? Ведь любовь — всеобщее человеческое чувство, воспетое тысячами поэтов всех времен и народов. Для нее нет ни религиозных, ни социальных, ни расовых преград. Любви все возрасты покорны!

Невозможно найти человека, который бы в своей жизни не испытал всплеска этой бурной страсти — любви. Это происходит не только в юности, с которой мы привычно связываем первую любовь, но и в более зрелом возрасте. Многочисленные примеры этому мы можем найти не только в художественных произведениях, но и в реальной жизни.

О любви не говори:

о ней все сказано...

Без причины не гори,

умей владеть собой,

О любви не говори,

А молчать не в силах, — пой.

Действительно, трудно говорить о любви прозой. Разговор о любви — самом высоком из всех человеческих чувств — подразумевает высокую поэзию, пение. Кажется, что только стихи и песни способны передавать истинное состояние души, которая находится в плену страсти.

Всегда ли так было? Уходящее столетие с двумя страшными мировыми многочисленными гражданскими войнами, постоянными региональными военными конфликтами, жестокими тоталитарными режимами по всему миру войдет в историю не только веком грандиозных открытий и свершений, но и веком Сталина и Гитлера, Сомосы и Пол Пота, Мао Цзэдуна и Хусейна: XX в. стал временем особой бесчеловечности, массового кровавого террора и уничтожения миллионов людей.

После трех революций, гражданской войны, сталинского геноцида, Великой Отечественной войны, хрущевской оттепели и брежневского застоя у нас пышным цветом расцвели равнодушие, зависть, озлобленность, произошло обесценивание человеческой жизни. Это, к сожалению, до сих пор ощущается в нынешней России и будет ощущаться до тех пор, пока человек не почувствует себя Человеком, пока не пробудится в каждом из нас способность любить — бесценный дар, данный человеку Богом.

Если исходить из подобной посылки, вполне можно предположить, что настоящей любви нет и никогда не было, что она всего лишь выдумка художников прошлого и настоящего, недостижимая мечта, о которой можно лишь грезить.

Пусть не подумает тот, кто знаком с моими предыдущими книгами, что я предлагаю давно известные факты, изложенные в таких изданиях, как «Кремлевские жены», «Кремлевские свадьбы и банкеты», «Кремлевские любовницы», «Кремлевские тещи» или «Крем-

левская дочь Галина Брежнева». «Тайны кремлевской любви» не просто очередное добавление в этот внушительный букет. Это не просто попытка посмотреть на наше недавнее прошлое и настоящее в контексте «вереницы дней, годов, столетий», но и заглянуть в глубь собственной души, пребывающей в повседневном поиске личного счастья и благополучия.

Чтобы доказать эту истину, я и предлагаю отправиться вместе со мной в путешествие по этой книге, попытаться понять и постичь «вечную тайну любви». Тот, кто последует за мной, не только приятно проведет время, но и найдет массу интересных подробностей как из истории «кремлевской любви», так и из истории любви вообще.

Когда впервые человек ощутил себя влюбленным? Кто первый — женщина или мужчина — произнес трепетно-робкие слова признания? Кто из мужчин первым сорвал букет полевых цветов и преподнес своей возлюбленной?

Прежде чем искать ответы на эти вопросы, следует заметить, что термин «любовь» употребляется не только тогда, когда речь заходит о физическом влечении и сексуальных отношениях между мужчиной и женщиной, но и тогда, когда разговор идет об особой привязанности к природе, животным, музыке, живописи. Многовековые попытки дать исчерпывающее определение любви до сих пор не увенчались успехом. Тем более, что даже общее понимание любви в каждой культуре имело и имеет свои особенности. Так, например, уже древние греки выделяли различные виды этого чувства: *филия* эретики (дружба между влюбленными); *эунойа* (отдавание); *агапэ* (бескорыстное чувство); *потос* (любовное желание); *харис* (любовь, основанная на благодарности и уважении); *мания* (необузданная страсть); *эрос* (желание).

Современная типология различает шесть стилей любви: *эрос* — страстная, исключительная любовь-

увлечение, которая стремится к полному физическому обладанию; людус — гедоническая любовь-игра; она не отличается глубиной чувства и сравнительно легко допускает возможность измены; сторге — спокойная, теплая и надежная любовь-дружба; прагма — возникающая из смеси людуса и сторге, рассудочная любовь по расчету, которая поддается сознательному контролю; маниа — вырастающая из эроса и людуса, иррациональная любовь-одержимость, для которой типичны неуверенность и зависимость от объекта влечения; агапэ — бескорыстная любовь-самоотдача, синтез эроса и сторге.

Чувства, какими бы они ни были, это прежде всего человек — осознающая сама себя жизнь. Предваряя свои размышления о любви, Э. Фромм в своей книге «Искусство любить» пишет:

«...осознание себя как отдельной сущности, осознание краткости своего жизненного пути, осознание того, что он (человек. — В. К.) независимо от своей воли родился и против своей воли умрет; того, что либо он умрет раньше тех, кого он любит, либо они умрут раньше его; осознание своего одиночества и отчужденности, своей беспомощности перед силами природы и общества — все это превращает его одинокое, обособленное существование в настоящую каторгу. И если он не сможет освободиться от этой каторги, выйти на волю, не сможет объединиться каким-то образом с людьми и внешним миром, он сойдет с ума.

Переживание отчужденности порождает тревогу, и в конечном счете тревога всегда происходит от этого. Быть отчужденным — значит, быть отрезанным от мира, не имея возможности воспользоваться своими человеческими силами. Поэтому быть отчужденным — значит, быть беспомощным, неспособным активно воздействовать на окружающий мир, на вещи и людей; это значит, что мир может посягнуть на мои

права, а я не смогу защититься. Таким образом, отчужденность является источником внутреннего беспокойства. Кроме того, это порождает стыд и чувство вины. Такое переживание вины и стыда в отчуждении описано в библейском рассказе об Адаме и Еве. Когда Адам и Ева вкусили от «древа познания добра и зла», когда они ослушались, когда они стали людьми, освободившись от первоначального единства с природой... им стало стыдно».

«И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания», — повествуется в книге Бытия.

Однако смущение Адама и Евы заключалось не столько в том, что они увидели гениталии друг друга. Скорее всего, метафорическим языком Библия подчеркивает тот момент в жизни наших предков, когда произошло очеловечивание человека, обособление его от царства Природы.

«...осознав себя и друг друга, мужчина и женщина осознали свою обособленность и различие, они остались чужими, потому что еще не научились любить друг друга (что особенно явно видно из того, что Адам оправдывается, обвиняя Еву, вместо того, чтобы попытаться ее защитить), — делает вывод Э. Фромм. — Осознание человеческой разобщенности без воссоединения любовью — вот источник стыда. И здесь же источник вины и тревоги.

Таким образом, самая глубокая потребность человека — это потребность преодолеть свою отчужденность, освободиться из плена одиночества. Абсолютная невозможность достичь этой цели ведет к сумасшествию, потому что смятение полного одиночества можно преодолеть, лишь совсем уйдя от внешнего мира, так что чувство одиночества исчезнет постольку, поскольку исчезнет сам этот внешний мир, от которого был отчужден индивид».

Выходит, что со времен Адама и Евы люди сталкивались с одними и теми же психологическими проблемами: как преодолеть одиночество; как достичь единения; как вырваться за пределы своей обособленной жизни и обрести воссоединение?

Эти вопросы были и остаются одними и теми же как для древних кочевников и земледельцев, финикийских купцов, римских солдат, средневековых монахов, японских самураев, так и для современного человека. Древний человек находил ответ на них в культе животных и растений, жертвоприношениях богам; способом преодоления одиночества становились завоевательные походы, роскошь и вседозволенность, аскетизм и самозабвенный труд, художественное творчество, любовь к Богу, любовь к Человеку.

Этот перечень и есть история человечества. Если отвлечься от несущественных различий в ответах, то можно заметить, что на протяжении всей своей сознательной истории человек испытывал потребность избежать одиночества. Однако, как показывает все та же история, избираемые способы либо не приводили к удовлетворению, либо давали временное удовлетворение. Почему?

«Единство, достигнутое в плодотворном труде, не является межличностным; единство, достигнутое в оргиастическом слиянии, преходяще; единство за счет подчинения — псевдоединство, — делает вывод Э. Фромм. — Таким образом, все это лишь частичные решения проблемы человеческого существования. Полное решение проблемы — в достижении межличностного единства, в слиянии с другим человеком, *в любви*.

Это страстное стремление к единству с другим человеком сильнее всех других человеческих стремлений. Это самая главная страсть, это сила, которая скрепляет в единое целое семью, клан, общество, весь человеческий род. Неудача в достижении такого един-

ства влечет к сумасшествию или уничтожению, будь то самоуничтожение или уничтожение окружающих. Без любви человечество не могло бы просуществовать и дня. Однако, назвав достижение межличностного единства «любовью», мы сталкиваемся с серьезным затруднением. Слияние может достигаться разными путями, и различия между разными формами любви не менее важны, чем сходство.

Можно ли все эти формы назвать «любовью»? Или лучше ставить это слово лишь для какого-то особого вида соединения, которое считается идеалом добродетели во всех великих гуманистических религиях и философских системах в течение последних четырех тысячелетий истории Запада и Востока?»

НА ЗАРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Четыре тысячи лет тому назад ни мужчина, ни женщина еще не испытывали друг к другу глубоких романтических чувств. В «Эпосе о Гильгамеше» — памятнике шумероаккадской письменности и мифологии, который на тысячу лет старше «Илиады» Гомера, говорится лишь о телесной близости, той, которую древние греки называли *потос* (любовное желание), *манья* (необузданная страсть) и эрос (желание). Покровительница любви и распри, вожделея и войны шумерская богиня Иштар еще не умеет любить. Она только вожделеет, ей нужна телесная близость.

Любовь едва начинала выделяться в особую силу жизни, она не осознавалась людьми как отдельное чувство. В те времена акт размножения был священен, и человеку казалось, что от него зависит как плодородие семьи, так и плодородие всей страны.

На заре человеческой истории при древних храмах жили особо почитаемые жрицы любви, потому что любовь обожествлялась как таинственная сила. В «Эпосе о Гильгамеше» упоминается об одной из таких жриц любви — Шамхат. Боги отправляют ее укротить дикого и строптивого человеку по имени Энкиду.

*Раскрыла Шамхат груди, свой срам обнажила.
Увидел Энкиду — забыл, где родился!
Не смущаясь, приняла его дыханье...
Наслажденье дала ему, дело женщин,
Ласки его были ей приятны.*

История любовных отношений древних египтян известна по немногочисленным (всего сохранилось не более полусотни стихов и отрывков) источникам. В те времена, когда у шумер господствовала богиня Иштар, египтяне почитали богиню любви и веселья Хатхор. Ее называли Прекрасной, Золотой, Владычицей звезд. В честь ее пели гимны. Но прошло всего около пятисот лет — и в Древнем Египте возникла искусная и изощренная любовная лирика, в которой нашло отражение духовное вечное чувство, признания, ничем не уступающие современным.

«Интересно, что любовь появляется во времена, когда женщина попадает под господство мужчины, — пишет Ю. Рюриков. — Можно было бы подумать, что любовь возникла в истории как психологическое возмещение за женское рабство: подчинив женщину, мужчина сам попал к ней в плен».

В свите греческой богини любви Афродиты было много богов — покровителей любви. Один из них, Эрот, воплощал собой начало и конец любви; другой — Гимэрот — плотские вожделения; третий — Антэрот — ответную любовь; четвертый — Поф — страстное желание; пятый — богиня Пейто — любовные уговоры; шестой — Гименей — брак седьмой — богиня Илифия — роды.

Выражением личных чувств человека, его психологического состояния является лирическая поэзия. Она родилась в Египте спустя тысячу лет после «Эпоса о Гильгамеше», а еще через тысячу лет, теперь уже в Греции, лирическая поэзия стала теснить героический эпос и превращаться в главный вид поэтического творчества. В ней говорилось о сильных любовных переживаниях и волнениях, возникал психологический подход к любви.

«Поэты всегда высоко ставили культ женщины, — писал в свое время М. Дубинский. — Они окружали ее

ореолом, поднимали на высокий пьедестал, посвящали ей свои думы, для нее расточали пыл души, ей в жертву приносили лучшие мечты и надежды. Можно сказать, что поэзия родилась вместе с женщиной и в то время, когда праматерь Ева вышла из Адамова ребра, Адам уже был поэтом.

Нечего говорить, что в античном мире поклонение женщине было особенно сильно развито. Древний грек или римлянин умел лучше своих отдаленных потомков созерцать красоту в ее первоисточнике — женщине. Все эти многочисленные произведения искусства, завещанные нам седой стариной, являются только ярким доказательством мощи, которой пользовалась тогда женщина, и как бы воскрешают перед нами идеи и чувства далекого прошлого. Недаром древние художники так усердно работали над воспроизведением красоты женского тела, недаром они считали высшей задачей искусства извлечение из мрамора божественных форм, которыми наградили женщину олимпийские боги, бывшие также большими поклонниками женщины».

В стихах гениального лирика Архилоха, который жил в VII в. до н. э. и по-праву считается первым европейским поэтом любви, воспевается чувство с огромным напором энергии, бурной страстью:

*От страсти изнемогли весь,
Бедный, без сил я лежу, и боги мучительной болью
Суставы мне пронзают вдруг!*

Об Архилохе народное предание рассказывает, что он влюбился в младшую дочь одного паросца по имени Ликамб, который сначала дал свое согласие на брак дочери с поэтом, но потом передумал.

Архилох был страстно влюблен в девушку «с ароматными волосами, которая могла бы свести с ума любого старика». Когда он увидел, как она играла миртовой

веткой и свежей розой; и ее кудри волнами рассыпались по плечам, тогда «любовь вполне овладела им, так что он, полумертвый, чувствовал боль во всем теле». Когда же отец девушки нарушил великую клятву, оскорбленный поэт в страшном гневе стал осыпать Ликамба и его дочерей такими позорящими насмешками, что несчастные со стыда и в отчаянии повесились.

Если народное предание основано на реальных фактах биографии поэта, то оно дает нам пример того, как под давлением обстоятельств страстная любовь переросла в сильную ненависть.

«Велико же должно было быть влияние любимой девушки, если из мягкого, светлого, элегического поэта Архилох сделался неумолимым мстителем и карателем предмета собственной страсти», — заключает М. Дубинский.

Таковыми были тогда человеческие чувства. Любовь, как и ненависть, радость, тоска, достигала накала страсти, которая швыряла человека по собственному слепому усмотрению и безраздельно владела им, как рабом. Тогдашнему пониманию человеческих чувств было еще далеко до психологизма в современном понимании. В этом понимании присутствовало неразличимое смешение телесных и духовных ощущений человека.

Однако читателю, полагаю, будет интереснее познакомиться с чувственными отношениями в жизни древних людей на конкретных примерах. Следует сказать, что как сегодня, так и тысячи лет тому назад все начиналось с детства. Городские девочки в Древней Греции росли и воспитывались отдельно от мальчиков. Таковым было традиционное воспитание не только у греков, но, например, и у древних евреев, египтян и других народов. Греки различали три периода в жизни женщины: «кора» — недееспособная девушка, «гине» — способная к родам женщина, «хера» — вдова или одинокая женщина.

Как и в наши дни, дети оставались детьми и тысячу, и две тысячи лет назад. Во время раскопок древних городов археологи находят мячи, погремушки, кубики, обручи, куклы, кукольные домики, кукольные коляски и посуду. Подражая маме, маленькая девочка сотни лет назад точно так же играла с куклами, убаюкивая, браня, разговаривая с ней, как и нынешние дети.

Уже в те далекие времена существовали законы, запрещавшие инцест.

«Никакая плоть да не приблизится к родственной плоти», — говорится в одном древневосточном законе.

О таком преступлении, как половая связь между отцом и дочерью, постоянно упоминается в юридических памятниках древнего Востока. Даже за инцест со снوخой полагалась смертная казнь.

Между тем древние хроники часто упоминают о кровно-родственных браках между братом и сестрой, отцом и дочерью. Знаменитый фараон Аменхотеп IV (Эхнатон), живший во второй половине второго тысячелетия до н. э., муж Нефертити, вступил в брак со своей 11-летней дочерью Анхесенамон, которая позже стала супругой фараона Тутанхамона. Известно также, что персидский царь Артаксеркс II (404—359 гг. до н. э.) был поочередно женат на двух своих дочерях. «Отец истории» Геродот упоминает о связи фараона Микерина со своей дочерью.

Таковы были обычаи того времени при царских дворах. Благодаря З. Фрейду всемирную известность приобрел миф об Эдипе. Его родителями были фиванский царь Лай и Иокаста. Дельфийский оракул предсказал, что в будущем Эдип станет убийцей отца и мужем своей матери, поэтому Лай приказал проколоть ребенку ноги и бросить на съедение диким животным. Однако маленького Эдипа нашли пастухи и отдали на воспитание бездетному коринфскому царю Полибу и царице Перибее, которые воспитали ребенка как

родного сына. Однажды, не стерпев насмешек сверстников, Эдип отправился к Дельфийскому оракулу. «Прочь из святилища, несчастный! — с ужасом закричала на него пифия. — Ибо ты убьешь своего отца и женишься на матери!»

Эдип любил и уважал царя Полиба и царицу Перибей и не допускал и мысли о том, чтобы причинить им вред, поэтому покинул их дом и решил больше никогда не возвращаться в Коринф. Однажды в Фокиде на перекрестке дорог Эдип встретил Лая, убил его в результате ссоры и отправился в Фивы. Недалеко от города, на горе Фикион, Сфинкс задавал каждому проходящему вопрос: «Кто из живых существ утром ходит на четырех ногах, в обед на двух, а вечером на трех?» «Человек, — ответил Эдип. — Потому что он ползает на четвереньках в младенчестве, твердо стоит на двух ногах в молодости и опирается на палку в старости».

Решив загадку Сфинкса, он освободил от него Фивы, стал фиванским царем и женился на Иокасте, своей родной матери. Когда некоторое время спустя в Фивах вспыхнула эпидемия моровой язвы, Дельфийский оракул сказал жителям города, как следует избавиться от напасти: «Прогоните убийцу Лая!» Эдип проклял убийцу и приговорил его к изгнанию, не ведая, что этим человеком является он сам.

Тайну открыл слепой провидец Тиресий. Поначалу никто ему не поверил, но потом пришло письмо от царицы Перибей. Она написала, что внезапная смерть царя Полиба позволяет ей открыть обстоятельства усыновления Эдипа. От стыда и печали царица Иокаста повесилась, а Эдип ослепил себя золотой застежкой, снятой с ее одежды.

В Риме слово «инцест» первоначально означало лишь ритуальное осквернение, например лишение девственности весталки. Потом этим словом стали называть преступление. Наказуемой считалась связь между

кровными родственниками сначала до шестого колена, позже — до четвертого.

(Раз уж я заговорила на эту тему, хочу заметить: по утверждениям психоаналитиков, половое влечение между отцом и дочерью — как и между сыном и матерью — заложено в каждом человеке с раннего детства. В виде нераскрытых желаний оно хранится в памяти современного человека. Случаев инцеста в настоящее время ничуть не меньше, чем в описываемый период древней истории. Современными исследованиями установлено, что от полутора до пяти процентов людей когда-либо сталкивались с инцестом — и это в культурных, высокоразвитых государствах. Нужно также учесть, что известными становятся один из примерно двадцати случаев. Согласно исследованиям Вашингтонского университета, за год по стране инцест нарушается до ста тысяч раз. Только одна из пяти девушек переживает последствия инцеста без вреда для психики. У прочих остается чувство собственной неполноценности. И только 15—20 % инициаторов инцеста подпадают под категорию психопатов или педофилов.)

Тот факт, что девочка больше мальчика интересуется своей внутренней жизнью, делает ее особенно любопытной к тайне деторождения. Как в недавнем прошлом, так и в настоящее время многие семьи продолжают жить в стесненных условиях. Все члены семьи спят в одной комнате, на соседних кроватях. Ночные «взрослые игры» будоражат воображение девочки, будят в ней страсть. Уважение к матери наталкивается на стремление к самоутверждению, и тогда дочь старается принизить мать в глазах отца для того, чтобы завоевать для себя отцовскую любовь.

Л. Толстой точно подметил: «Каждая счастливая семья похожа друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Сегодняшнее большое число несчастливых семей в нашей стране (или неблагополуч-

ных; называйте их, как хотите, смысл от этого не изменится) — наследие той жизни, которой все мы жили совсем недавно и которую, как сказал поэт, трудно назвать жизнью. Но если присмотреться повнимательнее, то семей, в которых все не так уж гладко, окажется намного больше. Просто многие стараются спрятать свои проблемы за внешним благополучием.

Бывает так, что муж с женой не подходят друг другу в сексуальном плане или один из супругов жаждет теплого человеческого общения, не помышляя о сексуальной связи. Если один из этих супругов отец, он невольно старается сделать дочь «хозяйкой дома». Потом уже само собой доходит до физического контакта между отцом и дочерью.

Для девочки это редко проходит бесследно. Вытесненное из сознания чувство вины отягощает ее, нередко оказывает опустошительное воздействие: подрывает ее самоуважение, сказывается на ее отношениях к представителям мужского пола и сексу, ее роли жены и матери.

Нельзя сказать однозначно, кто больше виноват в такой судьбе: еще не подросток дочь или отец, инстинктивно влюбленный в родную кровь. Естественно, дети требуют внимания и ласки, но все же определенных нежностей, чувственных объятий и поцелуев родителям следует избегать.

В древности, когда дочь достигала «опасного» возраста половой зрелости, ее отгораживали от мужского мира. У греков, достоверно излагавших историю человеческих взаимоотношений на примере божественных мифов, был рассказ о Данае, дочери аргосского царя Акрисия. Узнав от Дельфийского оракула, что ему суждена смерть от руки внука, царь Акрисий упрятал дочь в темницу. Но даже такая предосторожность не помогла Акрисию: Зевс пролился золотым дождем, проник в темницу и овладел заточенной Данаей. Когда родился

мальчик, названный Персеем, царь Акрисий приказал заточить мать и сына в ящик и бросить в море.

Даная и Персей были спасены Диктисом на острове Сериф. Когда Персей вырос и стал героем, Полидект предложил ему добыть голову Горгоны Медузы. Персею при поддержке Афины и Гермеса и с помощью грай удалось получить от нимф шлем, крылатые сандалии и суму. Он обезглавил одну из трех Горгон, смертную Медузу, пользуясь щитом как зеркалом во избежание ее губительного взгляда. На обратном пути он освободил деву Андромеду от морского чудовища, которое обратил в камень с помощью головы Медузы.

Персей вернулся с Андромедой, ставшей ему женой, отдал Диктису власть над Серифом и вместе с Данайей и Андромедой отправился в Аргос. В Лариссе во время игр он случайно убил диском своего деда Акрисия, после чего стал владыкой Аргоса.

ЭПОХА АНТИЧНОСТИ

Не только в седой древности, но и в классическую эпоху в греческих городах для девушек и женщин, независимо от возраста, существовали особые женские покои на верхнем этаже жилища, которые для надежности запирались на замок.

Следует сказать, что подобные нравы сохранились у многих народов мира до наших дней. Тот, кого интересуют подробности этого вопроса, при желании может найти описание традиционного обычая инициации в многочисленной этнографической литературе. Меня же больше интересует человеческое чувство любви и связанные с ним взаимоотношения: была ли в древности первая любовь? Какие переживания испытывали наши далекие предки, оказавшись во власти любовной страсти?

Ответ на эти вопросы попробуем найти у Сапфо, современницы Архилоха, которую великий философ Платон назвал «десятой музой». Один из современных западных исследователей древней культуры писал о ней: «Сапфо, несомненно, принадлежит к числу величайших поэтических гениев всех времен. Ее песни на протяжении веков оставались образцом эротической поэзии, образцом, которому часто старались подражать, но с которым редко удавалось сравняться».

Поэтесса считала чистой радостью жизни, особенно радость любви, тем счастьем, к которому должен стремиться человек. Ее стихи — откровенное исповедание яркой чувственности без всякого лицемерия. Когда читаешь строки ее стихов, создается впечатление, что Сапфо неведомо какое другое божество, кроме богини любви.

Эпиграфом к ее стихам можно было бы поставить ее же слова, в которых она признается в своей пылающей страсти: «Эрос вновь мучит меня силой своей. Сладость и горечь в нем, могучем чудовище».

*Мать милая! Станок
Стал мне постыл,
И ткать нет силы.
Мне сердце страсть крушит;
Чары томят
Киприды нежной.*

С такой пламенной силой, чисто по-женски, выражает первую потребность девушки в любви великая поэтесса древности. В другом ее стихотворении читаем:

*Словно ветер, с горы на дубы налетающий,
Эрос души потряс нам...
Страстью я горю и безумствую...*

Девушка чувствует приятное томление, потребность в прикосновении чужой руки, губ, незнакомого тела. Она одновременно жаждет и боится встречи с первой любовью. Любовь имела для обоих полов далеко не одинаковое значение: если в жизни мужчины она была второстепенной, то для женщины составляла собственно жизнь.

*Богу равным кажется мне по счастью
Человек, который так близко-близко
Пред тобой сидит, твой звучащий нежно
Слушает голос
И прелестный смех. У меня при этом
Перестало сразу бы сердце биться:
Лишь тебя увижу, уж я не в силах
Вымолвить слова.*

*Но немеет тотчас язык, под кожей
Быстро легкий жар пробегает, смотрят,
Ничего не видя, глаза, в ушах же —
Звон непрерывный.
Потом жарким я обливаюсь, дрожью
Члены все охвачены, зеленее
Становлюсь травы, и вот-вот как будто
С жизнью прощусь я.*

В те далекие времена (впрочем, как и во многих культурах и традициях до недавних пор, а у некоторых народов до сих пор) не было еще свободного знакомства и женитьбы по любви. Платон в своем проекте идеального государства предлагал, чтобы молодым людям хотя бы раз в год в дни общественных праздников в хоровах разрешали знакомиться друг с другом и находить друг друга по личной склонности и симпатии. Но в условиях городской жизни такое предложение звучало как утопия. В Афинах молодая девушка не могла выйти на улицу без строгого присмотра и надзора, да и на улице не отваживалась поднять глаза. «Любовь», «склонность» были для нее абстрактными словами. Отец выбирал ей жениха по собственному усмотрению, а во многих знатных семействах подходящий супруг намечался девочке сразу после рождения.

В деревнях, где девушки с ранних лет помогали старшим во всякой работе по дому и вне дома (в пору жатвы или во время уборки винограда) и где они сами должны были пасти мелкий скот, дело обстояло совершенно иначе.

С давних пор свидания любили назначать возле колодцев. Это было идеальное место, где молодой человек мог встретить свою девушку, а сват выбрать невесту.

«Ищи себе жену в богатом водой Удумми, у источников найдешь женщин, набирающих воду. Подожди там день, два или шесть дней; тебе не надо отправлять-

ся в чужие края, чтобы найти себе суженую», — говорится в угаритском тексте 1200 г. до н. э.

У колодца можно было встретить девушек, близких по происхождению. Именно у колодца в Харране, в Арамейской земле, состоялась встреча первой любовной пары Библии:

«Когда Иаков увидел Рахиль, дочь Лавана, брата матери своей, и овец Лавана, брата матери своей, то подошел Иаков, отвалил камень от устья колодезя и напоил овец Лавана, брата матери своей. И поцеловал Иаков Рахиль, и возвысил голос свой и заплакал» (Быт. 29, 10—11).

Поцелуй, возвышение голоса и плач являются проявлением страстного чувства. Даже великие герои Гомера громким смехом и плачем выражали как радостные, так и горькие чувства.

«Уста возлюбленной моей подобны бутону, который я жажду открыть своими губами», — пел в незапамятные времена египетский пастух.

«От губ твоих мое тело трепещет, словно тростник», — вторила ему пастушка.

В шумерской любовной песенке девушка пела: «Возлюбленный, сокровище сердца моего, ты силен, словно лев, от поцелуя твоего кружится голова, хочу ласкать тебя, объятия твои горьки и сладки как мед».

Неотделимы от первой любви разлука, тоска, печаль и слезы. О них много говорится в пастушеских песнях, потому что с наступлением зимы пастухи уходили на новые пастбища, и никто не знал, увидятся ли снова пастух и пастушка следующей весной.

В одном древнеегипетском любовном стихотворении говорится о покинутой тоскующей девушке. Она сидит у колодца и смотрит, как жук копошится в песке. Ее приятель пастух ушел со своим стадом. Девушка рисует на песке магический круг, втыкает в середину палку, обвязывает жука нитью и прикрепляет другой конец

нити к палке. Она бормочет магические заклинания и следит, как черный навозный жук, который считался в Древнем Египте вестником судьбы, приметой счастья, медленно ползет по кругу, как все короче становится нить. Девушка молит богов о том, чтобы точно также сократилось расстояние от нее до возлюбленного.

Сходные чувства высказаны и в другом древнеегипетском стихотворении: «Ах, поспеши к сестре твоей, подобно газели, что мчится через пустыню; ноги ее дрожат, тело ослабело, и всю ее охватил страх. Охотники гонятся за ней, она не видна в облаке пыли, нет ей отдыха, покуда не переплывет реку, — и вот ты, наконец, в объятиях сестры твоей. Здесь ждут тебя любовь и счастье, друг мой».

Новых высот любовное чувство достигает у римских поэтов. В поэзии Катулла, Тибулла, Овидия, Горация и Вергилия любовь утончается и приобретает неведомые ранее свойства.

Катулл, один из крупнейших неотериков (римских поэтов середины I в. до н. э., впервые утвердивших подход к литературе как к искусству), в своей поэзии воспел и прославил не только культ дружбы, лишенный оттенков прежних официальных «дружб», как, например, у Цицерона. В его строках — легкая игривость, вместе с которой в поэзию впервые пришли обычные житейские темы, понятие «досуга», противопоставленного «делу».

Неменьший интерес представляют любовные элегии Катулла, благодаря которым поэт вошел в историю мировой поэзии. Полные безудержной страсти и поэтической выразительности, они представляют собой историю пережитой поэтом любви к Клодии — прекрасной, но легкомысленной замужней сестре народного трибуна, Клодия, воспетой им под именем Лесбии. Свежесть и естественность мыслей, неподдельные чувства, сочетание нежности и язвительности — все есть в поэтичес-

ких строках Катулла, певца любовного изобилия и умеренных страстей.

Как и большинство других римских поэтов-лириков, Катулл вел разгульную жизнь. Он вращался в кругах молодежи, которая все прощала, потому что сама делала то же самое. Любовные песни Катулла за две тысячи лет не потеряли своей свежести и естественности.

«Для Катулла предмет поэзии только то, что он чувствует, — писал его немецкий переводчик прошлого столетия Прессель. — Он пишет стихи под властью ненависти или любви, радости или печали, передает исключительно настроение своей души, хотя бы и мимолетные. Потому от его стихотворений веет свежестью, они произведения минуты, непридуманные, безыскусственные. Изображает ли он порывы чувственности словами, откровенными до неприличия, бичует ли язвительными насмешками могущественных людей, как, например, Цезаря, — он всегда оригинален. В нем проявляются последние силы умирающего республиканского духа».

В своей жизни Валерий Катулл встретил женщину, которая не только влила глубокую печаль в его стихи, но и повлияла на всю его жизнь. Звали ее Клодия. Обычно римские поэты не называли в стихах настоящих имен своих возлюбленных, а сочиняли для них поэтический псевдоним. Так в произведениях Катулла появилась Лесбия. Аристократического происхождения, она принадлежала к патрицианскому роду Клавдиев и была сестрой Публия Клодия Пульхра, известного своей дурной славой и преследованием Цицерона.

Его сестра также была известна не только своей красотой, но и безнравственной жизнью. Она бесстыдно предавалась пламенной чувственности и своими чарами завлекла в свои сети многих знатных легкомысленных юношей, хотя и была замужем за Квинтом Метеллом

Целером. Когда он внезапно умер во цвете сил и лет, распространились слухи, будто Клодия с помощью яда избавилась от супруга.

Будучи женщиной образованной, знакомой с греческой поэзией, Клодия и сама пробовала свои силы в поэзии. Возможно, именно поэтому она обращала свое внимание преимущественно на талантливых молодых людей и не пренебрегала никакими средствами, в том числе и материальной поддержкой, чтобы удержать их возле себя.

Неравнодушный к женским прелестям, в один прекрасный момент Катулл, который был на семь лет моложе Клодии, попал во власть ее обаяния и очарования. Со всей своей горячей юношеской страстью он отдался ей, воображая, что только он один пользуется ее благосклонностью.

*Жить и любить давай, о Лесбия, со мной!
За толки стариков угрюмых мы с тобой,
За все их не дадим монеты медной!
Пускай восходит день и меркнет тенью бледной:
Для нас, как краткий день зайдет за небосклон,
Настанет ночь одна и бесконечный сон.
Сто раз целуй меня, и тысячу, и снова
Еще до тысячи, опять до ста другого,
До новой тысячи, до новых сот опять..
Когда же много их придется насчитать,
Смешаем счет тогда, чтоб мы его не знали,
Чтоб злые нам с тобой завидовать не стали,
Узнав, как много раз тебя я целовал.*

Но счастье Катулла длилось недолго. Однажды поэт узнал, что Клодия, находясь с ним в самых близких отношениях, состояла в интимной связи и с другими молодыми людьми. В порыве ненависти он решил бросить возлюбленную, но привязанность к ней оказалась на-

много сильнее чувственного порыва. Он долго колебался, потому что продолжал любить эту женщину.

Клодия сумела не только удержать Катулла рядом с собой, но и заставила любить по-прежнему, считать себя счастливым в ее присутствии. В его стихах снова зацвела любовь. Но возврат к прежним отношениям не был продолжительным. После очередной измены со стороны Клодии поэт принял твердое решение покинуть возлюбленную и не возвращаться к ней. В стихах начинает сквозить явное охлаждение к «падшей женщине», хотя страсть то и дело вспыхивает в нем с прежней силой.

Но Клодия не пала духом. Она пустила в ход все свои чары, все свое обаяние, чтобы вернуть к себе Катулла. Она видела и понимала, что поэт колеблется, продолжая ее любить.

И все же весной 57 г. до н. э., после четырех лет любовной связи, Катулл оставляет Клодию. Зная, что время лечит, он отправляется в провинцию Вифанию. Позже, когда он вернулся в Рим, Клодия попыталась снова сойтись с ним, но ее попытка не имела успеха. Катулл писал об этом:

*Прежней любви ей моей не дожждаться,
Той, что убита ее же недугом,
Словно цветок на окраине поля,
Срезанный плугом...*

Сердечный роман Катулла оказался неудачным, но он сильно повлиял на направление его поэтического творчества, до того сильно, что многие критики продолжают делить поэтическое творчество поэта на три периода: до встречи с Клодией-Лесбией, во время любовной связи с ней и после разлуки. Как бы там ни было, но любовь этой женщины не только окрасила поэзию

Катулла всеми цветами радуги, но и накинула на нее траурный флёр, от которого поэт не освободился до самой смерти.

Римские поэты воспевали любовь как величайшее откровение человека перед человеком. Прославляя обнаженное женское тело и посылая проклятия скрывающим его одеждам, они говорили не просто о телесной открытости. Они утверждали человеческую открытость вообще, ту распахнутость, которая должна была открыться влюбленным все друг в друге. О том же говорит и обнаженность античных статуй.

В любви для них все было естественным и не запретным. Потому и Овидий так прямо и откровенно писал об интимных подробностях любви в трех книгах «Любовных элегий», сделавших его знаменитым.

Он жил в золотой век римской литературы, был окружен славой талантливого писателя, достиг высокого служебного положения, но в один прекрасный момент должен был расстаться не только с городом, в котором жил и был счастлив, но и уехать в далекую область, на край империи, в город Томы на Черном море (нынешняя Констанца).

Историческое предание говорит о том, что причиной ссылки Овидия на окраину империи послужили его «Любовные элегии», которые якобы развращающим образом действовали на дочь и внучку императора Августа. Есть даже мнение, что легкомысленные воззрения поэта на любовь противоречили стремлению императора Августа бороться с упадком нравов. Во всяком случае любовный момент сыграл несомненную роль в изгнании Овидия, как и во всей его жизни, переполненной примерами любовного экстаза. В одной из своих элегий сам Овидий признавался:

*Сердцем я мягким владел и стрелам Амура доступным,
Повод ничтожный во мне чувство любви возбуждал.*

Чувственная любовь, которая у Тибулла прикрывалась завесой стыдливости, а у Проперция была открыта, как законное право мужчины, у Овидия приняла характер сластолюбия. Ни у одного другого римского поэта так ясно и откровенно не отражаются сладострастие и легкомыслие образованного общества, и «никто из других поэтов не отдавался с таким открытым увлечением, как он, сластолюбую этой эпохи изящества».

Поэтому нет ничего удивительного в том, что поэт попал в сети своей собственной чувственности. Овидий был женат трижды. Первый раз он женился в раннем возрасте на девушке знатного рода. Сделал он это не по собственному желанию, а по требованию отца, который надеялся женитьбой вырвать сына из круга беззаботной молодежи, которая прожигала жизнь в безделье, постоянных кутежах и любовных утехах. Сам поэт позже так писал об этом:

*Чуть ли не мальчиком мне недостойную женщину дали
В жены, но с нею мой брак краток, по счастью, был.*

Расчет отца не оправдался. Овидий и после женитьбы не оставил прежний образ жизни. Будучи женат, он имел любовную связь с женщиной, которую воспел в своих элегиях под именем Коринны. Овидий развелся с женой и женился вторично, но и второй его брак оказался неудачен. Причину последовавшего развода следует искать скорее всего в легкомысленности самого поэта, тем более, что о разводе на этот раз хлопотал не он, а родители его второй жены, хотя у нее и было от Овидия двое детей.

После развода поэт предался загулам. Он постоянно проводил время в обществе развращенной молодежи, в кругу которой занимал почетное место еще до женитьбы.

Наконец Овидий женился в третий раз. Странное дело, но с этой минуты жизнь его в корне переменялась. О прежнем разгуле и развратных кутежах не осталось и помина. Как тут не сказать, что перемена в жизни поэта была связана с Фабией, его третьей женой и преданной подругой, которая ни разу не изменила ему и оставалась с ним до конца жизни. До замужества с Овидием Фабия уже побывала замужем, от первого брака у нее была взрослая дочь. Принадлежа к знатному роду, она приблизила Овидия ко двору императора. Влюбленная в поэзию, она благотворно влияла на его поэтическое творчество и гордилась его славой поэта. Сам Овидий тоже не без умиления говорит о ней при перечислении своих жен:

*Третья, со мной неразлучно прожившая долгие годы,
Ссылного даже женой не отказалась быть.*

И действительно, когда поэт был отправлен в далекую ссылку, Фабия не оставила его:

*Крепко обнявши руками изгнанника шею супруга,
Слезы из глаз у меня речью своей извлекла.
«Нет, не оставляю тебя, и были, и будем мы вместе, —
Молвила, — с ссылкой пойдет ссылкой за ним и жена.
Мне не закрыта дорога, с тобой на чужбину я еду
И на изгнанника челн легкою ношей сойду.
Кесаря гнев из отчизны тебя изгоняет, меня же
К мужу любовь; пусть любовь кесарем будет моим».*

Поэт умер в изгнании, так и не дождавшись освобождения. Фабия не последовала за ним только потому, что на том настоял сам Овидий. Ему хотелось, чтобы жена осталась в столице и присмотрела за имуществом. И Фабия покорно исполнила его волю.

Ради справедливости следует сказать, что пример Фабии почти единичный случай в жизни великих по-

этов древности. Немногие женщины до нее и после нее смогли подняться до такой самоотверженности и преданности.

Пример Фабии заслуживает внимания еще и потому, что Овидий не принадлежал к числу мужей, которые умеют приковать к себе женщину своей преданностью, верностью, обходительностью. Одно то, что ему принадлежала поэма «Искусство любить» — название которой так точно передают слова Пушкина: «наука страсти нежной», свидетельствует о том, что приковать такого человека к семейному очагу было подвигом. Тот, кто знаком с содержанием этой поэмы Овидия, наверняка знает, что в ней перечислены практические советы и средства, с помощью которых мужчина может завоевать любовь женщины, а женщина — любовь мужчины. Это произведение не оставляет сомнения в том, что его автором мог быть человек, искушенный в проповедуемой им науке, тем более, что порок везде рисуется им в самой соблазнительной форме.

Овидию также принадлежит и другая поэма, составляющая как бы дополнение и противовес первой, — «Лекарство от любви». В ней он учит, как избавиться от цепей Амура.

«Словом, это был человек, искавший в жизни одних только удовольствий, человек, для которого наслаждения составляли все содержание бытия, — писал о нем М. Дубинский. — Приручить такого человека и удержать на высоте, на которую он поднялся на крыльях таланта, сделать это, повторяем, — величайший героизм, и подвиг этот совершила его жена Фабия».

К опозитизированным телесным тяготениям у Овидия прибавляются эстетические свойства. Это было связано с постепенным уходом в прошлое неразвитости личностного начала в человеке, узости связей между людьми. Личность начинала обособляться от общества, все больше осознавая свои частные интересы, которые выдвигают

лись на первый план. Вслед за личностным обособлением резко углубляется любовное чувство. Любовь попадает под увеличительное стекло, постижение ее ценности становится более обширным. Любимый человек отделялся от других людей, в нем все было особенным и неповторимым. Вот почему в лирике появляется немислимый раньше мотив верности в любви.

В античные времена любовь становится союзом двух полноценных личностей, которые неповторимы. Она также означает незаменимость. Поскольку все это происходило в эпоху господства патриархата, то любимая женщина была не просто одной из женщин. Для влюбленного мужчины она становилась Женщиной — воплощением всего женского рода. Поэтому совсем неслучайно именно на классический период античности приходится время наибольшей женской эмансипации. Давайте посмотрим на судьбу женщины того времени и попробуем сравнить ее с той судьбой и той ролью, которые выпали на долю нашей современницы.

На положении женщины сказались... завоевательские походы Александра Македонского. Вызванная этими походами всемирно-историческая буря смела со своего пути все старое, отжившее и связала между собой не только разноплеменные народы, но и их культуры. Благодаря этому историческому обстоятельству новые взгляды проложили себе дорогу почти во всех областях мысли и даже в религии.

Смешение народов сопровождалось, в первую очередь, множественными смешанными браками. Сам Александр Великий после покорения Персии женился на Статире, дочери персидского царя Дария, положив начало массовым свадьбам между македонянами и персиянками, что должно было символизировать «примирение» двух народов.

Но не только представители царских и аристократических родов вступали в смешанные браки. В одном

из древних папирусов можно прочесть о македонянце Махатасе и его жене Азии, которые жили около 250 г. до н. э. в Фаюме, к югу от Каира, современной столицы Египта. В то время как муж оставался верен греческим богам, своей жене он позволял поклоняться сирийской богине Кибеле. Их дети стали молиться как Зевсу, так и Кибеле. В другом папирусе говорится о том, что македоняне не только не запрещали своим женам молиться прежним богам, но порой и сами молились вместе с ними. Так был сделан первый шаг к женской эмансипации.

В представлениях тогдашних людей человек являлся микрокосмом, миром в малом, а космос — макрокосмом, человеком в большом масштабе. Одновременно с расширением географических горизонтов происходило расширение человеческой мысли, возникало новое гуманистическое представление о жизни. Принцип этого гуманизма сформулировал современник Александра Македонского, греческий драматург Менандр: «Бог один для всех — и для свободного, и для раба»; «Ни один человек мне не чужд, ибо от природы все люди равны». Менандру принадлежит и такая знаменитая фраза: «Что за славное существо человек, когда он человек». В представлении Менандра, цивилизованная сущность человека лежит в основе идеала «*homo humanus*» — «человечный человек». Он на равных правах включал в это понятие и женщин, и рабов. Острый наблюдатель человеческого поведения и страстей, он снисходительно относился к людским слабостям и проявлял глубокое понимание женской натуры.

С психологической точки зрения женщину открыла эпоха эллинизма. Измененное положение женщины неизбежно повлекло за собой и новое отношение к браку. Философ Аристотель, воспитатель и домашний учитель Александра Македонского, призывал пересмотреть взгляды на женщину и на брак. Он утверждал, что брак

должен служить не просто получению потомства, а быть сообществом двух людей, объединившихся ради выполнения общих задач. Задачи эти разделены, работа у каждого разная; оба «помогают друг другу, при этом каждый вносит свой вклад в целое, находя в таком содружестве пользу и удовольствие». Брак имеет нравственную основу, если нравственны оба супруга; как ни различны их сущности, у каждого свое достоинство; такие отношения могут принести и телесную радость. Аристотель считал оскорблением «всякую любовную связь мужчины вне дома». Для нравственной чистоты человеку необходимо почитать богов, уважать родителей, хранить верность в дружбе и браке.

Другой древний философ, Плутарх, осуждал мужчин, которые наскоро женились, насладились женами, а затем отказались от брака ради увлечений на стороне или, сохранив брак, «не заботятся всерьез о том, чтобы любить и быть любимыми». В брачной связи существенна взаимная склонность. Настоящая любовь в браке означает, что нет моего и твоего «для тех, чьи тела разделены, но души едины и слиты, кто не хочет думать и не считает, что их двое». Плутарх пришел к выводу: «Любить в браке — большее благо, чем быть любимым».

Еще один древний мыслитель, софист Никострат, так охарактеризовал новое представление о браке: «Ни с кем не говорит мужчина о своих тайнах, кроме своей жены, и говорит с ней, как с самим собой, ибо душа у них едина».

Общее духовное обновление способствовало освобождению женщины. За триста лет до начала нашей эры эмансипация женщины достигла такого уровня, какого не знала древность и какого еще долго не могло достичь христианское общество. Освобожденная от отгороженного домашнего мирка, женщина получила возможность приобщиться к открытому для нее образова-

нию. Она стала заниматься философией, которая до той поры считалась чисто мужским делом. Образованные ученицы стали часто и открыто появляться рядом со своими учителями как в учебных заведениях, так и во время их выступлений на улицах, рынках и площадях.

Древняя Академия связала платоновские идеи с пифагорейскими. Идеи при этом нередко выражались математическими понятиями. Объяснялось, что в основе мира лежит различие между единством и множеством, что из двух разных элементов можно сделать одно целое. Школа пифагорейцев, замкнутое религиозно-этическое сообщество, отличалась от других академий строгостью нравов и обычаев, чем привлекла немало женщин. Пифагорец Финтий учил: «И мужчине, и женщине присущи храбрость, разум и справедливость, только в одних добродетелях больше приходится упражняться мужчине, в других — женщине». Он призывал женщин быть «скромными и благоразумными», одеваться просто, без украшений.

Новое свободное умонастроение выразила пифагорейка Феано. Вслед за Платоном она объявила единую нравственную меру для обоих полов: «У плохого человека нечистая душа, у хорошего — чистая. Ни хорошему человеку, ни богу не пристало брать что-либо у нечистого».

Последней пифагорейкой была Гипатия (370—415 гг. н. э.). Дочь математика Феона Александрийского, она руководила школой, учила математике, философии и писала книги, которые, к сожалению, до нас не дошли. Ее убили христиане-фанатики, школа же была сожжена.

Доступ к образованию изменил самооценку женщин той эпохи. Многие из них занимались не только науками и искусством, но также втягивались в политическую борьбу за власть. Но то ли излишняя поспешность

в эмансипации, то ли чрезмерное честолюбие, то ли стремление к успеху позже открыли путь к разрушительным силам. Некоторые из коронованных женщин действовали с пользой, другие — наоборот, жертвовали благополучием страны ради своих, поистине «македонских», страстей.

Наиболее яркими представительницами из замечательных женщин той эпохи стали Арсиноя и Клеопатра.

В возрасте 38 лет Арсиноя вышла замуж за своего 30-летнего брата Птолемея II. Именно она побудила младшего брата к вступлению в брак, проявив полное пренебрежение к обязательному запрету в обществе на инцест. Придворный поэт Феокрит в своей хвалебной песне сравнил эту связь с браком Зевса и Геры, которые тоже были братом и сестрой. Он назвал это таким же исключением, какие дозволены только богам.

Сам Птолемей II Филадельф был не столько крупным полководцем, сколько государственным деятелем. Он обеспечил экономический подъем своей стране и привел ее к такому благосостоянию, которого она прежде не знала. Птолемей покровительствовал наукам, искусствам и культуре, превратил свою столицу Александрию в один из важнейших центров античного мира.

Арсиноя фактически правила вместе с ним. Она взяла на себя значительную часть государственных дел. Одно время она даже царствовала над фракийцами, македонянами и египтянами. Благодаря ей Птолемей осуществил замечательные культурные начинания. Так, в столице Александрии на государственные средства был основан Мусейон. Это был не музей, а своего рода исследовательский институт, в котором на самом современном для той поры уровне занимались не только поэзией и философией, но также астрономией, математикой, ботаникой и зоологией. На тер-

ритории Мусейона находилась знаменитая Александрийская библиотека, в хранилищах которой было около 500 тысяч свитков. Именно Арсиноя привлекла в Мусейон лучшие умы своего времени и вела там дискуссии с учеными и поэтами. Для обширной библиотеки были сделаны списки со всех известных произведений греческой классики и переведены на греческий язык иноязычные книги, в том числе Библия. По легенде, свитки произведений античных авторов были переданы в Александрию для переписи афинянами, которые запросили за них непомерно высокую цену в качестве залога. Птолемей согласился заплатить, но не вернул свитки обратно в Афины.

Многие открытия впервые были сделаны именно в александрийском Мусейоне. Так, одним из хранителей библиотеки был ученый Эратосфен, который при составлении карты Земли впервые начертил сетку из семи параллелей и семи меридианов, пересекавшихся под прямым углом. Чтобы вычислить радиус Земли, он отправился на остров Родос и в город Сиену, где произвел ряд астрономических наблюдений. Несмотря на примитивные средства измерения, ученый допустил при вычислении окружности Земли и ее диаметра сравнительно небольшую ошибку — против действительной длины земной оси погрешность Эратосфена составила всего 75 км. Другой александрийский ученый, Евклид, своим математическим сочинением «Элементы» положил начало систематическому изучению этой науки. Его труд был главным источником для изучения математики вплоть до XIX в. А живший в Александрии изобретатель Герон своими работами далеко опередил свое время. Он был первым, кто построил паровую машину, повторное изобретение которой в XIX в. совершило настоящий переворот в промышленности. Далекими шагнули в Александрии и естественные науки. Астроном Аристарх Самосский еще в III в. до н. э., за 1700 лет до от-

крытия Коперника, пришел к выводу, что Земля — шар, который вращается вокруг своей оси и вокруг Солнца одновременно, так же, как и другие планеты. Большинство древних ученых считали его безумцем, но Аристарх Самосский был непреклонен в отстаивании своей правоты. Ученик Аристотеля — Теофраст, живший в Александрии, заложил основы ботаники. В своем объемном труде о растениях он дал подробное описание всех известных ему экземпляров и показал зоны распространения растений в зависимости от климата и почвы произрастания. Александрийские медики стояли у истоков развития таких наук, как анатомия и хирургия. Врач Герофил был первым, кто в древние времена производил анатомические исследования на трупах людей. Благодаря ученым-врачам в столице Египта появились первые в мире больницы и прообразы аптек при них. Как специализированный вид медицинского учреждения аптеки были открыты значительно позже, в тех же странах Востока, но уже в средние века.

Эллинизм как всемирно-историческое явление достиг вершин в области политической, социально-экономической и культурной во времена Арсиной. Позже начался упадок эллинистических государств в результате соперничества между ними и внутреннего разложения. Конец эллинизму положили римские завоевания. Однако в последнем акте этой драмы на исторической сцене неожиданно появилась еще одна великая египтянка, наследница Птолемеев, — Клеопатра VII. Пожалуй, она была самой знаменитой и вызывавшей больше всего споров царицей той эпохи.

Судьба этой женщины тесно переплетена с историей двух величайших держав античности — Египта и Рима. Если судить по изображениям на монетах, то она не была слишком красива, но, очевидно, компенсировала этот недостаток очарованием и умом. По словам Плутарха, ее красоту «саму по себе нельзя было назвать несрав-

ненной или непременно пленяющей любого, кто видел ее. Однако, общаясь с ней, невозможно было противиться ее очарованию; очаровывали и облик ее, и искусство в речах, и пленительное обхождение».

Клеопатра родилась в Александрии. Здесь она посещала уже упомянутый Мусейон, изучила шесть языков, была всесторонне образованной женщиной того времени. Единственная из всех Птолемеев, она свободно говорила по-египетски и знала местные культы, чем снискала любовь народа.

Как и Арсиноя, Клеопатра вышла замуж за своего брата Птолемея XIII. Но уже в самом начале ее пребывания у власти в государстве начался политический кризис, вызванный несогласием высоких сановников с методами правления царицы. Целеустремленная и волевая женщина, Клеопатра не пожелала склониться перед требованиями царских чиновников. Окружение ее слабого брата-супруга добилось изгнания Клеопатры. Это произошло в 48 г. до н. э., когда в Египте высадился римский полководец Юлий Цезарь, чтобы выступить «посредником» в конфликте. 52-летний Цезарь был очарован 21-летней египетской царицей и вернул ей власть над страной.

Римские писатели не поскупились на самые унижительные сплетни в адрес Клеопатры: она была объявлена «безнравственной» и «распутной». Но гордая египтянка никогда не дарила свою благосклонность кому попало и была очень разборчива в своих отношениях. Прежде всего она была политиком и, даже плененная духом «великого римлянина», помнила о своих политических интересах.

В 47 г. до н. э. Клеопатра родила Цезарю сына Цезариона. В том же году Цезарь покинул Египет и был коронован римским сенатом первым императором Римской державы. По его приглашению Клеопатра прибыла спустя три года в Рим, чтобы показать отцу сына

и продолжить прерванную совместную жизнь с Цезарем. Но связь, которая могла изменить мировую историю, прервалась со смертью Юлия Цезаря, который был убит 15 марта 44 г. до н. э. в результате заговора, подготовленного его бывшими единомышленниками и сенатской аристократией.

Клеопатра чуть было не стала римской «императрицей», а сын двух великих родителей, потомок греко-македонских кровей, — правителем объединенных держав. После убийства Цезаря Клеопатра была вынуждена вернуться на родину. На этом, однако, ее связь с Римом не прервалась.

Трон и сама автономия Египта вновь оказались под угрозой, когда в 41 г. до н. э. здесь появился полководец Марк Антоний. Он был вторым человеком в Римской империи и делил власть с будущим императором Августом (тогда его еще звали Октавианом). Октавиан осуществлял управление над западными областями государства, Антоний — над восточными. По прибытии в Египет Антоний преследовал корыстные интересы, но, увидев египетскую царицу, пленился ею еще сильнее, чем Цезарь. В тот момент ему было 40, а ей — 28 лет. Несмотря на то, что Антоний уже был женат на сестре Октавиана, Октавии, он взял Клеопатру в жены. Согласно римским законам, это было двоеженство, но с точки зрения восточного права — явление абсолютно нормальное.

Конечно, заключая брачное соглашение с египетской правительницей, Антоний оставался расчетливым политиком, преследовавшим собственные интересы. Он надеялся на то, что громадные сокровища Египта и преданные легионы помогут ему одолеть главного политического конкурента на родине — Октавиана. С помощью Клеопатры Антоний хотел осуществить свою юношескую мечту — стать вторым Александром Македонским и завоевать весь Восток. Однако и Клеопатра

не была обделена в этом браке. В качестве свадебного подарка римский полководец преподнес ей богатые области Крита и Киликии. Таким образом Египет получил важные экономические и военные опорные пункты за пределами государства.

В том же году Антоний начал давно задуманную войну против парфян, которая закончилась полным разгромом его армии. Историки уподобляют неудачную парфянскую кампанию с наполеоновским походом на Россию. Потерпев полное поражение на Востоке, Антоний в закрытой повозке бежал в Александрию. Клеопатра, выехавшая навстречу, привезла ему деньги, одежду и великодушно предоставила в распоряжение супруга другие средства для подготовки нового, еще более крупного похода против парфян.

Но было слишком поздно. Неудача парфянской кампании, а также унижение, которое претерпела его сестра в результате двоеженства Антония, побудила Октавиана к решительным действиям. Он мобилизовал все военные силы Рима на суше и на море. Морская победа Октавиана над Антонием близ Акция решила исход борьбы двух политиков за первенство в римской политике и ознаменовала конец драмы египетской царицы. Характерно, что войну Рим объявил Клеопатре, а не Антонию. Это ее Рим считал врагом номер один, это она подговорила Антония отделиться от империи и угрожала мировому господству Рима!

Будучи женой Антония, Клеопатра не забыла о Цезаре. Доказательством ее верности «великому римлянину» можно считать уже тот факт, что в своем завещании она объявила Цезариона полноправным наследником своей политической власти. Возможно, этот потомок македонян и римлян, соединив в себе высокие способности отца и матери, сумел бы превзойти родителей. Но Август после победы под Акцием приказал казнить 18-летнего юношу.

Клеопатра — не первая из женщин, которая в своей переменчивой жизни нашла вторую любовь или еще раз вышла замуж. Она не забыла своей первой любви и тем не менее 12 лет питала благосклонность к Антонию. Антонию она оставалась верна даже в такой тяжелый момент, когда дальнейшая судьба ее страны оказалась под угрозой римской колонизации. Еще перед тем, как Антоний покончил жизнь самоубийством, Октавиан через посредников пытался уговорить Клеопатру убить супруга. Взамен он обещал ей полное прощение и сохранение власти над Египтом. Но гордая египтянка отказалась. В преддверии неминуемой гибели царица устроила великолепный праздник в честь дня рождения своего возлюбленного. Она обожествляла Антония, видела в нем бога Осириса, который умирает по осени и каждую весну возрождается; в себе же она видела Исиду, которая ищет умершего возлюбленного и находит.

После смерти Антония Клеопатра не дожидалась, пока ее, как пленницу, отвезут в Рим и с позором проведут по главной улице города. Она последовала примеру супруга и покончила жизнь самоубийством. Трех детей Клеопатры, рожденных от Антония, взяла к себе на воспитание Октавия, сестра будущего римского императора Августа.

Следует сказать, что такое положение женщины в античном мире больше характерно для эпохи эллинизма, чем для эпохи Римской империи. Расцвет Римской империи приходится на первые века новой эры, когда зародилось и стало распространяться христианство, которое отводило женщине пассивную роль.

Говоря о любви в древности, нельзя не сказать несколько слов о моде того времени. Издавна любой женщине известно, что ее оценивают не только по природным качествам, достоинствам, характеру и уму. О ней судят и по ее туалету. Одежда была и остается зеркалом женской сути, зеркалом ее свободы.

Египетские женщины первоначально носили легкие полотнища «без верха», обернутые вокруг бедер. Позже в моду вошла полотняная одежда с глубоким вырезом и длинными бретельками, так что часть груди оставалась открытой. Легкое открытое одеяние не только подходило к теплomu климату, оно говорило о свободном положении женщины.

О свободном положении женщин говорит одежда женщин на Крите и в Спарте. На Крите женщины носили длинные узорчатые платья, которые оставляли грудь полностью открытой. Одевание спартанки было таким, чтобы она могла широко шагать. Греческий поэт второй половины VI в. до н. э. Ивик высмеивал такую одежду, которая «бесстыдно открывает бедра».

Совершенно иная традиция существовала в Месопотамии. Там строгие обычаи требовали от женщин носить неуклюжие, похожие на длинный мешок, до самой щиколотки, платья и закутываться в покрывало.

Дождливое время года заставляло гречанок надевать шерстяные плащи, пеплосы, которые представляли собой плотные четырехугольные полотнища. В ночное время они играли роль одеяла. Их просто накидывали на плечи и закалывали булавками или застегивали пряжками.

Со времени индийского похода Александра Македонского греки узнали про хлопок — «древесную шерсть». Македонские войны привозили из Персии попавшие туда из Китая матово отблескивавшие шелка, которые продавались по баснословным ценам. Шелковые одежды считались непозволительной роскошью.

Городская мода отличалась от деревенской. Зажиточные городские жители предпочитали греческую моду с восточными элементами. Уже в те времена женщины любили прилюдно покрасоваться в дорогих обновлениях. И только сельские жительницы носили длинные простые одежды старинного образца.

Любое обновление моды, как теперь, так и в те далекие времена, вызывало возмущение у консерваторов. «Конец пришел добрым нравам! — читаем у римского философа Сенеки. — Торжествует бесстыдство в одежде! Мертвы добродетель и приличие! Человечество становится все хуже! Так говорили во времена наших отцов, так говорим мы сегодня, и тоже станут повторять завтра наши дети».

В Римской империи крайне дешевая готовая одежда почти вытеснила «домашний пошив». Крупные мастерские наводнили рынки унифицированной одеждой, не учитывавшей индивидуальность заказчика. Благодаря использованию рабского труда одежда стала дешевой. Желание быть как все превратилось для потребителей в необходимость быть как все.

Великолепие одежды дополнялось великолепием украшений, образуя единое целое. Украшения служили не только признаком роскоши, но и амулетами. Они должны были обеспечить человеку магическую защиту, поэтому мужчины тоже носили многочисленные украшения.

Египтяне, верившие в потустороннюю жизнь и будущее воскресение, клали в могилы драгоценности из золота. Уже в древнейших пирамидах были найдены изделия редкостной красоты, настоящие шедевры ювелирного искусства и вкуса: браслеты, ожерелья, бусы, цепи, пояса, диадемы, заколки для волос — все из золота, украшенного слоновой костью, аметистами и бирюзой.

Но не только наряды были известны древней женщине. Она также знала толк и в косметике.

«Превратить старуху в молодую» — такими словами начинался один из косметических рецептов. Правда, египтянки понимали эти слова в буквальном смысле: красота означала для них вечную молодость. Найденные в захоронениях притирания, горшочки с космети-

кой, карандаши для глаз, ручные зеркальца говорят о желании женщин сохранить внешнюю привлекательность даже в потустороннем мире.

Греческие женщины заботились о красоте не только лица, но и всего тела, и использовали для этого купание и спорт. Для философа Платона косметика и ухо за телом — существенные предпосылки достойного человеческого существования.

Согласно Талмуду, женщина могла тратить на одежду и украшения десятую часть денег, предназначенных на ведение хозяйства. В древности у всех цивилизованных народов употребление косметики достигло такого уровня, что вполне выдержит любое сравнение с современностью. У великого греческого комедиографа Аристофана перечисляется каталог «средств красоты», где среди всего прочего называются: красители для волос, парики, румяна, сульфид свинца, мирра, пемза, косметика из водорослей, краска для глаз, золотой порошок и золотые украшения для волос, золотые сетки для волос, косметические мушки и многое другое, чему сегодня даже не нашли названия.

Говорят, что женщине столько лет, на сколько она себя чувствует. Как теперь, так и в древности ни одна женщина не склонялась перед напором лет, чтобы не казаться старше. Одна римская матрона, достигшая определенного возраста, писала своему зятю, который находился на острове Родос: «Пришли мне баночку родосской медовой мази, которая так хорошо снимает морщины у глаз».

И все же, несмотря на приведенные факты, женщина в большей степени оставалась несамостоятельной в своих чувствах и поступках.

Человек — это прежде всего мужчина или женщина. Они различаются как своими индивидуальными чертами и способностями, так и устройством тела и множеством связанных с этим функций. Поэтому

древние философы делили людей на два типа: мужской и женский. Им приписывались разные душевные свойства и особенности, неодинаковые задатки и характер. Ученик Платона и учитель Александра Македонского философ Аристотель вообще утверждал, что существует только один тип: мужской. Женский тип он определял как негативную форму. Для него женщина является женщиной лишь из-за отсутствия мужского начала. Отсюда проистекают все ее слабости, ее неуравновешенность, чувственность и чувствительность. (Точка зрения Аристотеля примечательна тем, что она во многом оказалась решающей при определении отношения к женщине христианской эпохой.)

Противоположность мужских и женских черт характера, которые в той или иной степени есть у каждого человека, интересовала психиатра К. Юнга. Мужское начало в женщине он обозначил как «анимус», а женское начало в мужчине — «анима». Из физиологии известно, что как в мужском, так и в женском организмах содержатся гормоны противоположного пола. Следовательно, в подсознании каждый мужчина таит в себе «внутренне женское», а каждая женщина — «внутренне мужское». «Анимус» и «анима», по К. Юнгу, порождают полярность характеров мужчины и женщины с положительными и отрицательными чертами. Юнг в одной из своих книг приводит случай с пациенткой, которая считала себя особенно нежной, чувственной и женственно-мягкой. Но когда врач обратил ее внимание на присущие ей мужские черты, она в возмущении покинула клинику и больше никогда не обращалась туда за помощью.

Евреи, как и греки, считали себя особым народом, избранным, превосходящим «варварские» народы. Но и у них каждый благочестивый еврей ежедневно повторял молитву: «Благодарение господу за то, что сотворил меня язычником, непросвещенным и женщи-

ной». Только мужчина в их представлении обладал способностью возвышаться духовно и постигать бога.

Такое же отношение видим и у Сократа: «Три вещи можно считать счастьем: что ты не дикое животное, что ты грек, а не варвар, и что ты мужчина, а не женщина».

Соломону, который считался у евреев мудрейшим из царей и который имел в своем гареме более тысячи жен, принадлежит фраза: «Горше смерти женщина».

Сократ, которого греки почитали мудрейшим из мудрецов, однажды сказал: «Лучше чаша с ядом, чем Ксантиппа».

Окарикатуренный учеником Сократа — Ксенофонтом, образ Ксантиппы, жены Сократа, дошел до наших дней. Но еще во времена античности он приобрел такую известность, что многие люди стали считать, что все женщины — по сути своей Ксантиппы. Все античные комедии полны насмешек над женщинами, остроумия в духе казарменного юмора. Они должны были утвердить в мужчинах — а основную часть зрителей античного театра составляли именно они — чувство превосходства, питать их фантазии и цинизм в отношении женщин.

Греческие драматурги изображали только эротические отношения и не уставали все в новых вариациях описывать всевластие любви в ее двойственности — как высшего блаженства и жгучего страдания. Мужчины черной краской изображали на сцене характеры немногих женщин, которые причиняли им только страдания. У них даже почтенные жены втайне думают лишь о любовных интригах и изменах. Все они гетеры.

Когда знакомишься с памятниками античной литературы и письменности, не может не поразить последовательность, с какой греческие философы изгоняли из представлений о любви и браке все личные чувства. Как выразился Ф. Ницше, они «обрекали женщину на

растительное существование». Упомянутый философ Аристотель, передовой мыслитель своего времени, писал: «Женщина является женщиной в силу отсутствия мужских свойств. Мы должны видеть в женщине существо, страдающее природной неполноценностью».

Для Платона, учителя Аристотеля, подчиненное положение женщины определялось природой и находило свое историческое выражение в государственной и общественной структуре. У Менандра, который писал о женщинах, в общем, положительно, тоже срываются иногда злые слова в их адрес: «Среди странных животных, населяющих сушу и море, поистине ужаснейшее животное — женщина». У Гиппонакта Клазоменского, поэта родом из Эфеса, встречаем такое суждение: «Лишь дважды радуется тебе жена: в день свадьбы и в день ее похорон».

Симонид из Аморга сочинил «Зеркало женщин», в котором под видом басен о животных с резкими нападками обрушился на женщин. Он анализировал десять женских типов, сравнивая женщин с вонючими, ленивыми, безмозглыми, злыми, твякающими, прожорливыми, франтоватыми, находящимися с состоянием течки животными. Исключение было сделано только для тех женщин, которые без усталости трудятся и умножают благосостояние семьи.

Я привела только несколько наиболее типичных высказываний древних мужчин, которых и поныне принято считать великими. С чем было связано подобное отношение к женщине и чем оно было вызвано? Только ли личный неудачный опыт приводил к появлению столь ярых женоненавистников?

Если повнимательнее присмотреться ко всем этим высказываниям, то непременно можно заметить одну характерную особенность: и философы, и писатели по большей части говорили о женщинах во множественном числе. Они обобщенно высказывались о женской душе,

женском начале. Поэтому, как мне кажется, причиной унижения и оскорбления женщины являлись глубоко укорененные в мужском сознании религиозно-мистические мотивы.

По представлениям древних народов Зевс являлся олицетворением Неба (небесного отца), а его супруга Гея — олицетворением Земли (матери земли). Следовательно, небесное начало было мужским началом, а земное — женским. Но так сложилось лишь в исторические времена, когда на смену матриархата пришел патриархат. В архаичные времена олицетворением Неба была небесная мать, женское божество. Религиозно-мистические мотивы, о которых я упомянула, восходят именно к архаическим временам, а в эпоху патриархата были связаны с эротическим влечением и попыткой противиться ему. Ведь эротика издревле являлась как естественным законом бытия, так и одним из источников религии.

Именно поэтому с древнейших времен при храмах жили храмовые рабыни, которых в Малой Азии и Израиле называли «посвященными богу», а в Греции — «иеродулы». Уже в упоминавшемся нами «Эпосе о Гильгамеше», который возник 4 тысячи лет назад, содержится совет, обращенный к мужчине:

*Наполняй свое чрево, день и ночь наслаждайся,
Пусть каждый день тебе будет праздником радости...
Пусть будет счастлива каждая женщина на твоей груди,
Ибо в этом — радость людей...*

В древности считали, что храмовые рабыни через любовь способны привести человечество к культуре и цивилизации. Но мужчина требовал от религии не только заботы о душе, но и о чувствах. Он был убежден, что жизнь коротка, трудна и мучительна, а будущее неизвестно, поэтому нужно радоваться редким часам пра-

здника с песнями, танцами и «возвышением сердца» — совокуплением за определенную плату с храмовыми рабынями.

В Древнем Вавилоне при храмах были устроены специальные храмовые школы для девушек. В них обучали не только пению, танцам, игре на струнных музыкальных инструментах, культовым ритуалам, но и искусству любви. Богини вавилонян Инана, Нинту, Иштар и Анат почитательно именовались «небесными иеродулами». В Вавилоне были состоятельные иеродулы из лучших семей, которые могли выходить замуж, получая при этом статус законных жен. Будучи «посвященными», они не имели права рожать детей. Для этой цели они приводили мужу служанок и усыновляли детей.

Надеюсь, читатель понимает, что нельзя подходить к рассмотрению вопроса о культовой проституции с позиций современной морали.

«То, что в сфере влияния христианской религии считалось «греховным», а именно половое удовольствие, в древневосточных религиях связывалось с самой природой, — пишет И. Зайберт. — Половое соединение считалось культовым священным действием и в своем сакральном значении не предполагало ничего непристойного или аморального. Религия, представлявшая богов в антропоморфном виде — они и ведут себя как люди, в том числе и по части любви, полового желания, — находила место и для сексуальности, причем с такой открытостью, какую сейчас нам трудно представить. Житель древнего Востока говорил о любви и зачатии у богов и людей без робости и без моральных опасений, в соответствии со своими специфическими, совершенно естественными представлениями».

К сожалению, замечает автор этих строк, большое количество древних клинописных табличек пылятся в подвалах многих музеев мира по причине своей чрез-

мерной эротической откровенности. Ученые считают, что современным людям незачем знать такие «непристойности». Даже такой фразе, как эта: «Я хочу при свете луны играть в любовные игры; на чистом роскошном ложе я хочу распустить тебе волосы», пришлось ждать восемьдесят лет, чтобы ее опубликовали.

«Примерно за десять тысячелетий до нашей эры, когда еще не существовало письменности, человек начал без ложной стыдливости изображать культовое «возвышение сердца», чтобы магически способствовать плодovitости человека, плодородию животных и растений, — пишет Е. Вардиман. — На бронзовой табличке, которая сейчас находится в Берлинском музее Передней Азии, изображено культовое объятие. «Посвященная» девушка лежит на каменном алтаре примерно 80 см высотой. Ноги ее покоятся на плечах стоящего перед ней мужчины, который совокупляется с ней, держа ее за руку и бедро. Следует обратить внимание: она лежит на алтаре! Он исполнен сознания, что на алтаре совершается священнодействие. По-видимому, любовный акт совершался в таинственном полумраке, сопровождаемый музыкой и песнопением. При этом посетителя называли нежно «женихом» богини или ее представительницы».

«Я хочу украсить ложе свое и себя. Он положит свои руки в мои, он прижмет сердце свое к моему. Рука в руке — сон его так отраден, сердце к сердцу прижато — упоенье так сладко», — пелось в одной шумерской культовой песне.

Высшие жрицы в таких храмах были знатного происхождения, нередко представительницы царского дома. На найденных в Южной Аравии стелах с надписями говорится, что вожди племен посвящали своих жен и дочерей в верховные жрицы и невесты бога. Но это не значит, что после этого они превращались в гетер. Так древний человек стремился заручиться не только

благосклонностью верховных божеств, но и обеспечить себя, свою семью и свой род плодovitостью и богатством в настоящем и будущем.

Низшие служительницы храмов набирались из числа подкидышей или обедневших женщин, которые не сумели расплатиться с долгами, а также из девушек средних и низших слоев населения. Бедность и в те далекие времена была одной из главных причин, по которой женщины и молодые девушки становились храмовыми иеродулами.

«Мой муж умер. В стране голод. Поэтому я отметила обоих моих детей знаком звезды Венеры и доверила госпоже. За это она даст им пропитание», — говорит вдова в одном вавилонском тексте 550 г. до н. э.

Но храмы не могли принять всех дочерей обедневших горожан и вдов. Постоянные войны и экономические неурядицы истощали средние слои. Поэтому получившим отказ приходилось зарабатывать себе на жизнь заурядной проституцией. Назойливо себя предлагая, девушки и женщины сбивали храмовые цены. Так вскоре стерлись границы между сакральной и обычной проституцией. Детей стали продавать так много, что обедневшие родители были рады, когда могли их задаром отдать в публичные дома или школы, где обучали этому ремеслу.

С ростом городов увеличивалась бедность и все больше падали нравы. Очень быстро количество проституток стало так велико, что «храмовым» гетерам приходилось конкурировать с уличными иеродулами. В некоторых городах даже начали издаваться законы, согласно которым запрещалось проституткам под угрозой строгого наказания закутываться в покрывало и не вводить в заблуждение мужчин (закутанными в покрывало ходили замужние женщины). Точно также ни одна городская жительница не должна была выходить на улицу с непокрытой головой, чтобы не выглядеть «свободной» женщиной.

Местом встречи нижних слоев общества были кабаки и постоянные дворы. В кабачке мужчины получали двойное удовольствие: они утоляли здесь и жажду, и похоть. В одной шумерской песне пелось: «О боже, как сладко питье юной девы, как сладко ее лоно, сладко, как опьянение...»

Среди содержательниц питейных заведений древнего мира самой знаменитой была ханаанейка Раав из Иерихона. По легенде, она спрятала в своем заведении у городской стены двух израильских соглядатаев. Один рабби в Талмуде восхвалял ее двойственную природу: хотя Раав «ослабила тысячи мужчин распутством и плохим вином, но две души она спасла, и поэтому ее надо причислить к святым».

В эпоху, когда воцарился лозунг: «Кто не наслаждается, тот сам не может усладить», потребность в публичных домах была очень велика. В Помпеях, где едва насчитывалось двадцать тысяч жителей, во время раскопок было обнаружено семь публичных домов. На одном из них была надпись: «Для любящих жизнь сладка, как для пчел»; на другом надпись гласила: «Здесь обитает наслаждение».

С развитием культуры появился слой изысканных гетер (это греческое слово означает «спутница»), которые играли важную роль в греческом обществе. Они отличались не только изысканной красотой, но были довольно образованными: превосходно разбирались в музыке, литературе, философии, политике и иных областях жизни. Лаиса из Коринфа была подругой и ученицей Диогена и сама считалась признанным философом. Диотима принадлежала к окружению Сократа и Платона, который с похвалой отзывался о ней и обессмертил в своем «Пире». Диотима из Мантиней обогащала их новыми идеями. Почему после всех ученых споров в кругу мужчин именно слова Диотимы были признаны мудрейшими? Потому что она, как женщина, знала, что такое рождение, «ибо

всякое творческое стремление к добру и красоте порождается жаждой продолжения жизни. Всякое рождение есть чудо, то есть проявление божественного в человеке, в том числе и когда речь идет и о зарождении и становлении в нас нравственности или опознании божественного».

Благодаря Диотиме Сократ пришел к пониманию любви как стремлению к прекрасному, под которым он понимал философию. Но для самой Диотимы прекрасное прежде всего было связано с сексуальностью.

«Не замечал ли ты, в сколь необыкновенном состоянии бывают все животные, когда они охвачены страстью деторождения? — объясняла она. — Они пребывают в любовной горячке сначала во время спаривания, а потом — когда кормят детенышей, ради которых они готовы и бороться с самыми сильными, как бы ни были слабы сами, и умереть, и голодать, только бы их выкормить, и вообще сносить все что угодно. О людях еще можно подумать, что они делают по велению разума, но в чем причина таких любовных порывов у животных?»

Изначальной космогонической силой для Диотимы являлся греческий бог любви Эрот. Его возлюбленная, Психея («душа») дополняла его. Поэтому для Диотимы Эрот был олицетворением стремления к формированию души и ума, потребностью продолжения прекрасного.

«Все люди беременны как телесно, так и духовно, и, когда они достигают известного возраста, природа наша требует разрешения от бремени. Разрешиться же она может только в прекрасном, но не в безобразном... Сопитие мужчины и женщины есть такое разрешение», — поучала Диотима философа Сократа в платоновском «Пире».

Есть предание, что Диотима, имя которой по-гречески означает «Богобоязненная», в 429 г. до н. э., во время вспышки чумы, вымолила отсрочку болезни для афинян, за что позже была сделана жрицей.

В те времена, как и в наши дни, самостоятельность, образование, возможность развивать свои способности были доступны лишь такой женщине, у которой хватало мужества отказаться от брака и жить свободно. Она не только обеспечивала себя средствами к существованию, но и противостояла давлению общества, торгуя собственным телом. Та же женщина, которая желала жить без материальных забот, стремилась к законному браку. Как результат — она оставалась бесправной и необразованной. И что характерно: как и сегодня, в те далекие времена такая женщина, несмотря на все ее положительные качества, вызывала у мужчин насмешки и чувство презрения, в то же время как в честь гетер они сочиняли слова величайшего восхищения. Такие женщины нередко считались изображениями богинь.

Одной из знаменитейших гетер древности была Фрина. Благодаря своему ремеслу, она стала очень состоятельной женщиной. Она получила разрешение за свой счет восстановить разрушенные Александром Македонским стены города Фив и подарила своему родному городу Веспии знаменитый «Эрос» Праксителя. После этого великий художник изваял статую Фрины, которая стояла рядом с его «Афродитой» в храме Весты. В городе Дельфы также находилась статуя Фрины. Выполненная из чистого золота, она была названа киником Кратесом «жертвенным подарком эллинской разнузданности».

Во время одного из праздников Посейдона в Элевсине Фрина на глазах многочисленной публики обнаженной вошла в море, послужив Апеллесу прообразом для его «Афродиты Анадиоменской», а Праксителю — для «Афродиты из Книдоса».

Фрину обвинили в кощунстве за то, что она послужила моделью для «Афродиты Книдской». Тот, кто знал ее, улыбался, глядя на статую Афродиты, а виде-

шие статую — благоговейно смотрели на гетеру. Сотни тысяч паломников молитвенно простирали руки и посылали поцелуи мраморной статуе: «Афродита, прекрасная Афродита!» Но про себя они шептали: «Как ты прекрасна, Фрина, божественна твоя красота!»

Защитником Фрины на процессе о кощунстве был Гиперид. Когда ему не хватило слов, чтобы отвести нападки обвинителей-ханжей, он обнажил грудь своей подзащитной и воскликнул: «Вот, посмотрите!» И этими словами склонил на свою сторону престарелых судей: ослепленные ее красотой, они прекратили процесс.

Как гласит легенда, Фрина обычно тщательно закрывала свои прелести и никогда не пользовалась белилами и румянами, так что до старости сохранила свежий цвет лица и многочисленных любовников, которым, по ее же выражению, она «продавала отстой дороже, чем вино».

Только один из мужчин упорно противостоял ласкам Фрины — платоник Ксенократ. Однажды она пришла к нему ночью, но философ не поддался ее чарам. «Он не мужчина, а только изображение мужчины», — сказала после этого Фрина.

Замечателен пример и другой знаменитой афинской гетеры — Аспасии. Высокообразованная женщина, она была возлюбленной великого государственного деятеля Перикла, которому Афины были обязаны своим политическим и культурным расцветом («золотой век Афин»). Он сам признавался, что часто советовался с ней и учился у нее искусству риторики, что Аспасия влияла на форму и содержание его блестящих речей.

Ради нее Перикл расстался со своей первой женой. Аристократы-оппозиционеры протестовали против присутствия Аспасии, но не из-за ее прежнего ремесла, а из-за низкого происхождения. Обычно терпимые в религиозных делах, греки обвиняли ее в безбожии,

под которым понимали угрозу существующему общественному порядку. Только благодаря защите самого Перикла Аспасия была оправдана.

В древности, как и в более поздние времена, мужчина считал себя способным к непринужденному общению, в чем было отказано женщинам. Как истинный патриарх, он позволял себе вступать во внебрачные связи и быть многоженцем. Женщина же, напротив, считалась легкомысленным существом, заслуживающим только недоверчивого отношения.

«Если бы можно было жить без жены, мы освободились бы от этого бремени, — заявлял в публичной речи один римский цензор в 30 г. до н. э. — Природа, однако, устроила так, что с женщинами жить крайне неудобно, но без женщин жить вообще нельзя».

Порой действительно бывает трудно понять, почему мужчине прощалось если не все, то многое, в то время как женщина попадала под суд за малейшее подозрение.

«Поистине, для женщин существует строгий закон, которому несправедливо подчинили их мужчины; ведь если мужчина тайком спускается с гулящей и если жена об этом проведаёт, ему ничего не будет. Но если жена всего лишь тайком выйдет из дома, для мужа это уже достаточный повод, чтобы развестись. Ах, если бы один закон был для мужчин и для женщин! Хорошая жена довольствуется одним мужчиной, почему же мужчина не довольствуется одной женщиной? Поистине, если бы мужчин судить по тому же закону, сейчас было бы больше вдов, чем разведенных женщин», — требуя от мужчин и женщин одинаковой верности, писал римский комедиограф Плавт.

Разводы существуют с тех пор, как существуют сами браки, но обвиняемой стороной на бракоразводных процессах всегда была женщина. Даже если ревнивый муж-обвинитель брал назад свое необоснованное обви-

нение, закон требовал чувствительно предупредить женщину. Муж был вправе для острастки отрезать жене либо нос, либо уши, либо палец руки; о полном оправдании или освобождении от наказания не могло быть и речи, как не могло быть и совершенно невиновных женщин.

Если обвинение мужа основывалось лишь на чрезмерной подозрительности и он не мог доказать никакой вины своей жены, тогда требовали ордалии — «божьего суда».

«В день, когда мужчина застигнет свою жену на месте преступления, она умирает от железного ножа; больше ей не жить, — говорилось в ассирийском законе. — Если же он лишь слышал от других про измену или подозревает ее, но доказать не может, он вправе потребовать божьего суда. Ее надо связанной бросить в воду. Если она выберется из реки, она оправдана. Стоимость ордалии должен возместить муж. Доносчик, который сказал: «Твоя жена тебе изменяла», но не смог этого доказать, наказывается сорока палочными ударами, кастрируется, и в течение месяца он должен работать на царя».

На Древнем Востоке к ордалии прибегали при малейшем подозрении. Закон Моисея устанавливал: «Если изменит кому жена... и не будет на нее свидетеля... и найдет на него дух ревности... пусть приведет муж жену свою к священнику и принесет за нее жертву... А священник пусть приведет и поставит ее пред лице Господне... и обнажит голову жены, и даст ей в руки... горькой воды, наводящей проклятие. И заклянет ее священник, и скажет жене: если никто не переспал с тобою, и ты не осквернилась и не изменила мужу своему, то невредима будешь от сей горькой воды, наводящей проклятие; Но если ты изменила мужу твоему и осквернилась, и если кто переспал с тобою кроме мужа твоего... да предаст тебя Господь проклятию и клятве в на-

роде твоём, и да соделает Господь лоно твоё опавшим и живот твой опущим...» (Числ., 5: 12—21).

Похожая процедура существовала в Древнем Риме. В храме Юноны в Ланувии лежал камень, в котором было проделано отверстие величиной с кулак. В это отверстие подозреваемая в измене женщина должна была просунуть руку с едой. Если змея, обитавшая там, брала еду, женщину оправдывали; если же змея кусала женщину за руку или та сама от страха отдергивала руку, принималось однозначное решение о её виновности.

С религиозной и моральной точки зрения особенно тяжким считался проступок, совершенный невестой или девственницей. Его ничем нельзя было искупить, даже «божьим судом».

«Наши предки были очень строги к тем, кто не соблюдал девственности, — сообщает афинский оратор 4 в. до н. э. Эсхин. — Если кто-то узнавал, что дочь его не сохранила, как то подобает до свадьбы, девственной крови, он приказывал замуровать её вместе с жеребцом, чтобы она умерла с голода. В народе такие места называют «у жеребца и девушки».

Один из афинских законов цитирует знаменитый оратор Демосфен: «Если женщина уличена в измене, мужу не позволено жить с нею дольше. Если он все же так поступает, он бесчестит себя и лишается всех прав гражданина. Изменнице же не позволено больше посещать храм. Если она все же явится туда, с ней можно делать все, что угодно, не боясь наказания».

Вслед за тем Демосфен подчеркивает, что тот же самый закон позволяет мужчине изменять жене сколько угодно и оставаться в глазах общества порядочным и благочестивым человеком.

В парижском Лувре хранится остракон (надпись на черепке), в котором рассказывается о весьма своеобразной ордали: женщина клятвенно заверяет коллегия жрецов, что она не спала ни с кем, кроме своего

мужа. Этого письменного заверения болезненно ревни-
вый муж потребовал для предоставления в... потусто-
роннем мире.

Какие права на развод были у женщин? Даже если она могла доказать, что ее муж душевно больной человек или очень жесток, что оставаться с ним опасно для ее жизни, она не могла помышлять о разводе.

В древности мужчина и женщина вступали в брак только для определенной цели, и если женщина не выполняла своих главных задач — обеспечение мужа потомством, сохранение и приумножение семейного имущества, у мужчины было полное право и обязанность прогнать такую женщину из дома и найти себе другую, которая, по его представлениям, отвечала всем требованиям.

Развод мог осуществляться без всякого юридического вмешательства, потому что сам брак не был юридическим актом. При разводе муж все решал по своему усмотрению. Ни о каком материальном возмещении или содержании женщина не могла и мечтать. Муж мог за- просто выгнать жену из дома лишь за то, что она его «не слушалась», отказывалась с ним спать или не вызывала у него желания спать с ней, была бесплодной или рожала одних девочек, предохранялась от беременности, сделала аборт или потому, что ему больше нравилась другая женщина. У арабов муж мог выгнать жену из дома только за то, что в его доме случилось или могло случиться какое-то несчастье: за всякое несчастье, как хранительница очага, отвечала женщина.

«Изгнание» женщины из дома считалось самым большим наказанием после смертной казни.

«Когда муж изгоняет свою жену, он может ей дать что-нибудь, если сердце его этого пожелает. Если сердце его не пожелает этого, он не дает ей ничего. Она уходит в пустоту свою», — говорится в 37-м параграфе ассирийских законов.

«Она уходит в пустоту свою!» Для женщины это означало быть изгнанной в одиночество, полное отчаяние. Она становилась никому ненужной, сексуально несостоятельной, неполноценной, заклеянной, лишенной всяких средств на существование. Если у нее не было богатых родителей или родственников, к которым бы она могла вернуться (и то при условии, что они ее примут или согласятся оказать материальную помощь; имеются многочисленные примеры того, что из опасения испортить свою репутацию даже родители часто отказывались от дочерей), она вынуждена была зарабатывать на жизнь нищенством или проституцией.

В просвещенной античной Греции обычаи разводов были такими же, как на Востоке. Отношение к разводам несколько изменилось при браках с приданым. Они скреплялись договором, по которому муж обязывался в случае развода вернуть или возместить жене приданое со всеми процентами, а также ее долю в нажитом за годы брака семейном имуществе. Для мужчины это могло означать чувствительный материальный интерес, поэтому в поздней античности известно множество законов о разводе, но мало самих разводов.

В Древнем Риме граждане гордились тем, что за 500 лет со дня основания города здесь не было ни одного развода. Лишь начиная с эпохи Поздней Республики развод стал распространенным явлением, причем не только по инициативе мужа, но и жены.

«Ни одна женщина не постыдится развестись, потому что женщины из благородных и знатных семейств считают годы не по числу консулов, а по числу мужей, — писал по этому поводу Сенека. — Они разводятся, чтобы выйти замуж, и выходят замуж, чтобы развестись».

Гордость римлян, однако, была мнимой. Истории известны многочисленные случаи, когда римские мужья, чтобы обойти неудобные для них законы, доводи-

ли жен до самоубийства. Тацит рассказывает, что претор Плавтий Сильван выбросил свою жену из окна спальни, а перед судом хладнокровно заявил, что после обильных возлияний крепко спал и не слышал, как его жена покончила с собой.

Экономический подъем и рост богатства аристократов стали одними из причин нравственной распущенности. Императоры даже вынуждены были издавать суровые законы против морального разложения в семьях. Но эти меры оказались малоэффективными.

«Какие бы ни издавались законы, простые люди жили, не ослабляя семейных уз, не меняя жен, не зная проблем с наследством, — читаем у того же Тацита. — Как раньше страдали от преступлений, так теперь страдают от законов».

Как и в нынешние времена, на бракоразводных процессах решались не только вопросы имущественного передела, но и вопрос о дальнейшей судьбе детей. Но в древности дела обстояли совершенно иначе: женщина была полностью бесправна перед законом и не могла даже претендовать на детей, которые как до, так и после развода принадлежали только отцу. Суровый закон не признавал за женщиной никаких материнских чувств, она должна была безропотно подчиниться. Философ Филон Александрийский высказывался против любых разводов, потому что «они влекут наихудшие последствия для детей».

После развода родителей ребенок терял разом и мать, и отца. Муж, который по закону имел над детьми полную власть, но не хотел заботиться о них дальше, мог подкинуть детей, продать или отдать кому-нибудь для усыновления — в зависимости от того, как захочет его новая жена.

Покинутая женщина теряла всякое уважение в обществе. Разведенная — означало своенравная, не желавшая покоряться мужу, восставшая против него и об-

щепринятых норм поведения, против укоренившейся религиозной традиции. Хуже того, это была женщина, которая не могла выполнять свое женское предназначение — то есть сексуально несостоятельная. Ей было отказано во всяком женском чувстве, а потому невозможно было доверить воспитание детей.

Примером того, какие страсти может пробудить в женщине развод, служит греческий миф о Мееде. Красавец Ясон отправился в Колхиду, на Черное море, чтобы вернуть похищенное у греков золотое руно. Пока он выполнял поручение царя Колхиды, царская дочь Медея влюбилась в белокурого атлета. Золотое руно стерег в роще бога войны Ареса дракон, с которым не могли бы справиться даже пятьдесят силачей. И только сила разума могла его победить. Таким замечательным умом обладала Медея, без помощи которого Ясон никогда не совершил бы своего подвига. Поверив обещаниям красивого чужестранца, Медея покинула родителей и последовала за ним в Грецию. Сначала они отправились в Иолк, где поженились и родили двоих детей, но спустя несколько лет Ясон попал в немилость, вынужден был покинуть город и поселиться в Коринфе. Там он снова храбро и преданно служил царю Креонту и завоевал благосклонность его дочери Главки, которая пообещала ему полную поддержку, если он на ней женится. Ясон охотно согласился развестись с Меедой, чувства к которой давно охладели. Для него брак с ней был выгодным делом, которое помогло достигнуть цели. Теперь, когда он надумал развестись с женой, дети Ясону уже не были нужны. Они стали обузой как для него, так и для новой будущей жены.

Но для Мееды дети были частью ее самой, она не могла с ними расстаться. Несчастливая мать, одаренная от природы незаурядным умом, на какое-то время потеряла способность ясно мыслить. Ослепленная страданием, она убивает обоих сыновей и умерщвляет соперницу.

Таков истинный смысл греческого мифа. Впоследствии Ясон обрел черты великого героя, который сумел запрячь в плуг изрыгающих пламя быков, посеять зубы дракона и покорить азиатские царства. Медея же превратилась в мрачное ночное страшилище, демона, колдунью.

Судьбу покинутой женщины, которая поневоле стала детоубийцей, смог по-настоящему понять и описать лишь великий драматург Еврипид. Ему удалось создать достоверный и глубоко противоречивый образ Медеи со всеми ее положительными и отрицательными качествами. Положив в основу сюжета древний миф, Еврипид в своей драме раскрыл не только трагедию покинутой женщины, но и сущность той сложной эпохи, жестокие законы которой обрекли Медею на страдания и привели к трагическому финалу.

Несмотря на то, что события греческого мифа и драмы Еврипида описывают древнюю эпоху, положение женщины всегда оставалось бесправным. Это справедливо и по отношению к нынешним временам.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И ВОЗРОЖДЕНИЕ

Насколько изменились взгляды и оценки на любовные чувства людей с возникновением и распространением христианства? Как новая религия относилась к любви и всем ее проявлениям?

В те времена, когда родился Иисус, в еврейском обществе не могло быть и речи о равноправном положении мужчин и женщин. Однако женщина никогда не жила той гаремной жизнью, как у греков и позже у мусульман. Она могла принимать участие в обществе мужчин, хотя и считалась подчиненной мужчине.

Иудаизм отрицательно относился к проституции, которая была довольно распространенным явлением во время Иисуса. Она возникла под влиянием грекоримской традиции и была организована по ее образцу.

Если судить по библейским проповедям, Иисус признавал половую жизнь и рассуждал о ней без всяких стеснений. Среди его многочисленных изречений нет ни одного, где бы он осуждал ее как нечто нечистое и греховное. Это в значительной степени соответствует древнееврейской традиции, которая задолго до Иисуса утверждала жизнь и естественные условия ее возникновения.

Утверждением половой жизни наполнены следующие слова Иисуса: «Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир» (Иоан. 16: 21).

«Радость по поводу рождения человека в мир и радость по поводу детей предполагают утверждение половой жизни, — пишет И. Блох. — Поэтому Иисус и на женщину смотрит совершенно свободно, без всякой аскетически-женоненавистнической тенденции, как на естественную подругу жизни, за которой он признает до известной степени равные с мужчиной права. Ссылаясь на подчиненность еврейских женщин при господстве патриархата, отношение Иисуса к женщине называют чем-то совершенно новым и своеобразным, говорят, что такое отношение проявилось здесь впервые, и в доказательство приводят тот факт, что Иисус признавал слушавших его поучения и наставления женщин достойными, характерный пример чего приводит Лука: «В продолжение пути их, пришел Он в одно селение; здесь женщина, именем Марфа, приняла Его в дом свой; У нее была сестра именем Мария, которая села у ног Иисуса и слушала Его. Марфа же заботилась о большом угощении, и подошедши сказала: Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мне. Иисус же сказал ей в ответ: Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно. Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее» (Лук. 10: 38—42).

О восприятии и оценке женщины как самостоятельной личности, ее участии в религиозных диспутах говорится во многих местах Нового завета. Евангелисты даже по именам называют тех женщин, которые были ученицами Иисуса и следовали за ним. Матфей говорит о Марии Магдалине и Марии, матери Иакова и Иосии, а также о матери сыновей Зеведеевых (Матф. 27: 55—56); «Были тут и женщины, которые смотрели издали; между ними была и Мария Магдалина, и Мария, мать Иакова меньшого, и Иосии, и Соломея, которые и тогда, когда Он был в Галилее, следовали за Ним и служили Ему, и дру-

гие многие, вместе с Ним пришедшие в Иерусалим» (Марк. 15: 40—41). «И некоторые женщины, которых Он исцелил от злых духов и болезней: Мария, называемая Магдалиною, из которой вышли семь бесов, и Иоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова, и Сусанна, и многие другие, которые служили Ему именем своим» (Лук. 8: 2—3, а также Иоанн, 4: 9—29).

В своих проповедях Иисус неоднократно высказывался о браке и супружеской жизни.

«И приступили к Нему фарисеи и, искушая Его, говорили Ему: по всякой ли причине позволительно человеку разводиться с женою своею? Он сказал им в ответ: не читали ли вы, что Сотворивший в начале мужчину и женщину сотворил их? И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает. Они говорят Ему: как же Моисей заповедал давать разводное письмо и разводиться с нею? Он говорит им: Моисей, по жестокосердию вашему, позволил вам разводиться с женами вашими, а сначала не было так; но Я говорю вам: кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует; и женившийся на разведенной прелюбодействует» (Матф. 19: 3—9).

В словах Иисуса следует видеть не абсолютное отрицание развода, а, в первую очередь, утверждение идеала брака. Признание допустимости развода видно из извинительных слов для закона Моисея, который вынужден был считаться с условиями и нуждами своего времени и терпеть развод вследствие жестокосердия.

В противоположность этому Иисус утверждает идеал брака на основе божественного закона: брак мужчины и женщины как полное взаимопонимание с целью неразрывной совместной жизни. Лишь с этой точки зрения новый брак разводника кажется ему грехом.

Не было у Иисуса категорично отрицательного отношения ни к проституции, ни к внебрачным половым связям, которые в те времена являлись широко распространенными не только у греков и римлян, но и у евреев.

Подтверждение тому можно найти у Луки, который приводит одну замечательную сцену:

«Некто из фарисеев просил Его вкусить с ним пищи; и Он, вошед в дом фарисея, возлег. И вот, женщина того города, которая была грешница, узнавши, что Он возлежит в доме фарисея, принесла алавастровый сосуд с миром; и, ставши позади ног Его и плача, начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала миром. Видя это, фарисей, пригласивший Его, сказал сам себе: если бы он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему, ибо она грешница.

Обратившись к нему, Иисус сказал: Симон! Я имею нечто сказать тебе. Он говорит: скажи, Учитель. Иисус сказал: у одного заимодавца было два должника — один должен был пятьсот динариев, а другой пятьдесят; но как они не имели чем заплатить, он простил обоим. Скажи же, который из них более возлюбит его?

Симон отвечал: думаю, тот, которому более простил. Он сказал ему: правильно ты рассудил. И обратившись к женщине, сказал Симону: видишь ли ты эту женщину? Я пришел в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал, а она слезами облила Мне ноги и волосами головы своей отерла. Ты целования Мне не дал; а она, с тех пор как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги. Ты головы Мне маслом не помазал; а она миром помазала Мне ноги. А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много; а кому мало прощается, тот мало любит. Ей же сказал: прощаются тебе грехи.

И возлежавшие с Ним начали говорить про себя: кто это, что и грехи прощает?

Он же сказал женщине: вера твоя спасла тебя; иди с миром» (Лук. 7: 36—50).

У Матфея (21: 31—32) Иисус говорит фарисеям: «Истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие; ибо пришел к вам Иоанн путем праведности, и вы не поверили ему, а мытари и блудницы поверили ему; вы же, и видевши это, не раскаялись после, чтобы поверить ему».

Сцену, раскрывающую истинную любовь Иисуса, приводит Иоанн (8: 3—11):

«Тут книжники и фарисеи привели к нему женщину, взятую в прелюбодеянии, и, поставивши ее посреди, сказали Ему: Учитель! эта женщина взята в прелюбодеянии; А Моисей в законе заповедал нам побивать таких камнями: Ты что скажешь?

Говорили же это, искушая Его, чтобы найти что-нибудь к обвинению Его. Но Иисус, наклонившись низко, писал перстом на земле, не обращая на них внимания. Когда же продолжали спрашивать Его, он, восклонившись, сказал им: кто из вас не без греха, первый брось в нее камень.

И опять, наклонившись низко, писал на земле. Они же, услышавши то и будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим, начиная от старших до последних; и остался один Иисус и женщина, стоящая посреди. Иисус, восклонившись и не видя никого, кроме женщины, сказал ей: «Женщина! Где твои обвинители? Никто не осудил тебя?»

Она отвечала: «Никто, Господи!» — Иисус сказал ей: «И Я не осуждаю тебя. Иди и впредь не грехи».

Но в дальнейшем христианская половая этика пропиталась эллинским духом. Она признала и приняла в отношении к женщине двойственную мораль, которая господствовала в древности, усиления принципа аске-

тизма и наложения клейма на половую жизнь человека. Вместе с этим произошел возврат и к античному взгляду на проституцию как на «неизбежное и необходимое зло».

Наступление реакции началось с того момента, как апостолы возвестили учение Иисуса грекоримскому миру, а античные традиции во всеоружии выступили против него. С течением времени это влияние усиливалось, и позднейшую христианскую половую этику со всеми ее последствиями (преследования ведьм, фллагелляция, сатанизм и др.) с большим основанием можно назвать крайним преувеличением соответственных явлений древности.

Явные женоненавистнические тенденции обнаруживаются уже у апостола Павла, который объявил женщину гораздо ниже мужчины, мотивируя это грехопадением в раю. Павел последовательно придерживался античной оценки полов, согласно которой женщина была человеком второго сорта и потому стояла ниже мужчины. Человеческая плоть для него — вместилище зла, а брак — необходимое зло для избежания блуда. Мало того, даже в браке, по мнению Павла, идеалом является абсолютное половое воздержание.

Павел был первым христианским защитником *духовного брака*, происхождение которого связано с воззрениями греческих философов. Апостол самым решительным образом осуждал проституцию и сношение с проститутками:

«Тело же не для блуда, но для Господа, и Господь для тела... Разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы? Итак, отниму ли члены у Христа, чтобы сделать их членами блудницы? Да не будет! Или не знаете, что совокупляющийся с блудницею становится одно тело с нею? ибо сказано: «Два будут одна плоть». А соединяющийся с Господом есть один дух (с Господом). Бегайте блуда; всякий грех, какой делает человек,

есть вне тела, а блудник грешит против собственного тела» (I Кор. 6: 13—18).

«История христианской веры и христианской церкви после апостолов обнаруживает всевозрастающее влияние Греции, — пишет И. Блох. — Неоплатонизм с его аскетизмом, учением о покаянии и искуплении, с его клеймением половой жизни, имел наиболее продолжительное влияние на христианство и наиболее видоизменил его, как это подробно изложено у Августина в седьмой книге его «Исповеди»...

За немногими исключениями, в развитии христианских сект и выработке догм во II—IV вв. все яснее выступают аскетические и антисексуальные тенденции, все резче проясняются мизогиния и указание на превосходство мужчины перед женщиной. Появляются первые зачатки монашества и церковного аскетизма, получившие затем такое развитие в средние века. В одном из старейших христианских сочинений, написанном в 100 г., автор рассказывает о характерном видении. «Пастух» оставляет его на ночь одного с двенадцатью девушками, которые на вопрос, где ему переночевать, отвечают: «У нас ты должен спать, как брат, не как муж. Ты наш брат, и в будущем мы хотим служить тебе, мы любим тебя». И та, которая была, по-видимому, старшей между ними, начала меня целовать, а когда это увидели другие, они тоже начали меня целовать. И девушки положили полотняные нижние одежды на землю, уложили меня посредине, и ничего другого не делали, а только молились; и я тоже непрерывно молился вместе с ними. И я остался там вместе с девушками до второго часа утра, затем появился пастух и сказал: «Но вы ведь не сделали ему ничего дурного?» — «Спроси его самого», — сказали они. — Я сказал ему: «Господин, я рад был переночевать с ними».

Проповедуемый здесь половой аскетизм, — пишет далее И. Блох, — который благодаря большому числу

участниц этого ночного покаяния особенно трудно соблюсти, остался под сомнением, так как поцелуи и ласки были дозволены. В «Acta Pauli et Thaeclae» (II в.) описано *syneisacta* (женщина, живущая со священником) Текля, которая по ночам отправлялась в келью Павла и жила с ним согласно слову: «Блаженны имеющие жен и как бы не имеющие их, потому что они наследуют Царство Божие».

Духовные браки были характерным явлением II—IV вв., но они скоро теряли свой «духовный» характер и подавали повод к большим неприятностям, так как ссылкой на одобрение в приведенных словах Павла часто злоупотребляли. Так, уже во второй половине II в. епископ Павел из Самосаты был обвинен во всевозможных пороках. О нем было сказано: «У него есть также *syneisacta*; одна из них, правда, уже отпущена, но две цветущие девушки находятся еще у него и сопровождают его во время путешествий». Также поступают его пресвитеры и дьяконы.

Первым против бесчинств «духовных браков» выступил отец церкви Киприан (?—258). Один только взгляд на женщину он проклинает как грех. Киприан отвергал даже простое купание девушек, чтобы они не должны были краснеть при виде своего нагого тела!..

[...] Таким образом, духовный брак старались побороть не естественным здоровым взглядом на половую жизнь, а еще более строгим аскетизмом. Это значило изгонять дьявола Вельзевулом, ибо постепенное развитие монашеского аскетизма ведет к еще большему взнуздыванию воображения, к его сосредоточению на половой сфере. Не случайно высшая точка развития этого древнейшего христианского аскетизма совпадает с распространением полового разврата в христианстве, на существование которого начиная с 300 г. указывают все лучшие знатоки церковной истории».

Церковное учение первых веков н. э. видело в женщине нечистый элемент. Христианство придерживалось ложного взгляда на половую жизнь как на греховное начало, последствие первородного греха, взгляда, которого, как это ни парадоксально, продолжают придерживаться и сейчас в некоторых христианских общинах и сектах. В результате подобная мизогиния приводила не только к презрению индивидуальной любви, но и к паническому страху перед женщиной. В истории известны случаи, когда отцы церкви при виде женщины бежали прочь; один аббат наставлял монахов следующим жизненным правилом: монах должен также тщательно избегать всякого соприкосновения с женщиной, как тщательно охраняют соль от воды, в которой она неизбежно растворится. Не только в раннем средневековье, но и в более поздние времена женщин ни под каким предлогом не допускали в мужские монастыри. Даже в начале XX в. в Афонских монастырях большинство монахов проявляло нешуточный суеверный страх перед женщинами. Точно также и в женских монастырях старались избегать присутствия мужчин.

Многовековое клеймение женщины как носительницы полового начала и страх перед ней стали причиной христианской ведьмomanии и преследования ведьм. Древний мир не знал систематического преследования и изуверских пыток, которые изобрели и долгое время применяли против колдуний и ведьм христиане.

(Ради справедливости отметим, что были и голоса протеста против вопиющей жестокости в отношении женщин. Так, например, в VIII в. святой Бонифаций Английский заявил, что христианину не следует верить в ведьм и оборотней; в IX в. святой Агобар, епископ Лиона, также обличал нелепость веры в то, что колдуньи могут воздействовать на время; в XII в. Иоанн Солсберийский высказывался о шабаше как о расстройстве воображения; о несовместимости веры в ведьм и христианство

говорилось в каноническом законе «capitulum Episcopi». Но в 1490 г. было создано и развито богословское учение о колдовстве. Между 1580 гг. и 1630 гг. оно упорядочивается и принимается. И это в эпоху Монтеня и Декарта! И уже ни за что и никогда никакая статистика не ответит на вопрос: сколько женщин и молоденьких девушек безвременно ушли из жизни? Зная периоды всплеска и отката, ведьмomania продолжалась более четырех столетий — от сожжения на костре первой колдуньи в 1275 г. до постепенного угасания охоты на ведьм после 1680 г. Но в исторических источниках читатель может найти свидетельства того, как 20 августа 1877 г. заживо были сожжены «ведьмы» в Мексике, а французский исследователь М. Гарсон описывает случай расправы над так называемыми колдуньями в 1915 г.!)

И все же без любви жизнь действительно была пуста и не имела бы смысла. Человек всегда остается человеком — с присущими ему желаниями, страстями и поведением, несмотря на то, какая на нем одежда, — гражданский сюртук, военный камзол или церковная ряса. Как это ни парадоксально может прозвучать, но именно церковники в значительной степени стали если не законодателями, то по крайней мере провозвестниками тех нравов, которые царили в Европе в средневековье и эпоху Возрождения (поскольку мы затронули нравы эпохи заката Римской империи и первоначального христианства, я говорю сейчас о католическом духовенстве).

Римская церковь представляла собой весьма важную социальную организацию в общей структуре европейского общества. По этой причине ее специфическая половая мораль, как в теории, так и на практике сделалась важной составной частью общей публичной и частной нравственности. Нравы, царившие в среде духовенства, не могли не отразиться на нравах отдельных классов и слоев населения.

Оплотом римской церкви в определенное время стали монахи и монастыри. С помощью института монашества церковь господствовала над всем западным христианским миром.

«Монастыри были первыми и долгое время единственными очагами и рассадниками культуры, — писал в своем исследовании нравов немецкий ученый, писатель и политический деятель Э. Фукс. — Здесь впервые возникло профессиональное ремесло. Здесь мы встречаем первых ткачей. Монахи были также первыми пивоварами. Они же первыми ввели рациональную обработку земли. Всему этому монахи научили окружающих их людей. Они научили их ткать шерсть, одеваться в шерстяное платье, выгоднее обрабатывать землю, они привили более разнообразные и, главное, более высокие требования к жизни. Разумеется, то была не простая случайность, что именно монастыри сделались очагами технического прогресса. Это было просто последствием того, что в монастырях впервые пришли к тому, что является причиной всякого технического прогресса, — к концентрации труда. Так как монастыри практиковали ее впервые, притом в самом интенсивном размере, то они и пришли раньше других к товарному производству.

Монастыри сделались, таким образом, первыми и были в продолжение многих столетий самыми могущественными и богатыми купцами. В монастырях всегда можно было получить все, и притом все лучшее. «Монастырская работа» была высшего качества. Разумеется, не потому, что «благодать Божия покоилась на этом труде», не потому, что благочестие направляло ткацкий челнок, а по простой экономической причине. Здесь человек был не только безличным средством капиталистического накопления прибыли. Таков, далее, всегда результат труда, построенного на коммунистических основах: связывая личный интерес с поставлен-

ной задачей, он облагораживает как процесс работы, так и ее продукт.

Таким путем монастыри незаметно сделались первым и главным сосредоточением культурной жизни. В интересах собственного существования они первые проложили дороги, выкорчевали леса и сделали их годными для обработки, высушили болота и построили плотины. Укрепленные стены монастырей были первыми крепостями, в которых окрестные жители могли укрыть себя и свое добро, когда жадный до добычи неприятель врвался в страну. Монастыри и церкви были не только оплотами против дьявола, но и первыми надежными оплотами против земных врагов. Все это придавало больше веса их учению. Не следует забывать, что даже самые воинственные ордена приходили в страну почти всегда как друзья, как люди, олицетворявшие в Средние века идею прогресса, историческую логику вещей, обусловленную эволюцией.

Сказанное о роли монастырей и монахов в области техники и хозяйства применимо и к сфере интеллектуального творчества. Монастыри в Средние века были единственными очагами науки. Здесь жили первые врачи, обладавшие лучшими средствами против болезней людей и животных, чем знахарки. Здесь учились писать, читать, считать, только здесь систематически культивировали и развивали искусство письма. В монастырях возникла прежде всего и женская эмансипация — на столетия раньше, чем в среде имущего бюргерства, ибо они эмансипировали женщину задолго до того времени, когда возникло бюргерство. Достаточно вспомнить многочисленных ученых-игумений, аббатис-писательниц, например — чтобы привести хоть одно имя — Росвиту, монахиню Гандерсгеймского монастыря. Эта эмансипация была, разумеется, возможна только потому, что здесь налицо были благоприятствовавшие ей экономические условия. По той же причине

в монастырях расцвели и разные искусства, высшие проявления культуры. Очень долго монастыри были главными меценатами искусства, и по их заказу возникла не только большинство художественных произведений, созданных в Средние века, но и самые грандиозные и великолепные творения этой эпохи...

К этому базису следует свести и главную основу монашеской жизни — институт безбрачия, если мы хотим понять это явление в его сущности, в его исторической обусловленности и, следовательно, уяснить себе его конечные последствия. «Просвещенные» идеологи объясняют этот институт не менее ошибочно и превратно, как и факт господства над людьми монастырей и монахов...

Безбрачие монахов и монахинь является отнюдь не заблуждением человеческого ума, а «неизбежным последствием определенных данных общественных условий». Безбрачие обитателей монастырей доказывает «не то, что их основатели были идиотами, а только то, что экономические условия порой бывают сильнее законов природы». Что же это были за принудительные экономические условия? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вспомнить историю возникновения монастырей. Правда, последние имели разные корни и разные отправные точки, однако в большинстве случаев они были первоначально союзами бедняков, объединившихся для более удобной борьбы за существование. То был античный «ойкос» на более расширенной основе.

Вот почему большинство монастырей существовало за счет ручного труда, и наиболее выдающиеся основатели монастырей той эпохи — Антоний, Василий, Бенедикт Нурийский — прямо вменяли труд в обязанность членам общины.

Как экономические организации — а ими в первую очередь и являлись монастыри — они представляли со-

бой не что иное, как попытки «силами самих участников разрешить социальный вопрос для ограниченного круга людей». Если эти чисто хозяйственные организации выступили под религиозным покровом, то это объясняется как временем, так и тем, что первобытное христианство выстраивалось в своей оппозиции к античному миру на коммунизме. И хотя его осуществление терпело крушение под влиянием тогдашних условий жизни, последние тем не менее «создавали все новых пролетариев, а вместе с тем и все новую потребность в коммунистических организациях». А таковыми и были монастыри.

Самая форма их организации предполагала общее пользование как средствами производства, так и продуктами потребления, ибо общее хозяйство противоречит частной индивидуальной собственности, главным образом частному пользованию средствами производства. Там, где делаются попытки сохранить последние, вся организация очень быстро распадается, как видно из истории всех коммунистических общин. Так как общее хозяйство было продиктовано социальной нуждой, тяготевшей над всеми, нуждой, от которой хотели спастись, то естественно, что старались всеми силами сохранить общее производство. Все было подчинено этому интересу, даже понятия о собственности. Люди отказывались от частной собственности и жили на коммунистических основах. Тому же закону должна была, естественно, подчиниться и регламентация половых отношений. И здесь решающее значение должны были иметь интересы сохранности и целостности хозяйственной общины.

С другой стороны, монастыри возникли в эпоху, когда права собственности и наследования уже находились в развитом состоянии. Отсюда следует, что сохранение или введение брака в монастырях не мирилось с необходимым для их существования коммунизмом, ибо кровная связь всегда сильнее всяких искусственных

формаций, а такими искусственными формациями, несомненно, были монастырские общежития. Чтобы избежать этой опасности — а по существу дела ее необходимо было избежать, — монастырям не оставалось ничего другого, как отречение от брака. Кроме членов домашней общины, монахи и монахини не должны были иметь другой семьи».

Из приведенной цитаты нетрудно понять, почему в один прекрасный момент монастыри и монастырские хозяйства стали тормозом на пути прогресса. Экономическое превосходство приносило богатство, которое давало право на эксплуатацию чужого труда. И чем больше было богатства, тем больше развивались последствия освобождения от труда: чувственность, лень, обжорство, пьянство, сладострастие.

В период натурального хозяйства монастыри отдавали излишек своих продуктов бедным, паломникам, нуждавшимся в помощи, лишенным средств к существованию. Благодаря такой благотворительности монастыри стали обществами взаимопомощи с огромным социальным значением. Подобный факт несколько не ослабляется тем обстоятельством, что монастыри просто не имели другой возможности потратить излишки производимой продукции. Но как только в историю вошло денежное хозяйство и стала развиваться торговля, излишек продукции можно было продать или обменять на деньги. Деньги, в отличие от лишних фруктов, мяса и рыбы, можно было копить.

Постепенно милосердный монах превращался в скрягу. И чем явственнее становилось могущество, доставляемое наиболее выгодно приложимой формой богатства, деньгами и драгоценностями, тем сильнее росла алчность. Так монастыри, а с ними и вся церковь стали терять свое прежнее социальное значение. Из полезного института взаимопомощи они превращались в институт эксплуатации. Этим отрицательным сторонам

своей деятельности католическая церковь не могла противопоставить ни одной из тех положительных ценностей, в которых нуждалось европейское общество, вступая в новую эпоху развития.

Нет более убедительного доказательства в пользу того, что какое-то явление развилось до уровня всеобщего, как его отражение в пословицах и поговорках. Какие же пословицы и поговорки рождались у западных европейских народов того времени?

«В Риме все продажно: быки и овцы» (т. е. высшее и низшее духовенство); «В Риме можно делать все, что угодно, только благочестие немного приносит пользы»; «Три вещи привозишь обыкновенно из Рима: нечистую совесть, испорченный желудок и пустой кошелек»; «В Риме даже Святому Духу обрезали крылья»; «Если существует ад, то Рим построен на нем»; «Когда выбирают Папу, то ни одного черта не застанешь дома».

Подобные суждения рождались не только по причине ненасытной жажды денег со стороны римской церкви, но и пороков, которым богатство расчищало дорогу. Общераспространенными пороками церковников были лень, глупость, грубость, хитрость, жажда наслаждений и разврат. Им народное остроумие тоже посвятило немало поговорок:

«Монах боится труда как черт ладана»; «Надо пользоваться жизнью!» — сказал монах, звоня к завтраку; «Лень — начало монастырской жизни»; «Иван плохо видит, плохо слышит, плохо говорит, сделаем его попом»; «Он связывается с женщинами, как кармелит, обжирается, как бернардинец, пьянствует, как францисканец, воняет, как капуцин, и хитер, как иезуит»; «Ряса монаха — покрывало для мошенника»; «Собаки лают, волки воют, а монахи лгут»; «Монахини постятся так, что животы у них вздуваются»; «Я распинаю свою плоть», — сказал монах и положил крест на хлеб, ветчину и дичь.

Но все указанные и описанные пороки, если верить исследованиям истории нравов, это ничто в сравнении с чувственными эксцессами. Эротическая напряженность нашла в монастырях почву, особенно благоприятную для всех форм чувственного разгула.

Первой исходной точкой для чувственных удовольствий монахов и клира послужил вполне здоровый и нормальный протест против целибата (безбрачия). Он, как мы видели из приведенной цитаты Э. Фукса, был единственным средством церкви оторвать клир от частных интересов, сделать из него послушное иерархическое орудие в руках пап. Поэтому отречение от целибата могло стать для церкви отказом от господства.

Добровольно принятый в первые века христианства, целибат превратился со временем в категорический закон. Выгоды безбрачия обнаружились по мере того, как монастыри накапливали значительные богатства и становились важным средством церковного господства.

Однако даже самые строгие указы и наказания не приносили желаемых результатов. Кровь была сильнее папских булл, поэтому в монастырях стали распространяться «самые отвратительные, противоестественные пороки». На одном из церковных соборов в Париже было принято решение следить за тем, чтобы монахи и каноники не придавались содомии, чтобы «все подозрительные двери к спальням и другим опасным местам тщательно заделывались епископами», чтобы «монахини не спали на одной кровати».

Но ни самые строгие постановления, ни жестокие наказания не могли остановить подобные пороки. В конце концов, для клира была сделана уступка: отрицая за ним право на брак, ему разрешили иметь наложниц.

«Такая уступка оказалась тем более благоразумной, что эксплуататорская тактика церкви сумела извлечь из нее... огромные выгоды, — писал Э. Фукс. — Перед главою церкви открылся новый богатый и неиссякае-

мый источник доходов, так как большинство подобных индульгенций сбывалось клиру. Великие казуисты церкви немедленно изобрели и подходящие формулы, примирявшие противоречия. Когда в XIV в. снова вспыхнула борьба из-за вопроса о праве священников на брак и многие священники настаивали на возвращении этого права, то знаменитый и влиятельный французский церковный учитель Жерсон следующим образом оправдывал невоздержание монахов:

«Нарушает ли священник обет целомудрия, удовлетворяя свою половую потребность? Нет! Обет целомудрия касается только отречения от брака. Священник, совершающий даже самые безнравственные поступки, не нарушает, стало быть, своего обета, если совершает эти поступки как неженатый».

Жерсон лишь слегка ограничивал эту свободу священников: «Старайтесь делать это тайком, не в праздничные дни и не в священных местах и с незамужними женщинами».

Аргументы Жерсона стали, так сказать, догматическими взглядами. Чего же еще? Так как приходилось спасать кошелек, которому угрожала опасность, то как было не рискнуть высокой ставкой. В конце концов изобрели еще одну причину, как будто бы оправдывавшую право на наложницу в интересах самих же верующих. В другом месте тот же Жерсон говорит:

«Для прихожан является, конечно, большим соблазном, если священник имеет наложницу, но было бы для них еще большим соблазном, если бы он оскорбил целомудрие одной из своих прихожанок».

Во всяком случае, таким образом был найден путь, удовлетворявший обе стороны, и вопрос о celibате был решен в духе и — что важнее — в интересах церкви.

Очень быстро внебрачное сожительство широко распространилось среди духовенства. Вот несколько цитат из источников того времени:

«Во время происходившей в 1563 г. ревизии монастырей пяти нижнеавстрийских наследственных провинций почти во всех были найдены наложницы, жены и дети. Так, девять монахов бенедиктинского монастыря Шоттен имели при себе семерых наложниц, двух жен и восемь человек произведенных ими на свет детей; восемнадцать бенедиктинцев в Гарстоне имели двенадцать наложниц, двенадцать жен и двенадцать человек детей; сорок монахинь в Агларе — 19 детей и т. д.».

О Баварии того же времени: «Во время последней ревизии в Баварии конкубинат (внебрачное сожительство. — В. К.) оказался таким распространенным, что среди духовенства едва ли нашлось три или четыре человека, не имевших наложниц или не живших в тайном браке».

Аббат Руперт в начале XII в. писал: «Те из священников, которые воздерживаются от брака, так как он противоречит законам церкви, тем не менее отнюдь не ведут воздержанного образа жизни, напротив, они ведут себя тем хуже, что никакая супружеская связь не обуздывает их, и они тем легче могут переходить от одного предмета наслаждения к другому».

«Нравственная разнузданность была... правилом, обусловленным исторической ситуацией, — замечает Э. Фукс. — Разнузданность же не знает ни границ, ни удержу. Ее стихия — разнообразие. Так сама собой она всегда доходит до оргии. Тысячи монастырей становились «очагами бесстыдства и всяческих пороков». Нигде культ Приапа и Венеры не был до такой степени распространен. «Монахиня» и «проститутка» были часто синонимами. Одна поговорка гласила: «Она монахиня или девка», другая: «Внизу девка, сверху святая», третья: «Когда поп ржет, монахиня открывает ворота». По мнению народа, столь своеобразно логического, на свете вообще не существовало целомудренных монахинь. «Были

три целомудренные монашки: одна убежала, другая утонула, третью все еще ищут». Монахи, по общему убеждению, занимаются исключительно скверной и делают это при каждом случае. Пословица говорила: «Монах должен держать кубок обеими руками, а то он будет под столом искать фартук».

Много монастырей были самыми бойкими домами терпимости. По этому поводу сложилось немало поговорок: «Августинка по ночам всегда хочет иметь на подушке две головы», «Во многих монастырях под постелью найдешь всегда пару разных туфель», «Сорная трава растет во всех садах», — сказал приор, когда брат-монах увидел утром у него под кроватью женские башмаки». Тайный секретарь Буркхарт сообщает о Риме: «Почти все монастыри города стали вертепами». И то, что верно относительно Рима, приложимо и ко всему христианскому миру».

Если верить исследователю, женские монастыри ни в чем не уступали мужским. В 1261 г. магистр ордена мендикантов (нищих) Генрих заявлял: «Если монахиня, поддающаяся искушению плоти, нарушит обет целомудрия, то вина ее меньше и она заслуживает большего снисхождения, если отдается клирику, чем если согрешит с мирянином».

Монахи были недовольны конкуренцией мирян и тем, что женские монастыри превращались «в дворянские дома терпимости». Но, как бы там ни было, клирики не позволяли себе оставаться в дураках и, если верить источникам, отличались особой одаренностью в любовных делах, о чем свидетельствуют и многочисленные поговорки: «Он силен, как кармелит», «Он развратен, как брат-тамплиер», «Похотливые женщины чуют кармелита по платью», «Истинного капуцина женщины чуют уже издали».

Последствия развратной жизни в монастырях сказывались в том, что «стены их оглашаются не столько

псалмами, сколько детским криком», и те же самые народные поговорки отражают, насколько обычным было это явление: «Странно, что черные куры несут белые яйца», — сказала монахиня, удивляясь, что ее ребенок не похож на черного бенедиктинца», «Никто не застрахован от несчастья!» — сказала монахиня, родив близнецов», «Женский монастырь без родильного приюта то же, что крестьянский двор без стойла».

Мрачными последствиями необузданного монастырского сладострастия стали процветавшие в женских монастырях детоубийства и аборты.

«Что сказать о таких монастырях, где монахини часто рожают детей? — задается вопросом автор «Циммернской хроники». — Да поможет им Бог, чтобы дети по крайней мере родились живыми, воспитывались бы во славу Божию и не убивались бы, а то существует слух, будто около таких монастырей имеется пруд, в котором запрещено ловить рыбу неводом и воду из которого никогда не выпускают, а то, пожалуй, найдется кое-что, могущее навлечь на монастырь позор и плохую молву».

Схожие сведения о немецких монастырях можно прочесть у хрониста Дитриха Нимского: «Монахи и монахини живут вместе в монастырях и превращают их в дома терпимости, в которых совершаются самые гнусные преступления. Монахини убивают собственных детей».

Рождение ребенка у «невесты Христовой» считалось величайшим преступлением, поэтому среди монашек процветал культ аборта. В наиболее бесстыдных монастырях монахини, которые готовились стать матерями, подвергались самому ужасному обращению. Поначалу церковь еще испытывала сострадание к матерям. Авиньонский собор, например, запрещал священникам «давать женщинам яд или пагубные снадобья для уничтожения плода». Но когда «бес-

стыдство церкви стало вопиющей язвой» и стало исходным пунктом требования священников права на брак, церковь уже не имела ничего против того, что ее слуги и служанки старались всячески скрыть последствия разнузданной жизни.

Но если таковыми были нравы монахов, монахинь и низшего духовенства, то можно себе представить, что происходило на верху церковной иерархии.

«Со своим образным языком народ попал прямо в цель, называя известных пап не «его римским святейшеством», а «его развратным святейшеством», — пишет Э. Фукс. — Красноречивым комментарием к этим эпитетам служит не одна грязная страница из истории папства. Об Иоанне XXIII (Балтазар Косса, известный российскому читателю по книге А. Парадисиса. — В. К.) Дитрих Нимский сообщает, что он, «по слухам, в качестве болонского кардинала обесчестил до двухсот жен, вдов и девушек, а также многих монахинь».

Еще в бытность свою папским легатом в Анконе Павел III должен был бежать, так как изнасиловал молодую знатную даму. Ради кардинальской шапки он продал свою сестру Юлию Александру VI, а сам жил в противоестественной связи со второй, младшей сестрой. Бонифаций VIII сделал двух племянниц своими метрессами. В качестве кардинала Сиенского будущий папа Александр VI прославился главным образом тем, что в союзе с другими прелатами и духовными сановниками устраивал ночные балы и вечеринки, где царила полная разнузданность и участвовали знатные дамы и девушки города, тогда как доступ к ним был закрыт их «мужьям, отцам и родственникам». Пий III имел от разных метресс не менее двенадцати сыновей и дочерей.

Не менее характерно и то, что самые знаменитые папы эпохи Ренессанса из-за безмерного разврата страдали сифилисом: Александр VI, Юлий II, Лев X. О Юлии II

его придворный врач сообщает: «Прямо стыдно сказать, на всем его теле не было ни одного места, которое не было бы покрыто знаками ужасающего разврата». В пятницу на святой неделе, как сообщает его церемониймейстер Грассис, он никого не мог допустить до обычного поцелуя ноги, так как его нога была вся разъедена сифилисом. К эпохе Реформации относится сатирическое стихотворение, вложенное в уста высокого сановника с носом, изъеденным сифилисом и потому подлежащим операции. В этом стихотворении отмеченный печатью сифилиса сановник обращается с трогательной речью к своему носу, называет его «кардиналом, зеркалом всяческой мудрости, никогда не впадавшим в ересь, истинным фундаментом церкви, достойным канонизации» и выражает надежду, что «тот еще станет со временем папой».

В одном из своих знаменитых «Писем без назначения» Петрарка так охарактеризовал нравы своего времени: «Грабеж, насилие, прелюбодеяние — таковы обычные занятия распущенных пап; мужья, дабы они не протестовали, высылаются; их жены подвергаются насилию; когда забеременеют, они возвращаются им назад, а после родов опять отбираются у них, чтобы снова удовлетворить похоть наместников Христа».

Дополнением естественных пороков были противоестественные пороки. В мемуарах голландского богослова Весселя, долго жившего в Риме и бывшего другом папы, говорилось, что церковь разрешала их за определенную плату. Они были настолько распространены среди высшего духовенства, что о них только и говорили в народе. Еще в XI в. епископ Дамиани постарался придать им некоторую форму в своей «Гоморровой книге», потому что все должно было быть подчинено порядку, даже противоестественные пороки — от мастурбации до зоо- и некрофилии.

Ренессанс, или Возрождение, был одной из тех революционных эпох, которое пережило человечество на протяжении своей истории. Нельзя не согласиться с Э. Фуксом, который пишет в своем исследовании нравов, что «люди революционных эпох отличаются... большей силой и творческой способностью... в области чувственной любви». Знакомство с жизнью и нравами времени по оставленным письменным документам и литературным памятникам доказывает это положение. Половая любовь в эпоху Возрождения имела «прямо вулканический характер и проявлялась обыкновенно как вырвавшаяся из плена стихийная сила, подчинявшая себе все, пенясь и шумя, правда, порой и не без грубой жестокости».

Основным принципом в области чувственной любви стала производительность: мужчина хотел и стремился оплодотворять, женщина жаждала оплодотворения.

«Благодаря этому любовь получила в эпоху Ренессанса такой же героический оттенок, как и идеал физической красоты, — читаем у Э. Фукса. — Это было логично. Противоположное было, напротив, нелогично, ибо все отдельные проявления духа века органически между собой связаны и потому гармонично дополняют друг друга. То, что в идеале красоты Возрождение привело к благороднейшему воплощению красоты в смысле целесообразности, должно было в реальной жизни привести к подобному же торжеству естественного закона любви. В таком направлении эпоха и идеализировала любовь... Любовь, так сказать, и в идеологии превратилась из понятия в реальность, стала сознательным осуществлением закона природы и, в конце концов, культом воспламененных сильнейшим образом инстинктов. Повышенная половая деятельность стала в глазах обоих полов явлением нормальным, дающим право на уважение. Совершенным в глазах эпохи был только тот мужчина, ко-

торый, кроме вышеуказанных физических достоинств, отличался никогда не потухавшими желаниями, совершенной женщиной — только та, которая вплоть до самого зрелого возраста жаждала любви мужчины.

Другими словами, высшими добродетелями считались вулканические страсти у обоих полов, неослабевающая даже в преклонных годах производительность мужчины и столь же неослабевающее плодородие женщины. Иметь много детей доставляло славу и было обычным явлением, не иметь их считалось наказанием за какой-нибудь грех и встречалось сравнительно редко.

[...] Чисто чувственная тенденция Ренессанса могла свободно развиваться потому, что в предыдущие, Средние века, отношения между полами носили очень примитивный характер, были исключительно половыми отношениями. Животный базис эротического чувства был лишь в самой незначительной степени одухотворен. Любовь исчерпывалась физическим актом, во всяком случае кульминировала в нем».

Это приложимо в особенности к браку. Его условный характер был лишь в незначительной степени одухотворен индивидуальной любовью. Для аристократов брак был скорее всего политическим актом, лучшим средством улучшить свое благосостояние, влияние и могущество. Поэтому не столько желание молодых, сколько интересы семьи имели решающее значение при заключении брака. Таким же образом поступали и цеховые мастера в средневековых городах. Если круг, из которого они могли выбрать себе жену, был и без того ограничен, то они должны были подчиняться цеховым и семейным интересам. Для купечества, возникшего позже, вопрос о материальном благосостоянии тоже оттеснил личные склонности. В глазах городских мастеров и купечества брак являлся одной из форм накопления капитала. Только в низших слоях народа, среди

представителей неимущих классов, могли смотреть на брак не с такой условной точки зрения. Потому индивидуальная любовь в их брачных союзах очень часто имела большое значение. У остальных классов брак был основан на денежных, классовых и сословных интересах и являлся средством производства законных наследников.

«Возрождение в Италии вызвало расцвет искусств, — писал М. Дубинский. — Возрождение во Франции создало культ любви. Провозвестником этого культа явился Франциск I. Он мог бы с полным правом употребить фразу, которой охарактеризовал впоследствии свое правление Людовик XIV: «Государство — это я».

В самом деле, королевская власть была для Франциска I только средством удовлетворять личные прихоти. Государство существовало исключительно для него. Не чуждый излишеств, король покровительствовал чужим излишествам, стараясь придать им отпечаток элитности.

Франциск I возвел галантность в степень правительственного искусства. Он стал зачинателем того господства придворных дам, которое впоследствии не только прижилось при дворе французских королей, но и имело большое значение для положения женщины во всей Европе.

Но «процветанию женского начала особенно содействовало усиление королевской власти, — писал тот же М. Дубинский. — Людовик XI унизил французское дворянство, Франциск I поработил его, заставив жить при дворе. Король превратил баронов в титулованных лакеев, а их жен и дочерей в своих одалисок. Для достижения последнего пускались иногда в ход низменные интриги и всякие хитрости, как это произошло в то время, когда нужно было привлечь ко двору графиню Шатобриан. Несмотря на свою галантность, Франциск I для

удовлетворения похоти не останавливался даже перед грубостями. Так, узнав, что один из его придворных пригрозил жене смертью, если она разделит ложе с королем, ворвался к нему в спальню с обнаженным мечом и, выгнав мужа, занял его место. Женщина эта, как прибавляет французская хроника, была с тех пор очень счастлива, так как муж больше не осмеливался ей перечь и был послушен, как овца».

Вполне понятно, что слуги и приближенные короля подражали ему в своих поступках. Например, фаворит Бонниве ухаживал за Маргаритой Наваррской, сестрой короля, которая величала себя не иначе как «самой женственной женщиной во всем королевстве». (Чтобы понять, насколько точно и правильно оценила себя принцесса, стоит прочесть ее «Гептамерон»: женщина, фантазия которой была насыщена такими сладострастными картинами, не могла не быть воплощением полового чувства.)

Гордая красавица не уступила перед его обольщениями. Тогда Бонниве решил завладеть Маргаритой с помощью хитрости. Он пригласил в свой охотничий замок весь двор. Ночью, когда все уснули, королевский фаворит пробрался в спальню к принцессе. Но его ожидало разочарование: Маргарита неожиданно проснулась и нарушила все планы незадачливого домогателя. Бонниве вынужден был бежать. Любопытно, что когда король на следующий день узнал о ночном эпизоде, то только рассмеялся.

Конечно, атмосфера таких фривольных взаимоотношений не могла не сказаться и на общих нравах эпохи. Добродетельная женщина стала большой редкостью. Более того, она стала всеобщим посмешищем. Женщины вели себя свободно в любовных отношениях и стремились изгладить из памяти всякое представление о добродетели. Они соперничали в пороках с мужчинами, и часто превосходили их в этом.

Главный хроникер скандальных историй того времени Брантом сохранил для нас примечательный рассказ об одном итальянском государе. Женившись на французской принцессе, тот на следующий день после свадьбы в присутствии придворных высказал удивление, что его французская невеста оказалась девственницей.

Франциск I любил повторять: «Двор без женщин то же, что год без весны и весна без роз».

После Франциска нравы французского двора несколько не изменились. Двор представлял собой арену ожесточенной борьбы между различными интриганками, искательницами приключений и другими женщинами сомнительного поведения. Отныне с именем каждого французского короля было связано имя какой-нибудь фаворитки, а то и нескольких фавориток.

Царствование Генриха II ознаменовалось господством при дворе Дианы Пуатье. Она родилась в 1499 году и уже в 13 лет была отдана замуж за графа Моливре, а спустя два года овдовела. Еще до смерти мужа Диана блистала при дворе Франциска и близко сошлась с государем. Когда ее отец был приговорен к смертной казни за участие в заговоре против короля, Диана обратилась к Франциску и добилась отмены приговора.

Герцог Генрих Орлеанский, второй сын Франциска I, от природы был застенчив и робок. Молодость его была омрачена одним эпизодом: когда Франциск был взят в плен после сражения у Павии (февраль 1525 г.), Генриху и его брату пришлось провести в монастыре целых четыре года в качестве заложника. Вернувшись в Париж, он был ослеплен царившим там блеском и множеством очаровательных женщин, которые были доступны.

Но его выбор пал на Диану Пуатье, которая на целых 18 лет была старше Генриха Орлеанского. В этот момент Диана носила траур по мужу, «одевалась кра-

сиво и величественно, но только в черное и белое». Однако даже в таком неброском наряде она показалась Генриху самой красивой женщиной при дворе. Принц робел в ее присутствии, считал Диану образцом добродетели и ума и не надеялся на какие-либо близкие отношения. Но сама Диана очень скоро поняла, какое можно оказывать влияние на принца.

Когда старший брат Генриха умер, тот стал дофином. (В то время по Парижу ходили слухи о том, что в смерти наследника престола была повинна Диана, но этот факт так и не был доказан ни одним из исследователей истории Франции.) С той минуты, когда Генрих стал реальным претендентом на французский трон, при дворе началась отчаянная борьба между двумя женщинами: Дианой Пуатье и фавориткой Франциска, герцогиней д'Этамп. Весь двор разделился на два лагеря. Диана уступала сопернице в возрасте: она была на десять лет старше герцогини д'Этамп. К тому же, герцогиня сумела приблизиться к Генриху, понимая, что Франциск не вечен. В раздоре двух придворных красавиц принимали участие даже поэты и художники. Художник Приматиччио, например, рисовал герцогиню д'Этамп, а знаменитый «золотых дел мастер» Бенвенуто Челлини избрал в качестве модели прекрасную Диану. Поэты, сторонники герцогини, возвеличивали ее красоту и при этом не щадили негативных красок, чтобы опорочить Диану. Они называли ее беззубой, безволосой, обязанной своей сноской наружностью только косметике.

Но сторонние свидетели придворных интриг утверждали, что это не так. Даже на закате лет Диана слыла необычайно красивой женщиной. У нее были правильные черты лица, ровный цвет кожи, черные, как смоль, волосы. Она практически никогда не болела и даже в самую холодную погоду мыла лицо студеной водой из колодца. Обычно она вставала в шесть утра, сади-

лась на лошадь и в сопровождении гончих собак проезжала две-три мили, а по возвращении домой снова укладывалась в постель, где до полудня читала.

Диану очень интересовали вопросы литературы и искусства. Но самое главное — она была красива не только внешне. Большинство ее достоинств заключалось в уме. Современники утверждали, что фаворитка завоевала сердце короля как своими физическими прелестями, так и дельными советами по вопросам политики и искусства.

Диана Пуатье обладала пышной грудью, на что в первую очередь должны были обращать внимание художники. Это видно как по многим картинам, для которых Диана позировала.

Кстати говоря, отношение к наготе служит еще одним ярким доказательством основной — чувственной — тенденции в эпоху Ренессанса. Каждая женщина, обладавшая красивой грудью, щедро раскрывала свой корсаж и сбрасывала все покровы, чтобы не только мужчины, но и другие женщины могли видеть, наслаждаться и завидовать обладательнице природного сокровища.

«Богатые девицы надевают платье с вырезом спереди и сзади, так что грудь и спина почти обнажены, — читаем в описании женского костюма нач. XV в. — К тому же корсаж так подпирает грудь вверх, что достаточно малейшего движения женщины, чтобы грудь вышла из платья».

«Женщины носят широкие вырезы, так что видна половина груди», — записал автор Лимбургской хроники XV в.

Женщины, одаренные от природы красивой грудью, не упускали случая доставить мужчинам такое зрелище. Очень часто муж или любовник заказывали художнику не портрет возлюбленной, а лишь портрет ее груди. Прекрасная пышная грудь многих женских пор-

третов того времени представляет собой не только центр, но и главное назначение этих картин. Само собой разумеется, что художники стремились сохранить точность и достоверность изображаемого объекта. Не только многочисленные гравюры и портреты, но и литературные памятники эпохи Ренессанса являются прекрасной иллюстрацией царивших нравов.

Письмо Дюрера к своему другу Меланхтону дает понять, какое впечатление это производило на людей. Дюрер пишет, что «разглядывал этих девушек вблизи довольно дерзко», ибо он был «художником». Но у толпы были те же побудительные причины. Она состояла из чувственных юношей и стариков, которые не знали ничего выше красивой женщины. Они спешили насладиться своими чувственными позывами, тем более что «прекраснейшие из прекрасных украшали праздник жизни своей наготой и выставляли все свои тайные прелести напоказ, причем каждая хотела быть самой прекрасной и желанной». Женское честолюбие переживало в эпоху Ренессанса свой триумф.

«Чтобы лучше обратить внимание на красоту груди, на ее наиболее ценные достоинства — упругость и пышность, женщины порой украшали ореолы алмазными кольцами и шапочками и обе груди соединялись золотыми цепочками, отягченными крестами и драгоценностями, — пишет Э. Фукс. — Екатерина Медичи придумала для придворных дам моду, обращавшую внимание тем, что в верхней части платья справа и слева были сделаны два круглых выреза, обнаруживавших только груди, но зато целиком и обыкновенно обнаженными, или тем, что груди искусственно воспроизводились внешним образом».

Однако вернемся к придворным нравам Франции. Одолев свою противницу, Диана жестоко наказала всех поклонников и сторонников герцогини, а сама фаворитка короля — удалена от двора. Она разделяла недо-

статки других фавориток: была жадна, честолюбива и мстительна.

Генрих был совершенно очарован Дианой и полностью находился в ее власти. Даже женитьба на молодой и прелестной Екатерине Медичи, дочери герцога Урбино из Флоренции, не разлучила его с ней. Впрочем, сама Екатерина была не против этой связи. Она не только не вмешивалась в государственные дела своего коронованного супруга, но и предпочитала уделять внимание только себе. Екатерина окружила себя преданными веселыми дамами, так называемой «маленькой шайкой», которая занималась охотой, спортом, балами и т. д. Поэтому никто не удивлялся тому обстоятельству, что фактической королевой Франции была не она, а Диана Пуатье.

Диана была даже больше, чем королева. Она держала в своих руках судьбу всего государства, раздавая важнейшие государственные посты, приближая к Генриху лишь преданных себе людей, решая вопросы о помиловании, управляя финансами и вмешиваясь в вопросы судопроизводства.

Король беспрекословно выполнял ее волю. В одном из писем он умолял ее смотреть на него только как на верного слугу и уверял, что гордится именем слуги, которым она его окрестила.

Родственники Дианы отрицали существование интимной связи между ней, Франциском и Генрихом. Доказательством должно было служить не только то, что у Дианы не было детей, но и то, что ее поведение в замужестве было безукоризненным, что даже в период апогея своего влияния на короля она не снимала с себя траура, что король относился к ней всегда с уважением, что между ним и Дианой существовала большая разница в возрасте, что она не была расточительна, как иные куртизанки.

Но есть и иные мнения. Придворный историк де Ту строго осуждает фаворитку короля Генриха, приписы-

вает ей гонения на протестантов и разрыв мирных отношений с Испанией. Тем не менее она могла считаться лучшей из фавориток, и Брантом с полной справедливостью мог сказать: «Французский народ должен просить Бога, чтобы никогда не было более худой фаворитки, чем эта».

В траур Дианы многим тоже верилось с трудом. Французская пословица говорила по этому поводу: «Печать вдовы только в ее верхнем платье».

С годами власть Дианы усиливалась. В 1548 г. король сделал ее герцогиней Валентинуа. Все должны были преклоняться перед ней. Король поручил архитектору Делорму построить для нее дворец Ане, великолепной обстановкой которого Диана занималась сама. С Екатериной Медичи она поддерживала самые добрые отношения и ухаживала за ее детьми, хотя и не без выгоды для самой себя.

Но дни Дианы Пуатье при французском дворе закатились в тот же день, когда умер Генрих. Еще задолго до его смерти астрологи распространили два предсказания. Итальянец Луко Гаврико возвестил, что король погибнет на сороковом году жизни на дуэли. Это предсказание вызвало лишь насмешки, потому что у королей не было дуэлей. Несмотря на это, вскоре появилось другое предсказание такого рода.

Роковой день наступил 29 июня 1559 г. У дворца Турнель проходил рыцарский турнир, в котором король выступал под цветами Дианы. Он дрался храбро, но копье графа Монморанси попало ему в глаз и проникло в мозг. Через несколько дней он умер.

После этого случая открылось, какими были истинные отношения между королевой Екатериной Медичи и Дианой Пуатье. Брантом рассказывает, что король еще дышал, когда Екатерина приказала Диане удалиться от двора, вернув все драгоценности, которые ей подарил король. Диана спросила, умер ли король. Ког-

да ей ответили, что он еще дышит, но не проживет и дня, она гордо воскликнула:

— В таком случае мне никто не смеет приказывать! Пусть знают мои враги, что я их не боюсь! Когда короля больше не будет в живых, потеря доставит мне слишком много горя для того, чтобы я была чувствительна к досаде, которую мне хотят причинить.

Это была последняя вспышка власти и могущества фаворитки двух королей. Молодой король Франциск II приказал ей сказать, что «вследствие своего губительного влияния на короля она заслужила строгое наказание, но своей королевской милостью он решил оставить ее в покое и требует только, чтобы она возвратила драгоценности, полученные от Генриха II».

Так бриллианты и другие украшения, попавшие из рук графини Шатобриан к герцогине д'Этамп, а потом в руки Дианы Пуатье, вернулись в королевскую казну, чтобы перейти по наследству к новым фавориткам.

Диана покорно подчинилась судьбе. Она удалилась в свой замок Ане, где и умерла 22 апреля 1566 г., покинутая прежними друзьями. Перед смертью она основала несколько больниц, отдав, по меткому выражению Шатонефа, Богу то, что взяла от мира. В церкви Ане ей поставили памятник из белого мрамора, который позже был передан в Лувр. Из двух ее дочерей от брака с графом Брезе одна вышла замуж за герцога Бульонского, а вторая — за герцога Омальского.

Надеюсь, наш продолжительный экскурс в историю любви, взгляд на нее, как на сокровенное человеческое чувство, будет полезен читателю для понимания того, о чем я собираюсь рассказать в последующих главах своей книги.

«Человек — мера всех вещей», — выразился древнегреческий философ Протагор. Мне кажется, что подобная философская сентенция как нельзя точ-

но характеризует любую историческую эпоху. Каждая из них кристаллизуется в духовных откровениях, выражала и выражает себя в философии, науке, системе права, литературе, искусстве, правилах поведения.

Но в наименьшей степени выражением смысла каждой исторической эпохи являются представления о физической красоте современного человека, бывшие основой чувственной любви. Он зависел от главной тенденции века и почти непрерывно видоизменялся. На примере художественных произведений — картин, скульптур, литературы — читатель вполне может убедиться в справедливости этого замечания. Они не только увековечили дух времени, но и донесли до нас извечную тоску и мечту каждой эпохи о любви и красоте — вчерашней, сегодняшней, завтрашней.

«В тонких оттенках и выражается поэтому обыкновенно в эстетической области эта постоянная смена исторического положения вещей, — замечает Э. Фукс. — Если бы вы захотели в один прекрасный день устранить промежуточные звенья и сравнить современный момент эволюции с ее исходной точкой, то вам пришлось бы констатировать, что из первоначального образа вырос совсем другой идеал. Оглядываясь назад на более или менее продолжительную эпоху, вы далее увидите, что — а это очень важно — начиная с известного момента эти оттенки всегда лежат в одном направлении. Так постепенно складывается совершенно новый идеал, причем тот идеал, которому ныне поклоняются, на который ныне молятся, представляет собой нечто совершенно противоположное, даже враждебное первоначальному образу, перед которым люди когда-то склоняли колени. Но именно эти противоположные линии считаются теперь единственно красивыми, провозглашаются сущностью новой красоты, выставляются как канон будущего.

Поэтому мечта новой эпохи об идеальной красоте принципиально иная, чем та, которая господствовала в более или менее далеком прошлом, так как потребности стали совершенно иными: люди стремятся теперь к иным целям. Факт этот долго остается неосознанным, но в один прекрасный день он все-таки входит в сознание... Если же переработка старых идеалов совершается уже не бессознательно... а преднамеренно, то она отличается тем большей радикальностью и последовательностью. Люди стремятся к поставленной цели уже напрямик. Вот почему... эти эпохи вызывают ложное впечатление, будто ими создана новая форма, тогда как на самом деле новая революционная эпоха подводит лишь итог работе давно действовавших сил и в лучшем случае доводит процесс развития к его цели кратчайшим путем.

А цель всегда одна и та же — снова привести в гармонию форму и содержание».

Античность нуждалась в героях, поэтому идеалом красоты в эту эпоху становились мужественные мужчины и женственные женщины. Их физические достоинства должны были не только подчеркивать половую принадлежность, но и символизировать плодородие.

В аскетическом мировоззрении Средневековья, не связанном с какой-то определенной территорией, а охватывавшем область распространения католической церкви, тело играло роль лишь мимолетной и проходящей оболочки бессмертной души. Средневековое мировоззрение провозгласило сверхземную душу высшим понятием и единственной целью жизни. Телесная оболочка только мешала осуществлению этого, а потому превратилась в простой придаток, достойный всяческого презрения.

«Что можно потерять, того не стоит желать. Думай о непреходящем, о сердце! Стремись к небесам! Блажен на свете тот, кто в состоянии презирать свет», — кон-

статировал Бернард Клервоский, французский теолог-мистик, аббат монастыря в Клерво.

Поэтому тело в глазах средневекового человека — пища для червей. Христианство, а вслед за ним и идеология эпохи отрицали человеческое тело, допускали его в той степени, в какой оно менее всего могло мешать осуществлению его сверхземного содержания.

Однако это совсем не значит, что чувственное начало было упразднено Средневековьем. И не только потому, что во все времена «плоть была сильнее духа», но и потому, что общество той эпохи не было однородным по своему составу. И поскольку господствующий класс часто навязывает обществу свои идеалы, то суровое аскетическое учение церкви не помешало феодальной знати создать в *рыцарской любви* специфическую классовую идеологию, сосредоточенную исключительно на чувственном наслаждении, чего, как мы видели, не избежала и сама церковь.

«Романтический культ женщины был особенно реалистически настроен как раз в своих извращенных чудачествах, — пишет Э. Фукс. — Рыцарская любовь ни словом не касалась бессмертной души, зато каждое слово было посвящено прекрасному телу. И хотя в этом культе чувственности скрыты первые зародыши индивидуальной половой любви, все же преданная ему феодальная аристократия была нисходящим классом, и потому ее чувственность выражалась в рафинированном наслаждении. В ней не было ничего творческого, она носила характер вырождения, была игрой, извращенностью. А под неизбежным влиянием средневекового христианского мировоззрения мистические любовные идеалы рыцарства превратились, в конце концов, в простое систематизированное сладострастие. Доказательством служит идеал физической красоты, созданный рыцарством: физическая сторона была в нем подчеркнута под углом зрения рафинированного наслаждения».

Каждая эпоха всегда пользуется теми категориями мысли прошлого, в которых она находит, как ей кажется, свои собственные проблемы уже решенными. В таких случаях как бы сами собой всплывают те формы мышления, которые когда-то выражали такое же жизненное содержание.

Такими в эпоху Ренессанса были античные представления, потому что духовная культура античного мира являлась также результатом и выражения торгового строя жизни. Ренессанс стал прямой противоположностью подобной идеологии. Он низвел все предметы с неба на землю — и в первую очередь самого человека — и противопоставил средневековой рафинированности дышавшую силой идеологию здоровья. Выше всего он ценил в мужчине и женщине цветущую силу, как важнейшую предпосылку творческой мощи. Принципиальное стремление к выявлению полярной противоположности между мужчиной и женщиной, как можно более ясное и точное выражение тех физических особенностей, которые отличают мужчину от женщины, а женщину от мужчины, категорическое устранение из мужского образа женственности, а из женского образа — мужественности, — вот в чем заключалась совершенная красота.

Подобное представление о телесной красоте — чувственное, потому что целесообразность в этой области всегда является *эротической красотой*. Возрождение провозгласило идеальным типом чувственного человека, того, кто лучше всякого другого может вызвать у противоположного пола любовное чувство, притом «в строго животном смысле, следовательно, сильное половое чувство».

Именно в этом смысле восторжествовала целесообразная красота в эпоху Ренессанса. Со времени падения Римской империи она снова праздновала свой высочайший триумф. Мужчина считался красивым, если в нем

были развиты те признаки, которые характеризовали его половую активность: сила и энергия. Так как всякая революционная эпоха в своем страстном стремлении к творчеству всегда переходит границы нормального, то она не довольствуется созданием нормальной фигуры, а всегда преувеличивает существенные черты. Поэтому и физический идеал мужчины был доведен до героического уровня. В мужчинах ценили не только широкую грудь, но и геркулесовское сложение. Он должен был сочетать в себе Аполлона и Геркулеса.

Точно также совершенной и красивой признавалась та женщина, у которой тело обладало всеми данными, необходимыми для выполнения предназначенного ей от рождения материнства. И прежде всего — грудью. В эпоху Ренессанса впервые после античности обнаженная женская грудь получает большое значение. В противоположность Средневековью, которое предпочитало женщин с узкими бедрами и стройной талией, в женщине стали ценить широкие бедра, крепкую талию, толстые ягодицы и пышную грудь. Женщина должна была быть в одном лице Юноной и Венерой.

«Величественно сложенная женщина заслуживает глубочайшего преклонения, — характеризуя нравы эпохи, писал Брантом. — Она должна быть высокого импозантного роста, должна обладать пышной, прекрасной грудью, широкими бедрами, крепкими ягодицами — как Венера Каллипига, — полными руками и ногами, способными задушить гиганта... Вот почему полные женщины заслуживают предпочтения хотя бы ради только их красоты и величия, ибо за эти последние, как и за другие их совершенства, их ценят. Так, гораздо приятнее управлять высоким и красивым боевым конем, и последний доставляет всаднику гораздо больше удовольствия, чем маленькая кляча».

Такова была основная тенденция эпохи Ренессанса, царившая во всех странах, где в жизни проявился но-

вый фактор развития. Во всех европейских странах, где создавался образ нового человека, *в центре внимания стояло тело, а физическая красота полагалась в подчеркнутой чувственности*. Такова общая черта идеала красоты, которая бросается в глаза.

На смену эпохе Ренессанса пришел абсолютизм.

«В идеологии XVIII в. снова родятся новый Адам и новая Ева, — замечает Э. Фукс. — Или, точнее, новая Ева и новый Адам. Ибо на этот раз сотворение человека начинается с женщины. Насколько велико было различие между общественным бытием человечества в эпоху Ренессанса и в сменивший ее век абсолютизма, настолько же резко противоположно старому новое представление о физиологической красоте человека».

В процессе очередного пересоздания физического идеала красоты новая сущность чувственных переживаний и эмоций не только облекается в теоретические формулы, но и принимает физиологически осязаемые формы. Идеал физической красоты эпохи становится и идеалом особенно ценимых эпохой нравственных качеств, потому что «в своей идеологической сущности он всегда не более как результат постоянно бодрствующей тенденции обоготворения, всегда формирующей человеческое тело в зависимости от своих специальных целей».

В эпоху Возрождения выше всего ценилась в мужчине и женщине цветущая сила, которая была важной предпосылкой творческой мощи. Сменивший его век абсолютизма, напротив, считал все крепкое и могучее презренным. Сила и мощь воспринимались эстетически безобразными. Именно в этом заключается наиболее выразительное отличие идеалов красоты обеих эпох.

Закон красоты в эпоху абсолютизма диктовался классом, который имел в своих руках власть и обладал возможностью всецело жить за счет эксплуатации. Он не знал ничего более презренного, чем труд. В глазах

представителя господствующего класса физический труд являлся позором.

«В глазах паразита истинное благородство и истинный аристократизм заключаются прежде всего в безделье, и безделье становится постепенно первой и главной обязанностью этих классов и групп населения, — говорит Э. Фукс. — Уже одно это указание бросает свет на противоположность между идеологиями физиологической красоты, царившими в эпоху Ренессанса и в век абсолютизма».

В эпоху абсолютизма аристократическим идеалом красоты становятся типические линии человека, предназначенного для безделья. Вершиной человеческого совершенства признан человек в смысле предмета роскоши, *идеализированный бездельник*. Это вовсе не значило, что речь шла о стойкой противоположности между духовным и физическим началами. *Аристократический идеал красоты всегда был и оставался таким в этих классах.* (Таким он, по сути дела, и остался. Для этого достаточно вспомнить физическую внешность моделей и супермоделей, которых мы видим на мировых подиумах. Его стараются придерживаться представители российского среднего класса и той части российского общества, к которой принадлежат «новые русские». В этом, конечно же, нельзя не видеть влияния Запада, давнего законодателя мировой моды. И хотя большинство представителей «новых русских» являются лжеаристократами и лжеаристократками, симптом сам по себе примечателен, о чем мы поговорим в соответствующем месте книги.) В остальных классах он существовал до той поры, пока они зависели от аристократии в материальном и духовном отношении.

«Стремление к изысканному чувственному наслаждению очень характерно обнаруживается в идеологии красоты, — подчеркивает Э. Фукс. — Так как паразит-жуир стремится все к новому увеличению возможнос-

тей наслаждения, то первое, что он делает, он раздробляет наслаждение, чтобы его увеличить. Это заставляет его по необходимости раздроблять и самое человеческое тело. Жуир делает из него десяток отдельных, самодовлеющих орудий наслаждения. Тело перестает быть единым, становится — составным. Так разрушается прежняя гармония, характерная для царившего в эпоху Ренессанса идеала человеческой красоты. *В женщине видят уже не нечто целое, а прежде всего отдельные прелести и красоты: маленькую ножку, узкую кисть, нежную грудь, стройный стан и т. д. Существуют только отдельные части ее личности, женщина не более как соединение этих отдельных частей. Это как бы отдельные блюда эротического пиршества, которые женщина подносит мужчине (выделено мной. — В. К.).* А отсюда вытекает одно совершенно новое и весьма важное явление.

Под влиянием такого раздробления на части прежней единой гармонии, обусловленной творческой тенденцией эпохи, идеал красоты уже не был непременно соединен с наготой. Отныне он, напротив, находится в теснейшей связи с одетым телом, неотделим от последнего. Вследствие этого меняется и отношение к нагоде. Нет больше нагих тел, есть только тела раздетые — средствами служат декольте и подобранный подол (retrousse). Если раньше одежда была только до известной степени облачением, только декорацией, украшающей нагое тело, то отныне она становится существенным элементом. Мода эпохи абсолютизма — не что иное, как попытка решения вставшей перед ней проблемы: разъединить гармоничное единство тела, разложить его на отдельные «прелести», стало быть, в отношении женщины — на грудь, бедра и лоно. Разложив сначала человека на эти отдельные части, костюм служил вместе с тем связующей рамкой для этих особенно ценимых эпохой частей тела...

[...] Эпоха абсолютизма представляет по своим результатам, несомненно, более развитую, хотя и не более высокую культуру... потому, что высшим идеалом господствующих классов, наложивших печать на всю эпоху, было только физическое удовольствие. А чем более выдвигается это последнее, тем рафинированнее обходные пути в половой области. Победа в любви разлагается на сотню отдельных побед, и хотя поражение дамы — дело заранее решенное, перед каждой победой приходится брать штурмом несколько укреплений.

Эротический пир состоит всегда из десятка блюд, причем главное блюдо только венчает его, да и то не всегда. Во всяком случае, это главное блюдо ценится только в том случае, если ему предшествовало или если оно было обставлено достаточным количеством вкусных закусок (*hors d'oeuvres*). Чувственное наслаждение — меню лакомых кусков, приятно щекочущих, притом всегда на новый лад. *Грубая домашняя еда, где интерес сосредоточен на главном блюде, где этим блюдом объедаются до того, что уже не остается никаких других желаний, находится под запретом. Идти прямо к цели — это манера мужиков и болванов* (выделено мной. — В. К.)... Все это придает созданному абсолютизмом идеалу красоты его особую... нотку. Она заключается в подчеркивании рафинированности всего телесного, а это подчеркивание состоит в том, что на место истинно прекрасного становится пикантное, на место здорового и сильного — пикантное и сладострастное. Пикантность — вот истинный признак красоты этой эпохи...»

Пикантность заставляла закрывать глаза не только на очевидную дисгармонию, но и на несомненное безобразие. Из могучего Геркулеса мужчина превратился в Адониса. Во время упадка абсолютизма он становится женоподобным, его характерная сущность — женоподобность. Женоподобными становились его костюм

и все поведение. Эпоха абсолютизма была эпохой женщины, которая становится божеством века.

Эпоху абсолютизма сменил буржуазный век. В своем окончательном виде буржуазный идеал красоты явился диаметральной противоположностью идеалу абсолютизма. Тогда, как было сказано, красивым считался человек, предназначенный к безделию. Этот, по выражению Э. Фукса, «паразитический идеал бездельника» был возведен в идеал человеческой красоты и получил свое наиболее полное воплощение и выражение в царствование Людовика XV.

В эпоху Рококо он праздновал свой высший и всеми признанный триумф. Но в ту же эпоху наметился перелом. Под влиянием ускоренной капитализации и распространения буржуазных идей начинало меняться общество, а вместе с ним — и идеал красоты, превращаясь в свою прямую противоположность.

История поставила перед нарождаемым новым классом — буржуазией — сложные задачи и трудные проблемы в самых разнообразных областях. Эти задачи и проблемы мог решить только тот, кто обладал сильным умом и решительной волей. Вот почему эпоха провозгласила идеалом красоты «ясный, энергичный взгляд, прямую напряженную осанку, жесты и выражения, исполненные силы воли, оттенок самосознания в голосе, руки, способные не только хватать, но и удерживать захваченное, ноги, энергично ступающие и твердо стоящие на завоеванной позиции». Те же качества должны были воплощаться и в женщине.

Не менее значимой для нового идеала красоты стала *душевная красота*. Жизненная цель не могла исчерпываться прежним паразитическим наслаждением жизнью. Теперь она была более высокой. Сознание, что высшие идеалы и назначения человечества находятся впереди, предполагало особые качества: высокий лоб,

за которым живут «чудесные, великодушные мысли, подобно орлам, привыкшим купаться в лучах золотого солнца», солнечно-ясный глаз и гордый взор, в котором откровенность и великая любовь к людям, способность увлечься тем, что признано правдой.

Такая же существенная перемена произошла в человеке как в орудии эротики. Новое человечество в эпоху нового — буржуазного — возрождения переживало свою молодость. Пришло время нового торжества творческих начал: силы, здоровья, жажды деятельности — характерных признаков молодости.

Этим же качествам стали соответствовать и особые черты в идеальном образе физической красоты. Половые способности мужчин и женщин и половое наслаждение были подчинены задачам и целям всего человечества. В буржуазный век снова стали ценить мужской и женский образ в полном расцвете сил. Мужчина перестал быть игрушкой в руках женщины, теперь он ее бурно-страстный повелитель, на которого она взирает с гордостью и нежностью. Женщина предпочитает «мужчину с мускулами, с крепкими ляжками и икрами».

«Подобно тому как мужчины чувствуют величайшее отвращение к толстой женской шее, так ненавидят женщины тонкие икры, — говорится в немецком «Опыте философии моды» за 1799 г. — Икры мужчин — истинный термометр их нежности на практике, барометр их физической силы, счеты, на которых они отмечают число данных ими уроков любви, книга, куда они записывают свои расходы на женщин. Поверьте мне, коллеги-мужчины, женщины — лучшие, каких вы только можете себе представить, знатоки икр; взоры их падают вниз, как наши обращаются вверх».

В обязанность женщины в первую очередь входило рожать детей, поэтому она должна была иметь широкий таз. Она также должна была сама кормить своих

детей, что предполагало наличие полной и крепкой груди. Иначе говоря, в физическом облике мужчины и женщины восторжествовала красота целесообразности. В этом новый человек буржуазного века напоминал человека эпохи Ренессанса.

Однако вновь рожденный идеал красоты превосходил идеал эпохи Ренессанса преобладанием в нем духовных и душевных качеств. Вот почему этот идеал был высшим из всех до тех пор рожденных человеческой мечтой о красоте. Он превосходил даже античный идеал, хотя и не отличался свойственной тому гармонией. В период античности на первое место ставилась внешняя физическая красота людей, буржуазный век добавил к ней разум и чувства.

В буржуазную эпоху беременность женщины объявлена «состоянием, достойным величайшего уважения». Женщина снова стала единой и цельной, соединением тела, ума и души. Еще одним последствием провозглашения здоровья как высшего идеала красоты было то обстоятельство, что в моду вошел и всячески прославлялся естественный цвет кожи — розовый цвет здоровья. Женщина и мужчина не хотели, как прежде, казаться старыми. Они хотели сиять свежестью. Вот почему прекратилось массовое потребление пудры и исчез обычай неумеренно румянить лицо, как это было в эпоху абсолютизма. Если женщина и продолжала румяниться, то лишь в цвет здоровья.

Подтверждением сказанному о буржуазном веке (нашем с Вами веке!) служат многочисленные литературные примеры, особенно поэзия романтиков, а также любовные истории — счастливые — как у Гете или Вольтера, несчастные — как у большинства поэтов-романтиков, площадные, отдающие животными инстинктами и страстями, — как у Верлена или Бодлера.

Чем они нас привлекают? Только ли тем, что удовлетворяют наш интерес к скандальным историям

или интимным подробностям из жизни знаменитых людей?

Отчасти — да. Но мне все же кажется, что в каждой из них читатель ищет и «смакует» не только пикантные сцены. Он учится. Учится на чужих ошибках, чтобы не совершать своих.

Но главное — мы учимся любви — великому чувству, которым наделены от Бога. Я искренно верю в то, что это так, потому что именно для этого задумывала и писала свои книги.

Конечно, она не практическое руководство по любви наподобие индийской «Камасутры» или китайской «Бань Гу». Посвященная тайнам Кремлевской любви, она является историей нравов, зеркалом и зазеркальем любовного чувства, его истоков и проявлений в изуродованном большевиками российском обществе XX в. Она — иллюстрация взаимоотношений мужчины и женщины на протяжении этого века, поданная на фоне всей человеческой истории — от Адама и Евы до наших современников, деловых мужчин и эмансипированных женщин.

ПРЕДАНЬЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ

*Всякое излишество превращается в порок.
Античный афоризм*

*Любя, помни, что есть ненависть.
Ненавидя, помни, что есть любовь.
Русская пословица*

*То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть.
Н. Некрасов*

*Забвение своих собственных прегрешений
порождает бесстыдство.
Демокрит*

Если в чем-то есть отличия от чего-то, это, само собой, предполагает не только непохожесть, но и некую особенность. Ведя разговор о развитии любовного чувства в истории человечества, мы почти ни словом не обмолвились о *русской любви*.

Читатель может задаться вопросом: имеет ли смысл его ставить? Любовь — материнская, братская, к Богу, к себе, наконец, эротическая — она и в Африке любовь. Так стóит ли говорить о каких-то там отличиях, несхожести, особенностях?

Смею заверить читателя — стоит. Ведь поставил же известный российский актер и режиссер Е. Матвеев в середине 90-х годов фильмы «Любить по-русски» и «Любить по-русски — 2». Что хотел он ими

сказать? Какой смысл вложил в художественные картины?

Полагаю, что большинство из читателей имело возможность посмотреть и оценить их либо в кинотеатрах, либо на экранах телевидения. Для тех, кто не видел фильмов, я предлагаю окунуться в «преданья старины глубокой» и самим сделать вывод, что значит любовь по-русски.

Начать, пожалуй, следует с того, что, вопреки мнению многих академических исследований, далекие предки нынешних россиян были знакомы с теми традициями, которые мы видели у древних египтян, греков и римлян: древние славяне жили точно так же. Они имели довольно схожие обычаи с иными древними народами, поэтому говорить о влиянии греко-римских обычаев на древних славян непосредственно или через Византию вряд ли имеет смысл.

«Поляне же, жившие особо... были славянского рода и прозывались полянами, и древляне произошли от тех же славян и прозвались древлянами, — сообщает «Повесть временных лет». — Радимичи же и вятичи от рода ляхов. Было два брата у ляхов — Радим и другой — Вятко. И пришли и сели: Радим на Соже, и от него прозвались радимичи, а Вятко сел с родом своим на Оке, от него получили название вятичи. И жили между собой в мире поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты. Дулебы же жили по Бугу, где ныне волыняне, а уличи и тиверцы сидели по Днестру и соседнили с Дунаем. Было их множество: сидели они прежде по Днестру до самого моря, и сохранились города их доныне, и называли их греки «Великая Скифь».

Имели они свои обычаи и законы своих отцов и предания, каждый свой нрав. Поляне имеют обычай отцов своих кроткий и тихий, стыдливы перед снохами своими и сестрами, матерями и родителями, перед свекровьями и деверями большую стыдливость имеют; имеют

и брачный обычай: не ходит зять за невестой, но приводят ее накануне, а наутро приносят за нее — что дают. А древляне жили зверинским образом, жили по-скотски, убивали друг друга, ели все нечистое, и браков у них не бывало, но умыкали девиц у воды. И радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу как звери, ели все нечистое и срамословили перед отцами и при снохах. И браков у них не бывало, но устраивали игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни и здесь умыкали себе жен по сговору с ними; имели по две и по три жены. И если кто умирал, то устраивали по нем тризну, а затем делали большую колоду, и возлагали на эту колоду умершего и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах при дорогах, как делают и доньне вятичи. Этого же обычая держались и кривичи, и прочие язычники, не знающие закона Божьего, но сами себе устанавливающие закон».

Так, если верить летописцу, жили славяне: *особо, каждый своим родом*. Это относилось к старине, какую можно было припомнить в XI в., когда он жил и писал свою летопись. Но в византийских письменных источниках упоминание о славянах и описание их быта датируется VI в. Многим ли отличаются эти описания?

Византийцы повествуют, что славяне жили в простых бедных хижинах, порознь, особняком, на далеком расстоянии друг от друга, в глухих лесах, при реках, болотах и озерах, вообще в местах недоступных, и при том часто переселялись, отыскивая недоступные безопасные места.

«Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), поэтому у них счастье и несчастье считается делом общим, — писал в своей «Войне с готами» Прокопий Кесарийский. — И во всем остальном у обоих

этих варварских племен вся жизнь и законы одинаковы. Они считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую-либо силу, и когда им вот-вот грозит смерть, охваченным ли болезнью, или на войне попавшим в опасное положение, то они дают обещание, если спасутся, тотчас же принести богу жертву за свою душу... Они почитают реки и нимф, и всякие другие божества, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят и гадания. Живут они в жалких хижинах, на большом расстоянии друг от друга, и все они часто меняют места жительства. Вступая в битву, большинство из них идет на врагов со щитами и дротиками в руках, панцирей же они никогда не надевают; иные не носят ни рубашек, ни плащей, а одни только штаны, подтянутые широким поясом на бедрах, и в таком виде идут на сражение с врагами. У тех и у других один и тот же язык, достаточно варварский. И по внешнему виду они не отличаются друг от друга. Они очень высокого роста и огромной силы. Цвет кожи и волос у них очень белый или золотистый и не совсем черный, но все они темно-красные. Образ жизни у них, как у массагетов, грубый, без всяких удобств, вечно они покрыты грязью, но, по сути своей, они неплохие и совсем незлобные, но во всей чистоте сохраняют гуннские нравы».

К числу редчайших источников по истории славян, правда, южных, принадлежит трактат под названием «Стратегикон», то есть руководство к военным действиям или искусству войны, авторство которого ошибочно приписывается византийскому императору Маврикию (582—602 гг.). Он был написан в конце VI в. и содержал сведения о славянах и антах, их жизни, обычаях, военных приемах и способах войны с ними.

«Племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе; их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране, — говорится в трактате. — Они многочисленны, выносливы, легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище. К прибывающим к ним иноземцам они относятся ласково и, оказывая им знаки своего расположения... охраняют их в случае надобности, так что, если бы оказалось, что по нерадению того, кто принимает у себя иноземцев, последний потерпел ущерб, принимавший его раньше начинает войну (против виновного), считая долгом чести отомстить за чужеземца. Находящихся у них в плену они не держат в рабстве, как прочие племена, в течение неограниченного времени, но, ограничивая (срок рабства) определенным временем, предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси или остаться там (где они находятся) на положении свободных и друзей.

У них большое количество разнообразного скота и плодов земных... в особенности проса и пшеницы.

Скромность их женщин превышает всякую человеческую природу, так что большинство их считают смерть своего мужа своей смертью и добровольно удушают себя, не считая пребывание во вдовстве за жизнь (выделено мной — В. К.)».

(Здесь я хотела бы привести одну деталь, которая является немаловажной для понимания славянской нравственности и отношения к чувственности. Л. Гумилев в рассказе об этногенезе славян говорит, что «южнее готов впервые во II в. появились памятники, которые мы относим к славянам. Были ли славяне до этого? Да, очевидно, были какие-то этносы, которые в эту эпоху синхронно с готами создали тот праславянский этнос, который византийцы называли анты, древнерусские летописцы — поляне и который положил начало какому-то

этническому объединению, в результате чего маленький народ, живший в современной Восточной Венгрии, распространился до берегов Балтийского моря, до Днепра и вплоть до Эгейского и Средиземного морей, захватив весь Балканский полуостров. Колоссальное распространение для маленького народа!

Говорил я об этом с профессором Мавродиным — специалистом по этим вопросам, и он спросил: «А как же это объяснить с точки зрения демографии? — продолжает далее Л. Гумилев. — Как же они могли так быстро размножиться, потому что это произошло за каких-нибудь 150 лет?» — Да очень просто. Эти праславяне, захватывая новые территории, *не очень стесняли себя в отношении побежденных женщин, а детей они любили и воспитывали их в знании своего языка, с тем чтобы они могли добиться высокого положения в своих племенах. Ведь при таком процессе много мужчин не требуется. Важно чтобы было много побежденных женщин, и демографический взрыв будет обеспечен* (курсив мой. — В. К.)».

Подтверждением правдоподобности высказанного мнения служит такой подлинный исторический факт. Тридцатилетняя война в Европе (1618—1648) привела не только к полному опустошению и полному обеднению, но и к значительному сокращению населения. Миллионы людей погибли в битвах или были уничтожены мародерами. Еще больше народа умерло от болезней и эпидемий, которые сопутствовали войне. Десятки тысяч населенных пунктов к концу войны просто вымерли. Население Германии, например, насчитывало до Тридцатилетней войны 16—17 миллионов человек, а в 1648 г. число жителей не превышало 4 миллионов человек. На 2,5 миллиона женщин приходилось менее 1,5 миллиона мужчин. Во все времена главным капиталом любой страны являлся человек, его рабочая сила, поэтому преобладающей экономической потребнос-

тью и даже высшим нравственным долгом стало производство как можно большего количества детей. Поскольку эта потребность противоречила господствовавшим представлениям, власти просто *предписали* этот долг всем и каждому мужчине: чтобы они трудились в этом направлении как можно более усердно.

Так, например, 19 февраля 1650 г. нюрнбергский крейстаг выдал следующий указ: «Ввиду того что в кровавой 30-летней войне население погибло от меча, болезней и голода и интересы Священной Римской империи требуют восстановления... то отныне и в продолжение следующих десяти лет каждому мужчине разрешается иметь двух жен».

Бохумское местное право гласило: «Так же муж, имеющий здоровую жену и неспособный удовлетворить ее женские права, пусть приведет ее к соседу, а если и тот не в состоянии ей помочь, то пусть муж ее бережно возьмет на руки, не делая ей больно, пусть опустит ее вниз, не делая ей больно, пусть оставит ее там на пять часов и позовет других людей себе на помощь. А если и тогда ей нельзя помочь, то пусть он ее бережно поднимет и снова опустит, не делая ей больно, пусть даст ей новое платье и кошелек с деньгами на пропитание и пошлет ее на ярмарку, а если и тогда ей нельзя будет помочь, то пусть ей помогут тысяча чертей».

В переводе на наш современный язык это означает, что если муж был не в состоянии произвести со здоровой женой на свет ребенка, он должен был обратиться к тому, кто, по его мнению, мог это сделать. Если и эта связь оставалась бесплодной, то он должен был отвести жену ко второму, третьему... Если же и это не принесет результата, то «пусть ей помогут тысяча чертей», т. е. тогда остается уповать на «нечистую силу».

Муж должен был сделать все, что требовал от него долг. Долг! Потому что быть плодотворной производительницей потомства — первейшая и главнейшая обязан-

ность женщины в те эпохи. И это касается не только Германии названного периода, но и для народов более ранних эпох, в том числе и для славян. Такое мировоззрение было обусловлено материальными интересами крестьянства. Ни для какого иного класса дети не являлись таким важным капиталом, как для крестьянина. (Я сейчас оставляю за скобками тот момент, когда от королей и цариц требовалось произвести на свет наследника-мальчика, хотя в космогоническом плане оба этих явления относятся хотя и к разным уровням, но к одной сфере — увеличения плодородия, счастья и благополучия.) Для жены было главным — чтобы она производила на свет детей. Если брак был бесплодным, то жена была обязана отдаться по очереди всем тем, кого изберет муж. Если же женщина была бесплодной по рождению, церковь даже санкционировала развод.

Как видим, *индивидуальная любовь* играла совсем незначительную роль во взаимоотношениях мужчины и женщины. Важна половая способность мужчины, а *жена* рассматривается исключительно как *детопроизводительная сила*, которая в случае надобности может быть отдана в распоряжение то одного, то другого.

В контексте приведенных фактов излишним будет напомнить читателю, что в Российской империи в эпоху длительного господства крепостного права в обязанности помещиков входила забота о том же. Каждый из них или поставленных им экономов должен был следить за тем, чтобы крестьяне, достигшие детородного возраста, вступали в браки и рожали детей. В расчет принимались лишь экономическая выгода и целесообразность. О чувственном влечении не могло быть и речи.

Однако вернемся к прежнему разговору. Как VI в., так и XI в. не были первым и последним веками в жизни славян, поэтому описанный образ их жизни и быта можно, без сомнения, отнести и к более древним временам.

Жизнь родом повсюду составляла в человечестве первоначальную ступень общежития. Повсюду она служила естественной связкой, в которой скрывались изначальные основы общества и государства. Читатель вполне мог заметить, что в летописи слово «род» имеет довольно пространное значение. Оно означает не только «поколение», «племя», но и «родство», «родню», «породу».

Семья является первоначальной основой рождения людей, корнем каждого рода. Она неизбежно разрастается многими ветвями и превращается в древо, как до сих пор это наглядно изображают, когда хотят показать происхождение и разветвление того или иного знатного рода. Став таким древом, семья превращается в род. Она становится союзом многих семей, связанных между собой последовательностью рождений, в которых по естественным причинам человеческого долголетия живыми действующими членами остаются три колена: отцы, дети и внуки.

В наши дни в действительности существует только семья и общество, родичи совсем теряются, уходя далеко от семьи в общество. По сути, мы утратили связь поколений, которая служила фундаментом счастья и благополучия для многих из наших предков.

Но было время, когда такое древо существовало на своем родном корне, крепко и тесно сплетаясь ветвями около своего ствола, когда оно было неизбежной и единственной формой человеческого общежития. Об этом времени и говорят как цитированные выше византийские источники, так и русская первоначальная летопись. В этих письменных источниках не отмечается еще у славян ни семья, ни община. Они знают только род, по той причине, что он был господствующей формой общежития. Семья, как и теперь, представляла частный, собственно личный, домашний круг жизни. При владычестве рода она не могла иметь в себе ника-

кой самостоятельной и независимой силы, которой обладал только род.

Семья была лишь частицей рода. Она служила зачатком рода и сама зачиналась в его среде, под его покровительством и руководством, опекой старших, а затем и сама исчезала в разветвлениях собственного рождения, воспроизводя новый род.

Беззащитность перед природными стихиями и врагами соединяла всех родичей в одно целое, в одну общину родной крови, которая под именем рода становилась силой, способной защищаться и охранять свое существование от посторонних напастей. Для отдельной личности не находилось более надежного и безопасного места, как жить под охраной своего рода. Только здесь человек мог чувствовать себя самостоятельным и независимым, а значит — свободным.

«Себялюбие крови, следуя разуму естества, создало устав кровной мести, — писал И. Забелин. — Оно же внутри рода устраивало отношение полов в том безразличии, по которому очень сомнительным становилось существование самой семьи, так как брака не было, и люди жили зверинским обычаем. Вот почему на самом деле господствовал и жил полной жизнью только род, а не семья, ибо во многих случаях люди являлись детьми рода, но не детьми своей отдельной семьи. Об этом очень ясно говорит первая летопись. Семья как форма личной жизни основывается на браке. Без брака, хотя бы языческого, семья существовать не может. Поэтому семья прежде всего выражает уже индивидуальное, так сказать, личное начало жизни, в отмену начала родового или стадного, где для личной особенности нет места».

Вот почему летописец, описывая древнейшие нравы и обычаи славянских племен, останавливается на изображении нравов семьи. В его время, в XI в., в Киеве под влиянием христианства не род, а семья стала господст-

вующей формой быта. Читателю должно быть понятно, почему летописец рисует светлыми красками только полян: во-первых, он сам был из полян; во-вторых, поляне к тому времени уже были христианами; в-третьих, они имели постоянную связь с Византией, от которой восприняли христианство, а вместе с ним — и более цивилизованные нравы и обычаи.

Нужно сказать, что пороки, приписанные летописцем славянским племенам древлян, радимичей, вятичей и северян, существовали до поры до времени и у полян, которых он приводит им в пример. Эти пороки — умыкание невесты, срамословие, схождение на игрища между деревнями — сохранились среди восточных славян до начала XX в. Их описал в своей книге «Востоочнославянская этнография», выпущенной в Берлине в 1927 г., Д. Зеленин. Вот что он пишет:

«На коллективные работы женщин очень похожи по форме зимние сходки деревенской молодежи, которые устраиваются для совместного прядения, реже шитья, и известны под различными названиями: *посиделки, поседки, сиделки, посиденки, беседки, супрядки, вечеринки, скопки, игрища* (рус.); *вечорниці, досвітки, грища* (укр.); *вячоркі, зборні* (белорус.). По существу, это нечто иное — не коллективная работа для одного человека, а совместная работа, чаще всего в нанятом помещении, многих людей, каждый из которых работает для себя самого.

Посиделки молодежи у украинцев и белорусов отличаются от русских лишь тем, что у первых обычай разрешает так называемые *подночевывания*, т. е. совместные ночевки девушек и парней после вечерних сходок. Русские обычая подночевывания не знают, и есть даже такие места, где парней на собрания девушек вообще не пускают.

У украинцев девушки сначала работают на посиделках одни, прядут и шьют. Затем появляются парни. Тог-

да девушки откладывают работу и начинают песни и пляски, которые длятся до глубокой ночи. Затем в дом вносят солому, покрывают ее тканью, гасят огонь, и все попарно ложатся спать. В Полтавской губ. девушка, оказавшись рядом с парнем, который ей не нравится, прячется от него на печи; это называется *спече, дае горбуза*. Печка служит для девушки убежищем в том случае, если из-за нее ссорятся два парня; она остается там до конца ссоры. В Харьковской губ. на всю ночь остаются лишь те парни, которых об этом просит девушка — не лично, а через подругу. Если же остается парень, не получивший приглашения, ему на спину нашивают пестрые лоскутки или насыпают в шапку сажу и толченый мел и т. д. Утром все расходятся по домам; парни делают это раньше, еще до рассвета, а девушки — с наступлением утра; нередко девушки, встав и позавтракав тем, что они принесли из дому, продолжают свою работу и лишь потом идут домой.

У белорусов на таких посиделках (*вячорках*) не существует разницы между богатым и бедным парнем, красивым и безобразным. Все одинаково равны. Самый бедный и самый некрасивый может подсесть к красивой и богатой девушке, шутить с нею и пр., независимо от того, симпатизирует ли она ему или нет. На *вячорках* подсаживаются к девушкам и шутят с ними не только парни, с которыми они «любятся», но и любые другие. Девушка не должна оскорблять парня ударом, грубым словом и пр., она не может также не допустить парня подсесть к ней, в то время как в любой другой момент даже самые невинные шутки с девушками парням не разрешаются и могут вызвать неудовольствие, брань и побои. Большую роль играет обычно и разница в благосостоянии отцов. После окончания работы девушки с насмешками выгоняют парней из дому, но те постепенно снова возвращаются и ложатся каждый к своей девушке.

Если девушка ночует не на вьчорке, а дома, это все не исключает совместного спанья. Парень провожает ее; она заходит в дом, где все уже спят, ложится около двери и, убедившись, что все уснули, впускает парня, который уходит до наступления рассвета. Бывает даже так, что к девушке, чтобы переночевать с ней, входят таким образом два или три парня, по очереди или даже все сразу. Разумеется, родители знают об этом, однако не препятствуют дочери, а лишь стараются уберечь ее от последствий. Любая мать была бы очень огорчена, если бы ее дочь отказалась посещать вьчорки или если бы парень не захотел с ней переночевать. Напротив, ей льстит, если парни обращают на девушку внимание. Правда, во многих местах такое подночевывание уже вышло из обихода, и родственники осуждают этот обычай.

Летом и осенью белорусская молодежь собирается на *ночки*, т. е. для совместных ночевок, на сеновалах; этот же обычай встречается и у украинцев. Исследователи видят в этом обычае совместных ночевок *пережиток древнего гетеризма и отзвуки пробных браков*. Древний украинский и белорусский обычай требует, чтобы при этом сохранялось целомудрие. Пара, нарушившая это требование, немедленно изгоняется из общества. В таких случаях парни снимают в доме девушки ворота с петель, вешают в воротах люльку, мажут дом сажей и т. д. Однако за последние десятилетия нравы молодежи меняются, описанный обычай исчезает и отходит в область преданий. Отношения совместно ночующих пар совершенно свободны, и никакие обязательства ни на кого не налагаются: пары встречаются и расходятся по личному влечению. Предосудительной считается только связь с парнем из чужой деревни; местные парни всячески стараются помешать появлению чужаков; нередко таких чужаков избивают, в лучшем случае требуют повышенной платы за право участия в сборищах.

У русских совместные ночевки молодежи встречаются лишь в очень немногих местах, в виде исключения и держатся в строгом секрете. Однако и на русских посиделках нравы достаточно свободные: поцелуи и сиденье на коленях — явления самые обычные. «Обняtie девицы парнем на беседе в глазах населения ничего предосудительного не имеет, но обняtie девицею парня — считается верхом безнравственности». У каждой девушки есть свой друг (*дружень*); раньше отношения между ними были более целомудренными, но за последние десятилетия стали значительно свободнее. Однако дружба девушки с парнем из чужой деревни всегда преследуется. В Рязанской губ. летом пары шли ночью или днем (так называемая *улица*), нередко тайком, в кусты, в конопляники или за ригу. В Торопце был обычай *дивить*: девушка проводила ночь в разговорах со своим милым, зимой *на воротах* (у ворот своего дома), а летом — *на лесах* (в рощах за пределами города).

При всем этом в прежние времена девушки, потерявшие невинность, подвергались особым наказаниям, как, например, на свадьбе: парни ночью тайно мазали ворота родителей таких девушек дегтем, отрезали им косы и т. д. За последние десятилетия нравы стали свободнее, и парни подвергают таким наказаниям лишь девушек, у которых много любовников, а также тех, у кого любовник из чужой деревни.

Особое своеобразие русских посиделок составляет в числе прочего то, что парень в знак своей симпатии к девушке ставит на прялку зажженную свечу. Вообще же отопление и освещение избы, где происходят посиделки, так же, как плату за наем помещения, принимают на себя все участники посиделок. В редких случаях молодежь собирается в доме той или иной девушки, по очереди. Снимают помещение обычно на всю зиму и нередко расплачиваются за него трудом всех участ-

ников, например уборкой урожая летом, прядением, продуктами и т. д.

В посиделках обычно принимают участие девушки начиная с 10—15 лет и до замужества. Подночевывания практикуются девушками с 16—17 лет, парнями с 18—19. У украинцев только члены *порубоцьких громад* (возрастных объединений молодежи) имеют право участвовать в посиделках; при вступлении в эти объединения парни и девушки платят взнос (девушка лишь половину) и, кроме того, парни покупают водку. Громада выбирает атамана, который должен следить за порядком и приличиями, улаживает ссоры и имеет право требовать с нарушителей расплаты за проступок на месте. У русских и белорусов таких объединений молодежи нет.

Сходы молодежи продолжаются всю зиму, с начала сентября или октября до масленицы. Летом подобные сходы происходят на улицах (так называемая *улица*). Они отличаются тем, что на них иногда вовсе не работают, а лишь веселятся — играют, пляшут, устраивают угощение. Так же организованы и праздничные сходы, особенно на Рождество; последние часто имеют особое название: *игрище* (рус.), *грище* (укр.) (от слова «игра»). На посиделки парни обычно приносят орехи и разные лакомства, которыми они угощают возлюбленных; на праздники они приносят еще и водку, а девушки готовят разную еду. Общепринятого ритуального блюда не существует, однако южнорусские Калужской губ. к своим сходам 9 мая пекут в качестве обрядового печенья так называемые *клубцы* — печенье в форме переплетенных друг с другом колец.

К сходам 30 ноября, дню апостола Андрея, украинцы пекут ритуальное печенье *калита* — трубочки с маком, медом и вишнями. Его подвешивают посреди дома к потолочной балке. Все появляются верхом на кочерге, и каждый с серьезным видом откусывает кусок этого

печенья; тому, кто при этом засмеется, мажут лицо сажей. Впрочем, это печенье связано скорее с праздником, а не со сходом. Напротив, печенье в форме колец у русских довольно прочно связано со сходами молодежи. У северно-русских Олонецкой губ. его называют *витушки*; оно имеет здесь форму плоской восьмерки или спирали. В заключение рождественских сходов появляются ряженные и устраивают гадание.

В описанных обычаях, связанных со сходами молодежи, нетрудно проследить ряд пережитков экзогамного брака, когда девушки считались совершенно свободными и ни один мужчина не мог предъявлять на какую-либо девушку особые притязания, поскольку все члены рода имели на нее общие и равные права. Такие же пережитки имеются и в одном варианте русского свадебного обряда, о котором мы до сих пор не говорили. К просватанной невесте приходят перед свадьбой все молодые мужчины, и каждый целует ее, а девушки в это время поют особую песню; иногда мужчины при этом сажают невесту к себе на колени.

Свобода нравов допускалась в некоторой степени лишь для девушек. Напротив, от замужней женщины требовалось соблюдение строжайшей верности мужу, и измена со стороны женщины считалась преступлением против закона. Например, в Самарской губ. любовников, застигнутых на месте преступления, заставляли обменяться одеждой, т. е. женщина надевала мужское платье, а мужчина — женское, и в этом наряде их водили по улицам города.

Еще и по сей день встречаются примеры такого наказания за нарушение женщиной супружеской неверности. В харьковской газете «Коммунист» (от 29 января 1925 г. № 22/1510 и от 28 апреля № 94/1582) сообщалось из украинской деревни Руссо-Крикловцы Крыжопольского уезда Подолии о наказании неверной жены: совершенно раздетую, ее публично высекли крапивой...

В деревнях... встречаются девушки, которые либо сами дают обет не принимать участия в каких бы то ни было развлечениях и собраниях молодежи, либо такой обет дают их родители. Это — так называемые *келейницы, чернички, монашки, старки*. Они дают обет целомудрия, носят темную одежду, часто живут в обособленных маленьких домах, нередко поют в церковном хоре или вышивают, учат детей грамоте, читают псалтырь над покойниками и т. д. Однако нередко бывает и так, что под маской внешнего благочестия и добродетели они предаются разврату».

Заранее предчувствую, что некоторым из моих читателей может показаться странным то обстоятельство, что я столько внимания уделяю тем событиям и традициям, которые давно канули в Лету. Подобное сомнение неизбежно влечет за собой следующее размышление: раз так, то зачем ворошить прошлое, копошиться в нем, выискивать то, чего там никогда не было и не будет. Не лучше ли поговорить о *свеженьких* пикантных подробностях из личной жизни великих и знаменитых?

Возможно, кого-то разочарует мой ответ, но я все же скажу: нет. И дело не столько в том, что не хватает *«свеженьких историй»*. Увы, их хватает в избытке. Дело в том, что простое смакование не имеет никакого смысла, если не знать причин и истоков, которые их породили.

В самом начале мы задались вопросом установить: можно ли говорить о *русской любви*, и если — да, то в чем ее отличие от греческой, римской, немецкой или французской любви — законодательницы европейской моды на протяжении нескольких столетий?

Тот, кто внимательно прочел описание славянских нравов по византийским источникам, первоначальной русской летописи и приведенный этнографический отрывок из книги Д. Зеленина наверняка обратил внимание на то, насколько консервативными были обычаи

и нравы русских в прошлые времена. Они были намного консервативнее даже своих непосредственных соседей — белорусов и украинцев.

Откуда такой дремучий консерватизм? На чем он основан? С какими историческими событиями связан?

В поисках положительного ответа на эти и другие вопросы я пришла к выводу, что во многом русская *«дремучесть»* в области нравов, в том числе и чувственных наслаждений, *возникла и сформировалась под влиянием монголо-татарского ига*, которое имело свои «тормозящие» последствия не только для экономического и политического развития Московской Руси.

От вторжения конницы Батыя в 1243 г. до «Стояния на Угре» в 1480 г. при Иване III длилось монголо-татарское иго (хотя, как известно, военные стычки, включая облогу Москвы и требования дани, продолжались и при Василии III, и при Иване IV Грозном, и даже в Смутное время). Именно в это время происходило формирование русского национального характера. Наложило ли иго свой отпечаток на русский характер? Безусловно. Подтверждением тому служат не только многочисленные факты нравов и быта русского народа в давние времена. Ярким примером этого влияния, как ни странно, является вся последующая русская история — сначала в Московском государстве, а затем в Российской империи и СССР.

«БЛАГОЧЕСТИВЫЙ» КНЯЗЬ-САМОДУР

Однако обо всем по порядку. Патриархальность, жизнь родом, о которой говорит русская летопись, была характерным явлением русской жизни. Она оставалась таковой на протяжении долгих столетий не только в допетровские времена, но и после тех грандиозных перемен, которые произошли в XVIII в. и повлияли на весь дальнейший ход российской истории.

Двор зажиточного человека представлял собой «маленький город». Когда знакомишься с его устройством, бытом и нравами, начинаешь понимать, как и почему у наших предков возникла поговорка: «Мой дом — моя крепость».

Дом с замкнутым подворьем и в самом деле представлял собой крепость. В нем производились всякие работы, необходимые для жизнедеятельности: ткали холсты, шили белье и платья, изготавливали обувь, делали деревянную мебель и необходимую утварь, вышивали золотом и шелками. Все необходимое для этого оптом закупал хозяин дома.

Непрерывная поставка материй и сукна, а также других нужных материалов приводила к накопительству, так что их хватало на всю жизнь не только хозяину и хозяйке дома, но и их детям. У расчетливого хозяина был также большой запас съестных продуктов: хлеба, соленого мяса, рыбы, сухарей, толокна, ветчины и т. д.

Когда в доме рождалась девочка, для нее делали отдельный сундук или короб, в который ежегодно откладывали всякое имущество в расчете на будущее прида-

ное. Кроме того, на ее долю растили скотину. Все вместе это называлось *приделком*.

Все в доме носило характер замкнутости, все в нем старались скрыть от посторонних. По нравственным понятиям того времени, породившим поговорку: «Свой сор из избы не выносят», хорошим хозяином был тот, кто старался, чтобы никто не видел и не слышал, что у него делается во дворе. Сам он тоже не должен был интересоваться, что творится на соседском подворье. Поэтому высокие непроницаемые ворота были заперты круглые сутки. Тот, кто навещался к хозяину по делам, должен был произнести: «Господи, Иисусе Христе, помилуй нас», и дожидаться в ответ: «Аминь».

Все в доме хранилось под замками. Много было известно только хозяину. Так, например, он один знал, где находится семейный бюджет, который либо *отдавали на хранение в монастыри, либо зарывали в землю*.

Традиционная неделимость семей иногда соединяла вместе несколько боковых родственных линий вокруг одного старейшины. Это были дети, братья, племянники и даже дальние родственники хозяина. После его смерти члены рода либо договаривались и продолжали жить вместе, либо старший из дядьев делил имущество на доли. Тот, кто желал, мог отселиться, поставив свой двор. Совместная жизнь кровных родственников таила в себе не только положительное, но и отрицательное: члены большой семьи нередко враждовали между собой.

Двор зажиточного знатного хозяина часто имел свою домашнюю церковь, поэтому вместе с членами рода в доме жил священник. Если у него была семья, то он жил в отдельных покоях и получал месячное жалованье в виде пропитания и бытовых благ.

Некоторые из многочисленных слуг приобретали особое доверие и благосклонность хозяина. Наиболее со-

образительным, обладавшим положительными деловыми качествами холопов хозяин доверял не только производить торговые сделки, но и отправлял руководить собственными вотчинами в качестве экономов.

Если муж доверял жене, то прислугой женского пола управляла она. Если такого доверия между супругами не было, что случалось довольно часто, то ими руководила жена ключника.

У хозяйки дома была доверенная женщина, которая называлась постельницей. Особым почетом пользовались кормилицы и няньки детей. Одни из служанок — обычно незамужние девушки — занимались исключительно вышиванием вместе с женой хозяина и другими женщинами хозяйского рода, другие — обычно замужние — выполняли всю черновую работу по дому: топили печи, стирали, пекли хлеб, занимались заготовкой припасов.

Те из ремесленников, кто был женат, жили в отдельных избах. Такие избы занимала не одна холопская семья, а несколько сразу. Они получали от хозяину месячину. Холостые парни и незамужние девушки жили при кухнях, прачечных, конюшнях, в сараях, людских избах. Девушки, которые занимались вышиванием, спали в сенях, почему и назывались «сенными девками». Развлечением в однообразной хозяйской жизни являлись свадьбы, устраиваемые для холопов, которых соединяли браком без их желания и воли.

Полагаю, у читателя не сложилось впечатление, будто прислуга в хозяйском доме жила на всем готовеньком и была, «как у Христа за пазухой». Хотя содержать прислугу хорошо считалось делом богоугодным («Содержите рабов своих, как братьев, и рабынь, как сестер, потому что и они семя адамово», — говорилось в одном из старых русских нравоучений), нередко все происходило с точностью наоборот. Ключники и дворецкие, выбранные хозяином из числа тех же холопов, ста-

рались половину из назначенного содержания положить себе в карман. Поэтому в большинстве боярских домов многочисленную дворню кормили то кислым, то недопеченным хлебом и тухлой рыбой. Мяса они либо вообще никогда не видели, либо получали его очень редко, да и то подпорченное.

Оборванные и голодные, доведенные до отчаяния и ничем не занятые, они нередко шатались по городу, братались с нищими, просили милостыню, а по ночам нападали на прохожих с топорами, ножами и кистенями, устраивали пожары, чтобы во время всеобщей суматохи поживиться чужим имуществом.

Хозяева смотрели на это сквозь пальцы. Они относились к прислуге деспотично и охотнее следовали не приведенному выше нравоучению, а другому, в котором говорилось: «Если раб или рабыня тебя не слушает и твоей воли не исполняет, то плетей для них не жалея».

Частыми случаями были изнасилования работниц хозяином или кем-то из членов его семьи. Не обращая внимания на чин и возраст, они насиловали замужних и растлевали даже девочек. И никто из слуг не имел понятия о том, что может быть иначе. В редких случаях дело доходило до неповиновения и откровенного бунта.

«У русских было понятие, что служить следует хорошо только тогда, когда к этому побуждает страх, — понятие общее у всех классов, ибо и знатный господин служил верой и правдой царю, потому что боялся побоев, — пишет Н. Костомаров. — Нравственное убеждение вымыслило пословицу: за битого двух небитых дают. Самые милосердные господа должны были прибегать к палкам, чтоб заставить слуг хорошо исполнять их обязанности: без того слуги стали бы служить скверно. Произвол господина удерживался только тем, что слуги могли от него разбежаться, притом обокравши его, и другие не пойдут к нему в кабалу. Напротив, господин

славился тем, что хорошо кормил слуг. Русские не ценили свободы и охотно шли в холопы. В XVII в. иные отдавали себя за три рубля на целую жизнь. Получив деньги, новый холоп обыкновенно пропивал их и проматывал и потом оставался служить хозяину до смерти. Иные же, соблазнившись деньгами, продавали себя с женами, детьми и со всем потомством. Иногда же бравшие деньги закладывали заимодавцу сыновей и дочерей, и дети жили в неволе за родителей. Были и такие, которые поступали в холопы насильно: еще до воспрещения перехода крестьянам помещик нередко обращал их в холопы. В XVII в. служилые люди торговали самым возмутительным образом женским полом в Сибири. Они насильно брали беспомощных девиц-сирот, иногда сманивали у своих товарищей жен, делали на них фальшивые крепостные акты и потом передавали из рук в руки как вещь».

А вот что писал тот же Н. Костомаров о семейных нравах русских:

«Все иностранцы поражались избытком домашнего деспотизма мужа над женою. В отношениях между двумя полами русские видели одно животное влечение. В Москве, замечает один путешественник, никто не унижится, чтоб преклонить колено пред женщиною и воскурить пред нею фимиам. По законам приличия, порожденным византийским аскетизмом и грубою татарскою ревностью, считалось предосудительным даже вести с женщиною разговор. Вообще женщина считалась существом ниже мужчины и в некоторых отношениях нечистым; таким образом, женщине не дозволялось резать животное: полагали, что мясо его не будет тогда вкусно. Печь просфоры позволялось только старухам. В известные дни женщина считалась недостойною, чтоб с нею вместе есть».

Таков был характер русских людей, истоками которого послужили христианство из Византии и монголь-

ский деспотизм. В одном из старинных поучений о прекрасном поле есть следующий отзыв:

«Что есть жена? сеть утворена прельщаючи человеки во властех, светлым лицом убо и высокими очима намизаючи, ногама играючи, дела убиваючи, многы бо уязвивши низложи, тем же в доброты женстей мнози прельщаются и от того любви яко огонь возгарается... Что есть жена? святым обложница, покоище змеиново, диавол увет, без увета болезнь, поднечающая сковрада, спасаемым соблазн, безъисцельная злоба, купница бесовская».

С детских лет и до самой смерти русская женщина оставалась невольницей. В крестьянской среде ее по крайней мере не держали взаперти, хотя на нее, как на тягловую лошадь, взваливали все тяжелые работы.

У знатных и зажиточных людей Московского государства женский пол находился взаперти, как в мусульманских гаремах. Дочерей воспитывали в большой строгости и держали в заточении. С определенного возраста и до замужества она была скрыта от любых посторонних взоров, особенно от мужских. До замужества мужчина, кроме отца и братьев, должен был быть совершенно неизвестен девушке. В расчет не принимались никакие личные чувства и желания. Молодой парень не мог высказать девушке своих признаний и попросить ее личного согласия на брак.

«Самые благочестивые люди были того мнения, что родителям следует бить почаще девиц, чтобы они не утратили своего девства, — пишет Н. Костомаров. — Чем знатнее был род, к которому принадлежала девица, тем более строгости ожидало ее: царевны были самые несчастные из русских девиц; погребенные в своих термах, не смея показываться на свет, без надежды когда-нибудь иметь право любить и выйти замуж, они... день и ночь пребывали в молитве и лица свои умывали слезами. При отдаче замуж девицу не спрашивали о жела-

нии; она сама не знала, за кого идет, не видела своего жениха до замужества, когда ее передавали в новое рабство. Сделавшись женою, она не смела никуда выйти из дома без позволения мужа, даже если шла в церковь, и тогда обязана была спрашиваться. Ей не предоставлялось права свободного знакомства по сердцу и нраву, а если дозволялось некоторого рода обращение с теми, с кем мужу было угодно позволить это, то и тогда ее связывали наставления и замечания: что говорить, о чем умолчать, что спросить, чего не слышать. В домашнем быту часто ей не давали права хозяйства. Ревнивый муж приставлял к ней шпионов из служанок и холопов, а те, желая подделаться в милость господину, нередко перетолковывали ему в другую сторону каждый шаг своей госпожи. Выезжала ли она в церковь или в гости, неотступные стражи следили за каждым ее движением и обо всем передавали мужу.

Очень часто случалось, что муж, по наговору любимого холопа или женщины, бил свою жену из одного только подозрения. Даже и тогда, когда муж поручал жене смотреть за хозяйством, она была не более как ключница: не смела ни послать чего-нибудь в подарок другим, ни принять от другого, не смела даже сама без позволения мужа съесть или выпить. Редко дозволялось ей иметь влияние на детей своих, начиная с того, что знатной женщине считалось неприличным кормить грудью детей, которых поэтому отдавали кормилицам; мать впоследствии имела над ними менее надзора, чем няньки и дядьки, которые воспитывали господских детей под властью отца.

Обращение мужей с женами было таково: по обыкновению у мужа висела плеть, исключительно назначенная для жены и называемая *дурак*; за ничтожную вину муж таскал жену за волосы, раздевал донага, привязывал веревками и сек дураком до крови — это называлось учить жену. У иных мужей вместо плети

ту же роль играли розги, и жену секли, как маленького ребенка, а у других, напротив, дубина — и жену били, как скотину.

Такого рода обращение не только не казалось предосудительным, но еще вменялось мужу в нравственную обязанность. Кто не бил жены, о том благочестивые люди говорили, что он дом свой не строит и о своей душе не радеет и сам погублен будет и в сем веке и в будущем и дом свой погубит».

Знаменитый «Домострой», составленный духовником первого русского царя Ивана IV Грозного протопопом Сильвестром, с присущим ему «человеколюбием» советовал не бить жену по лицу и по глазам кулаком, стараться не бить ее вообще железным или деревянным орудием, особенно беременную женщину, чтобы не довести ее до увечья или не допустить выкидыша. «Домострой» находит, что бить жену плетью и разумно, и больно, и страшно, и здорово, и поучительно.

В наставлении для мужа, который обязан поучать свою жену, говорится:

«Следует мужьям поучать жен своих с любовью и примерным наставлением; жены мужей своих вопрошают о строгом порядке, о том, как душу спасти, богу и мужу угодить и дом свой хорошо устроить, и во всем покоряться мужу; и что муж накажет, с тем охотно соглашаться и исполнять по его наставлению: и прежде всего иметь страх божий и пребывать в телесной чистоте...

[...] А сама бы государыня ни в коем случае никогда, разве что по болезни, без дела не была, ино и служкам, на нее глядя, не повадно было трудиться. Муж ли придет, гостя ли обычная придет, — всегда бы над рукоделием сидела сама: за то ей честь и слава, а мужу похвала; никогда бы слуги хозяйку не будили, но сама хозяйка слуг будила, а, ложась спать, всегда бы молилась».

Вот такие требования предъявлял «Домострой» к женщине. Да, я согласна с тем, что «Домострой» «отражает культуру и быт своего времени», что «понять его смысл изнутри, в представлении средневекового читателя невозможно, не обратившись, с одной стороны, к характеристике этой эпохи, в которой он создан, а с другой — по широкой дуге времени — к русской философии, осмыслившей национальную традицию развития государственности уже на рубеже XIX—XX в.».

Неудивительно, что те же нравственные правила проповедовались также и православной церковью. Даже царям при венчании митрополиты и патриархи читали нравоучения о безусловной покорности жены мужу.

«Привыкшие к рабству, которое влачить суждено было им от пеленок до могилы, женщины не имели понятий о возможности иметь другие права и верили, что они в самом деле рождены для того, чтоб мужья их били, и даже сами побои считали признаком любви, — читаем у Н. Костомарова. — Иностранцы рассказывают следующий любопытный анекдот, переходивший из уст в уста в различных вариациях. Какой-то итальянец женился на русской и жил с ней несколько лет мирно и согласно, никогда не бивши ее и не бранивши. Однажды она говорит ему: «За что ты меня не любишь?» — «Я люблю тебя», — сказал муж и поцеловал ее. «Ты ничем не доказал мне этого», — сказала жена. «Чем же тебе доказать?» — спрашивал он. Жена отвечала: «Ты меня ни разу не бил». — «Я этого не знал, — говорил муж, — но если побои нужны, чтоб доказать тебе мою любовь, то за этим дело не станет».

Скоро после того он побил ее плетью и в самом деле заметил, что после того жена стала к нему любезнее и услужливее. Он поколотил ее в другой раз так, что она после того несколько времени пролежала в по-

стели, но, однако, не роптала и не жаловалась. Наконец, в третий раз он поколотил ее дубиною так сильно, что она после того через несколько дней умерла. Ее родные подали на мужа жалобу; но судьи, узнавши все обстоятельства дела, сказали, что она сама виновата в своей смерти. Муж не знал, что у русских побои значат любовь, и хотел доказать, что любит сильнее, чем все русские; он не только из любви бил жену, но и до смерти убил».

Иногда родители, выдавая дочь замуж, заключали с зятем брачный контракт, по которому тот обязался не бить их дочь. Такой контракт подписывался, но редко исполнялся.

«Кто кого любит, тот того лупит, коли муж не бьет, значит, не любит». Так формулирует отношение к женщине русская пословица. О том, что неволя считалась принадлежностью женщины, говорится в другой пословице: «Не верь коню в поле, а жене (бабе) на воле».

Положение женщины становилось во много раз невыносимее, когда она была бездетна. Но оно было еще более ужасно, если муж охладевал к ней и заводил любовницу на стороне. Придирки, потасовки и побои становились постоянным атрибутом совместной жизни.

«Нередко в таком случае муж заколачивал жену до смерти и оставался без наказания, потому что жена умирала медленно и, следовательно, нельзя было сказать, что убил ее он, а бить ее, хотя и по десяти раз на день, не считалось дурным делом, — говорит Н. Костомаров. — Случалось, что таким образом муж приневоливал ее вступить в монастырь, как свидетельствует народная песня, где изображается такого рода насилие. Несчастливая, чтоб избежать побоев, решалась на самовольное самозаключение, тем более, что и в монастыре ей было больше свободы, чем у дурного мужа. Если бы жена заупрямилась, муж, чтобы разлучиться с немилою-постылою, нанимал двух-трех негодяев

лжесвидетелей, которые обвиняли ее в прелюбодеянии; находился за деньги и такой, что брал на себя роль прелюбодея: тогда жену насильно запирали в монастырь».

Однако не всегда и не все жены безропотно сносили жестокое обращение мужей. Не всегда побои и всякое издевательство с их стороны оставались безнаказанными. Старые судебные дела, как допетровского времени, так и позднейшего периода, дают множество примеров такого сопротивления. Но и в них проявляется полное неравноправие: то, что сошло бы мужчине с рук, женщине не прощалось. Вот что писал по этому поводу Н. Костомаров:

«Иная жена, бойкая от природы, возражала мужу на его побои бранью, часто неприличного содержания. Были примеры, что жены отравляли своих мужей, и за это их закапывали живых в землю, оставляя снаружи голову, и оставляли в таком положении до смерти; им не давали есть и пить, сторожа стояли при них, не допуская, чтоб кто-нибудь из сострадания не покормил такую преступницу. Прохожим позволялось бросать деньги, но эти деньги употреблялись на гроб для осужденной или на свечи для умилоствления Божьего гнева к ее грешной душе.

Впрочем, случалось, что им оставляли жизнь, но заменяли смерть вечным жестоким заточением. Двух таких преступниц за отравление мужей держали трое суток по шею в земле, но так как они попросились в монастырь, то их откопали и отдали в монастырь, приказав держать их порознь в уединении и в кандалах.

Другие жены мстили за себя доносами. Как ни безгласна была жена пред мужем, но точно также мужья были безгласны пред царем. Голос жены, как и голос всякого, и в том числе холопа, принимали в уважение, когда дело шло о злоумышлении на особу царского дома или о краже царской казны.

Иностранцы рассказывают замечательное событие: жена одного боярина, по злобе к мужу, который ее бил, доносила, что он умеет лечить подагру, которою царь тогда страдал; и хотя боярин уверял и клялся, что не знает этого вовсе, его истязали и обещали смертную казнь, если он не сыщет лекарства для государя. Тот в отчаянии нарвал каких попало трав и сделал из них царю ванну; случайно царю после того стало легче, и лекаря еще раз высекли за то, что он, зная, не хотел говорить.

Жена взяла свое. Но еще случалось, что за свое унижение женщины мстили обычным своим способом: тайной изменой. Как ни строго запирали русскую женщину, она склонна была к тому, чтоб положить мужа под лавку, как выражались в тот век. Так и быть должно. По свойству человеческой природы, *рабство всегда рождает обман и коварство* (выделено мной. — В. К.). Часто женщина напивалась допьяна и тогда, если только представлялся случай, отдавалась первому мужчине.

Иностранцы единогласно говорят, что русская женщина не была неприступна и для них, несмотря на всеобщее омерзение, внушаемое нехристями, к которым в России причисляли всех вообще неправославных. На эти случаи у женщин образовались свои догматы. «Женщине соблудить с иностранцем, — говорили они, — простительно; дитя от иностранца родится — крещеное будет; а вот как мужчина с иноверкою согрешит, так дитя будет некрещеное, оно и грешнее: некрещеная вера множится».

У зажиточных домовитых людей все было так устроено, что, казалось, у постороннего мужчины нет возможности сблизиться с их женами. Однако примеры измен таких жен своим мужьям даже в те времена были нередки.

Запертая в своем тереме, жена проводила время со служанками. От скуки она вела с ними, как говорилось,

«пустошные речи, пересмешные, скоромские, нелепые». Служанки были едва ли не единственным связующим звеном между заточенной в тереме женщиной и внешним миром, который бурлил за толстыми стенами терема, за высокими непроницаемыми изгородями вокруг него. Поэтому темами подобных «пустошных» разговоров, как водится, непременно становились события «на воле».

Не могли остаться в стороне и последние уличные сплетни из личной жизни соседей и знакомых со всеми пикантными подробностями. О них служанки узнавали от таких же служанок из соседних домов.

Служанки также приводили в дом разных торговек, гадалщиц, среди которых попадались «потворенные бабы» или, говоря современным языком, сводницы. Нередко в роли сводниц выступали и сами служанки. Со знанием собственного ремесла эти соблазнительницы искусно внедрялись в дома, прикрываясь чем угодно и притворяясь кем угодно, даже набожными богомолками. Они всегда были там, где чаще всего собиралось много представительниц слабого пола: у реки, где занимались стиркой белья и одежды, у колодца, куда с ведрами ходили за водой, на рынке и т. д. Сводницы заводили знакомство с господскими служанками, через которых и проникали в дома.

«Такая искусница, коль скоро вотрется в дом, непременно наделает там какой-нибудь беды: или самую госпожу соблазнит, или девку-служанку подманит обокрасть госпожу и бежать с любовником, с которым вместе ограбят ее и утопят, — говорит о сводницах Н. Костомаров. — Вот такие женщины были пособницами волокит, и случалось так, что разом одна тайно служила мужу от жены, а жене от мужа.

Хотя блудодеяние и преследовалось строго нравственными понятиями, и даже в юридических актах блудники помещались в один разряд с ворами и разбойника-

ми, но русские мужчины предавались самому неистовому разврату. Очень часто знатные бояре, кроме жен, имели у себя любовниц, которых доставляли им потворенные бабы, да сверх того не считалось большим пороком пользоваться и служанками в своем доме, часто насильно. По известиям одного англичанина, один любимец царя Алексея Михайловича завел у себя целый гарем любовниц, и так как его жена была этим недовольна, то он почел лучшим отравить ее. Вообще же мужчине и не вменялся разврат в такое преступление, как женщине. Многие, чувствуя, что они грешат, старались уменьшить тяжесть греха сохранением разных религиозных приличий, например снимали с себя крест и занавешивали образа, готовясь к грешному делу.

В простом народе разврат принимал наглые формы. Патриарх Филарет обличал служилых людей, что они, отправляясь в отдаленные места на службу, закладывали жен своих товарищам и предоставляли им право иметь с ними сожительство, как будто вместо процентов за полученную сумму. Если же муж не выкупил жены в означенный срок, заимодавец продавал ее для блуда кому-нибудь другому, другой — третьему, и так женщина переходила из рук в руки. Другие, не женясь во все, находились в блудном сожительстве с родными сестрами и даже с матерями и дочерьми. Простые женщины распутного поведения доходили до потери всякого стыда, например голыми выбегали из общественных бань на улицы в посадах и закликали к себе охотников. Олеарий рассказывает, что он был свидетелем, как в Новгороде, во время стечения народа по случаю богомолья, пьяная баба, выходя из кружала, упала на улице в непристойном положении. Вдруг идет пьяный мужик и, увидя ее полунагую, бросился на нее как зверь, но упал без чувств, потому что и сам был мертвецки пьян. Тогда мальчишки столпились около этой четы и подтрунивали над нею».

Только в среде казаков женщины пользовались сравнительно большей свободой. Они были не только хозяйками дома, но очень часто отправлялись с мужьями в военные походы. Но подобные взаимоотношения не связаны с общим характером русских женщин, как и само казачество представляет собой отдельный этнос, возникший в определенный исторический момент.

Некоторое уважение и права личности получала также женщина, которая была матерью и становилась вдовой. Будучи бесправной в замужестве, не признаваемая за личность, вдова превращалась в полноправную хозяйку дома и главу семейства. Ее личность охранялась религиозным уважением, и оскорблять вдову считалось большим грехом.

«Горе обидевшему вдовицу, лучше ему в дом свой свергнуть огонь, чем за воздыхания вдовиц быть ввержену в геенну огненную», — говорится в одном старом церковном нравоучении.

Но и тут сохранилось множество примеров непочтительного отношения к женщине как со стороны «любовобильных» ухажеров, которые нередко пытались через соблазнение вдов завладеть их имуществом, так и со стороны собственных детей. Хотя «Домострой», а позже «Юности честное зерцало» учили детей уважению и почтению к родителям, нередко примеры совсем противоположного отношения.

Приученная и привыкшая с детства к неволе и постоянным унижениям, женщина и во вдовстве не знала покоя. Дети, особенно сыновья, воспитанные кормилицами, няньками и дядьками, перенимали психологию семейных отношений, существовавших при отце. С раннего возраста в них закладывалось определенное — высокомерно-уничижительное — восприятие любой женщины, в том числе и матери. Переломить подобный стереотип, изменить его было не в силах ни библейским заповедям, ни нравоучениям «Домостроя».

Поэтому сыновья, получив наследство от отца, нередко просто изгоняли свою мать из дома, нисколько не заботясь о ее дальнейшей жизни. Оставленная без крова и средств к существованию, мать вынуждена была бродяжничать, прося подавания. Некоторые поступали более «гуманно» и отправляли мать в монастырь (как многие поступают и в наше время: не видя более достойного решения квартирного вопроса и других бытовых проблем, оформляют родителей в Дома престарелых или просто выставляют на улицу, пополняя и без того многочисленную армию городских бомжей). Это не всегда преследовалось по закону. Редкий случай — одно судебное дело XVI в.: царским постановлением помещикам Н. предписано выделить на содержание изгнанной матери часть поместий ее покойного мужа. Однако самим сыновьям не было никакого наказания. Неудивительно, что иногда вдовы безжалостно избавлялись от своих детей, насильно выдавая дочерей замуж, а сыновей отправляя на службу. Были также случаи, когда мать просто бросала детей на произвол судьбы.

Прикрытый ложной святостью патриархального уклада, дух рабства господствовал, таким образом, и в отношениях между родителями и детьми. По нравственным понятиям почтение к родителям являлось залогом счастливой, долгой и здоровой жизни. О том, кто злословит родителям, говорили: «Да склюют его вороны, да съедят его орлы!» Была и другая пословица: «Отчая проклятие иссушит, матерняя искоренит».

Но и здесь можно видеть неравноправие: отец как мужчина и в детском уважении пользовался предпочтением. «Имей, чадо, отца своего, как Бога, мать свою, как сам себе», — говорится в одном из наставлений.

Покорность детей была более рабская, чем детская, власть родителей в отношении их нередко переходила в слепой деспотизм.

Вот что писал Н. Костомаров:

«Чем благочестивее был родитель, чем более проникнут был учением православия, тем суровее обращался с детьми, ибо церковные понятия предписывали ему быть как можно строже: «Наказывай отец сына своего в юности его и успокоит тебя в старости твоей и придаст красоты душе твоей; и не жалея бей ребенка: если прутом посечешь его, не умрет, но здоровее будет, ибо ты, казня его тело, душу его избавляешь от смерти. Если дочери у тебя, направь и на них свою строгость, тем сохранишь их от бед телесных: и ты не посрамишь лица своего, коли в послушании ходит, и не твоя вина, если по глупости нарушит она девство свое и станет известно знакомым твоим, и тогда посрамят ее перед людьми... Любя же сына своего, увеличивай ему раны, и потом не нахвалишься им; наказывай сына своего с юности и порадуешься на него потом в зрелости, и среди недоброжелателей сможешь им похвалиться, и позавидуют тебе враги твои. Воспитай дитя в запретах и найдешь в нем покой и благословение; не улыбайся ему, играя: в малом послабишь — в большом пострадаешь скорбя и в будущем будто занозы вгонишь в душу свою. И не дай ему воли в юности, но сокруши ему ребра, пока он растет, и тогда, возмужав, не провинится перед тобой и не станет тебе досадой, и болезнью души, и разорением дома, погибелью имущества, и укоризной соседей, и насмешкой врагов, и злою досадой», — учил воспитанию «Домострой». Слова почитались недостаточными, как бы они убедительны ни были, нужно учить детей «розгами, да не примешь про них ныне от человек сорама и будущих мук», и общее нравственное правило отцов в отношении к детям выражалось в такой формуле, какую передает нам благочестивый автор «Домостроя». Этот суровый моралист запрещает даже смеяться и играть с ребенком.

Зато и дети, раболепные в присутствии родителей, с детства приучались насмехаться над ними вместе со сверстниками из слуг, приставленными к ним для товарищества. «В Московии, — говорит один иностранец, — нередко можно встретить, как сын смеется над отцом, дочь над матерью». Грубые привычки усваивались ими с малолетства и сопровождали их до старости. «Лучше, — говорит один русский моралист, — иметь у бедра меч без ножен, нежели неженатого сына в своем доме; лучше в доме коза, чем взрослая дочь; коза по селищу ходит — молоко принесет; дочь по селищу ходит — стыд принесет отцу своему».

Примером крайней ревности является и тот факт, что жены дворянских и боярских семейств летом и зимой ездили исключительно в закрытых экипажах. Летние экипажи назывались колымагами, зимние — каптанами. Колымаги делали на высоких осях и с лестницами. Внутри их обивали красным сукном или бархатом. Слюдяные окна в дверцах закрывались шелковыми занавесками. Боковые занавески плотно пристегивались к краям экипажа, так чтобы порыв ветра не мог их распахнуть.

Закрытая со всех сторон, знатная дама сидела в своей колымаге или каптане на подушке в окружении холопок. Муж старался, чтобы никто не увидел его жену.

Пренебрежение в сочетании с деспотической ревностью являлись отличительными свойствами мужского отношения к женщине. Женские экипажи обвешивались волчьими, лисьими, собольими хвостами, кольцами, цепочками и круглыми шариками в виде львиных голов, покрывались попонами из бархата, обложенного золотой или серебряной бахромой с кистями по углам, и выглядели намного наряднее мужских. Кучер или сидел верхом на лошади, или шел рядом. По обе стороны экипаж сопровождали тридцать — сорок скороходов из

числа холопов. Они выполняли роль аргусов и должны были следить за тем, чтобы через приподнятую занавеску мужчины не глазели на жену а она, в свою очередь, тоже не строила им глазки.

Не лучшим образом складывались и развивались отношения между мужчиной и женщиной и в царских покоях. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим два примера — отца и сына — Василия III Ивановича и Ивана IV Грозного.

Правление Василия III историки называют продолжением правления его отца, Ивана III. Однако те же историки указывают, что самовластие и деспотия в то же время шагнули далеко вперед.

«Если при Иване именовались все «государевыми холопами» и приближенные раболепно сдерживали дыхание в его присутствии, то современники Василия, сравнивая сына с отцом, находили, что отец все-таки советовался с боярами и позволял иногда высказывать мнение, несогласное с его собственным, а сын (как выражался Берсень, один из его любимцев, подвергнутый опале) не любил, когда ему противоречили, был жесток и немилостив к людям, не советовался с боярами и старыми людьми, допускал к себе дьяков, возвышал, а затем в определенное время низвергал в прежнее ничтожество», — пишет Н. Костомаров.

«Государь, запершись самтретей, у постели все дела делает», — сохранилось высказывание Берсеня.

Посол императора Священной Римской империи Сигизмунд Герберштейн, оставивший после себя воспоминания и наблюдения над жизнью и нравами Московской Руси того времени под названием «О Московском государстве», также заметил, что Василий не терпел ни малейшего противоречия: «Все должны были безмолвно соглашаться с тем, что скажет он», потому что «были полными рабами и считали волю государя волею самого Бога, называли государя «ключником и постельничим

Божиим». Все, что ни делал государь, по их понятию, все это делал сам Бог. Если в чем-то возникали сомнения и вопросы, то в виде поговорки прибавлялось: «Об этом ведаёт Бог да государь». Никто не смел осуждать поступков государя; если что явно было дурное за ним — подданные обязаны были лгать, говорить не то, что было, и хвалить то, что в душе порицали. Так, когда Василий, сам лично вовсе неспособный к войне, возвращался из похода с большой потерей, все должны были прославлять его победоносные подвиги и говорить, что он не потерял ни одного человека.

Жизнь и имущество всех подданных находились в безотчетном распоряжении государя. Василий не стеснялся присваивать себе все, что ему нравилось, и вообще в беспочтенности способов приобретения не только не уступал своему родителю, но даже в ином превосходил его. Так, например, сказывали, что по возвращении русских послов от императора Карла V он отобрал у них для себя все подарки, которые, собственно, им дали император и его брат (подчеркнуто мной. — В. К.). Своим служилым людям он в большинстве своем не давал ни пособий, ни жалованья. Каждый должен был отправляться на службу, исполнять безропотно всякие поручения на собственный счет...»

Таким по воспоминаниям современников был Василий III. К сказанному Н. Костомаров прибавляет:

«Василий от отца своего наследовал страсть к постройкам и в первые годы своего царствования воздвиг в Москве несколько церквей, между ними церковь Николы Гостунского и Благовещенский собор; обе церкви поражали современников своей позолотой, серебряными и золотыми окладами икон, а Благовещенский собор — своими позолоченными куполами. К последнему примыкал новый дворец, внутри расписанный, открытый для жилья в мае 1508 г. Наибольшее число построек относится к 1514 году. Тогда разом воздвигнут был

в Москве целый ряд каменных церквей. В 1515 г. был расписан Успенский собор такою чудною живописью, что Василий и бояре его, вошедши первый раз в церковь, сказали, что им кажется, «будто они на небесах». При Василии, в начале его царствования, окончен был каменный Архангельский собор и перенесены были туда гробы всех великих московских князей. Но более всего Василий отличился постройками многих каменных стен в городах, где были прежде только деревянные, как, например, в Нижнем Новгороде, Туле, Коломне и Зарайске. В Новгороде кроме стен перестроены были улицы, площади и ряды. В самой Москве выложен был камнем ров около Кремля, а гостинный двор обведен каменною стеною».

Василия женили, когда ему исполнилось двадцать шесть лет. Ивану III хотелось женить его на представительнице какого-нибудь царствующего рода. С этим поручением он обратился к своей дочери Елене, которая была замужем за великим князем Литовским Александром (с 1501 г., после возобновления персональной унии ВКЛ и королевства Польского, и король Польши). Но дочь ответила, что ей трудно будет выполнить подобное поручение по той простой причине, что отец не заключил с Польшей и Литвой прочного мира. Кроме того, Елена известила Ивана III о том, что на Западе не любят греческой веры и не горят желанием родниться с православным государем.

Иван III Васильевич пытался посватать за сына дочь датского короля, своего постоянного союзника, в угоду которому он нападал на Швецию. Но датский король, после Кольмарской унии став и шведским королем, отказал ему.

Тогда пришлось Василию III искать невесту среди подданных. По легенде, такой совет дал будущему великому князю Московскому придворный грек Юрий Траханиот. Он привел наследнику пример из византийской

истории: византийские императоры не раз собирали ко двору девиц, чтобы выбрать из них себе жену.

Юрий Траханиот надеялся, что через такой совет сумеет выдать за наследника свою дочь. Однако на просмотр ко двору было вызвано полторы тысячи девушек. Из них выбрали самых красивых и привлекательных. Все они прошли тщательный осмотр повивальных бабок, после чего предстали перед Василием.

Выбор наследника пал на Соломонию, дочь незнатного дворянина Юрия Сабурова. Церемония бракосочетания прошла в Успенском соборе 4 сентября (по ст. ст.) 1505 г. Ее проводил сам митрополит Симон.

«Этот брак имеет вообще важное историческое значение по отношению к положению женщины в московской стране, — отмечает Н. Костомаров. — Брак этот способствовал тому унижению и затворничеству, которое составляло резкий признак домашней жизни высших классов в XVI и XVII в. Прежде князья женились на равных себе по сословию, но с тех пор, как государи стали выбирать себе жен стадным способом, жены их хотя и облакались высоким саном, в сущности, уже не были равны мужьям: брак не имел значения связи между двумя равными, не существовало понятия о приличии или неприличии соединиться браком с особою того или иного рода, не знали того, что на Западе называлось *mesalliance*. Жена государя, взятая из какой бы то ни было семьи, отрешалась от своих родных: отец не смел называть ее дочерью, братья — сестрою. Она не приносила с собой никакого родового достоинства; с другой стороны, о выборе жены по сердцу не могло быть и речи (подчеркнуто мной. — В. К.). *Государь не знал ее нравственных качеств и не нуждался в этом: свидетельствовали только ее тело, она была, в сущности, не более как самкою, обязанною производить детей для государя* (курсив мой. — В. К.). Как подданная по происхождению, она постоянно чувствовала себя

работу того, кто был ее супругом. Государь выбирал ее по произволу, государь мог и прогнать ее: вступаться за ее права было некому. Но, будучи вечною рабою своего мужа, вместе с тем она была царица и по возложенному на нее сану ей не было ровни между окружающими; таким образом, она всегда была одинока и находилась в затворничестве. Зато самовластный супруг ее был также одинок на своем престоле: избранная жена не могла быть ему равной подругой».

В монархических государствах, как мы видели во вступлении на примере французского двора Франциска I, а затем Генриха II, приемы поведения и нравы перенимаются высшими классами подданных и передаются ниже по общественной иерархии.

В Москве, где, независимо от социального положения, все назывались «государевыми холопами», такое влияние было еще более неизбежным. Эпоха последних Рюриковичей — Ивана III, Василия III и Ивана IV — стала эпохой всеобщего порабощения, обезличивания и крайнего унижения не только женщины, но и всех русских людей.

Вскоре после бракосочетания Василия, 27 октября 1505 г. (по ст. ст.) на 67-м году жизни умер Иван III Васильевич. Он правил великим княжеством Московским 43 г. и 7 мес. Тело его было погребено в церкви Михаила Архангела, которую в последние годы своего княжения он приказал перестроить из деревянной в каменную.

Мы не будем подробно останавливаться на времени правления Василия III, это не входит в рассматриваемую нами тему. Тот, кого интересуют его политические и экономические последствия, могут обратиться к первой части моей книги «Серые кардиналы Кремля».

Будущность Московского княжества подвергалась неизвестности: после 20-летней совместной жизни с Соломонией Сабуровой у Василия III не было детей.

Если верить исторической легенде, однажды великий князь отправился путешествовать по своим владениям в сопровождении бояр и вооруженного отряда боярских детей. Ездил он на ямских лошадях, для чего были устроены «ямы»: существовал особый класс людей — ямщиков, обязанных «в виде государственной повинности предоставлять едущим по государеву повелению готовых лошадей», за что были освобождены от других повинностей.

В один из таких объездов, как говорит летопись, Василий ехал в позолоченной карете и увидел птичье гнездо. Он остановился, посмотрел на гнездо и сказал: «Тяжело мне! Кому уподоблюсь я? Ни птицам небесным — они плодовиты, ни зверям земным — и они плодовиты, ни даже водам — и они плодовиты: они играют волнами, в них плещутся рыбы!» Потом он посмотрел на землю и сказал: «Господи, и земле я не уподоблюсь: земля приносит плоды свои во всякое время, и благословляют они тебя, Господи!»

После возвращения в Москву великий князь Василий стал советоваться с боярами: «Жена моя неплодна. Кому царствовать после меня в Русской земле и во всех городах и пределах? Братьям ли отдам их? Но они и своих уделов не умеют устраивать!» Бояре отвечали ему: «Государь, неплодную смоковницу отсекают и выбрасывают из винограда!»

Василий III решил развестись с Соломонией. Повод к разводу был *государственный*: отсутствие прямого законного наследника в будущем грозило смутами.

Но вряд ли все было так, как повествует летопись. В Русской истории достаточно примеров того, как в угоду правителю (начиная с Владимира Красно Солнышко и его сына Ярослава), взявшему верх в борьбе за власть, летописные факты подтасовывались и фальсифицировались. На самом деле Василий к тому времени уже не только не питал никаких чувств к Соломонии

Сабуровой, но ему приглянулась другая женщина — более молодая и красивая, более образованная Елена Глинская.

Соломония через брата Ивана «беспреданно отыскивала себе и женок, и мужиков, чтобы какими-нибудь чародейственными средствами привлечь к себе любовь мужа. Одна такая женка из Рязани по имени Степанида, осмотревши Соломонию, решила, что у ней детей не будет, но дала ей наговорную воду, велела ей умываться и дотрагиваться мокрою рукою до белья великого князя. Другая, безносая черница, давала ей наговоренного масла и меда, велела натираться им и уверяла, что не только великий князь полюбит ее, но она будет иметь детей».

Получив поддержку от приближенных, Василий созвал духовников и бояр и предложил им обосновать свой развод с женой. Он пребывал в полной уверенности, что никто из собравшихся не посмеет перечить великому князю.

Поначалу все шло так, как хотел Василий. Митрополит Даниил сказал, что берет его грех на свою душу во имя государственного интереса и заботы о будущем Московского княжества. Но против выступил бывший князь Патрикеев — монах Вассиан Косой. Он смело и решительно заявил, что великий князь хочет совершить незаконное и бессовестное дело.

Василий разгневался. Он приблизил к себе Вассиана, ценя за ум, ученость и преданность. Теперь выходило, что великий князь ошибался в своем протекже: в таком важном деле Вассиан оказался его противником.

Мнение Вассиана Косого поддержал Максим Грек. Из бояр к ним присоединился Семен Федорович Курбский — «почтенный благочестивый старик, некогда славный воин, покоритель Перми и Югры, теперь уже несколько лет не евший мяса и только три раза в неде-

лю позволявший себе употреблять рыбу», что в те времена считалось большой добродетелью.

Но голос этих и других противников развода не был услышан. В конце концов Василий получил то, чего хотел — разрешение на развод с Соломонией. Великий князь не стал открыто преследовать противников. Он отомстил им другим способом: предал их злобе митрополита Даниила и прочих последователей Иосифа Волоцкого, которые обвинили Вассиана Косого и Максима Грека в неправославии, после чего Василий заточил их в тюрьму.

Заручившись поддержкой значительной части духовенства и боярства, Василий приказал постричь Соломонию в монашки.

«В наших летописях есть известие, будто сама Соломония добровольно согласилась удалиться в монастырь, — пишет Н. Костомаров. — Но это известие, очевидно ложное, внесено в летопись из страха разгневать государя (подчеркнуто мной. — В. К.). Все другие современные известия единогласно говорят, что Соломония была пострижена насильно».

Имперский посланник при дворе московского великого князя Герберштейн в книге «О Московском государстве» записал следующее: «Когда великой княгине начали стричь волосы, она голосила и плакала; митрополит поднес ей монашеский кукуль, она вырвала его из рук, бросила на землю и стала топтать ногами. Стоявший тут близкий советник Василия Иван Шигона ударил ее плетью и сказал: “Так ты еще смеешь противиться воле государя и не слушать его повелений!”

“А ты, — сказала Соломония, — по какому праву смеешь бить меня?”

“По приказанию государя!” — ответил ей Шигона.

“Свидетельствуюсь перед всеми, — громко сказала тогда Соломония, — что не желаю пострижения и на

меня насильно надевают кукуль. Пусть бог отмстит за такое оскорбление!»»

Пострижение великой княгини Соломонии произошло в 1525 г., в Рождественском девичьем монастыре. Если верить летописи, постригал Соломонию никольский игумен Давид в присутствии митрополита Даниила. Из Рождественского девичьего монастыря под именем Софьи теперь уже бывшая великая княгиня была отправлена в Покровский суздальский монастырь, где и умерла в 1542 г.

Однако на этом память о ней не изгладилась. В январе 1526 г. великий князь Василий III, которому исполнилось 47 лет, женился на 21-летней Елене, дочери Василия Глинского и племяннице Михаила Глинского, сидевшего в тюрьме за попытку побега в Литву.

На этот раз при бракосочетании никаких церемоний выбора невесты не проводилось. По мысли Н. Костомарова, это является указанием на то, что «Василий уже прежде решил жениться на Елене и потому развелся с прежнею женою».

В русской исторической литературе сохранилось описание свадьбы великого князя Московского Василия III и княжны Елены Глинской. Оно интересно не только как исторический документ, но и как описание тогдашнего обряда бракосочетания:

«В средней царской палате устроено было возвышенное место, обтянутое бархатом и камками, с широкими изголовьями, на которых положено было по сороку соболей. Перед местом поставлен был стол, накрытый скатертью, с калачами и солью. У жениха и невесты был свой свадебный поезд: у великого князя — так называемый свадебный тысяцкий с боярами (тысяцким был брат Василия Глинского Андрей) и дружка со своими боярами; у княжны Елены — жена тысяцкого, дружка, сваха и боярыни. Невесту одевали в ее покоях. По присланному приказу великого князя невеста со своими бо-

ярынями отправилась в среднюю палату. Перед ней несли свечи жениха и невесты и каравай, на котором лежали золотые монеты. Княгиню посадили на приготовленное место, а близ нее, на месте, которое должен был потом занять великий князь, посадили ее меньшую сестру, Анастасию. Все боярыни сели на лавках, а на левой стороне от невесты стали несшие свечи и каравай. Вслед за тем, по приказанию великого князя, вошел в палату брат его Юрий Иванович с боярами и детьми боярскими, рассажал их по местам, а сам сел на так называемом «большом месте» и послал звать великого князя, ожидавшего в брусяной столовой избе. Великий князь вошел с тысяцким и со своими свадебными боярами, поклонился образам, а потом приподнял с места сестру невесты и сел на ее место возле невесты. Священник читал молитву; свечи с обручами, перевязанные соболями, зажигались богоявленской свечой. Жена тысяцкого расчесывала волосы жениху и невесте и возлагала на голову невесте «кику» с навешенным на ней покровом, а потом осыпала великого князя хмелем из большой золотой мисы, в которой кроме хмеля положены были в трех местах соболи и шелковые платки в знаменательном числе трижды девять. Дружка великого князя резал «перепечю» и сыр, ставил перед новобрачными и рассылал присутствующим, а дружка невесты раздавал ширинки.

Посидевши немного, великий князь отправился в церковь к венчанию со всеми своими боярами, а на месте, на котором он перед тем сидел, положил сорок соболей. За ним вслед отправилась Елена со всеми своими поезжанами в санях, а перед ее санями несли свечи и каравай. Венчание совершал в Успенском соборе сам митрополит Даниил. Когда после венчания новобрачным дали пить вино, великий князь бросил склянницу на землю, разбил и потоптал ногами. Никто не смел после того ступить ногой на эти стекла. После

венчания митрополит, а за ним бояре поздравляли новобрачных. Они возвращались тем же порядком порознь. Свечи и каравай унесены были к постели и поставлены у изголовья в кад со пшеницею. Комната, где приготовлялась постель на тридевяти снопах, называлась сенник, облекалась тканями, и по четырем углам втыкались стрелы с сорока соболями на каждой, а под ними на лавках ставился пивной мед. Великий князь со своим поездом, на возвратном пути из церкви, объезжал монастыри, а потом посылал звать великую княгину со всем ее поездом к столу. Конь, на котором ездил по монастырям великий князь, передавался конюшему. Последний должен был в продолжение всего стола и всей ночи ездить вокруг спальни с обнаженной саблей. Важную должность конюшего исполнял тогда Федор Васильевич Овчина-Телепнев-Оболенский, отец Ивана, бывшего потом любимцем Елены, который и сам участвовал в свадебном чине. Во время стола ставили перед новобрачными жареную курицу. Дружка обвертывал ее скатертью и уносил в спальню. Это служило знаком, что великой княгине с поезжанами следует идти в спальню. За ней шел великий князь и неслись иконы. У постели жена тысяцкого, одевши на себя две шубы, и верхнюю шерстью вверх, осыпала новобрачных. На другой день великий князь с особыми обрядами ходил в мыльню. Для этого по свадебному чину наряжены были знатные особы, и в числе их молодой Иван Телепнев-Оболенский, которому тогда пришлось колпак держать, с князем в мыльне мыться и у постели с князем спать». (Близость этого человека к царственной чете объясняет, почему он мог впоследствии сойтись с Еленой.)

Спустя некоторое время после бракосочетания по Москве распространился слух, будто бывшая великая княгиня Соломония, насильно постриженная в монашки, беременна. Народная молва осуждала новый

брак Василия, а потому легко выдумала то, чего ей хотелось.

О мнимой беременности Соломонии стали говорить и придворные женщины. Но когда слухи дошли до великого князя, он приказал одну из них, вдову грека Юрия Траханиота, публично высечь, а сам послал доверенных дьяков навести справки о бывшей жене в Покровский суздальский монастырь.

История утаила от нас, чем закончилось придворное расследование Василия III, но и после того по Москве еще долго ходили слухи, что Соломония родила сына, названного Георгием, и бережно укрывает его в надежде, что когда он вырастет, то обязательно отомстит за мать.

Вторая супруга Василия III была совсем иного склада и воспитания, чем тогдашние русские женщины. Елена воспитывалась в европейском государстве, где были распространены более демократичные нравы и законы. Достаточно сказать, что на белорусских землях тогда действовала одна из самых первых и демократичных конституций в европейской истории нового времени (Статут княжества Литовского). В этом основном законе раздел четвертый — «О наследовании женщинами и о выдаче девушек замуж» — не требует, по моему, никаких разъяснений и говорит сам за себя. Достаточно сказать о том, что не то что раздела, подобной статьи не было не только в московском законодательстве, но и в законодательствах некоторых других европейских государств.

Ее отец и дядя также были людьми западного мировоззрения.

Глинские принадлежали к влиятельному княжескому роду и имели свой герб. Род имел татарские корни, которые генеалогическая традиция возводила к Мамаю, сын которого, Мансур-Кият, якобы оставил сыновей Скидира и Лексу. По легенде последний из них выехал в ВКЛ,

принял православие под именем Александра и получил от великого князя Витовта земли на границе с Золотой Ордой, а также города Полтаву и Глинск (на месте совр. г. Золотоноша Черкасской обл. на Украине).

Первым из князей Глинских в исторических документах под 1398 г. упоминается Иван Александрович, женатый на дочери князя Даниила Острожского Анастасии, у которого было три сына: Борис, Федор и Семен. Они и положили начало трем ветвям рода — старшей, средней и младшей.

Борис Иванович был служилым князем Свидригайлы Ольгердовича. От брака с вдовой князя Ивана Корибутовича у него было пятеро сыновей. Из них Григорий являлся наместником овручским, Иван — наместником черниговским. Один из сыновей Бориса Лев — служилый князь Ивана Юрьевича Мстиславского — оставил после себя дочь Федору, ставшую женой Мартина Хрептовича, и четырех сыновей: Ивана, Василия, Михаила и Федора.

Значительный след в истории России оставили Василий и Михаил. Василий Львович Глинский (по прозвищу Слепой) с 1501 г. являлся наместником василищским, затем (с 1505 г.) — слонимским, а с 1506 г. — старостой брестским. В 1502—1507 гг. являлся подстолим литовским. Он владел Лососином в Слонимском повете и другими маентками, имел троих сыновей — Юрия, Ивана, Михаила — и дочь Елену.

Михаил Львович Глинский, прославившийся победой над 30-тысячным татарским войском у Клецка (ныне — районный центр Минской области в Беларуси) 5 августа 1506 г., в молодости учился в Европе, жил в Германии, Италии и Испании. Юношей он служил в армии императора Священной Римской империи Максимилиана I. Несмотря на молодой возраст, сумел выделиться и заслужить особую признательность императора. Тогда же Михаил перешел в католичество.

В конце 1490-х годов Михаил Глинский возвратился на родину и поступил на службу к королю Польскому и великому князю Литовскому Александру. За короткий срок сумел снискать расположение короля и великого князя, стал одним из самых приближенных и доверенных его людей. Будучи наместником утянским, маршалком надворным литовским, наместником мерецким и бельским, он получил во владение крупные поместья Райгород и Гонядь в Подляшье, Можейково под Лидой, Туров и др.

Стремительное возвышение Глинского вызвало острый конфликт между родом и старой литвинской знатью: Радзивиллами, Кезгайлами, особенно с Яном Юрьевичем Заберезским, ставшим личным врагом Глинских.

Летом 1506 г. Михаил Глинский возглавил войско, которое в августе того же года разгромило татарскую рать под Красноставом у Клецка. Тяжело больной король и великий князь Александр еще успел узнать эту новость, но вскоре умер.

Новым великим князем Литовским стал брат Александра, Жигимонт I Старый. Стремясь стать независимым от политических группировок в ВКЛ (М. Глинский возглавлял ту, которая выступала за самостоятельность ВКЛ и передачу великокняжеской власти после смерти Александра его младшему брату Жигимонту), он сменил свое отношение к Глинскому и его партии. Тогда же против Глинского выступил его личный враг — воевода трокский и сторонник унии с Польшей Ян Заберезинский. Михаил пожаловался великому князю на то, что Заберезинский готовит на него покушение, однако его жалоба осталась не услышанной.

Тогда М. Глинский организовал отряд из бояр-вассалов и свояков, и 2 февраля 1508 г. организовал набег на усадьбу Я. Заберезинского недалеко от Гродно и приказал убить хозяина. Это стало началом мятежа. Затем

М. Глинский с отрядом пошел на Новогородок (ныне — г. Новогрудок в Беларуси), а оттуда — на Полесье, где были его огромные поместья и частнособственнические города Мозырь и Туров и где он имел опору и поддержку среди местных феодалов.

Будучи католиком, М. Глинский агитировал белорусских и украинских феодалов подниматься на защиту православия. Его поддержал крымский хан Менгли-Гирей. Московский великий князь Василий III прислал к нему своего посла, и в октябре 1508 г. М. Глинский заключил с ним соглашение о совместных военных действиях.

В рядах мятежников сражалось около 2 тысяч человек. Это были лишь вассалы Глинских, основное же боярство Беларуси и Украины не присоединилось к мятежу. Поэтому войско Глинского стало частью русской армии, одним из ее отрядов.

Оставив братьев в Мозыре, М. Глинский двинулся к Бобруйску. Здесь он соединился с армией князя В. Шемячича, и в мае 1508 г. они вместе осадили Минск. Захватить его, как и Слуцк, они не смогли. Московское войско и войско Глинского опустошили предместья Минска, Слуцка, Новогрудка, Слонима, населенные пункты за р. Вилией, а затем по приказу Василия III отошли к Орше.

В планы М. Глинского входило возобновление боевых действий в июле и возвращение в Центральную Беларусь. Но московский великий князь не хотел рисковать. В его тылу находился непокоренный Смоленск. Московские войска отошли к Мстиславлю и Кричеву, а М. Глинский — к Стародубу. Потом он собрал своих сторонников и вернулся в Мозырь, чтобы продолжить борьбу.

Но 19 сентября 1508 г. между ВКЛ и великим княжеством Московским был подписан мирный договор. На Полесье двинулась многочисленная армия под коман-

дованием гетмана Острожского. По приказу Василия III в начале ноября М. Глинский перебрался в Москву с братьями и вассалами, где получил во владение Малоярославец и Боровск.

Так Глинские оказались в Москве.

От родных Елена Глинская усвоила западные понятия и обычаи, которые были в диковинку для московского великого князя и его придворных. Не только своей красотой, но и характером, внутренними качествами 20-летняя литвинка пленила Василия III. Желание 47-летнего князя понравиться девушке было так сильно, что он даже сбрил бороду.

(По тем временам сбривание бороды рассматривалось, как большое преступление, нарушение не только древних народных, но и религиозных обычаев. Пример тому — одно из тогдашних нравственных наставлений: «Смотрите, вот икона страшного пришествия Христова: все праведники одесную Христа стоят с бородами, а ошую бусурманы и еретики, обритые, с одними только усами, как у котов и псов. Один козел сам себя лишил жизни, когда ему в поругание обрезали бороду. Вот, неразумное животное умеет свои волосы беречь лучше безумных брадобреев!»)

Но подобные наставления не сдерживали модников, которые, как пишет Н. Костомаров, не только «брили себе бороды, но выщипывали себе волосы на лице, стараясь уподобиться женщинам; подобные щеголи не менее возбуждали негодование суровых нравоучителей и своим нарядом: они носили красные сапоги, расшитые шелком, до того узкие, что ноги болели у них; навешивали на себя пуговицы, ожерелья, на руках носили множество перстней, мазались благовониями, притирали себе щеки и губы и щеголяли вычурными манерами, состоявшими в известного рода кивании головы, расставлении пальцев, подмигивании глаз, выставлении вперед ног, особенного рода походке и т. п.»)

После женитьбы на Елене Глинской великий князь Василий III тоже начал щеголять. Он чувствовал разницу в возрасте и боялся, что в один прекрасный момент это может стать непреодолимой пропастью между ним и молодой супругой.

Василий был очарован Еленой. Молодая бойкая литвинка, девушка с характером, быстро поняла не только это, но и то, что благодаря этому очарованию можно оказывать влияние на мужа. Вскоре после свадьбы из тюрьмы был освобожден ее дядя, Михаил, которого подзревали в подготовке побега обратно в Литву. Но после освобождения великий князь простил Глинскому все его прежние прегрешения. Более того, Михаил Глинский стал отныне одним из самых приближенных людей в свите Василия III.

Так великая княгиня приобретала власть над великим князем. Но время шло, а желанная цель Василия и тот государственный интерес, ради которого он развелся с первой женой, так и не был достигнут. В придворных кругах стали поговаривать, что Елена так же бесплодна, как и Соломония. Вместе с ней Василий постоянно совершал путешествия по разным монастырям: в сопровождении владыки Макария был у Тихвинской Божией Матери, в Переяславль, Ростов, Ярославль, Спасов-Каменский монастырь на Кубенском озере, устраивал празднества, раздавал милостыни. Во всех русских церквях молились «о чадородии» Василия. Из монастырей ему и Елене доставляли хлеб и квас — ничто не помогало.

«Прошло четыре с половиной года совместной жизни, пока, наконец, царственная чета не прибегла в молитвах своих к преподобному Пафнутию Боровскому, — пишет Н. Костомаров. — Тогда только Елена сделалась беременною».

Радость Василия III была безгранична. Ребенок еще не родился, а о нем уже составлялись различные предзнаменования.

«Когда отрок во чреве матери растет, то печаль от сердец людских отступает, — говорили церковники. — Когда отрок во чреве матери двигался, то у врагов пропададо желание нападать на царство». Один юродивый по имени Деметрий на вопрос о беременности Елены ответил: «Родится сын Тит, широкий ум».

Елена родила сына 25 августа 1530 г. Ближайшим большим религиозным праздником к дню его рождения был праздник Усекновения Иоанна Предтечи, поэтому младенца нарекли именем Иоанн. Историческая легенда гласит, что когда он родился, по всей Русской земле «прокатился страшный гром, молния блеснула, земля поколебалась!»

Его крестными отцами были монахи-иосифляне Кассиан Босый и Даниил Переяславский. Мамкой к новорожденному приставили боярыню Аграфену Челяднину, родную сестру князя Ивана Овчины-Телепнева-Оболенского, который к тому времени все больше входил в доверие и получил важный сан конюшего.

Спустя два года Елена родила второго сына, названного Юрием, а через год, на 55-ом году жизни, великий князь Московский Василий III умер.

ЛЮБВЕОБИЛЬНЫЙ САТРАП

То ли 20-летняя бесплодная жизнь с первой женой и пятилетняя бесплодная жизнь с Еленой, то ли преклонный возраст Василия и молодость его второй жены, то ли все эти обстоятельства вместе послужили возникновению версий о том, что великий князь мог и не быть отцом Ивана IV, прозванного Грозным.

Одним из «подозреваемых» является будущий фаворит великой княгини — великокняжеский конюший князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский. Именно ему вскоре после смерти супруга «полностью отдастся» Елена. Иван Овчина станет фактическим управителем державы, а бояре, духовенство и князья будут вынуждены сносить его произвол.

Еще более невероятная и фантастичная версия предполагает, что отцом будущего первого русского царя и жестокого диктатора мог быть белорусский книгопечатник и просветитель Франциск Скорина. С целью рекламы своей издательской деятельности он мог побывать в Москве в самом конце 1529 г. В пользу такой версии может свидетельствовать и тот факт, что Скорина был вынужден поспешно и без видимых оснований покинуть Москву. Книги его по приказу Василия были сожжены.

Кто был отцом Ивана и его единоутробного брата Юрия — сам Василий III, фаворит Елены князь Иван Овчина или Ф. Скорина, мы уже никогда не узнаем.

(Нужно сказать, что подобный случай веком раньше произошел на родине Елены. Младший из 11 сыновей Ольгерда и тверской княжны Ульяны, внук Гедимина, великий князь Литовский в 1377—1392 гг. и ко-

роль Польши в 1386—1434 гг., Ягайло был женат четырежды. С первыми двумя женами — Ядвигой и Анной — у него детей не было. После смерти третьей своей жены, Альжбеты Грановской, Жигимонт I, король Чехии, пытался посватать польского короля с чешской королевой Офкой.

Но этому браку воспротивился Витовт. На то у великого князя Литовского были веские причины. Параллельно с переговорами о сватовстве Ягайлы к Офке он тоже подыскивал кандидатуру в польские королевы среди белорусских шляхтянок и остановил свой выбор на троюродных сестрах своей жены Ульяны, дочерях князя Андрея Ольшанского. В один из приездов Ягайлы на родину Витовт как бы ненароком заехал в Друцк, к князю Семену Дмитриевичу. Увидев двух его племянниц, Василису и Софию, Ягайла забыл обо всяких переговорах. Взволнованный красотой девушек, король сказал великому князю: «Было у меня три жены — две польки, а третья немка, но наследников они мне не дали. Прошу же тебя, брат, сосватай мне у князя Семена его младшую племянницу Софью. Она из рода русского и, возможно, Бог пошлет мне наследника».

Витовт с удовольствием выполнил просьбу брата. Но князь Семен Друцкий ответил великому князю: «Государь великий князь Витовт. Король Ягайло твой брат, — коронованный великий государь, и для моей племянницы не может лучшей кандидатуры, как вступить в брак с его милостью. Но не стоит бесчестить старшую сестру, раньше выдавая младшую, а потому пусть бы его милость взял себе в жены старшую».

В ответ на это Ягайло передал через Витовта: «Сам знаю, что старшая более привлекательна, но у нее усики, а это значит, что она девушка крепкая. Я же человек старый и боюсь ей соблазниться».

Выход был найден в том, что за старшую из сестер, Василису, посватали князя Ивана Бельского. Только

после этого Ягайло посватался к Софье. 24 марта 1422 г. они венчались в фарном костеле Новогрудка, и Софья Друцкая-Ольшанская, наследница полоцких князей, стала польской королевой.

Брак не сделал Ягайлу счастливым. Наоборот, он принес ему много переживаний и тревог. К моменту бракосочетания польскому королю было около 74-х (!) лет. По возрасту он годился в дедушки молодой супруге, которая заглядывалась на придворных ровесников. Поэтому неудивительно, что в одном из своих писем Ягайло просил совета у Витовта, что ему следует сделать, чтобы избавить молодую жену от мечтательности и легкомыслия. Ничего не придумав, Витовт посоветовал брату изредка морить Софью голодом.

Спустя два с половиной года совместной жизни, 31 ноября 1424 г., Софья родила Ягайле сына, названного Владиславом. Через два года, в 1426 г., на свет появился второй сын — Казимир, умерший в младенчестве. Но в следующем году Софья родила еще одного мальчика, которому дали тоже имя — Казимир.

Ягайле шел 77-й год, поэтому нет ничего удивительного в том, что не только среди придворных поползли слухи о рождении Софьей сыновей не от короля, своего мужа, а от любовников. Кто с оглядкой, вполголоса, а кто и открыто стали называть имена придворных прелюбодеев.

Когда слухи дошли до короля, он засомневался в верности жены. Божбы и клятвы самой Софьи оказались для него неубедительными. Началось расследование, в результате которого многим молодым придворным рыцарям устраивали допросы с пристрастием — пыткой.

Витовт также проявил активность в расследовании вопроса. Он засадил в тюремное подземелье ближайшее женское окружение королевы и жестоким обращением добивался желаемого признания.

Но допрос, длившийся почти год, не привел к желаемому результату. Слухи о нем получили широкую огласку, а потому шляхта и бояре на сойме потребовали от королевы клятвы в невиновности. Софья принесла такую клятву, король Ягайла был вынужден примириться с женой. Впоследствии первый их сын в 10-летнем возрасте при опеке матери был избран польским королем под именем Владислава III (Ягайло умер 1.6.1434 г.). В 15-летнем возрасте он был избран королем Венгрии и в 21 год погиб в битве с турками под Варной. Второй сын в 1440 г. был избран великим князем Литовским, а спустя четыре года под именем Казимира IV стал королем Польши.

После смерти Василия III верховная власть сосредоточилась в руках его жены, Елены Глинской. Фактически же Московской Русью стал управлять ее фаворит — князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский — человек крутого нрава, который не останавливался ни перед какими злодеяниями, о чем свидетельствуют исторические источники. Можно сказать, что он некоторым образом повлиял на совсем юного тогда государя, поскольку тот к нему сильно привязался. В этот период совершались бесчинства, которых до тех пор московская земля не знала. Московская знать трепетала от страха, боясь словом или взглядом оскорбить любимца вдовствующей великой княгини. Сложилась такая ситуация, когда по одному лишь доносу человека могли лишить свободы и даже жизни. Брата покойного царя, Юрия, князя Дмитровского, по подозрению в неблагосклонности к Телепневу засадили в тюрьму, где он умер от голода в 1536 г. Другой брат, Андрей, князь Старицкий, опасаясь подобной участи, начал готовить восстание против самозванца, но был раскрыт, схвачен и задушен в том же году. Его жену и сына бросили в тюрьму. Вместе с ним было казнено также много бояр и боярских детей, которых обвиняли в сговоре с Андре-

ем. Михаила Львовича Глинского, пытавшегося по праву близкого родства с великой княгиней вступить за еще уцелевших опальных бояр, подобно князю Юрию, тоже бросили в тюрьму и уморили голодом.

До поры до времени фавориту все сходило с рук, поскольку при нем Московское государство достигло определенных внешнеполитических успехов. Но вскоре боярство, желая избавиться от него, нашло единственный способ: Елена Глинская была отравлена, а Телепнева бросили в тюрьму, где он и умер голодной смертью. Тогда же был низложен и митрополит Даниил, который из стремления угодить великой княгине закрывал глаза на преступления ее фаворита.

Властью в Москве завладели князья Шуйские. Но в 1540 г. при содействии нового митрополита, бывшего троицкого игумена Иосафа, был низложен глава московского правительства Иван Шуйский, а вместо него поставлен его враг — боярин князь Иван Бельский, чье правление обещало много хорошего. Он не ставил свои корыстные интересы выше государственных. Более того, он наконец освободил из заточения племянника покойного великого князя Владимира Андреевича с матерью и многих других, попавших в тюрьму при Телепневе.

Своих противников Шуйских он не стал преследовать. Но вскоре именно это послужило причиной трагедии Бельского. 3 января 1542 г. князь Иван Шуйский устроил заговор при содействии преданных ему бояр и, схватив Бельского, приказал его задушить. Изменник-митрополит был тотчас низложен, а на его место возведен новгородский архиепископ Макарий.

Но и этот священник не отличался преданностью хозяевам. Когда князь Иван из-за болезни передал правление своим родственникам, Макарий стал на сторону Юрия и Михаила Глинских, чем способствовал успешному захвату власти.

До самого момента коронации в начале 1547 г. Иван IV находился под опекой своих дядей. Несомненно, смутные события, которые происходили в государстве, не могли не повлиять на характер будущего государя. Однако более значительную лепту в его «духовное» развитие вносили Глинские. Своей жестокостью они мало чем отличались от Телепнева или Шуйских. Например, по их наущению Иван, будучи еще отроком, приказал схватить Андрея Шуйского и отдать на растерзание псам.

«В младенчестве с ним как будто умышленно поступали так, чтобы образовать из него необузданного тирана, — пишет Н. Костомаров. — С молоком кормилицы всосал он мысль, что рожден существом высшим, что могущественнее его нет никого на свете, и в то же время его постоянно заставляли чувствовать свое бессилие и унижение».

Никто не пресекал дурные наклонности будущего государя, когда тот был еще юношей. Забавы ради Иван любил бросать с крыльца или крыши животных и не без наслаждения наблюдать за их мучениями. Избрал себе в приятели сверстников из знатных семейств, он вместе с ними пьянствовал и развлекался быстрой ездой по городу. Однажды под копыта лошади попали люди, но это нисколько не смутило будущего московского правителя. Опекуны его хвалили: «Вот будет храбрый и мужественный царь!»

В этом смысле он оправдывал все ожидания родственников-опекунов. Подчиняясь сиюминутному расположению духа, Иван то возлагал опалы на сановников, то прощал их за вольности. Как-то раз, когда он выехал на охоту, к нему явились 50 новгородских пищальников с жалобой на своих наместников, которые их притесняли. Государя-отрока взяла досада. За то, что просители прервали его развлечение, он приказал дворянам прогнать их. Но новгородцы не собирались уходить, не по-

лучив ответа. Между ними и людьми Грозного завязалась драка, и в результате несколько человек было убито на месте. Разозлившись, Иван приказал установить, кто научил пищальников такому неповиновению. Поручение было возложено на дьяка Василия Захарова, сторонника Глинских. Он обвинил в подстрекательстве князей Кубенского и братьев Воронцовых. Федор Воронцов был любимцем государя, но даже это не спасло его: всем троим отрубили головы.

Иван Васильевич непременно желал венчаться царским венцом. 16 января 1547 г. он короновался в Успенском соборе. С этого момента он стал полноправным самодержцем Московской Руси.

Уже за первым государственным делом молодого правителя таился заложенный глубоко в подсознании страх, что он может лишиться власти. Его отец, Василий Иванович, долго был бесплоден, и на протяжении едва ли не всего его правления стоял вопрос о наследнике престола. Поэтому в начале 1547 г. по высочайшему повелению были приглашены со всего государства девицы, для того чтобы Иван Васильевич мог выбрать невесту из их числа.

Первой женой Ивана IV стала Анастасия, дочь окольного боярина Романа Юрьевича Захарьина, одного из предков дома Романовых. Венчалась царственная чета 3 февраля того же года.

Но женитьба не изменила характер царя. Он по-прежнему продолжал разгульную жизнь. Привычный разврат иногда принимал самые отвратительные и жестокие формы. Возможно, летописцы давали большой простор фантазии, изображая, как Скуратовы и Басмановы в приступах садизма заставляли крестьянских девушек совершенно обнаженными гоняться за курами и пронзали их стрелами. Даже монастыри в то время становились настоящими вертепами разврата. Именно при Грозном в Московское государство пришла такая

болезнь, как сифилис, которая уже в XVII в. стала уносить сотни и тысячи человеческих жизней.

Анастасия Захарьина, первая жена царя, умерла в 1560 г. В июле в Москве случился страшный пожар, опустошивший всю Арбатскую часть города. От сильного испуга Анастасия, уже давно хворавшая, слегла в кровать и, несмотря на все старания лекарей и знахарей, в августе умерла.

Ее смерти предшествовали грозные придворные события. Со времени отстранения от власти Глинских главными опекунами царя были Сильвестр и Алексей Адашев. Но в 1559—60 гг. враги постепенно подвели Ивана к тому, чтобы он решительно сбросил с себя опеку.

Главными врагами Сильвестра были Захарьины, родные царицы. Они настроили Анастасию против Сильвестра.

«Царь должен быть самодержавен, всем повелевать, никого не слушаться, — нашептывали они Ивану IV. — А если будет делать то, что другие поставят, то это значит, что он только почтен честью царского председания, а на деле не лучше раба. И пророк сказал: горе граду тому, им же мнози обладают. Русские владетели и прежде никому не повиновались, а вольны были подданных своих казнить или миловать. Священникам совсем не подобает властвовать и управлять; их дело — священнодействовать, а не творить людского строения».

Вдобавок ко всему Ивана постарались убедить, что Сильвестр чародей, силой волшебства опутал его и держит в неволе.

Охладевший к Сильвестру царь решительно разошелся с ним после путешествия с больной женой по монастырям зимой 1559 г.

С первой своей женой Иван Грозный прожил 13 лет. Анастасия родила ему троих сыновей — Дмитрия

(1552), Ивана (1554) и Федора (1557). Старший, Дмитрий, умер в младенчестве (1553).

«Царь был в отчаянии, — пишет Н. Костомаров. — Народ сожалел об Анастасии, считая ее добродетельной и святой женщиной, так как она отличалась набожностью и благотворительностью. Понятно, что с потерей любимой особы стали царю ненавистнее те, которые не любили ее при жизни. Этим воспользовались враги и начали уверять царя, что Анастасию извели лихие люди, Сильвестр и Адашев, своими чарами».

Один из современников Ивана Грозного писал, что после похорон жены «словно страшная буря, налетевшая со стороны, смутила покой его доброго сердца, и я не знаю, как перевернула его многомудренный ум и нрав свирепый, и стал он мятежником в собственном государстве».

Скорый суд над недавними ближайшими советниками признал Сильвестра и Адашева виновными. Сильвестр был сослан на Соловки, Адашев — на берег Балтики, где, заточенный в Дерптской крепости, умер спустя два месяца.

Двух главных действующих лиц царствования Ивана IV не стало. Однако остались их друзья и сторонники, остались мысли и правила. По научению новых приближенных царь потребовал клятвы в преданности и верности от всех бояр и знатных людей, которые имели отношения с Сильвестром или Адашевым.

«Все, что прежде считалось достоинством и способом угождать царю, сделалось предосудительно, напоминая Адашева и Сильвестра, — пишет Н. Карамзин. — Говорили Иоанну: «Всегда ли плакать тебе о супруге? Найдешь другую, равно прелестную, но можешь неумеренностью в скорби повредить своему здравью бесценному. Бог и народ требуют, чтобы ты в земной горести искал и земного утешения». Иоанн искренно любил супругу, но имел легкость во нраве,

несогласную с глубоким впечатлением горести. Он без гнева внимал утешителям и чрез восемь дней по кончине Анастасии митрополит, святители, бояре торжественно предложили ему искать невесту: законы пристойности были тогда не строги. Раздав по церквам и для бедных несколько тысяч рублей в память об усопшей, послав богатую милостыню в Иерусалим, в Грецию, государь 18 августа объявил, что намерен жениться на сестре короля польского.

С сего времени умолк плач во дворце. Начали забавлять царя, сперва беседою приятною, шутками, а скоро и светлыми пирами; напоминали друг другу, что вино радует сердце; смеялись над старым обычаем умеренности; называли постничество лицемерием. Ежедневно вымышлялись новые потехи, игрища, на коих трезвость, самая важность, самая пристойность считались непристойностью. Еще многие бояре, сановники не могли вдруг перемениться в обычаях; сидели за светлую трапезою с лицом туманным, уклонялись от чаши, не пили и вздыхали; их осмеивали, унижали, лили им вино на голову. Между новыми любимцами государевыми отличались боярин Алексей Басманов, сын его кравчий Федор, князь Афанасий Вяземский, Василий Грязной, Малюта Скуратов-Бельский, готовые на все для удовлетворения своего честолюбия. Прежде они под личиною благонравия терялись в толпе обыкновенных царедворцев, но тогда выступили вперед и, по симпатии зла, вкрались в душу Иоанна, приятные ему какой-то легкостью ума, искусственною веселостью, хвастливым усердием исполнять, предугадать его волю как божественную, без всякого соображения с иными правилами, которые обуздают и благих царей и благих слуг царских, первых в их желаниях, вторых во исполнении оных...

Развратники, указывая царю на печальные лица важных бояр, шептали: «Вот твои недоброхоты! Во-

преки данной им присяги, они живут адашевским обычаем, сеют вредные слухи, волнуют умы, хотят прежнего своевольтва». Такие ядовитые наветы растревляли Иоанново сердце, уже беспокойное в чувстве своих пороков; взор его мутился, из уст вырывались слова грозные. Обвиня бояр в злых намерениях, вероломстве, в упорной привязанности к ненавистной памяти мнимых изменников, он решился быть строгим и сделался мучителем, коему равного едва ли найдем в самых Тацитовых летописях! Не вдруг, конечно, расшвирипела душа, некогда благолюбивая: успехи добра и зла бывают постепенны, но летописцы не могли проникнуть в ее внутренность, не могли видеть в ней борения совести с мятежными страстями, видели только дела ужасные и называют тиранство Иоанново *чуждою бурю*, как бы из недр ада посланною возмутить, истерзать Россию. Оно началось гонением всех ближних Адашева: их лишали собственности, ссылали в места дальние. Народ жалел о невинных, проклиная ласкателей, новых советников царских; а царь злобился и хотел мерами жестокими унять дерзость. Оскорбленный надменностью юного любимца государева Федора Басманова, князь Дмитрий сказал ему: «Мы служим царю трудами полезными, а ты гнусными делами содомскими!» Басманов принес жалобу Иоанну, который в исступлении гнева за обедом вонзил несчастному князю нож в сердце».

После похорон первой жены Иван предался необузданному разврату. В это же время он всенародно объявил, что собирается посвататься к сестре польского короля и великого князя Литовского Сигизмунда-Августа — Екатерине.

Король Сигизмунд хотя прямо и не отказывал московскому государю в руке сестры, но и не спешил давать согласие. Тем временем Иван Грозный по наговорам своей «избранной рады» — отца и сына Басмано-

вых, князя Вяземского, Малюты-Скуратова, Бельского, Грязного и чудовского архимандрита Левкия — начал в 1561 г. расправляться с друзьями и сторонниками Адашева и Сильвестра. Тогда были казнены его родственники: брат Данило с 12-летним сыном, тесть Алексея Адашева Туров, трое братьев жены Адашева Сатины, родственник Иван Шишкин с женой и детьми и приятельница Адашева, знатная вдова Мария с пятью сыновьями, которая была полькой, перешедшей в православие.

Сигизмунд не мог не сознавать, что, выдав сестру за московского царя, обречет ее на неминуемую гибель. Поэтому в качестве брачного условия выставил заведомо невыполнимое требование: мирный договор, по которому Москва должна уступить Новгород, Псков, Смоленск и Северские земли. Подобные условия не могли быть приняты и, разумеется, привели не к союзу, а к еще большей вражде.

Иван Васильевич перестал думать о польской принцессе. Замышляя месть соседу за неудачное сватовство, 21 августа 1561 г. он женился на дочери черкесского князя Темрюка, названной в крещении Марией. В числе новых царских любимцев оказался брат новой царицы, развратный и необузданный Михайло Темрюкович.

Женитьба на Марии Темрюковне не остепенила русского царя. Сама новая царица оставила о себе память злой женщины. Иван продолжал вести развратную пьяную жизнь и даже занимался мужеложством, вступая в противоестественные половые отношения с Федором Басмановым, сыном Алексея Басманова. Когда, как было отмечено выше, Дмитрий Овчина-Оболенский упрекнул этим царского любимца, тот пожаловался Ивану Грозному.

«Вот так-то ты желаешь добра своему государю! — сказал Иван, позвав Дмитрия к себе на застолье. — Не

захотел пить, ступай же в погреб, там есть разное питье. Там напьешься за мое здоровье».

Однако не только Дмитрий Овчина-Оболенский лишился жизни. Другой боярин, Михаил Репнин, не позволил царю надеть на себя шутовскую маску в то время, когда пьяный царь веселился со своими любимцами. Его тоже приказали умертвить. Третий из опальных бояр, князь Юрий Кашин, был убит вместе с братом.

Не избежали царского гнева и князья Шереметевы. Один из них, Никита, был убит по приказу Ивана Грозного, другой — старший из братьев, Иван Васильевич, сначала был посажен в тюрьму, но потом выпущен. Вместе с Иваном Васильевичем, младшим из братьев Шереметевых, он оставался в постоянном страхе: царь подозревал их в намерении бежать. Иван Васильевич спасся только тем, что постригся в Кирилло-Белозерском монастыре.

Кромешная бездна, которая втягивала в чудовищный водоворот и ближних и дальних, просто не могла не коснуться наследника Ивана Грозного — Ивана Ивановича, однажды в припадке злобы и гнева убитого отцом.

«Случайным это убийство назвать невозможно, — пишет Е. Парнов. — На последнем отрезке жизни Грозный все чаще страдал недугами и как-то в припадке черной меланхолии заявил сыну, что передает трон шведскому принцу. Таков был патриотизм самодержца, чей пример ласкал больное воображение Сталина...

Первых двух жен цесаревича Грозный сослал в монастырь, третью, Елену Шереметеву, невлюбив с первого дня, изводил придирками. Ее отца объявили изменником, одного дядю обезглавили, другого заточили в скит.

Однажды царь застал Елену в одной рубахе, тогда как положено было, невзирая на жар в натопленной

комнате, сидеть по меньшей мере в трех. Несмотря на то, что женщина была на сносях, коронованный деспот нещадно поколотил ее посохом, отчего произошел выкидыш. Напрасно царевич пытался удержать отца. Это лишь распалило его всепоглощающий гнев. Венцом сцены явился тот самый удар в висок, приведший к смерти наследника».

А вот как пишет об этом Н. Костомаров:

«В Александровской слободе случилось между тем потрясающее событие: в ноябре 1581 г. Иван Васильевич в порыве запальчивости убил железным посохом своего старшего сына, уже приобретшего под руководством отца кровожадные привычки и подававшего надежду, что по смерти Ивана Васильевича будет в его государстве совершаться то же, что совершалось при нем. Современные источники выставляют разную причину этого события. В наших летописях говорится, что царевич начал укорять отца за его трусость, за готовность заключить с Баторием унижительный договор и требовал выручки Пскова; царь, разгневавшись, ударил его так, что тот заболел и через несколько дней умер. Согласно с этим повествует современный историк Ливонской войны Гейденштейн; он прибавляет, что в это время народ волновался и оказывал царевичу особое перед отцом расположение, и через то отец раздражился на сына. Антоний Поссевин (бывший через три месяца после того в Москве) слышал об этом событии иначе: приличие того времени требовало, чтобы знатные женщины одевали три одежды одна на другую. Царь застал свою невестку, жену Ивана, лежащей на скамье в одной только исподней одежде, ударил ее по щеке и начал колотить жезлом. Она была беременна и в следующую ночь выкинула. Царевич стал укорять за то отца. «Ты, — говорил он, — отнял у меня уже двух жен, постриг их в монастырь, хочешь отнять и третью и уже умертвил в утробе ее моего ребенка».

(Царевич Иван был женат трижды. Его первой женой была Евдокия Сабурова, второй — Соловая, третья Елена Шереметева, дочь Ивана. — В. К.)

Иван за эти слова ударил сына изо всех сил жезлом по голове. Царевич упал без чувств, заливаясь кровью. Царь опомнился, кричал, рвал на себе волосы, вопил о помощи, звал медиков... Все было напрасно: царевич умер на пятый день и был погребен 19 ноября в Архангельском соборе. Царь в унынии говорил, что не хочет более царствовать, а пойдет в монастырь; он собрал бояр, объявил им, что второй сын его, Федор, не способен к правлению, предоставлял боярам выбрать из среды своей царя. Но бояре боялись: не испытывает ли их царь Иван Васильевич и не перебьет ли он после и того, кого они выберут, и тех, кто будет выбирать нового государя? Бояре умоляли Ивана Васильевича не идти в монастырь, по крайней мере до окончания войны.

При Иване Грозном разврат в Московской Руси достиг небывалого размаха. Если при его деде, Иване III, было запрещено изготовление и свободная продажа спиртных напитков, разрешено было пить только по праздникам, то Иван Грозный построил отдельный кабак для опричников и разрешил им пить, хоть залейся.

Попойки перестали считаться чем-то из ряда вон выходящим. Хозяин, который не упоил своих гостей до «потери пульса», считался недобрый и скупым.

Тосты шли сначала за здравие государя, потом государыни, царственного лица, патриарха, победоносное оружие, переходя поочередно на каждого участника попойки. И не было большего самоунижения, как воздержаться и пропустить тост. По этому поводу даже была пословица: «Потчевать велено, а неволить грех».

«Водка любимейший напиток, который пьют без различия, будь то мужчины или женщины, лица духовные или светские, знатные или купцы, мещане или крестьяне, — писал в своих записках голландский по-

сол при царском дворе Конрад Кленк. — Пьют ее и до, и после обеда, даже целый день кряду, вроде как у нас вино. Прибавляют к ней еще и перцу, если больны лихорадкой, а то и просто потому, что так, по их мнению, здоровее. Люди так падки до водки, что часто не только летом, но и зимой, при жестоком холоде, пропивают свое верхнее платье, даже рубаху с тела, и голышом выбегают из кабака домой. Даже женщины из просто-народья напиваются иногда до того, что оставляют платье свое под залог и голые, вытолканные из кабака, падают от пьянства на улице и часто бывают изнасилованы и терпят ущерб своему целомудрию, которое и так не очень велико».

Самые отъявленные гуляки собирались в подпольных притонах. Там царили полный разврат и бесчинства, там продавали не только водку, но и женщин. Этот бизнес стал настолько прибыльным, что даже страх самого жестокого наказания не мог помешать «наклюкаться как сапожник», «наутюжиться как портной», «насвистаться как немец» или «налимониться как барин».

Но главным местом распутства и «содомского разврата» на Руси того времени, как на Востоке и в Европе, служили не столько кабаки и корчмы, сколько бани. Сбросив с себя одежду, человек как бы сбрасывал с себя и все условности обычной будничной жизни, основанной на строгом семейном укладе и моральном ханжестве взаимоотношений между мужчиной и женщиной.

Довольно распространенным явлением в Московской Руси была банная проституция. Существовали неписанные виды дополнительных услуг. Даже без видимого намека со стороны посетителя хозяин бани приводил к нему несколько девушек, одну из которых тот мог выбрать себе для растирания. О плате договаривались по взаимному согласию.

(Обычай общего банного купания в будущем попыталась было искоренить императрица Екатерина II. Она распорядилась устроить отдельные бани для обоих полов: в женские бани допускались только мужчины из банной обслуги, а также — по желанию — художники и врачи, изучавшие и познававшие в банях свое ремесло. Однако это не помешало удержаться банной проституции вплоть до XX в., где наряду с общими залами имелись частные кабинеты. Туда за плату и по выбору клиента приходили «растиральщицы». Как и в западноевропейских банях, разрешавших сношения с проститутками, все это хотя бы для видимости должно было создавать впечатление моющих супругов.)

Церковные документы времен Ивана Грозного сохранили немало свидетельств о «богопротивных играх», особенно в ночь на Ивана Купалу, когда «есть мужем и отроком великое падение на женское и девичье шатание. Тако и женам мужатым незаконное осквернение тут же».

Массовые народные гуляния во время языческих праздников часто сопровождались распитием спиртного, а затем массовыми сексуальными оргиями. Ведь большинство этих праздников так или иначе были связаны с древними божествами плодородия, а потому подразумевали ритуальное совокупление.

Во времена Ивана Грозного не был окончательно забыт истинный смысл и значение этих празднеств. Но уже и тогда девушки не только добровольно отдавались понравившемуся или любимому парню, но и соблазнялись лживым общением женитьбы или их просто насиловали.

Простой люд смотрел на подобные отношения более свободно. Нередко случалось, что невесты еще до замужества приживали по два-три ребенка, причем от разных отцов.

Соблазнительей наказывали епитимьей с обязательным соблюдением поста в течение нескольких лет или денежным штрафом. Поэтому многие родители из опасения за дочерей старались выдать их замуж — и чем скорее, тем лучше. Нередко девочек сватали в 14-летнем возрасте за физически зрелых парней. На защиту дочерей приходили матери, которые потом на церковной исповеди признавалась в блуде с зятем. Поначалу церковь наказывала тещ 15-летним постом, но после, когда подобный блуд получил довольно широкое распространение, перестала относить греховные отношения между зятьями и тещами к супружеской измене.

(Если судить по тогдашним сборникам епитимий, священники на исповеди выпрашивали мужей и жен об их супружеской жизни, в частности о половых отношениях: например, имеют ли место «блуд в непотребном естестве» или «блуд с собой до испущения», занавешивают ли супруги иконы и снимают ли нательные кресты «пред соитием», нарушают ли запреты «иметь приближение по средам, пятницам, субботам». Церковь признавала лишь одну половую позицию при сношении мужа и жены: мужчина сверху, женщина снизу. О любых попытках разнообразить свою половую жизнь супруги в обязательном порядке (!) обязывались докладывать священнику на исповеди. Именно тогда в русском народе сложилась поговорка: «Грех, пока ноги вверх, а опустил — так Бог и простил!»)

«Рыба гниет с головы». Эта поговорка применима ко всем временам и всем правителям. Культурные навыки и нравы царственных особ и их придворных находили причудливое отражение в подданных. Трудно сказать, насколько Иван Грозный любил свою первую жену Анастасию (и любил ли он ее вообще), но последующих жен царь несколько не стеснялся. То ли потому, что ни одна из них больше не родила царю наследника, то ли

потому, что его характер окончательно испортился, — неизвестно. Прямо на глазах у них он предавался разврату с женщинами и молоденькими девицами, которых услужливые царедворцы-опричники доставляли ему для плотских утех. Нередко в царской опочивальне между царем и царицей оказывался очередной недолговечный парнишка-фаворит.

Нужно признать, что Иван Грозный был грязен в интимных делах. Так, в Твери, где он бесчинствовал по пути на Новгород, всем женщинам, невзирая на возраст, было приказано под страхом смертного наказания встать у окон с поднятыми рубахами.

«Если бы сатана мог выдумать что-нибудь для порчи человеческой, то и тот не мог бы выдумать ничего удачнее», — отзывались современники об опричнине. С ее введением свирепые казни и мучительства возросли неимоверным образом, а царская жизнь стала представлять собой жизнь полупомещанного. Иногда еще Иван старался угодить Богу прилежным исполнением правил внешнего приличия (что почти через четыреста лет, по свидетельству очевидцев, вызывало саркастическую насмешку Сталина, для которого Грозный был кумиром), но по вечерам в царских палатах начинались забавы иного рода. Стоило царю узнать, что кто-то из его подданных прячет у себя красивую жену, он приказывал опричникам похитить ее и привезти к нему. Совершив все мыслимые и немыслимые надругательства, Иван отдавал жертву на поругание опричникам, а потом приказывал отвезти назад к мужу. Иногда из опасения, что муж надумает мстить, царь отдавал приказ убить его. Но особое наслаждение доставляло Ивану Грозному издеваться над опозоренными мужьями.

В то время ходили слухи, что таким образом была похищена жена у одного дьяка, который осмелился проявить неудовольствие. Тогда царь приказал повесить жену над порогом дома, где жил дьяк, и оставить труп

в таком положении на две недели. Другому дьяку «не повезло» гораздо больше: его жену повесили по царскому приказу прямо над его обеденным столом.

В немилость к царю неожиданно попал конюший Иван Петрович Челяднин. Царь обвинил несчастного старика, будто тот хочет свергнуть его с престола и сам занять трон. Иван призвал конюшего к себе, приказал одеться в царское одеяние, посадил на престол, стал кланяться ему в землю и приговаривать: «Здрав буди, государь всея Руси! Вот ты получил то, чего желал; я сам тебя сделал государем, но я имею власть и свергнуть тебя с престола». С этими словами он вонзил нож в сердце боярина, после чего приказал умертвить его престарелую жену.

Однако на этом число жертв не прекратилось. За сговор в измене погибли князья Куракин-Булгаков, Ряполовский, трое князей Ростовских, Щенятев, Турунтай-Пронский, казначей Тютин, думный дьяк Казарин-Дубровский и многие другие. Опричники хватили жен опальных князей, насильовали их, некоторых приводили к царю. В имениях жгли дома, мучили и убивали крестьян, раздевали донага девушек и заставляли их ловить кур, после чего расстреливали из луков. Многие женщины от стыда сами лишали себя жизни.

В 1569 г. умерла Мария Темрюковна, вторая жена Ивана Грозного. Спустя два года царь снова решил жениться. Его выбор пал на Марфу Васильевну Собакину, избранную из числа двух тысяч кандидаток.

Прежде чем девушка стала царицей, она заболела. У Ивана сразу же возникли подозрения, что ее отравили или навели порчу. Подозрения в первую очередь пали на родственников прежних цариц, так как с новой супругой обычно возвышались новые люди, ее родные и близкие. Родственников же прежних жен Ивана Васильевича ожидала незавидная участь. Михаил Темрю-

кович, например, был посажен на кол. Умерщвлен был и другой любимец царя — Григорий Грязной.

Несмотря на болезнь, царь женился на Марфе Собакиной, но она умерла спустя несколько дней после венчания. Иван вопил, что царицу извели лихие люди. Однако не прошло и года, как он собрал духовенство на собор и заставил принять странную грамоту. Странность ее заключалась в том, что Ивану Грозному, вопреки церковным канонам и уставу, было разрешено вступить в брак в четвертый раз. При этом никому из подданных нельзя было следовать примеру царя.

Из опасения преследований и жестоких расправ, церковный собор принял грамоту. На Ивана Васильевича лишь наложили епитимью, которую отчасти взяли на себя духовные лица, освободив царя от епитимьи на время военных походов.

Четвертой избранницей Грозного стала Анна Алексеевна Колтовская. Но спустя год жена ему надоела и была пострижена под именем Дарьи и сослана в монастырь.

В следующий раз царь не стал обращаться за разрешениям женитьбы к духовенству. По свидетельству очевидцев, Грозный разрешил себе несколько супружеств одно за другим. В ноябре 1573 г. он женился на Марье Долгорукой и на следующий день, заподозрив ее в нецеломудрии, приказал посадить молодую жену в колымагу, запряженную дикими лошадьми, и пустить на пруд, в котором та и погибла. «Этот пруд, — как отмечал современник, англичанин Горсей, — была настоящая геенна, юдоль смерти, подобная той, в которой приносились человеческие жертвы; много жертв было потоплено в этом пруде; рыбы в нем питались в изобилии человеческим мясом и оказывались отменно вкусными и пригодными для царского стола».

В память о Долгорукой, как гласит историческая легенда, Иван Грозный приказал провести черные полосы

на позолоченном куполе церкви в Александровской слободе.

Траур царя длился недолго. Вслед за Марьей Долгорукой на «жертвенный алтарь» сладострастия была положена Анна Васильчикова, которой судьба уготовила короткую жизнь царицы: молодая девушка просто бесследно исчезла.

После этого Иван Грозный женился на Василисе Мелентьевой, которую тоже постигла участь Анны Васильчиковой: вскоре она бесследно пропала.

В последний раз царь женился за четыре года до смерти, в самый разгар войны с королем Польским и великим князем Литовским Стефаном Баторием.

«В то время, как Баторий брал у Ивана город за городом, сам Иван отпраздновал у себя разом два брака, — пишет Н. Костомаров. — Сначала женился сын его Феодор на Ирине Феодоровне Годуновой (вследствие этого брака был приближен к царю и получил боярство знаменитый в будущем Борис Феодорович Годунов). Затем Иван выбрал из толпы девиц себе в жены Марью Федоровну Нагую. Торжества по поводу свадеб (имевших в истории печальные последствия) вскоре сменились скорбью и унижением, когда царь узнал, что делается с его войском».

(Кстати говоря, примечательно распределение свадебных чинов на последней царской свадьбе: посаженным отцом был Федор, сын Ивана Грозного, будущий московский царь (1584—1598). Дружком со стороны жениха являлся князь Василий Иванович Шуйский, а со стороны невесты — Борис Феодорович Годунов, брат Ирины, невесты Федора; как известно, оба в будущем стали московскими царями.)

Как я уже отмечала, в ноябре 1581 г. Иван IV Грозный убил своего старшего сына и обрек на исчезновение с исторической сцены древнюю династию Юриковичей. После этого трагического события царь

окончательно превратился в кровожадного узурпатора. В нем не осталось никаких признаков человечности. Тоска и угрызения совести по собственноручно убитому сыну были ее последними проявлениями у Ивана Грозного.

Заключив мир со Стефаном Баторием, Иван Грозный вспомнил о тех, кто побывал во вражеском плену. Всех их московский царь приказал собрать и казнить мучительнейшей смертью. Злобу за потерянную Ливонию, которой он добивался и которая ускользнула из его рук, выместил он на пленных.

По свидетельству одного из иностранных посланников, бывших тогда в Москве, царь приказал вывести ливонских пленников, которых оказалось около двух с половиной тысяч человек, и спустить на них медведей. Сам Иван Грозный стоял у окна и любовался тем, как обессиленные пленники стараются отбиться от зверей и как медведи рвали их на куски.

Но царь не удовлетворился жестокой кровавой расправой над пленниками. Он стал придумывать самые изощренные мучения и для людей из своего ближайшего окружения. Однажды его тесть, Федор Нагой, наговорил на Бориса Годунова, что тот не является ко двору, притворяется больным после того, как Грозный ради шутки поколотил его своим жезлом. Тогда царь сам внезапно прибыл к Борису, который в оправдание показал ему свои раны и швы на теле. В наказание за наговор Иван приказал наложить точно такие же швы и на теле тестя.

За короткий срок после женитьбы царь невзлюбил и свою жену Марию Нагую, которая к тому времени уже была беременна. Ему вдруг вздумалось жениться на какой-нибудь иностранной принцессе царской крови. Придворный медик англичанин Роберт сообщил Ивану, что у английской королевы есть родственница Мария Гастингс, графиня Гонтингтонская.

Иван Грозный отправил в Лондон своего посла Федора Писемского с поручением узнать о невесте, поговорить о ней с королевой и изъявить желание от имени царя заключить тесный союз с Англией. Условием брака было то, чтобы будущая супруга и все приехавшие с ней бояре и прислуга приняли греческую веру. Царь запретил Писемскому говорить и даже упоминать в разговоре с королевой о неспособности царевича Федора и разрешил сказать, что детям новой царицы будут даны во владение особые уделы. На тот случай, если королева станет упрекать посланника в том, что у царя уже есть жена, тот должен был ответить, что она не какая-нибудь царевна и ради королевской племянницы ее можно просто прогнать.

Дворянин Федор Писемский отправился в трудное путешествие. Он был с почестями принят при английском дворе, но Елизавета I Тюдор (дочь Генриха VIII от второго брака, не признанного папой, по странному стечению обстоятельств, как и Грозный, последний представитель своей династии на престоле) на вопрос о невесте сказала послу, что та была недавно в оспе, видеть ее и делать портрет пока нельзя. Лишь в мае 1583 г. Елизавета предоставила Писемскому возможность поглядеть невесту в саду.

Тридцатилетняя Мария Гастингс поначалу соблазнилась предложением стать русской царицей. Но потом, узнав от очевидцев о безжалостном характере и жестоких злодеяниях царя-безумца, наотрез отказалась от подобной участи. Елизавета I Тюдор отпустила Писемского, а вместе с ним послом в Московию отправила Жерома Боуса. Он должен был объявить Ивану Грозному, что девица больна и, кроме того, не желает менять веру.

В результате переговоров Елизавета добилась исключительной и беспошлинной торговли в Московии для англичан. Царь, давая свое согласие на это, наде-

ялся на английскую помощь при новой попытке завоевать Ливонию.

Однако мысль жениться на иностранке не оставляла Грозного в покое. Он опять стал дознаваться, нет ли на примете у английской королевы другой кандидатки на место русской царицы.

Заканчивался 1583 г. Иван Грозный продолжал мечтать о женитьбе на иностранной принцессе, а в это время Мария Нагая, носившая имя русской царицы и родившая царю сына Димитрия, ежедневно и ежечасно трепетала за свою судьбу.

Но и здоровье самого царя становилось все хуже.

«Развратная жизнь и свирепые страсти расстроили его, — пишет Н. Костомаров. — Ему было только пятьдесят с небольшим, а он казался дряхлым, глубоким стариком. В начале 1584 г. открылась у него страшная болезнь: какое-то гниение внутри; от него исходил отвратительный запах. Иноземные врачи расточали над ним все свое искусство; по монастырям раздавались обильные милостыни, по церквам велено молиться за больного царя, и в то же время суеверный Иван приглашал к себе знахарей и знахарок. Их привозили из далекого севера; какие-то волхвы предрекли ему, как говорят, день смерти. Иван был в ужасе. В эти, вероятно, дни, помышляя о судьбе царства и находя, что Федор, по своему малому, не способен царствовать, Иван придумывал разные способы устроить после себя наследство и составлял разные завещания. Тогда из близко стоявших к нему людей кроме Бориса Годунова были: князь Иван Мстиславский, князь Петр Шуйский, Никита Романов, Богдан Бельский и дьяк Щелкалов. Все они не любили Бориса Годунова, опасаясь, что он, как брат жены Федора, человек способный и хитрый, неизбежно овладеет один всем правлением. Сначала Иван составил завещание, в котором объявлял наследником Федора, а около него устраивал совет; в этом совете занимал особое место Борис Го-

дунов. Потом Богдан Бельский, вкравшийся в доверие царю, настроил его против Бориса Годунова, и царь (как впоследствии открылось) составил другое завещание: оставляя престол полоумному Федору, он назначил правителем государства эрцгерцога Эрнеста, того самого, которого прежде он так хотел посадить на польский престол. Эрнест должен был получить в удел Тверь, Вологду и Углич, а если Федор умрет бездетным, то сделаться наследником русского престола. К этому царя располагало уважение, какое он питал к знатности Габсбургского дома. Он считал членов его наследниками Священной Римской империи, в которой родился сам Иисус Христос. Тайна этого завещания не была им открыта Борису, но ее знали вышеупомянутые бояре. Дьяк Щелкалов изменил своим товарищам и тайно сообщил об этом Борису. Они вдвоем составили план уничтожить завещание, когда не станет Ивана.

Иван то падал духом, молился, раздавал щедро милостыни, приказывал кормить нищих и пленных, выпускал из темниц заключенных, то опять порывался к прежней необузданности... Но болезнь брала свое, и он опять начинал каяться и молиться. Иван с трудом мог ходить: его носили в креслах. 15 марта он приказал нести себя в палату, где лежали сокровища. Там перебирал он драгоценные камни и определял таинственное достоинство каждого сообразно тогдашним верованиям, приписывая тому или другому разное влияние на нравственные качества человека.

Царю казалось, что его околдовали. Потом он воображал, что это колдовство было уничтожено другими средствами. Он то собирался умирать, то с уверенностью говорил, что останется жив. Между тем тело его было покрыто волдырями и ранами. Вонь от него становилась невыносимее.

Наступило 17 марта. Около третьего часа царь отправился в баню, мылся с большим удовольствием; там его

тешили песнями. После бани царь почувствовал себя свежее. Его усадили на постели; поверх белья на нем был широкий халат. Он велел подать шахматы, сам стал расставлять их, никак не мог поставить шахматного короля на свое место и в это время упал. Поднялся крик; кто бежал за водкой, кто за розовой водой, кто за врачами и духовенством. Потом явились врачи со своими снадобьями, начали растирать его; пришел митрополит и наскоро совершил обряд пострижения, нарекая Иоанна Ионою. Но царь был уже бездыханен. Ударили в колокол за исход души. Народ заволновался, толпа бросилась в Кремль. Борис приказал затворить ворота.

На третий день тело царя Ивана Васильевича было предано погребению в Архангельском соборе рядом с могилой убитого им сына.

Имя Грозного осталось за ним в истории и в народной памяти».

ПРАВЫ И ЧУВСТВА СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

После смерти Ивана Грозного на царский трон вошел его сын Федор. Болезненный и слабоумный, он находился под сильным влиянием жены Ирины, брат которой, Борис Годунов, стал теперь ближе всех к новому правителю. Никто не мог оттеснить его от царя. Единственным опасным соперником Бориса Годунова мог стать дядя царя Никита Романов. Но в тот же год, когда умер Грозный, старика разбил паралич. Хотя он и прожил до апреля 1586 г., но никакого активного участия в управлении государством уже не принимал.

Из остальных соправителей наибольшую опасность для Бориса представлял князь Иван Петрович Шуйский, который не обладал влиянием на царя и царицу, зато имел значительную придворную партию и поддержку у знатных фамилий и московского купечества. Кроме того, Шуйского поддерживал митрополит Дионисий.

В Московской Руси началось 18-летнее правление Бориса Годунова. На протяжении полутора лет после кончины Ивана IV он вынужден был уживаться с соправителями, но, в конце концов, расправился с Мстиславским и стал выжидать случая, чтобы разделаться с Шуйскими.

Понимая, что лучшая оборона — это нападение, Шуйские в сговоре с митрополитом Дионисием созвали к себе влиятельных людей из знатных фамилий, купцов и служилых и уговорили подписаться под царской челобитной. В ней якобы от имени всего народа они

просили Федора развестись с бездетной Ириной и выбрать себе другую жену, которая сможет родить наследника.

Заговорщики предполагали женить царя на княжне Мстиславской, дочери насильно постриженного в монахи князя Мстиславского. Однако Борис Годунов, узнав от своих лазутчиков о замысле, опередил их. Со всей кротостью и повиновением он обратился к митрополиту и представил дело так, что развод стал бы не только бесполезным, но и незаконным. Он уповал на то, что Федор и Ирина еще слишком молоды и смогут иметь детей. Но даже если бы Ирина оказалась бесплодной, то у Федора есть брат Дмитрий.

Митрополит Дионисий купился на подобные заверения и стал уговаривать Шуйских отказаться от своих замыслов. Он и помыслить не мог, что и его участь уже предрешена. По поддельному доносу были арестованы и заключены под стражу Иван Петрович Шуйский, его сын Андрей, а также Василий Скопин-Шуйский, князь Татевы, Урусовы, Быковы, Колычевы и множество других купцов, служилых людей и гостей из числа сторонников Шуйских.

Многих знатных людей сослали в ссылки в отдаленные города, Федору Нагому отрубили голову, княжну Мстиславскую постригли в монахини, а митрополита Дионисия сослали в Хутынский монастырь. Вместо него Борис посадил на престол ростовского архиепископа Иова, 25 января 1589 г. посвященного в первые русские патриархи.

Но Годунов и после расправы с противниками не мог чувствовать себя в полной безопасности. Его воображение продолжали будоражить потомки по царской линии — царевич Дмитрий, а также Мария, дочь Владимира Андреевича, двоюродная племянница Ивана Грозного, вдова короля Магнуса, и ее малолетняя дочь Евфимия.

Расправу с Дмитрием он отложил до удобного случая и взялся за Марию. Еще в 1585 г. Борис Годунов поручил английскому купцу Горсею уговорить Марию Владимировну переехать с дочерью из Риги в Москву. Он обещал ей не только достойный прием, но и вотчины. Королева поверила и бежала из Риги в Москву. Поначалу Годунов принял ее, как обещал, одарил деньгами и вотчинами. Однако вскоре Марию разлучили с дочерью, насильно увезли и постригли в Пятницкий монастырь близ Троицы, а в 1589 г. ее малолетнюю дочь с королевскими почестями похоронили у Троицы. Все твердили, что Годунов отравил ребенка.

Но и после этого сердце Годунова не успокоилось. В Угличе в почетной ссылке подрастал царевич Дмитрий. Федор был бездетным, слаб здоровьем, и в случае его смерти царевич Дмитрий был бы провозглашен его преемником на престоле.

Для Годунова это означало неминуемую смерть. Нагие и сторонники Дмитрия не простили бы ему ни его прошлого величия, ни своего унижения и удаления от царя. До него уже тогда доходили слухи, что Дмитрий проявлял кровожадные наклонности отца и, играя со сверстниками, лепил из снега человекоподобные фигуры. Одну из них он называл именем Годунова, остальные — имена его ближайшего окружения. Он жестоко колотил их, рубил головы, ноги, руки и приговаривал: «Вот как будет, когда я стану царствовать!»

В 1591 г. Борис Годунов отправил в Углич присматривать за царицей Марией Нагой, ее окружением и царевичем Дмитрием своих преданных людей: дьяка Михаила Битяговского с сыном Данилой и племянником Качаловым.

Нагие не терпели этих людей и непрестанно ссорились с ними. И вот 15 мая 1591 г. в полдень пономарь соборной угличской церкви ударил в колокол. Со всех концов Углича во двор царицы сбежался народ и увидел

мертвого царевича. У него было перерезано горло. В иступленных рыданиях Мария Нагая обвинила в убийстве сына приставленных Годуновым людей.

Без всякого разбирательства толпа тут же схватила и убила Михаила и Данилу Битяговских и Никиту Качалова. Сына царевичевой мамки Волоховой притащили в церковь и поставили перед царицей. Мария Нагая в гневе потребовала убить его, что разъяренная толпа и сделала с большим удовольствием прямо у нее на глазах. В тот же день по подозрению в сговоре с людьми Годунова было убито еще несколько человек.

Когда слух о смерти царевича Дмитрия дошел до Москвы, Борис назначил следственную комиссию, которую возглавили его сторонник окольный Андрей Клешнин и его противник Василий Шуйский.

Расследование обстоятельств гибели царевича было проведено самым бессовестным образом. Шуйский хоть и принадлежал к противникам Годунова, был человеком хитрым и уклончивым. Он рассчитал, что если поведет следствие так, что Годунов будет им недоволен, то все равно ничего не сделает. Верховным судьей будет все тот же Годунов, и он подвергнет себя преследованию со стороны правителя. Поэтому он делал все так, чтобы Годунов остался доволен. Никто не производил осмотр тел, никто не допрашивал ни свидетелей, ни людей, убивших Битяговского с товарищами. Показания были подобраны так, что, в конце концов, вышло, будто царевич игрался с ножом и в припадке падучей зарезался сам.

Следственное заключение удовлетворило Годунова. Он подал его на рассмотрение патриарха и духовенства, которые полностью согласились с ним и заявили, что дело о самоубийстве не церковное, а земское.

Бояре тоже не противились. По распоряжению Годунова все Нагие были сосланы в отдаленные города, а царицу Марию насильно постригли в монахини под

именем Марфы и сослали в монастырь св. Николая на Выксе под Череповцом. Над угличскими жителями совершили жестокую расправу: обвиненных в убийстве Битяговского с товарищами казнили, другим за смелые речи отрезали языки, третьих сослали в Сибирь для заселения недавно построенного города Пелыма. Историческое предание говорит о том, что «казнили» даже колокол, в который били в набат в час смерти Дмитрия (еще в конце XIX в. он находился в Тобольске).

Казалось, теперь Годунов должен был успокоиться. Но через год, в 1592 г., царица родила дочь, которую называли Феодосией. При том образе жизни, который вел царь Федор, мало верится в то, что это могла быть его дочь. Однако достоверных исторических фактов, доказывающих или опровергающих подобное предположение, нет.

Борис выказал радость по поводу рождения племянницы и наследницы русского престола, именем царя Федора объявил амнистию для многих заключенных, раздавал милостыню духовенству. Но никто не поверил в искренность его радости, а когда спустя несколько месяцев маленькая царевна умерла, то в народе распространился слух о том, что именно Годунов отправил ее на тот свет.

Чем же занимался и как жил настоящий государь, сын Ивана Грозного? О дневном распорядке царя Федора рассказывает Н. Костомаров:

«Царь Федор Иванович был чужд всего соответственно своему малоумию. Вставал в четыре часа; приходил к нему духовник со святой водой и с иконой того святого, чья память праздновалась в тот день. Царь читал вслух молитвы, потом шел к царице, которая жила особо, вместе с нею ходил к заутрени, потом садился в кресло и принимал близких лиц, особенно монахов; в 9 часов утра шел к обедне, в одиннадцать часов обедал, потом спал, потом ходил к вечерне, иногда же пе-

ред вечернею — в баню. После вечерни царь до ночи проводил время в забавах: ему пели песни, сказывали сказки; шуты потешали его кривляньями. Федор очень любил колокольный звон и сам иногда хаживал звонить на колокольню. Часто он совершал благочестивые путешествия, ходил пешком по московским монастырям, посещал вместе с царицею Троицкую обитель, монастырь Пафнутия Боровского и др.

Но кроме таких благочестивых наклонностей Федор показывал и другие, напоминавшие нрав родителя: он любил смотреть на кулачные бои и битвы людей с медведями. Челобитники, обращавшие к нему, не видели от него участия: «избегая мирской суеты и доуки», он отсылал их к Борису. Царица Ирина от своего имени иногда давала милостивые повеления и в день своего ангела выпускала узников из темниц. Слабоумие Федора не внушало, однако, к нему презрения: по народному воззрению, малоумные считались безгрешными и потому назывались «блаженными». Монахи восхваляли благочестие и святую жизнь царя Федора: ему заживо приписывали дар прозрения и прорицания; рассказывали, между прочим, что во время нападения Казы-Гирея на Москву блаженный царь молился и предрек бегство крымцев».

Но болезненность стала причиной преждевременной смерти Федора: он умер 7 января 1598 г. на сорок первом году жизни. Борис Годунов поспешил объявить народу, что перед смертью царь передал власть своей жене — царице Ирине, поручив «строить свою душу» патриарху Иову, своему шурина Борису и двоюродному брату Федору Никитичу Романову-Юрьеву.

Это был неслыханный обман и дерзость со стороны Годунова. Еще никогда женщина не правила державой, не оставаясь при этом опекуницей своих детей. К тому же в русском праве того времени не было такой статьи, по которой бы женщина могла занять престол. Единственным, что сохранилось с древних времен, — это воля

Земли: для того, чтобы царица Ирина стала правительницей государства, ее должен был выбрать весь народ. Но такой поворот в тех условиях был нереален, и через девять дней Ирина постриглась в Новодевичьем монастыре под именем Александры.

17 февраля в Москве собрались выборные люди на земский собор. Они были подобраны так, что сторонников Годунова было больше. Однако даже при таком раскладе патриарх Иов не дал никому сказать и слова, а сразу предложил «молить Бориса Федоровича, чтоб он был на царстве». Сторонники Годунова пустили по Москве слух о том, что тот, кто будет против Бориса, заплатит по два рубля пени.

20 февраля патриарх и выборные люди в сопровождении огромной толпы москвичей двинулись к Новодевичьему монастырю.

«Если Борис Федорович не согласится, — говорил патриарх, — то мы со всем освященным собором отлучим его от церкви Божией, от причастия святых Тайн, сами снимем с себя святительские саны, и за послушание Бориса Федоровича не будет в церквах литургии и учинится святыня в поспрании, христианство в разорении, и воздвигнется междоусобная брань, и все это взыщет Бог на Борисе Федоровиче».

Борис продолжал играть, притворно отказываясь стать царем. Он ушел к сестре в келью якобы для того, чтобы испросить ее совета и благословения. Отслужив обедню, за ним направились патриарх и бояре. Тем временем народ ожидал их возвращения во дворе у кельи.

Вся сцена разыгрывалась, как хорошо отрепетированный спектакль. Из окон кельи бояре подавали знак приставам, которые заставляли народ кланяться, вопить и плакать.

«Здесь было много женщин с младенцами, — читаем у Н. Костромарова. — Многие москвичи из раболепства

и страха, за недостатком слез, мочили глаза слюнями, а тех, которые неохотно вопили и кланялись, Борисовы пособники понуждали в спину пинками».

Летопись саркастично подмечает, что они «хоть не хотели, а поневоле выли по-волчьи».

Вслед за патриархом Иовом и боярами Годунова стала упрашивать бывшая царица Ирина, ставшая инокиней Александрой.

— Неужели и тебе, моей государыне, угодно возложить на меня такое невыносимое бремя, о котором у меня никогда и на мысли не было и на разум не приходило?! — вопрошал Борис, театрально разводя руками.

— Это Божье дело, а не человеческое, — ответила Александра. — Как будет воля Божья, так и твори.

Тогда Борис с видом скорби залился слезами и, подняв глаза к небу, сказал:

— Господи Боже мой, я твой раб: да будет воля твоя!

С деланным удовлетворением патриарх Иов тяжело вздохнул, перекрестился, а затем вышел к народу и провозгласил: «Борис Федорович нас пожаловал: хочет быть на российском царствии».

«Слава Богу!» — громогласно завопила толпа.

А между тем приставы продолжали толкать людей в спины, чтобы те кричали погромче и повеселее.

Воспитанный при дворе Ивана Грозного и будучи по своей природе хитрым и лживым, зять предводителя опричнины Малюты Скуратова Борис Годунов правильно рассчитал, что на первых порах следует расположить к себе народ, *влюбить его в себя* и тем самым заставить повиноваться себе. С этой целью он издал несколько указов, по которым ровно на год освобождал сельских жителей от податей, а иностранцев — на тот же срок от ясака. Торговым людям было дано право на двухгодичную беспошлинную торговлю, а служилые люди получи-

ли единовременное годовое жалованье. Выказывая себя блюстителем нравственности и борцом с пьянством, в Новгороде и некоторых других городах он приказал закрыть кабаки. Многие из сидевших в тюрьмах получили амнистию и были выпущены на свободу, воров и разбойников перестали карать смертью. Вдовы и сироты получили от нового царя материальную помощь. Ему очень хотелось, чтобы русские люди не только привыкли к нему, но и полюбили его.

Но цель не оправдывала средства. Только духовенство и служилые люди были за Годунова. Народ же невзлюбил его, а законы о прикреплении к земле и о холопстве привели во многих местах к смутам и беспорядкам.

Пока Борису ничего не угрожало, он изо всех сил старался казаться щедрым, добрым и снисходительным. Однако в конце 1600 г. в народе прошел слух о том, что царевич Дмитрий не убит, а спасенный верными людьми, жив. С этих пор характер Бориса Годунова изменяется: исчезают мягкосердечие и доброта. Главной его целью было утвердить на русском престоле свой род и основать новую династию. Для этого он пригласил к себе Густава, изгнанного сына короля Эрика XIV, дал ему в удел Калугу и хотел женить на своей дочери. Но за то, что Густав отказывался расстаться со своей любовницей, Годунов сослал его в Углич.

После отправки шведского принца в ссылку он опять стал подыскивать подходящего кандидата в женихи для своей дочери Ксении. Его выбор пал на принца Иоанна, брата датского короля. Тот прибыл в Россию в августе 1602 г. и очень понравился Борису. Но в октябре того же года принц заболел и умер от горячки. Среди русских людей, ненавидевших своего царя и готовых приписать ему любые злодеяния, распространился слух о том, что царь Борис сам приказал отравить датского принца.

Теперь главная цель Годунова снова оказывалась под угрозой. Он начал тайное расследование, повсюду разослал своих шпионов и принялся сначала за Богдана Бельского, потом за бояр Романовых. Четырех из братьев Романовых выслали в отдаленные города, а пятого — Федора — постригли под именем Филарета в монастыре Антония Сийского.

Но никакие меры не давали положительного результата, шпионы никак не могли выйти на след Дмитрия. Сторонники Годунова стали распространять ответные слухи — о том, что названный Дмитрий — это Гришка Отрепьев, бежавший в Литву.

Сам Годунов ни в чем не был уверен, а потому приказал тайно доставить в Москву инокиню Марфу, бывшую царицу Марию Нагую, чтобы от нее лично узнать: жив ее сын или нет? Но Марфа твердила только одно: «Не знаю». Тогда новая царица, жена Бориса, пришла в ярость и бросила ей в лицо горящую свечу. «Мне говорили, что сына моего тайно увезли без моего ведома, а те, кто так говорили, уже умерли», — ответила Марфа.

Рассерженный Борис приказал отвезти Марфу обратно и содержать еще в большей строгости. Причиной его бурного негодования было то, что 16 октября названный Дмитрий вступил в пределы Московского государства. Его войско состояло из наемных белорусов, украинцев, поляков, казаков и постоянно росло. Не только простые люди, но и служилые переходили на сторону Дмитрия, один за другим ему сдавались русские города.

Царское войско под командованием Басманова отбило Дмитрия от Новгород-Северска, но войско Мстиславского потерпело поражение. 21 января 1605 г. Дмитрий потерпел поражение от войска под командованием Мстиславского и Шуйского и отступил в Путивль, куда со всех концов Руси стекались русские люди «бить че-

лом своему прирожденному государю». Имя Гришки Отрепьева вызывало у них смех.

Годунов находился в сильном расстройстве. Он стал обращаться к ворожеям, разным предсказателям, выслушивал двусмысленные прорицания, запирался в покоях и целыми днями сидел в полном одиночестве. Своего сына он отправлял молиться по церквам. Даже в самых близких людях он подозревал изменников и уже не надеялся справиться с названным Дмитрием военными силами, а после неудачной попытки отравить его и вовсе пал духом.

13 апреля 1605 г. с утра царь Борис был здоров и казался веселее обычного. После обедни по случаю недели Мироносиц был приготовлен праздничный стол в Золотой палате. Годунов ел с большим аппетитом, а затем поднялся на вышку, с которой любил обозревать Москву. Вскоре он поспешно спустился оттуда и сказал, что чувствует озноб и дурноту.

Побежали за доктором. Пока тот пришел, у Бориса из ушей и носа пошла кровь. Царь потерял сознание. Прибежал патриарх Иов и духовенство, наскоро причастили царя, совершили пострижение и нарекли Боголепом.

В три часа дня Борис Годунов умер. Целые сутки приближенные боялись объявлять народу о кончине царя. Только на следующий день стали посылать народ в Кремль целовать крест на верность царице Марии и ее сыну Федору. Патриарх Иов объявил, что именно им царь завещал престол, а по Москве пошел слух, что Годунов в отчаянии своего безнадежного положения сам себя отравил.

На следующий день Годунова похоронили в Архангельском соборе рядом с предыдущими правителями Московского государства. Новым царем стал его 16-летний сын Федор Годунов — полный, румяный, черноглазый и, как говорили современники, «изучен всякого философского естествословия».

В Москве ему присягали безропотно, но тут же говорили: «Недолго царствовать Борисовым детям! Вот Дмитрий Иванович придет в Москву».

17 апреля главным воеводой царского войска был назначен Петр Басманов, которому Борис Годунов перед смертью больше остальных доверял. Вместе с ним был князь Катырев-Ростовский. Мстиславского и Шуйского отозвали в Москву.

Для приведения армии к присяге на верность Федору Годунову в войско приехал митрополит Исидор с духовенством, однако на построении вдруг поднялся шум.

«Мы знаем одного законного государя — Дмитрия Ивановича!» — первыми закричали рязанские дворяне Ляпуновы.

Заодно с ними выступили все рязанцы, к которым тут же присоединились служилые люди украинских городов. В конце концов имя Дмитрия Ивановича заглушило имя Федора Борисовича Годунова, и митрополит с духовенством поспешили убраться подальше.

Петр Басманов написал на имя Дмитрия покаянное письмо и отправил с гонцом, а сам собрал воевод — братьев Василия и Ивана Голицыных, Михаила Салтыкова — и объявил, что признает Дмитрия настоящим государем.

«Все государство Русское приложится к Димитрию, и мы все-таки поневоле покоримся ему и тогда будем у него последними, — сказал он им. — Так лучше покоримся ему, пока время, по доброй воле и будем у него в чести».

Братья Голицыны и Салтыков согласились с ним, но никто из них не решался объявить о своем решении войску.

«Я присягал Борису сыну, совесть зазрит переходить по доброй воле к Димитрию Ивановичу; а вы свяжите меня и ведите, как будто неволей», — сказал Василий Голицын.

... Наконец 7 мая 1605 г. Петр Басманов построил войска и объявил, что признает Дмитрия Ивановича законным наследником Русской земли. Армия ответила одобрительным ропотом. Тогда священники стали приводить войска к присяге на имя Дмитрия Ивановича. Князя Катырев-Ростовский и Телятевский отказались принимать присягу и бежали в Москву.

Когда в столице узнали о переходе армии на сторону Дмитрия, в городе несколько дней царил глубокая тишина. На иностранцев она наводила почти панический ужас: она была похожа на затишье, которое бывает в природе перед страшной бурей.

1 июня 1605 г. дворяне Плещеев и Пушкин привезли от Дмитрия грамоту. Узнав об этом, народ толпами повалил в Красное село, где они остановились, подхватил гонцов и повез на Красную площадь. Ударили в колокола. Посланцев поставили на Лобном месте. На Красной площади была невообразимая давка.

Вышедшие из Кремля думные люди закричали: «Что это за сборище, берите воровских посланцев, ведите в Кремль!»

Но народ ответил неистовыми криками, приказывая читать грамоту, в которой Дмитрий извещал о своем чудесном спасении, прощал московским людям присягу Годунову, припоминал различные притеснения и насилие со стороны прежнего государя, обещал всем милости и льготы и предлагал выслать послов с челобитной.

Поднялись сильное смятение и невообразимый шум. Одни кричали здравицу Дмитрию; другие сомневались в том, что это настоящий Дмитрий; третьи предлагали привести немедленное дознание.

Тогда на площадь привели Шуйского, одного из тех, кто по приказу Бориса Годунова проводил расследование в Угличе. Его возвели на Лобное место, и в тишине князь боярин произнес: «Борис послал убить Дмитрия»

царевича; но царевича спасли; вместо него погребен попов сын».

Этого признания оказалось достаточно, чтобы толпа неистово заревела: «Долой Годуновых! Всех их искоренить! Нечего жалеть их, когда Борис не жалел законного наследника! Господь нам свет показал. Мы доселева во тьме сидели. Буди здрав, Димитрий Иванович!»

Возбужденную до крайнего предела толпу уже никто не мог остановить. Она ринулась в Кремль. Защищать Годуновых было некому. Даже стрелецкая охрана оставила Федора, который бежал в Грановитую палату и сел на престол. Мать и сестра, держа в руках образа, встали рядом с ним.

Ворвался народ. Федора стащили с трона. Никто не испытывал к нему, его матери и сестре никакого сострадания. Мать униженно рыдала и умоляла толпу не убивать ее детей. Всех троих вывели из Кремля, посадили на водовозную клячу и отвезли в прежний дом Годунова, приставив к ним стражу. Тогда были схвачены и посажены под арест все родственники и сторонники Годунова. Толпа опустошила их дома, ограбила немецких докторов, добралась до водочных погребов, где многие от радости перепились до смерти.

Навстречу Дмитрию с челобитной грамотой выехали князя Иван Воротынский и Андрей Телятевский, а 10 июня приехали в Москву князя Голицын и Рубец-Масальский с приказанием устранить из столицы Годуновых и свести с престола патриарха Иова.

Патриарха на простой телеге в тот же день отвезли в Старицкий-Богородицкий монастырь. Родню и свояков Годуновых — всего 24 семейства — отправили в ссылку. Голицын и Рубец-Масальский поручили дворянам Михайле Молчанову и Шеферединову разделаться с семейством самого Бориса. Посланные взяли с собой дюжих стрельцов и направились в дом Годунова.

Всех троих развели по разным комнатам. Вдову удавили веревкой. Рослый, от природы сильный Федор Годунов не дался и оказал убийцам сопротивление. Он стал защищаться, но его оглушили ударом дубины по голове, а затем расправились тем же образом, что и с матерью, — удавили веревкой. Только потерявшую от страха сознание царевну Ксению оставили в покое.

Голицын и Масальский объявили народу, что вдова и сын Бориса Годунова отравили себя ядом. В подтверждение их тела выставили для всеобщего обозрения. В довершение ко всему из Архангельского собора извлекли гроб с телом самого Бориса Годунова и перезахоронили в Варсонофьевском монастыре между Средней и Рождественкой. Рядом с ним были захоронены жена и сын Федор.

«ТАТИ БЛУДЛИВЫЕ»

Молодой человек, который назвался Дмитрием Ивановичем, впервые появился в Киеве в монашеском одеянии. Потом он жил и учился в одной из арианских школ братьев Гойских на Волыни. Оттуда в 1603 г. он попал в придворную челядь князя Адама Вишневецкого, где и объявил, что является Дмитрием Ивановичем, наследником Московского трона.

От Адама Вишневецкого он перебрался к его брату Константину. Тот привел его к своему тестю — сандомирскому воеводе Юрию Мнишку. Здесь молодой человек увидел и страстно влюбился в одну из пяти дочерей воеводы — Марину.

В молодости Мнишек вместе со своим братом был доверенным лицом короля Сигизмунда-Августа, которому оказывал интимные услуги, доставляя ему любовниц и ворожей. В день смерти Сигизмунда-Августа он так обобрал его казну, что короля не во что было одеть.

По жалобе сестры Сигизмунда-Августа расследованием его «темных делишек» занималась специальная комиссия. Тем не менее при новом короле, Генрихе (будущем французском короле Генрихе III), Мнишек получил должность кравчего. Кроме того, он стал воеводой сандомирским, старостой львовским и получил в аренду королевские экономии в Самборе.

Но суетная роскошная жизнь привела к тому, что очень скоро Мнишек потерял свое состояние и начал с выгодой пристраивать своих дочерей, одну из которых уже выдал за князя Константина Вишневецкого.

Авантюрист по натуре, Мнишек сразу сообразил, что может неплохо пожить за счет дочери и тех

чувств, которые питал к ней молодой человек, называвший себя наследником русского престола. Он потребовал с него письменного заверения в том, что в случае восшествия на престол тот обязательно женится на Марине, заплатит долги самого Мнишека, отпишет Марине города Новгород и Псков с правом раздавать там своим служилым людям поместья и строить костелы.

Торжественный въезд в Москву состоялся 20 июня 1605 г. Восторженными радостными криками Дмитрия встречало бесчисленное количество народа, который продолжал стекаться в столицу со всех концов страны.

«Он был статно сложен, но лицо его не было красиво, нос широкий, рыжеватые волосы; зато у него был прекрасный лоб и умные, выразительные глаза, — по сохраненному портрету Луки Килияна описывал внешность Дмитрия историк Н. Костомаров. — Он ехал верхом, в золотом платье, с богатым ожерельем, на превосходном коне, убранном драгоценной сбруей, среди бояр и думных людей, которые старались перещеголять один другого своими нарядами. На кремлевской площади ожидало его духовенство с образами и хоругвями; но и здесь русским показалось кое-что не совсем ладным: польские музыканты во время церковного пения играли на трубах и били в литавры, а монахи заметили, что молодой царь прикладывался к образам не совсем так, как бы это делал природный русский человек. Народ на этот раз извинил своего новообретенного царя. «Что делать, — говорили русские, — он был долго в чужой земле». Въехавши в Кремль, Дмитрий молился сначала в Успенском соборе, а потом в Архангельском, где, припавши к гробу Грозного, так плакал, что никто не мог допустить сомнения в том, что это не истинный сын Ивана. Строгим ревнителям православного благочес-

тия тогда же не совсем понравилось то, что вслед за Дмитрием входили в церковь иноземцы».

Первое, что сделал Дмитрий, оказавшись в Кремле, послал за инокиней Марфой, своей матерью. Это задание он поручил князю Михаилу Скопину-Шуйскому, назначенному мечником. Дмитрий отложил венчание на царство до приезда матери.

Инокиня Марфа прибыла в столицу 18 июля. Уведомленный о ее приезде, Дмитрий выехал ей навстречу и встретил в селе Тайнинском. Огромная толпа любопытных зевак поспешила посмотреть на зрелище.

Когда карета остановилась, царь быстро соскочил с лошади. Бывшая царица отдернула занавеску, Дмитрий бросился к ней в объятия. На виду у всего народа оба зарыдали, чем вызвали небывалое умиление и ответные рыдания.

До самой Москвы Дмитрий шел пешком рядом с каретой. Марфа въезжала в столицу под несмолкаемый колокольный перезвон и громогласное ликование народа. Уже никто не сомневался в том, что на московском престоле настоящий сын Ивана Грозного. Такое свидание могло произойти только между настоящими сыном и матерью.

Марфа (Мария Нагая) была помещена в Вознесенский монастырь. Дмитрий ежедневно посещал ее и непременно просил благословения перед началом какого-либо дела.

30 июля 1605 года Дмитрий венчался царским венцом от нового патриарха Игнатия. По давно заведенному обычаю новый царь начал раздавать милости. Из ссылок были возвращены те, кто находился в опале при предыдущем правителе. Так, Филарет Романов стал митрополитом ростовским, Шуйским воздали прежние почести, а Годуновы, их свояки и сторонники, получили прощение.

«Есть два способа царствовать: милосердием и щедростью или суровостью и казнями, — в ответ на упреки окружения говорил Дмитрий. — Я избрал первый способ; я дал Богу обет не проливать крови подданных и исполню его».

Если кто-то из того же окружения начинал плохо отзываться о Борисе Годунове, Дмитрий отвечал: «Вы ему кланялись, когда он был жив, а теперь, когда он мертвый, вы хулите его. Другой бы кто говорил о нем, а не вы, когда сами выбрали его».

Дмитрий задумал и начал осуществлять другие нововведения. По его приказу было удвоено жалование служилым людям; помещикам удвоили земельные наделы; при нем бесплатным стало судопроизводство; должностным лицам удвоили жалование и строго-настрого запретили брать взятки. Для того чтобы не было злоупотреблений при сборе податей, обществам предоставили право самим доставлять их прямо в казну. Дмитрий запретил также потомственную кабалу: холоп мог быть холопом только для того помещика, к которому нанимался. Тем самым он превращался в наемника, служившего на хозяина по взаимному соглашению. Помещики теряли право на своих крестьян, если не кормили их во время голода; поиск беглых крестьян ограничивался пятилетним сроком. Новый царь ликвидировал также всякие ограничения по развитию торговли, выезду и въезду в государство, к передвижениям внутри страны.

«Я не хочу никого стеснять, — говорил царь Дмитрий. — Пусть мои владения будут во всем свободны. Я обогащу свое государство свободной торговлей. Пусть везде разнесется добрая слава о моем царствовании и моем государстве».

«Англичане того времени замечают, что это был первый государь в Европе, который сделал свое государство в такой степени свободным, — пишет Н. Кос-

томаров. — Димитрий преобразовал Боярскую думу и назвал ее сенатом. Каждый день он присутствовал в сенате, сам разбирал дела, иногда самые мелочные, и удивлял думных людей быстротою своего соображения. Два раза в неделю, в среду и субботу, царь лично принимал челобитные, и всем предоставлялась возможность объясниться с ним по своим делам. Вопреки обычаям прежних царей, которые после сытных обедов укладывались спать, Димитрий, пообедавши, ходил пешком по городу, заходил в разные мастерские, толковал с мастерами, говорил со встречными на улицах. Когда прежние цари садились на лошадь, то им подставляли скамьи, подсаживали под руки, а Димитрию подведут ретивого коня, он быстро схватит одной рукой за повод, другою за седло, вмиг вскочит на него и заставит идти по своей воле. Никто лучше Димитрия не ездил верхом. Любил он охоту, но не так, как прежние цари. Прежде, бывало, наловят медведей, держат в подгородных селах, а когда царю будет угодно, то подданные потешали его борьбою с лютыми зверями, нередко жертвуя собственной жизнью. Димитрий, напротив, лично ходил на медведей и удивлял подданных своей ловкостью. Он более всего любил беседовать со своими боярами о том, что нужно дать народу образование, убеждал их путешествовать по Европе, посылать детей для образования за границу, заохочивал их к чтению и приобретению сведений. Сам Димитрий хорошо знал святое Писание и любил приводить из него места, но не терпел исключительности. «У нас, — говорил он духовным и мирянам, — только одни обряды, а смысл их укрыт. Вы поставяете благочестие только в том, что сохраняете посты, поклоняетесь мощам, почитаете иконы, а никакого понятия не имеете о существе веры: вы называете себя новым Израилем, считаете себя самым праведным народом в мире, а живете совсем не по-христиански, мало лю-

бите друг друга, мало расположены делать добро. За-чем вы презираете иноверцев? Что же такое, латинская, лютеранская вера? Все такие христианские, как и грече-ская. И они в Христа веруют». Когда ему заговорили о семи соборах и о неизменяемости их постановлений, он на это сказал: «Если было семь соборов, то отчего же не может быть и восьмого, и десятого, и более? Пусть всякий верит по своей совести. Я хочу, чтобы в моем государстве все отправляли богослужение по своему обряду».

Дмитрий презирал монахов, которых называл лице-мерами и тунеядцами. Вскоре после воцарения на пре-стол он приказал провести опись всех монастырских имений и грозился оставить монахам только то, что бы-ло необходимо им на содержание, а излишки вернуть в государственную казну.

«Пусть богатства их пойдут на защиту святой веры и православных христиан», — нередко повторял Дмит-рий по этому поводу. †

Новый русский царь был сторонником всеобщего христианского ополчения против турок. Эта идея вла-дела придворными умами всей Европы. Но ни один мо-нарх не осмеливался взять на себя ответственность за ее осуществление (что, в конце концов, послужило кра-хом идеи).

Дмитрий взялся ее осуществить. Для русского го-сударства и его народа идея всеобщего христианского ополчения против турок была более насущна, чем для Европы. Во-первых, по причине духовного родства с порабощенными греками, во-вторых, из-за соседства с крымскими татарами, от которых терпели постоян-ные лишения.

Однако наряду с положительными внешнеполитиче-скими и внутригосударственными деяниями и намере-ниями у нового русского царя были и отрицательные ка-чества. Дмитрий соединял активную деятельность с лю-

бовью к веселой жизни, постоянным кутежам и развлечениям. Он был настолько неравнодушен к женскому полу, что, по воспоминаниям современников, позволял себе устраивать во дворце грязные и отвратительные удовольствия.

Первой жертвой его сексуальных домогательств стала уцелевшая во время погрома и расправы Ксения, дочь Бориса Годунова. Любовная связь с бывшей царевной была настолько открытой и бурной, что слухи о ней распространились не только по Москве, но даже достигли будущего тестя Дмитрия, Юрия Мнишека. Тот написал Дмитрию письмо, в котором упрекал нового царя за порочную связь с Ксенией и напоминал о данном обещании жениться на своей дочери Марине.

Исполняя данное обещание, Дмитрий отправил в Краков своего посла — дьяка Афанасия Власьева. Ксению вывезли из Москвы во Владимир, где постригли в монахини под именем Ольги. (Она умерла в 1622 г. в Суздале. Перед смертью Ксения просила похоронить ее рядом с родителями в Троицком монастыре, что и было сделано.)

Дмитрию не понравился старый дворец, в котором жили прежние правители и стены которого были свидетелями многих мрачных и кровавых историй, поэтому он приказал построить для себя и для будущей жены два новых деревянных дворца.

Новый царский дворец был высок, но невелик. В нем было четыре комнаты с огромными сенями. Сени были заставлены шкафами с серебряной посудой. Стены и полы всех четырех комнат были обиты и устланы персидскими коврами; окна занавешены золототкаными занавесками; изразцовые печки с серебряными решетками. Бросался в глаза потолок превосходной резной работы.

Рядом со своим дворцом Дмитрий приказал поставить медное изваяние Цербера, который благодаря ме-

ханическим изобретениям при открытии и закрытии рта издавал рычание.

Изменил Дмитрий и заведенные прежними правителями обеденные ритуалы. При нем за обедом во дворце звучала музыка. Веселые скоморохи с волынками, домрами и накрами тешили народ. Сам царь не раз повторял, что желает, чтобы все вокруг веселилось, поэтому не преследовал людей за игру в карты или шахматы, разрешал песни и пляски. Объявленная им свобода торговли привела к тому, что подешевели и стали доступны простому народу такие вещи, которые раньше могли иметь только бояре и зажиточные люди.

12 ноября 1605 г. царский посол дьяк Власьев подписал за Дмитрия в Кракове в присутствии короля Сигизмунда III брачный контракт. Король был не совсем доволен происходящим, потому что надеялся отдать за Дмитрия свою сестру.

А между тем в самой Москве враги затевали заговор против своего царя. Во главе их стал прощенный им Василий Шуйский. Беда научила его, и теперь он затевал заговор осторожно, по всем правилам конспирации. Шуйский понимал, что не произведет переворота одними уверениями, что царь не настоящий Дмитрий. На это всегда был готов ответ: «Как же не настоящий, если родная мать его признала!»

Шуйский давил на то, что царь любит иноземцев, ест и пьет с ними, не соблюдает постов, ходит в иноземной одежде, завел во дворце музыку, хочет от монастырей отобрать достояние, тратит без толку казну, затевает войну с турками, раздражает шведов в угоду Сигизмунду и «намерен жениться на поганой польке».

Заодно с Шуйским были князья Голицын и Куракин, Татищев, некоторые из духовных иерархов, особенно казанский митрополит Гермоген и коломенский епископ Иосиф. Они ненавидели иностранцев и были яркими противниками всяких отношений с ними.

Действуя предельно осторожно, заговорщики искали поддержки со стороны стрельцов. К январю 1606 г. у Шуйского окончательно созрел план убийства царя.

Убийцами вызвались быть Шеферединов и Молчанов, те самые заплочных дел мастера, которые в свое время расправились с женой и сыном Бориса Годунова. 8 января при поддержке своих сторонников они проникли во дворец.

Заговор провалился в самый последний момент. Семь человек, участников заговора, были схвачены во дворце. Шеферединов сумел бежать и впоследствии пропал без вести. Пойманных привели к Дмитрию. Они упали на колени и стали молить царя о пощаде. Тогда Дмитрий приказал созвать стрельцов, вышел на крыльцо и произнес перед ними следующие слова:

«Мне очень жаль вас, вы грубы, и нет в вас любви. Зачем вы заводите смуты? Бедная наша земля и так страдает. Что же, вы хотите довести ее до конечного разорения? За что вы стремитесь меня погубить, спрашиваю я вас. Вы говорите: я не истинный Дмитрий! Обличите меня, и вы тогда вольны лишить меня жизни! Моя мать и бояре в том свидетели. Я жизнь свою подвергал опасностям не ради собственного возвеличения, а затем, чтобы избавить народ, который в крайней нищете и неволе под гнетом гнусных изменников. Меня призвал к этому Божий перст. Могучая рука помогла мне овладеть тем, что принадлежит мне по праву. Говорите прямо, говорите свободно: за что вы меня не любите?»

Стоя перед царем на коленях, толпа стрельцов залилась слезами.

«Царь-государь, смилуйся, мы ничего не знаем. Покажи тех, что нас оговаривают», — отвечали и спрашивали они.

По царскому приказу Басманов привел семерых стрельцов, которые состояли в заговоре с Шеферединовым и Молчановым.

«Вот, они повинились и говорят, что все вы на меня зло мыслите», — указав на семерых, произнес Дмитрий.

С этими словами он повернулся и ушел во дворец, а толпа в тот же миг с остервенением набросилась на изменников, которые были разорваны заживо.

По словам одного из современников, с тех пор никто не смел даже заикнуться о том, что царь ненастоящий. И самым преданным сторонником царя и блюстителем его имени был народ.

Всю зиму Дмитрий ждал приезда из Польши своей невесты, а Юрий Мнишек медлил и непрестанно требовал с будущего зятя денег на погашения своих многочисленных долгов. Дмитрий уже передал 300 000 злотых лично для него и подарил брату Марины 50 000 злотых.

Но Мнишек продолжал тянуть. Ему все было мало. Он бесцеремонно забирал товары у московских купцов, занимал у них деньги и давал расписки, погашать которые должен был Дмитрий.

Царь терпел своеволие будущего тестя. Но когда в одном из своих писем к царю тот сообщил, что собирается выехать в Москву только после Пасхи, Дмитрий потерял всякое терпение. В своем ответе он написал, что сразу же после Пасхи собирается выступить с армией против турок.

Это заставило Мнишека поторопиться. Он прибыл в русскую столицу 24 апреля 1606 г. С ним приехали знатные паны: братья Адам и Константин Вишневецкие, Стадницкие, Тарлы, Казановские в сопровождении своей служилой шляхты и многочисленной челяди.

Всех гостей со стороны тестя было более двух тысяч человек. Кроме того, на венчание со свитами приехали Олесницкий и Гонсевский, посланники короля Сигизмунда. В Москве начались роскошные обеды, балы, празднества.

Кортеж Марины двигался медленно и остановился под Москвой в заранее приготовленных шатрах, куда московские купцы и гости прибыли с поклонами и подарками.

Лишь 3 мая пышный кортеж Марины въехал в Москву. Бесчисленное множество народа вышло встречать свою будущую государыню. Посреди длинной вереницы карет она ехала в красной карете с серебряными накладками и позолоченными колесами, обитой внутри красным бархатом.

Марина сидела на подушке, унизанной жемчугом. На ней было белое атласное платье, усыпанное драгоценными камнями. Несмолкаемый перезвон колоколов, гром пушечных выстрелов, звуки польской музыки, радостные громогласные восклицания на разных языках сливались в единую торжественную какофонию. Едва ли когда-нибудь в своей прошлой и последующей истории Москва принимала такой шумный и праздничный вид. Разве что ей не уступают торжества 1913 г., когда отмечалось 300-летие Дома Романовых.

Въезжая в ворота Кремля, молодая царица, казалось, вносила с собой залог великого и счастливого будущего мира, прочного союза для взаимной безопасности славянских народов, большую надежду последующей славы и побед над заклятыми врагами христианства, образования и просвещения.

Первым делом Марина наведальась в Вознесенский монастырь на поклон к инокине Марфе, матери нареченного царя Дмитрия. По свидетельству современников, та приняла невестку радушно и благословила.

8 мая 1606 г. Марина Мнишек была коронована царицей, после чего состоялось бракосочетание. Однако накануне среди духовенства был поднят вопрос: стоит ли допускать Марину-католичку к венчанию или следует сначала крестить ее в православную веру, как нехристианку?

Вопрос разрешил сам Дмитрий. Верный своему принципу, что все христианские религии равны между собой, а вера является внутренней совестью каждого человека, он потребовал от своей будущей супруги только внешнего приличия в исполнении надлежащих обрядов. Казанский митрополит Гермоген и коломенский епископ Иосиф, суровые ревнители православия, категорически воспротивились такой постановке вопроса. Но Дмитрий не стал их слушать, а приказал отправить обоих по своим епархиям.

«С тех пор пиры следовали за пирами, — замечает Н. Костомаров. — Царь в упоении любви все забыл, предавался удовольствиям, танцевал, не уступая полякам в ловкости и раздражая чопорность русских; а между тем шляхтичи и челядь, расставленные по домам московских жителей, вели себя до крайности нагло и высокомерно. Получив, например, от царя предложение вступить в русскую службу, они хвастались этим и кричали: «Вот вся ваша казна перейдет к нам в руки». Другие, побрякивая саблями, говорили: «Что ваш царь! Мы дали царя Москве». В пьяном разгуле они бросались на женщин по улицам, врываются в дома, где замечали красивую хозяйку или дочь. Особенно нагло вели себя панские гайдуки. Следует заметить, что большая часть этих пришельцев только считались поляками, а были русские, даже православные, потому что в то время в южных провинциях Польши не только шляхта и простолюдины, но и многие знатные паны не отступили еще от предковской веры. Сами приехавшие тогда в Москву братья Вишневецкие исповедовали православие. Но московские люди с трудом могли признать в приезжих гостях единоверцев и русских по разности обычаев, входивших по московским понятиям в область религии. Притом же все гости говорили или по-польски, или по-малорусски. Если мы вспомним, что польское правительство то и дело издавало распоряжения

о прекращении своевольтв в южных областях Польши, то нетрудно понять, почему прибывшие с панами в Москву отличались таким буйством. Благочестивых москвичей, привыкших жить со звоном колоколов, замкнутой, однообразной жизнью, видеть нравственное достоинство в одном монашестве, соблазняло то, что в Кремле, между соборами, целыми днями играли 68 музыкантов, а пришельцы скакали по улицам на лошадях, стреляли из ружей в воздух, пели песни, танцевали и безмерно хвастались своим превосходством над москвичами. «Крик, вопль, говор неподобный! — восклицает летописец. — О, как огонь не сойдет с небеси и не попалит сих окаянных!» Но, как ни оскорбляла наглость пришельцев русский народ, он все-таки настолько любил своего царя, что не поднялся бы на него и извинил бы ему, ради его свадьбы».

Молодая царица с трудом принимала обстановку русского почета. Она не понимала смысла русских обычаев, а потому не скрывала своего презрения к ним.

«Прискорбно ей было, что ее лишали возможности слушать католическую обедню, — замечает Н. Костомаров. — Ее тяготило то, что она должна была жить в схизматическом монастыре, а народ, не допускавший сомнения в приверженности своего царя к отеческой вере, думал и говорил тогда, что царскую невесту для того и поместили в монастырь, чтоб познакомить с обрядами православной церкви, к которой она присоединится. Шляхтянки, окружавшие Марину, подняли вопль, побежали к пани, сохачевской старостине, слушать обедню, которую отправлял приехавший с этой пани ксендз в ее помещении, и Димитрий вынужден был утешать этих женщин, обещая им скорое возвращение на родину. Когда Марине принесли кушанье, она сказала, что не может сносить московской кухни, и царь прислал к ней польского повара. Царь угощал у себя родственников невесты, а невеста должна была

из приличия сидеть в монастыре, но, чтоб ей не было скучно, царь послал ей для развлечения польских музыкантов и песенников, не обращая внимания, что русские соблазнялись: неслыханное для них явление — песни и музыка в святой обители; и Димитрий, и Марина отнеслись к этому с достойным друг друга легкомыслием».

Но не только песнями и музыкой развлекал новый русский царь новую русскую царицу. Чтобы хоть как-то и чем-то развлечь ее, Дмитрий прислал Марине шкатулку, доверху наполненную разными драгоценностями, общая стоимость которых достигала 500 тыс. руб. — неслыханной по тем временам суммы. Марина утешалась тем, что время от времени открывала шкатулку и начинала рассматривать драгоценности, примеряла их на себя, любовалась в зеркало.

Не был обделен и отец Марины, Юрий Мнишек. В Москве он снова поднял перед Дмитрием вопрос о деньгах и, в конце концов, получил от него 100 тыс. руб.

Свадьба была устроена по старинному дедовскому обычаю — с караваями, тысяцким, дружками и свахами. Марина, которая не любила русской одежды, вынуждена была подчиниться. Она вошла в столовую избу в русском бархатном платье с длинными рукавами, украшенном дорогими камнями и жемчугом так густо, что трудно было распознать истинный цвет ткани. На голове у нее была польская повязка, вплетенная в волосы, а на ногах — сафьяновые сапожки.

После обычных церемоний новобрачные со свадебным поездом направились в Успенский собор.

«Прежде венчания царь изъявил желание, чтоб его супруга была коронована, — отмечает Н. Костомаров. — Неизвестно, было ли это желание самого царя из любви к своей невесте или же, что вероятнее, следствие честолюбия Марины и ее родителя, видевших

в этом обряде ручательство в силе титула: чтоб Марина приобрела этот титул не по бракосочетанию с царем, подобно многим царицам, из которых уже не одну сопровождали по ненадобности в монастырь, а вступила в брак с царем уже со званием московской царицы. После коронования Марина была помазана на царство и причастилась св. Таин.

Принятие св. Таин по обряду восточной церкви уже делало ее православною: так думали царь и с ним те русские, которые, отрешаясь от строгих взглядов, были снисходительнее к иноверию; но в глазах таких, для которых католики были в равной степени погаными, это было оскорбление святыни».

А между тем в ночь с 13 на 14 мая Василий Шуйский собрал к себе главных заговорщиков, среди которых были представители разных сословий. Все они были недовольны поведением и выходками поляков в столице. Взвесив все «за» и «против», они решили сначала отметить те дома, в которых квартировали поляки, а в субботу ударить в набат, поднять народ и сообщить, что поляки замышляют убить царя. Пока толпа будет расправляться с поляками, заговорщики должны были покончить с Дмитрием.

Уже на следующий день осведомители доложили Басманову о том, что против Дмитрия замышляется заговор. Тот сообщил царю, который ответил: «Я этого и слышать не хочу. Не терплю доносчиков и буду наказывать их самих».

В Кремле продолжали веселиться. На воскресенье готовился большой праздник. С этой целью царский деревянный дворец обставляли лесами для иллюминации. Но в пятницу, 16 мая, немцы подали Дмитрию письменное извещение о том, что в столице существует заговор против царя и польских гостей.

«Все это вздор, я читать этого не хочу», — категорично ответил Дмитрий.

Но и Басманов, и Мнишек советовали молодому царю хорошенько подумать, прежде чем давать такой безапелляционный ответ.

Дмитрий не стал их слушать и вернулся к гостям. Он веселился вместе с гостями. Тем временем Шуйский его именем приказал 70 немецким алебардщикам из царской охраны отправляться в казармы. В карауле осталось только тридцать человек. По окончании бала Дмитрий направился в покои к молодой жене, в ее новый, еще до конца не заверченный дворец, соединенный переходами с царским дворцом.

Ранним утром 16 мая 1606 г. Василий Шуйский приказал открыть ворота тюрьмы, выпустить преступников и вооружить их топорами и мечами.

С первым лучом солнца ударил набат на Ильинке. Не зная, в чем дело, через некоторое время ему ответили колокольным звоном все московские церкви. Главные руководители заговора — Шуйские, Голицын, Татищев выехали на Красную площадь в сопровождении двухсот всадников. Со всех концов города к ним стал стекаться народ.

«Литва собирается убить царя и перебить бояр! Идите бить Литву!» — кричал им Шуйский.

Народ, словно только этого и ждал, с яростными криками и воплями бросился бить гостей — одни в полной уверенности, что защищают царя, другие просто из ненависти к иностранцам, а третьи — из страсти к мордобойу и жажды наживы.

Хитростью освободившись от народа, Василий Шуйский въехал в Кремль. За ним следовали заговорщики, вооруженные топорами, бердышами, копьями, мечами, а кто и просто рогатинами.

Разбуженный колокольным звоном, Дмитрий бросился по переходам в свой дворец. Там он встретил Дмитрия Шуйского, который сказал царю, что в городе пожар. Дмитрий отправился к Марине, чтобы преду-

предить ее и отправиться на пожар. Но вдруг неистовые крики раздались под окнами дворца.

— Что вам надобно? Что за тревога? — спросил Басманов.

— Отдай нам своего вора, тогда поговоришь с нами! — ответила разъяренная толпа.

— Не верил ты своим верным слугам, государь! Спасайся, а я умру за тебя! — сказал Басманов царю.

Личная охрана царя — тридцать немецких алебардчиков — пытались оказать сопротивление. Но, видя свое бессилие, отступили. Образумить и утихомирить разъяренную толпу попробовал Басманов, но Татищев, один из руководителей заговора, не дал ему сказать. Он выхватил нож и вонзил прямо ему в сердце.

Царь Дмитрий бежал по переходам в каменный дворец, все выходы в котором были заперты. Тогда он выбрался в окно, стал спускаться вниз по лесам, установленным для праздничной иллюминации, сорвался и упал на землю с десятиметровой высоты. Он сильно разбил себе голову, ушиб грудь, вывихнул ногу и потерял сознание.

«Если бы Дмитрию удалось спуститься вниз, то он был бы спасен», — записал один из голландских купцов, бывших тогда в Москве.

Первыми к нему подоспели стрельцы, несшие караул в Кремле, и привели в чувства. Дмитрий настоятельно просил поскорее отнести его к народу. Он обещал им отдать все имущество бунтарей.

Стрельцы встали на защиту царя. Но бояре пригрозили им, что сейчас же отправят своих людей в Стрелецкую слободу и расправятся с их детьми и женами. Под страхом расправы стрельцы отдали царя бунтовщикам. Те отнесли его во дворец. Один немец пытался дать Дмитрию водки, чтобы облегчить невыносимую боль, но его тут же убили.

— Каков царь всея Руси, самодержец! Вот так самодержец! — стали издеваться и смеяться над ним разъяренные злобой заговорщики.

Кто тыкал беспомощному царю пальцами в глаз, кто щелкал по носу, кто рвал за уши.

— Говори, твою мать, кто твой отец? — пиная царя ногами и отвешивая пощечины, допытывался один из них. — Как тебя зовут? Говори, твою мать, откуда ты?

— Вы знаете, я царь ваш Димитрий, — слабым голосом ответил царь. — Вы меня признали и венчали на царство. Если теперь не верите, спросите мать мою. Вынесите меня на Лобное место и дайте говорить с народом.

Некоторых из бунтовщиков взяло сомнение, но Иван Голицын нашелся, что ответить.

— Только что царица Марфа сказала, что это не ее сын, — произнес он.

— Винится ли злодей? — требовательно кричала толпа со двора.

— Винится! — ответили из дворца.

— Бей, руби его! — озлобленно заревела толпа.

— Вот я благословлю этого польского свистуна, — произнес Григорий Валуев.

С этими словами он вынул из-под армяка короткое ружье и направил на Дмитрия.

Раздался выстрел. Бездыханное тело обвязали веревками и через Спасские ворота потащили из Кремля. У Вознесенского монастыря задержались, вызвали инокиню Марфу и потребовали от нее признания:

— Говори, это твой сын?

— Нет, не мой, — ответила Марфа. (По иной версии она сказала: «Было бы меня спрашивать, когда он был жив, а теперь, когда его убили, он уже не мой».)

Тело убиенного царя Дмитрия положили на маленьком столике на Красной площади. Рядом с ним бросили

тело Басманова. На грудь мертвого Дмитрия положили маску, а в рот воткнули дудку.

Два дня тело было выставлено на поругание. Каждый желающий мог прийти и надругаться над ним по своему усмотрению.

19 мая 1606 г. тело отвезли на кладбище для бедных и бездомных и бросили в яму для замерзших и умерших от алкоголя. Но по Москве поползли слухи о том, что по ночам мертвый ходит по городским улицам, заходит в дома, мстит за свою смерть. Тогда заговорщики вырыли тело Дмитрия, вывезли за Серпуховские ворота, сожгли, а пепел засыпали в Царь-пушку и выстрелили в западном направлении — туда, откуда царь явился в Москву. Это был единственный выстрел Царь-пушки за всю историю ее существования.

«В течение одиннадцати месяцев своего правления Димитрий более наговорил хорошего, чем исполнил, а если что и сделал, то не следует забывать, что владетели вообще в начале своего царствования стараются делать добро и выказать себя с хорошей стороны: история представляет много примеров, когда самые дурные государи сначала являлись в светлом виде, — пишет Н. Костомаров. — Притом же если в поступках названного Димитрия есть черты, несообразные со свойствами сознательного обманщика, то есть и такие, которые достойны этого призвания; таковы его развратные потехи, о которых рассказывает голландец Масса, вовсе не вооруженный против его личности, поступок со злополучной Ксенией. Наконец, следует принять во внимание его живость и притворство, с которыми он показывал вид, будто сожалеет о смерти Годуновых и верит в их самоубийство, а вместе с тем приближал к себе убийцу их, Молчанова, доставлявшего ему женщин для гнусных удовольствий.

Борис и патриарх Иов провозгласили его Григорием Отрепьевым. Впоследствии то же самое сделал Шуй-

ский и подтверждал это показаниями монаха Варлаама, странствовавшего с Григорием Отрепьевым. Против этого можно сделать следующие возражения:

1. Если бы названный Димитрий был беглый монах Отрепьев, убежавший из Москвы в 1602 г., то он никак бы не мог в течение каких-нибудь двух лет усвоить приемы тогдашнего польского шляхтича. Мы знаем, что царствовавший под именем Димитрия превосходно ездил верхом, изящно танцевал, метко стрелял, ловко владел саблей и в совершенстве знал польский язык; даже в русской речи его слышен был не московский выговор. Наконец, в день своего прибытия в Москву, прикладываясь к образам, он возбудил внимание своим неумением сделать это с такими приемами, какие были в обычае у природных москвичей.

2. Названный царь Димитрий привел с собой Григория Отрепьева и показал его народу. Впоследствии говорили, что это не настоящий Григорий: одни объясняли, что это был инок Крыпецкого монастыря Леонид, другие — что это был монах Пимен. Но Григорий Отрепьев был вовсе не такая малоизвестная личность, чтобы можно было подставлять на его место другого. Григорий Отрепьев был крестовый дьяк (секретарь) патриарха Иова, вместе с ним ходил с бумагами в царскую Думу. Все бояре знали его в лицо. Григорий жил в Чудовом монастыре, в Кремле, где архимандритом был Пафнутий. Само собой разумеется, что если бы названный царь был Григорий Отрепьев, то он более всего должен был избегать этого Пафнутия и прежде всего постарался бы от него избавиться. Но чудовский архимандрит Пафнутий в продолжение всего царствования названного Димитрия был членом учрежденного им сената и, следовательно, виделся с царем почти каждый день.

3. В Загоровском монастыре (на Волыни) есть книга с собственноручной подписью Григория Отрепьева;

подпись эта не имеет ни малейшего сходства с почерком названного царя Димитрия».

После расправы с Дмитрием Марина оставалась заложницей у Шуйского, который был внимателен и обходителен с ней. Зная, что она предпочитает польскую кухню, он даже распорядился приносить ей еду от отца.

Через несколько дней после убийства царя к Марине пришли послы бояр и сказали, что ее муж — «Гришка Отрепьев, вор, изменник и прелестник» и потребовали вернуть все те деньги и драгоценности, которые он успел ей подарить.

«Вот мои ожерелья, камни, жемчуг, цепи, браслеты, все возьмите, оставьте мне только ночное платье, в чем бы я могла уйти к отцу, — ответила Марина. — Я готова заплатить вам и за то, что проела у вас с моими людьми».

«Мы за еду ничего не берем, — сказали москвичи. — Но ты должна вернуть те 55 тыс. рублей, что вор переслал тебе в Польшу».

«Я истратила на путешествие сюда не только то, что мне присылали, но еще и много своих денег, чтобы честнее было вашему царю и вашему государству, — гордо возразила Марина. — У меня больше ничего нет. Отпустите меня с отцом на свободу, мы вышлем вам все, что требуется».

Все, что было драгоценного у Марины и ее отца, конфисковали, после чего разрешили дочери находиться с отцом. Под надежной охраной их перевели в дом дьяка Афанасия Власьева — того самого, который был послом при подписании брачного договора, верой и правдой служил новому царю, а потом был выслан из столицы.

В одно мгновение из жизни Марины исчезли царственное величие, радость родных, поклонение подданных, пышность двора, богатые наряды и тщеславные надеж-

ды. Из венчанной царицы она превратилась в пленницу. Честное имя супруги могущественного монарха великой страны сменилось позорным именем вдовы обманщика, соучастницы его преступления. Но в тот момент, когда ей сообщили о смерти Дмитрия и объявили пленницей, Марина и предположить себе не могла, какая судьба ожидает ее в ближайшем будущем.

Вскоре после дворцового переворота объявился новый Дмитрий — Лжедмитрий. Им стал Михайло Молчанов, тот самый, убежавший из Москвы. Летописи говорят, что он находился в сговоре с Мариной. Так это было или нет, но в августе 1606 г. Шуйский приказал Марину и ее родственников — отца, брата, дядю и двоюродного брата — перевезти в Ярославль, что и было сделано тайно и под усиленной охраной.

В своем рассказе о тайнах кремлевской любви я опускаю историю русской смуты, длившейся вплоть до 1613 г. и породившей многочисленных самозванцев: Лжедмитрия II; сына «посадской женки» из Муромы бурлака Илейку; астраханского царевича Августа, который называл себя сыном Грозного и Анны Колтовской; восьмерых царевичей, называвших себя сыновьями царя Федора Ивановича: Федора, Ерофея, Клементия, Савелия, Семена, Василия, Гаврилу и Мартына. Все они исчезли так же быстро, как и появились. Нас в рассказе будет интересовать только один — тот, который объявился в Северной земле (современная Черниговщина) и весной 1608 г. двинулся на Москву. Его армия состояла из казаков и польско-белорусско-украинской вольницы.

До июня 1608 г. Марина и ее родственники пребывали в заложниках Василия Шуйского и жили под охраной в Ярославле. За два года бесконечных споров и недоразумений русский царь, который, по большому счету, также являлся самозванцем на престоле, заключил перемирие с Речью Посполитой на 3 года и 11 месяцев.

По нему Шуйский обязался всех задержанных поляков отпустить и сопроводить до границы.

Марину с родными привезли в Москву. Она должна была отказаться от титула московской царицы, а ее отец, Юрий Мнишек, взял обязательство не называть Дмитрия своим зятем.

В Польшу их повезли через Углич, Тверь на Белую. Тем временем армия самозванца подошла и встала лагерем в Тушино. Каким-то образом Мнишек сумел отправить в Тушино письмо, в котором известил Лжедмитрия о маршруте движения.

За Мариной были отправлены отряд под командованием Зборовского и отряд Мосальского. Никто не был уверен, захочет ли Марина после пережитого признать в Лжедмитрии своего мужа, а потому распустили слух о том, что царь послал за своей женой.

16 августа 1608 г. у деревни Любеница, почти у самой границы, погоня настигла поезд Марины. В страхе перед неизвестностью Марина отдалась под защиту Яна Сапеги — племянника канцлера Льва Сапеги, талантливого полководца и не менее талантливого смутьяна.

Во главе семитысячного отряда Сапега направлялся в Тушино. Он сумел убедить Марину в том, что ее муж жив. Молодая женщина не видела труп Дмитрия, а потому безоговорочно поверила князю. Марина так была рада, что снова увидит Дмитрия, что даже запела. Но, улучив момент, князь Мосальский сказал ей: «Вы, Марина Юрьевна, песенки распеваете... Оно бы кстати было, если бы вы в Тушине нашли вашего мужа. Но на беду, там уже не тот Дмитрий, а другой». После этого он, страшась мести со стороны Сапеги, бежал со своим отрядом в Москву.

Настроение Марины сразу переменялось. Она стала плакать и вопить, требовала, чтобы карету повернули обратно. Но ее никто не слушал. В очередной раз она

превратилась в пленницу, и 1 сентября Марину привезли в Тушино.

Первым к ней пришел Рожинский, один из предводителей смуты, близкий соратник Лжедмитрия, и пригласил в обоз. Но Марина категорически отказалась. Везти ее силой было неудобно: по всем правилам жанра простой народ должен был лицезреть радостную встречу насильно разлученных супругов.

Целую неделю Сапега уговаривал Марину не противиться, но она оставалась непреклонна. Тогда Юрий Мнишек сам поехал в лагерь Лжедмитрия на переговоры. Получив от самозванца 100 тыс. руб. и обещание Северской земли с четырнадцатью городами, Мнишек продал ему дочь.

На следующий день Лжедмитрий сам приехал к Марине, которая с омерзением отвернулась от него и не стала разговаривать. Однако в результате нажима, оказанного сначала панами, затем монахом-иезуитом и, в конце концов, родным отцом, Марина поняла, что ее сопротивление не имеет смысла, и согласилась играть комедию с одним обязательным условием: Лжедмитрий не будет жить с ней, как с законной женой.

Юрий Мнишек находился в тушинском таборе более трех месяцев. Глубокой осенью он отправился на родину. Из-за неприязни к отцу Марина не поддерживала с ним отношений, но в январе 1609 г. написала письмо следующего содержания: «Я нахожусь в печали как по причине вашего отъезда, так и потому, что простилась с вами не так, как хотелось. Я надеялась услышать из уст ваших благословение, но, видно, я того недостойна. Слезно и умиленно прошу вас, если я когда-нибудь, по неосторожности, по глупости, по молодости или горячности оскорбила вас, простите меня и пошлите дочери вашей благословение. Как будете писать его царской милости, упомяните и обо мне, чтоб он оказывал мне любовь и уважение, а я обещаю вам исполнить

все, что вы мне поручили, и вести себя так, как вы мне повелели».

Ответа на письмо Марина не получила. Потом она просила у отца черного бархата на платье, однако ответа снова не последовало. В марте она жаловалась на то, что с ней обращаются не так, как было обещано при отъезде отца. Наступил длительный перерыв, и только в августе Марина отправила письмо, в котором говорила, что от чужих людей узнала, как живут родители, как они себя чувствуют и чем занимаются.

После того как Марина признала в Лжедмитрии своего мужа, на сторону самозванца перешли Псков, Ивангород, Орешек, Переяславль-Залесский, Суздаль, Углич, Ростов, Ярославль, Тверь, Юрьев, Бежецкий Верх, Кашин, Торжок, Белоозеро, Вологда, Владимир, Шуя, Балахна, Лух, Гороховец, Арзамас и др. К Тушино потянулись не только противники Шуйского, казаки, но и многочисленные искатели приключений и легкой наживы — воров и преступные шайки.

Прошел год, наступила осень 1609 г. В Тушино началось строительство: для жилья вырыли землянки и в них устроили печи, поставили загоны для лошадей. Знатные и богатые ставили себе избы. Со всех сторон в лагерь везли хлеб, масло, пригоняли всякую живность на мясо и птиц. Водки и пива было в изобилии. Из польских, белорусских, украинских земель и всего Московского государства в Тушино толпами стекались распутные женщины. Составляя шайки, наемники время от времени покидали лагерь и рыскали по селам и городам. Без жалости и сострадания они грабили и убивали людей, насиловали женщин и малолетних девочек. В земских документах того времени приводятся многочисленные примеры того, как жители, спасаясь от бесчестия, убивали своих дочерей, жен, а потом накладывали руки на самих себя. В зимнее время нередко женщины и девушки

спасались бегством от насильников и замерзали в полях и лесах.

Многих женщин, девушек и малолетних девочек похищали, отвозили в лагерь, забавлялись с ними столько, сколько хотели, затем за деньги продавали родным, чтобы во второй или третий раз похитить и сотворить то же самое. Однако, если верить письменным источникам, среди похищенных девушек и женщин было много и таких, которые до того освоились с веселой, полной разврата жизнью в лагере, что, когда их выкупали, снова бежали в Тушино сами.

Осенью 1609 г. к Смоленску подступила армия. Во главе ее стоял сам король Сигизмунд. В Тушино он отправил своих людей с тем, чтобы убедить польских и белорусских панов оставить лагерь и присоединиться к его войску. Начался торг. Паны потребовали от короля 20 миллионов злотых, которые им обещал Лжедмитрий в случае успешного похода на Москву.

Узнав об этом, Лжедмитрий переоделся в крестьянскую одежду и тайно покинул лагерь. Спустя некоторое время он объявился в Калуге.

Возникшую было панику прекратили московские бояре и митрополит Филарет Романов, взятые в заложники. Они объявили, что хотят видеть своим царем не Лжедмитрия и не Шуйского, а Владислава, сына Сигизмунда. Они послали к королю в Смоленск послов, среди которых был и Филарет Романов. Условием избрания Владислава на царство было одно: не рушить дедовой православной веры и законов.

Один из командиров польских отрядов написал тогда Марине письмо, в котором обращался к ней: «Пани сандомирская воеводянка!..», предлагал оставить честолюбивые замыслы и вернуться в Польшу.

Марина ответила так: «Я надеюсь, что Бог, мститель неправды, охранитель невинности, не дозволит моему врагу Шуйскому пользоваться плодами своей

измены и злодеяний. Ваша милость должна помнить, что того, кого Бог раз осиял блеском царского величия, тот не потеряет блеска никогда, так как солнце не потеряет блеска оттого, что его закрывает скоропреходящее облако».

5 января 1610 г. Марина написала королю Сигизмунду:

«Если кем на свете играла судьба, то, конечно, мною; из шляхетного звания она возвела меня на высоту московского престола только для того, чтобы бросить в ужасное заключение. Только лишь проглянула обманчивая свобода, как судьба ввергнула меня в неволю, на самом деле еще злополучнейшую, и теперь привела меня в такое положение, в котором я не могу жить спокойно, сообразно своему сану. Все отняла у меня судьба: остались только справедливость и право на московский престол, обеспеченное коронацией, утвержденное признанием за мной титула московской царицы, укрепленное двойной присягой всех сословий Московского государства. Я уверена, что Ваше Величество по мудрости своей щедро вознаградите и меня, и мое семейство, которое достигало этой цели с потерей прав и большими издержками, а это неминуемо будет важной причиной к возвращению мне моего государства в союзе с Вашим Королевским Величеством».

Марина торговалась, и король обещал дать ей удел в Московском государстве. Лжедмитрий, узнав о происходящем, стал рассылать по городам грамоты, в которых требовал казни изменников, расточал различные обещания и убеждал поляков вместе с Мариной ехать в Калугу.

В лагере возникло смятение. Тогда Марина вышла из своей палатки и явилась перед войском с растрепанными волосами. Она плакала, перебегала от одного отряда к другому и умоляла не оставлять ее, законную московскую царицу.

«Забыв о всякой женской стыдливости, она не брезговала никакими средствами», — писал об этом один из очевидцев.

Появление Марины перед войском породило раскол. Донские казаки и часть поляков стояли за то, чтобы идти с Мариной в Калугу. Атаман Заруцкий, спустя некоторое время ставший на сторону Марины, тогда выступил категорически против нее.

Возникла потасовка, закономерно переросшая в вооруженное противостояние. В результате этой бессмысленной бойни погибло две тысячи человек, но казаки все равно ушли в Калугу. С ними туда же отправился князь Дмитрий Трубецкой и князь Засекин.

В ночь с 16 на 17 февраля из тушинского лагеря бежала и Марина. Переодетая в гусарскую форму, она ускакала верхом на лошади в сопровождении преданной служанки и нескольких казаков. Перед побегом она оставила в своем шатре такое письмо: «Без родителей, без кровных, без друзей и покровителей мне остается спасать себя от последней беды, уготовляемой мне теми, которые должны были бы оказывать защиту и попечение. Меня держат, как пленницу. Негодяи ругаются над моей честью. В своих пьяных беседах они сравнивают меня с распутными женщинами. За меня торгуются, замышляют отдать в руки того, кто не имеет ни малейшего права ни на меня, ни на мое государство. Гонимая отовсюду, свидетельствуюсь Богом, что буду вечно стоять за мою честь и достоинство. Бывши раз московской царицей, повелительницей многих народов, не могу возвратиться в звание польской шляхтянки, никогда не захочу этого. Поручаю честь свою и охрану храброму рыцарству польскому. Надеюсь, оно будет помнить свою присягу и те дары, которых от меня ожидают».

Марина направлялась в Калугу, но сбилась с пути и оказалась в Дмитрове, где стоял отряд Яна Сапеги.

Сапега принял ее вежливо и оставил у себя: к Дмитрову подступало московское войско под командованием Скопина. Когда началась осада и от сильного натиска осажденные пали духом, Марина вышла на крепостную стену и сказала: «Смотрите и стыдитесь, я женщина, а не теряю мужества!»

После снятия осады Марина собралась ехать в Калугу к Лжедмитрию.

— Не безопаснее ли вам вернуться в Польшу к отцу и матери, а то вы попадете в руки Скопина или Деларгади, — попытался удержать ее Сапега.

— Я царица всея Руси, — с гордостью ответила Марина. — Лучше исчезну здесь, чем со срамом возвращусь к моим ближним в Польшу.

— Я вас не пущу против вашей воли, — сказал Сапега.

— Никогда этого не будет, — ответила ему Марина. — Я не позволю торговать собой. Если вы меня не пустите, то я вступлю с вами в битву: у меня 350 казаков.

После этого Сапега не стал ее удерживать. Марина надела красный бархатный кафтан, сапоги со шпорами, вооружилась саблей и пистолетами и отправилась в дорогу. Сапега же отправился к польскому королю, но потом ушел от него к самозванцу и был назначен гетманом — предводителем его армии.

В Калуге Марина стала жить с Лжедмитрием, как с законным супругом. Поначалу они жили в монастыре, а потом в специально построенном для них дворце.

Весной в Калугу пришло известие, что коронный гетман Жолкевский наголову разбил Скопина и Шуйский остался без армии. Лжедмитрий и Марина без лишних промедлений двинулись к Москве. Их войском командовал Сапега. Он захватил Боровск и принял добровольную сдачу Каширы и Коломны.

Войско самозванца подошло к Москве. Марина остановилась в монастыре Николая на Угреше, а Лжедмит-

рий — в селе Коломенском. С другой стороны к русской столице подступил гетман Жолкевский.

По настоянию бояр и духовенства Василий Шуйский отрекся от престола. Теперь предстояла битва между гетманом Жолкевским и армией Лжедмитрия. Польские войска расположились на Девичьем поле. Сапега колебался. Он в последний раз попытался связаться с королем и повести переговоры о передаче престола самозванцу и Марине. В Смоленск, где стоял Сигизмунд, были отправлены послы с выгодными предложениями: ежегодной платы в течение десяти лет королю 300 тыс. злотых, а его сыну — 100 тыс.; уступки Северной земли; возврата Ливонии; помощи казной и войском против шведов и против всякого неприятеля по первому требованию польского короля.

Но паны и король посмеялись над этими предложениями.

«Условия вы бы могли предлагать, если бы за вами была какая-нибудь сила!» — ответили они.

Кроме того, московские торговые и служилые люди, бояре и духовенство просили Жолкевского расправиться с самозванцем.

Гетман двинул на Сапегу свою армию. Но до битвы дело не дошло. На глазах войск Жолкевский и Сапега выехали вперед, и Жолкевский сумел переубедить Сапегу письменным обещанием удовлетворить все требования. Сапега дал слово оставить Лжедмитрия и Марину при условии, что и они не будут обделены королевским вниманием. Жолкевский от имени короля обещал им во владение Самбор или Гродно, на выбор.

Но когда польские послы привезли и вручили Марине условия, она ответила: «Пусть король Сигизмунд даст царю Краков, а царь из милости уступит ему Варшаву».

«Лучше я буду служить где-нибудь у мужика и добывать трудом кусок хлеба, чем смотреть из рук его польского величества», — добавил Лжедмитрий.

Узнав об оскорблении, Жолкевский приказал немедленно арестовать самозванца и Марину. Но, предупрежденные, те покинули монастырь и под охраной донских казаков с атаманом Заруцким бежали обратно в Калугу.

Поляки остались в Москве. К концу 1610 г. взаимная антипатия между поляками и русскими достигла такой степени, что многие снова были готовы признать Лжедмитрия, лишь бы не садить на русский престол Владислава.

Узнав о таком повороте, самозванец и Марина послали в Москву попа по имени Харитон возмущать бояр. Но Харитон попал в плен к полякам, наговорил им на князей Воротынского и Голицына, которые были посажены в тюрьму. Это еще больше усилило раздражение москвичей поляками. Все громче и все откровеннее они стали высказываться в пользу Лжедмитрия.

Но 10 декабря 1610 г. самозванец погиб. Его убийцей стал крещеный татарин Петр Урусов с братом. В тот день они вместе отправились на прогулку в сопровождении нескольких русских и татар. Разочарованный неудачей, Лжедмитрий в последнее время много пил. Он ехал в санях совершенно пьяный и непрерывно кричал, чтобы ему подавали вино. Урусов скакал за ним верхом. Улучив момент, он ударил Лжедмитрия саблей по голове, а его брат отрубил голову. Тело раздели и бросили на снегу, после чего Урусовы с татарами сбежали.

Марина была на последних неделях беременности. Узнав, что самозванец убит, она поспешила к месту убийства, привезла его тело на санях в город и ночью с факелом в руке металась с громкими рыданиями от дома к дому, рвала на себе волосы и одежду и призывала калужан к мщению.

Только донские казаки во главе с Заруцким отозвались на ее призыв. Они настигли татар и изрубили около двухсот человек.

А через несколько дней Марина родила мальчика, которого назвали Иваном, и потребовала, чтобы ему принесли присягу, как законному наследнику престола.

Но никто не спешил присягать новорожденному. Когда весть о гибели Лжедмитрия достигла Москвы, к Калуге пришел Ян Сапега. Донские казаки вступили с ним в бой. Калужане же поступили по-хитрому: они известили Сапегу, что присягают тому, кто будет царем в Москве.

Тяжелые роды отняли у Марины много сил. Она была очень слаба и написала Сапеге такое письмо: «Ради Бога, избавьте меня. Мне, может быть, каких-нибудь две недели осталось жить на свете. Избавьте меня, избавьте! Бог вам заплатит!»

Калужане присягнули Владиславу, поэтому Сапеге нечего было делать под Калугой, и он оставил Марину и ушел обратно.

Вскоре появился Прокопий Ляпунов. Он не стал называться Дмитрием, а без всякого обмана призвал русских к спасению родной земли. Став предводителем восстания, он принимал под свое знамя всех желающих, поэтому не отказал и Заруцкому, и Трубецкому.

При Ляпунове Марина не смела заикнуться о присяге своему сыну. Она ненавидела этого человека и едва его терпела.

Не терпел его и Заруцкий. Именно он подговорил казаков и совершил убийство ненавистного Ляпунова. С этого момента Марина смело провозгласила своего сына наследником русского престола. Ему присягнули Заруцкий и Трубецкой, которые с именем Ивана подошли к Москве.

Осенью в Нижнем Новгороде собралось земское ополчение под командованием князя Пожарского, который видел свою цель в освобождении Москвы и от поляков, и от самозванцев. Всю зиму шел сбор сил,

а весной ополчение двинулось на столицу, освобождая города.

Марина и Заруцкий чувствовали, что на них идет гроза. В грамотах, которые распространял Пожарский, говорилось о том, чтобы не признавать Маринино сына наследником престола. Тогда Марина направила посла в Персию с предложением заключить союз против русских, но он был захвачен людьми Пожарского.

Князь Трубецкой открыто ушел от Марины и ее сына. Бывшая московская царица решила использовать последний способ устранить преграду на своем пути: в сговоре с Заруцким они подослали к Пожарскому убийцу. Но тот выдал себя, был схвачен, во всем признался и покаялся.

Оставаться в Коломне было небезопасно. Земское ополчение с каждым днем все ближе подходило к Москве. Тогда Марина и Заруцкий ограбили город и бежали в Михайлов, в котором жили несколько месяцев.

В октябре 1612 г. Москва была освобождена от поляков, а в феврале 1613 г. на русский престол был избран Михаил Федорович Романов — первый представитель династии, которая правила Россией последующие триста лет.

После нескольких кровопролитных стычек с войском избранного царя Заруцкий и Марина бежали на юг, в Астрахань. Именно этот город стал их последним приютом. Они убили астраханского воеводу Хворостинина, склонили на свою сторону ногайских татар, призывали персидского шаха Аббаса идти на Русь и хотели втянуть в войну Турцию.

Марина жила в постоянном страхе. Она приказала не звонить рано к заутрени, чтобы ее сын не испугался колокольного звона. На самом же деле после всего пережитого она сама жутко боялась колокольных перезвонов.

Весной 1614 г. на Астрахань двинулась огромная армия во главе с князем Одоевским и окольным Семёном Головиным. Узнав об этом, астраханцы присягнули Михаилу Федоровичу.

Заруцкий и Марина поняли, что им пришел конец. Ночью они тайно выбрались из каменного города и поплыли вниз по Волге. 1 июня в Астрахань прибыло царское войско. Узнав, что «главная заводчица» бунта сбежала, он снарядил погоню.

Преследователи наткнулись на лагерь беглецов 29 июня 1614 г. на Медвежьем острове у берегов Яика, которым владел атаман Треня Ус. Он держал Марину и Заруцкого как пленников, даже отнял у бывшей царицы сына. Но когда подступили стрельцы, Ус выдал всех троих.

Пленников привезли в Астрахань, а 13 июля Одоевский отправил их поодиночке вверх по Волге. Марину с сыном вез стрелецкий голова Михайло Соловцов и 500 самарских стрельцов. Марина была закована в цепи. У Соловцова был приказ, что если кто-то нападет на них и попытается освободить Марину с сыном, он должен был их обоих убить.

Закованной в цепи ее привезли в Москву, куда восемь лет назад она въезжала с таким великолепием, надеясь царствовать и принимать поклонение...

Четырехлетнего сына Марины повесили принародно за Серпуховскими воротами; Заруцкого посадили на кол. Марину заточили в тюрьму, где она в скором времени и «умерла от болезни и тоски». В народной памяти она осталась «Маринкой безбожницей и еретицей». Еще в прошлом веке в некоторых районах России, по сведениям этнографов, народная молва представляла ее «свирепою розбойницею и колдуньею, которая при случае умела обращаться в сороку» и «татью блудливую»...

Итак, мы рассмотрели с Вами «преданья старины глубокой». Внимательный читатель, надеюсь, сумел по достоинству оценить и понять те нравы и, следовательно, чувства, которые господствовали на Руси в старые времена. Казалось бы, все это было так давно и представляется таким же нереальным, как события волшебной сказки «Конек-Горбунок» в изложении Ершова. Но тот, кто способен не только понять, но *проникнуться духом истории*, тот наверняка почувствует, как близка она нам, как недалеко ушли мы в своем душевном (я хочу подчеркнуть: не духовном, а именно душевном) развитии. Почему так произошло? В чем скрытая причина нашей всеобщей отсталости и неспособности любить?

Вот что писал в середине XVII в. Августин Мейерберг, австрийский посол при дворе царя Алексея Михайловича:

«Москвитяне изгоняют все знания в такую продолжительную и безвозвратную ссылку, что это надобно приписать, во-первых, самим государям, которые ненавидят их. Они опасаются, что подданные наберутся духа свободы, а потом восстанут, чтобы сбросить с себя гнетущее их деспотическое иго... Во-вторых, это следует приписать духовенству: зная, что науки будут преподаваться на латыни (общепринятый язык науки того времени. — В. К.) и могут быть приняты не иначе как с латинскими учителями, оно боится, чтобы этими широкими воротами, если их распахнуть настежь, не вошел и Латинский обряд (католичество. — В. К.)... В-третьих, виной тому старые бояре. Они завидуют, что молодежь получит такие дары, которых, из пренебрежения, не хотели брать они сами... и справедливо лишатся исключительного обладания мудростью... и будут устранены от общественных дел в государстве.

Ни один народ на свете не скрытен более московского. Ни один столько недоверчив к другим и ни один не получил привычки так великолепно лгать о своем могуществе и богатстве... если спросить москвича о чем-то таком, он либо притворно промолчит, либо многократно преувеличит. В нем говорит *привитое опасение, что иностранец хочет разведать государственные тайны с предательским умыслом* (курсив мой. — В. К.)».

Вам подобное замечание иностранца ничего не напоминает? Правильно, именно так мы жили (а многие продолжают жить до сих пор) не только в последние десятилетия, но всегда. Недоверие, всеобщая подозрительность, сбережение государственной или военной тайны (вспомните, насколько точно подметил эту черту нашего характера А. Гайдар и показал на примере своего Мальчиша-Кибальчиша), о которой большинство не имело ни малейшего понятия и которую при всем своем желании не смогли бы открыть.

«...русское общество отличалось однородностью, цельностью своего нравственно-религиозного состава, — писал замечательный русский историк В. Ключевский. — При всем различии общественных положений древнерусские люди по своему духовному облику были очень похожи друг на друга, утоляли свои духовные потребности из одних и тех же источников. Боярин и холоп, грамотей и безграмотный запоминали одинаковое количество священных текстов, молитв, церковных песнопений и мирских бесовских песен, сказок, старинных преданий, неодинаково ясно понимали вещи, неодинаково строго заучивали свой житейский катехизис. Но они твердили один и тот же катехизис, в положенное время одинаково легкомысленно грешили и с одинаковым страхом Божиим приступали к покаянию и причащению до ближайшего разрешения «на вся». Такие однообразные изгибы автоматичес-

кой совести помогали древнерусским людям хорошо понимать друг друга, составлять однородную нравственную массу, устанавливали между ними некоторое духовное согласие вопреки социальной розни и делали сменяющиеся поколения периодическим повторением раз и навсегда установившегося типа (курсив мой. — В. К.)».

В том же и глубинная суть тайны кремлевской любви: в ней не было никакого развития; она представляла собой не чувство, выраженное в поклонении и восхищении любимой женщиной, готовности совершать ради нее всякие безумства, в подвиге (как это было в эпоху рыцарства в Европе) и измене (вспомните Остапа из гоголевского «Тараса Бульбы» и знаменитую фразу отца: «Я тебя породил, я тебя и убью», до сих пор бытующую в нашем обиходе). Русская любовь, имевшая в средние века столько общего с нравами древних народов, осталась на том же уровне развития. Филологические исследования поспешили объявить многие пословицы и поговорки русского народа архаизмами, но на поверку оказывается, что в той или иной видоизмененной форме они живут до сих пор: «Курица не птица, а баба не человек» получила довольно оригинальную форму в советские времена, которую мне неоднократно приходилось слышать: «Запорожец не машина, женщина не человек»; «Люби, как душу, трясина, как грушу»; «Куда черт не поспеет, женщину пошлет».

А возьмите многочисленные похабные анекдоты, бытующие в нашей среде. Разве они не выражают исконного отношения и восприятия женщины, как низшего, недостойного существа? К примеру, широко известный анекдот о новом русском, для которого существуют две вещи: машина и женщина. На возражение: «Ты что, разве женщина — вещь?!», он без раздумья отвечает: «Да, не вещь... Вот машина — это вещь». И не исконным ли пренебрежением к женщине пропитаны

вульгарные изречения, типа: «Весь мир бардак, все бабы бл...и»?

Историческая действительность русской старины заставила великого русского писателя Ф. Достоевского сделать следующее признание:

«Действительно, лжи и фальши в допетровской Руси — особенно в московский период — было довольно. Ложь в общественных отношениях, в которых преобладали притворство, наружное смирение, рабство и т. п. Ложь в религиозности, под которой если не таилось грубое безверие, то, по крайней мере, скрывались или апатия, или ханжество. Ложь в семейных отношениях, унижавшая женщину до животного, считавшая ее за вещь, а не за личность».

Но так было в старину...

АМУРНЫЕ ТАЙНЫ ДОМА РОМАНОВЫХ

*Любовь — милое безумие;
честолюбие — опасная глупость.*
Н. С. де Шамфор

*Все бурные страсти не к лицу женщинам,
но менее других им не к лицу любовь.*
Ф. де Ларошфуко

Со смертью Федора Ивановича прекратилась династия Рюриковичей, потомков Ивана Калиты. Ближайшими родственниками прежних русских правителей были Романовы: Анастасия, дочь Романа Юрьевича Захарьина и первая жена Ивана Грозного, происходила из этого рода.

В ПЛЕНУ ДЕДОВСКИХ ОБЫЧАЕВ

21 февраля 1613 г. Земский собор провозгласил царем 16-летнего Михаила Федоровича Романова, на ко-

тором «сошлись такие враждебные друг другу силы, как дворянство и казачество».

«Родоначальником дома Романовых был выехавший из прусской земли выходец Андрей Иванович Кобыла с родным братом Федором Шевлягою, — пишет Н. Костомаров. — Он оставил после себя пять сыновей, от которых, кроме третьего, бездетного, пошло многочисленное потомство, давшее начало очень многим родам, как то: Шереметевым, Колычевым, Неплюевым, Кокоревым, Беззубцовым, Ладыгиным, Коковницыным. Пятым сыном Андрея Кобылы был боярин Федор Кошка, знаменитый в свое время боярин, оставивший четырех сыновей, из них, у старшего, Ивана, было четыре сына; последний из них, Захарий, дал своему потомству наименование Захарьиных... Один из сыновей Захария, Роман, был отец царицы Анастасии (первой жены Ивана Грозного) и брата ее Никиты. С этого Никиты Романовича род стал называться Романовыми. Близкое свойство детей Никиты с царским домом и добрая память, которую оставил по себе Никита, поставили подозрительного Бориса (Годунова) во враждебное отношение к его детям. Он решился уничтожить этот род и всех сыновей Никиты разослал в тяжелое заключение. Александр, Василий и Михаил Никитичи не пережили царской опалы. Летописцы говорят, что Александра удавили в ссылке, у берегов Белого моря. Василий и Иван были посланы в Пелым... Василий вскоре умер от дурного обращения с ним приставов. Михаила Никитича держали в земляной тюрьме в Нырбской волости в окрестности Чердыни... Более всех братьев выказывался дарованиями и умом Федор Никитич. Он отличался приветливым обращением, был любознателен, научился даже по-латыни. Никто лучше его не умел ездить верхом, не было в Москве красивее и щеголеватее мужчины... Этого-то первого московского щеголя насильно постригли в Сийском монастыре под именем

Филарета и приставили к нему пристава Воейкова, который должен был наблюдать за каждым его шагом, прислушиваться к каждому его слову и о всем доносить Годунову. Жену его Ксению Ивановну, происходившую из незнатного рода Шестовых, постригли под именем Марфы и сослали в Заонежье, в Егорьевский погост Толвуйской волости».

В отдаленные северные края был сослан и Михаил (он родился в июле 1596 г.) с сестрой Татьяной. Лишь осенью 1612 г. он переехал с матерью в Костромской Ипатьевский монастырь, куда зимой и прибыла делегация представителей Земского собора с известием об избрании на царство. (Вот и не верь после этого, что жизнь — это цепь совсем не случайных совпадений: взойдя на царство из Ипатьевского монастыря, через 300 лет Романовы закончили править в Ипатьевском доме.)

На молодого царя большое влияние оказывала мать. Она оставалась инокиней, жила в Вознесенском монастыре, имела свой двор и была окружена монахинями. Самой приближенной среди них была старица Евникия, мать Салтыковых. Михаил Федорович не смел ничего предпринимать без благословения матери. Материнские советы играли для молодого царя определяющую роль при выборе приближенных советников.

Жизнь царя была опутана множеством обрядов, носивших на себе церковный или монашеский характер. Вместе с матерью он совершал частые благочестивые богомолья к Троице, Николе на Угреше и в разные святые места.

Когда Михаилу Федоровичу исполнилось двадцать лет, по давнему обычаю на смотрины собрали в Кремль потенциальных невест — дворянских и боярских дочерей. Больше всех остальных Михаилу приглянулась Марья, дочь дворянина Ивана Хлопова.

Избранная в невесты, девушка была оставлена в церемных покоях цариц. Высочайшим повелением было

приказано оказывать ей царские почести и поминать имя в церковных ектеньях. Придворные бояре и дворяне принесли присягу будущей царице, нареченной Анастасией. В царский дворец были призваны отец и дядя Марии-Анастасии, и Михаил лично объявил им «свою милость».

Приближение и возвышение никому не известных Хлоповых не понравилось могущественным Салтыковым. Они опасались, что будут оттеснены на задний план, поэтому старались всячески опорочить Хлоповых перед Михаилом Федоровичем.

Однажды царь ходил по оружейной палате и рассматривал разное оружие. С ним были Михаил Салтыков и Гаврила Хлопов, дядя царской невесты. На восхищение царя турецкой саблей Михаил Салтыков заметил, что такую и в Москве сделают.

«Как ты думаешь, сделают у нас такую саблю?» — поинтересовался царь у Хлопова.

«Думаю, что сделают, но не такую по качеству», — ответил тот.

Салтыков с досадой вырвал саблю у него из рук: «Ты говоришь, не знаючи!»

Возникший на пустом месте спор вылился в откровенную перебранку. С тех пор, если верить историческим источникам, «Салтыковы не простили Хлоповым, что они смеют им перечить, решились удалить их от двора и расстроить брак государя».

Дело Салтыковы повели с умом. Они знали, какое влияние на сына оказывает мать, поэтому сначала опорочили Хлоповых перед инокиней Марфой, внушили ей неприязнь к будущей невестке.

В хоромах вместе с нареченной царевной Анастасией постоянно находились ее бабушка Федора Желябужская и Марья Милloкова, одна из придворных сенных боярынь. Другие родственники сначала редко навещали Анастасию, потом стали чаще наведываться в Кремль.

Неожиданно нареченная невеста заболела: постоянная рвота истощила и обессилила ее. Родные и приближенные думали, что это из-за чрезмерного потребления сладостей и уговорили царскую невесту поубавить аппетит. Анастасии стало лучше, но потом болезнь возобновилась. Родные вынуждены были доложить о ней царю.

Михаил Федорович приказал кравчему Михаилу Салтыкову привести к царевне врача-иностранца Валентина. Тот определил расстройство желудка и в отчете на имя царя указал, что «болезнь излечима и плоду де и чадородию от того порухи не бывает». Такой диагноз не устраивал Салтыковых.

Анастасии дважды в день стали давать прописанное лекарство. Но когда ей снова стало хуже, Салтыковы позвали другого врача, Балсыря, который определил у больной желтуху.

«Лекарств у него не спрашивали и к больной более не звали, — пишет Н. Костомаров. — Салтыковы вздумали сами лечить царскую невесту. Михайло Салтыков велел Ивану Хлопову взять из аптеки склянку с какой-то водкой, передать дочери и говорил, что если она станет пить эту водку, то будет больше кушать. Отец отдал эту склянку Милюковой. Пила ли дочь эту водку — неизвестно; но ей стали давать святую воду с мощей и камень «безуй», который считался тогда противоядием. Царской невесте стало легче».

Сам Салтыков между тем доложил царю, будто врач Балсыря сказал, что Марья неизлечима; что в Угличе, по рассказу лекаря, была женщина с такой болезнью, от которой через год умерла.

Царь не знал, что делать. Он обратился за советом к матери, которая потребовала удалить Анастасию.

Но просто сослать невесту Михаил Федорович не мог: она была признана царской невестой. Для решения проблемы созвали боярский собор. Напрасно Иван Хло-

пов клятвенно заверял высокое собрание в том, что его дочь идет на поправку. Зная о неприязненном отношении инокини Марфы к будущей невестке, бояре постановили: «Марья Хлопова, нареченная Анастасией, к царской радости непрочна».

Нареченную царскую невестку заставили покинуть хоромы в то время, когда во дворце шли самые активные приготовления к свадьбе. Марью Хлопову поместили в доме ее бабки, а спустя десять дней разлучили с отцом и матерью и отправили в ссылку в Тобольск вместе с бабкой, теткой и двумя дядьями Желябужскими. (Насколько неприглядной была жизнь ссыльных в Тобольске, можно догадаться по тому, что в 1619 г. в виде милости они были переведены в Верхотурье, где поселились в специально построенном дворе. По строгому предписанию ссыльным запрещалось покидать место жительства. Царская невеста, как до нее Марина Мнишек, лишь на короткий миг испытывавшая придворную роскошь, получала теперь на свое скудное содержание 10 денег на день.)

После ссылки Марьи Хлоповой молодой царь загрустил. Некоторое время он не соглашался на женитьбу и даже не хотел слушать разговоров на эту тему. Это говорит о том, что Михаил испытывал к Марье Хлоповой искреннее чувство, но был совершенно безвластен. Государством управляли временщики. Они угождали его матери, которая при всей своей богомольности была довольно властной и своенравной женщиной.

Придворное влияние Салтыковых ослабело после прибытия в Москву патриарха Филарета, отца молодого царя. (В 1610 г. он возглавил «великое посольство» к Сигизмунду III, был задержан и находился у него в заложниках.) Не без его вмешательства жертву их злобы Марью Хлопову в конце 1620 г. перевели из Верхотурья в Нижний Новгород.

Филарет хотел женить сына сначала на польской королевне, однако к католикам в Москве было отрицательное отношение. Тогда стали искать кандидатуру в одном из правящих домов с протестантским вероисповеданием. Михаилу сватали племянницу датского короля Кристиана, затем — сестру бранденбургского курфюрста.

Сватовство расстроилось не только из-за отказа принцесс принимать православие, но и потому, что сам Михаил Федорович сказал отцу, что ни о ком не хотел слышать, кроме Марьи Хлоповой, которая «указана мне Богом».

По приказу Филарета началось следствие по поводу бывшей болезни царской невесты. В Москву вызвали отца и дядю Марьи Хлоповой. В присутствии боярина Шереметева, чудского архимандрита Иосифа, ясельничего Глебова и дьяка Михайлова царь допросил врачей, которые осматривали Марью.

Ответы врачей были совсем не такими, какие передавал царю семь лет назад Салтыков. Михаил Федорович удостоверился, что они никогда не говорили Салтыкову, будто царская невеста неизлечимо больна и неспособна к деторождению.

Изобличенные на очной ставке с докторами Борис и Михаил Салтыковы были сосланы в далекие вотчины. Однако на пути к совместному счастью Михаила Федоровича и Марьи Хлоповой непреодолимой преградой встала инокиня Марфа, мать царя. Она категорически воспротивилась браку сына с Марьей и заявила, что покончит с собой, если это произойдет.

Патриарх Филарет укорял сына за малодушие, который уступил воле матери и в ноябре 1623 г. написал Ивану Хлопову грамоту, в которой объявил, что не соизволил взять его дочь в жены. Михаил Федорович разрешил Ивану Хлопову вернуться и жить в своей коломенской вотчине. Марья осталась жить в Нижнем Нов-

городе со своим дядей, где ей выделили двор, принадлежавший некогда Козьме Минину и после смерти его бездетного сына Нефеда перешедший в казну.

В сентябре 1624 г. по настоянию матери царь Михаил Федорович женился на другой Марии, дочери князя Владимира Тимофеевича Долгорукого. Бракосочетание состоялось 19 сентября, а на следующий день молодая царица тяжело заболела. По Москве поползли слухи о том, что девушку «испортили лихие люди». Другие говорили, что болезнь стала наказанием за несправедливость и насилие, совершенные в отношении Марьи Хлоповой.

Мария Долгорукая болела более трех месяцев и умерла 6 января 1625 г., а спустя год, 29 января 1629 г., Михаил Федорович снова женился. Для смотрин отобрали 60 самых красивых девушек, но царь выбрал Евдокию Лукьяновну Стрешневу, дочь незнатного можайского дворянина, которая прислуживала при смотринах. Чтобы избежать предыдущих неприятностей, Евдокия была введена в царский дворец и наречена царицей за три дня до свадьбы, которая состоялась в феврале.

Брак оказался счастливым, царица родила семь дочерей и трех сыновей, из которых выжил лишь старший — Алексей.

Он родился 10 марта 1629 г. и, как и его отец, был объявлен царем в 16 лет (Михаил Федорович умер в июле 1645 г.).

Будучи не в состоянии в полной мере самостоятельно управлять государством, Алексей Михайлович положился на своего воспитателя боярина Бориса Морозова, который и был фактическим правителем страны. Исторические документы характеризуют молодого царя как человека, который «всегда питал самые добрые чувства к своему народу, всегда желал счастья, везде хотел видеть порядок, благоустройство, но для

этих целей не мог придумать ничего иного, как только положиться во всем на существующий механизм приказного управления».

Тоже самое наблюдается и в нравах эпохи царствования Алексея Михайловича.

«Даже близость с законной женой считалась греховной, — писал русский историк И. Василевский о времени правления царя Алексея. — После ночи, проведенной супругами вместе, полагалось обязательно пойти в баню, прежде чем приблизиться к иконе. Набожные люди, даже омывшись в бане, в этот день считали себя недостойными входить в церковь и молились перед дверьми храма. Здесь собирались целые толпы таких недостойных, и веселая молодежь того времени, проходя мимо этого скопища нечестивых, шумно хихикала, показывала пальцами и издевалась над этими грешниками, законными мужьями своих законных жен...

В проповедях патриарха в эти годы повторяются обличения служилых людей в том, что они, отправляясь в отдаленные места на службу, жен своих закладывали товарищам, представляя им, вместо процентов за полученную сумму, иметь с ними сожительство. Если муж в назначенный срок не выкупал жену — заимодавец передавал ее на тех же условиях кому-нибудь другому, другой — третьему и так далее. Другие, говорит в своих проповедях патриарх, находятся в блудливом сожительстве с родными сестрами, даже с матерями и дочерьми...

Наряду с этим отношение к браку сплошь и рядом оказывается деловым и даже коммерческим. Когда царь Алексей Михайлович пожелал позаботиться о населении Сибири, он отдал строгое распоряжение, чтобы крестьяне выдавали дочерей своих замуж за ссыльных. Крестьяне не пожелали было родниться с мошенниками и ворами, но их, по царскому распоряжению, принуждали к тому силой».

Поразительная картина открывается, когда знакомимся с событиями давней русской истории: за прошедшие столетия в нашей жизни мало что изменилось. Вряд ли кто-нибудь из читателей не согласится с утверждением, что «чем дальше в лес, тем больше дров». Если его несколько изменить, то можно с большой долей уверенности заявить: чем дальше в провинцию, тем яснее и четче перед нами выступают пороки, которыми страдает общество.

Российская глубинка жила и до сих пор продолжает жить по своим внутренним законам. Как при Михаиле Федоровиче, так и при Алексее Михайловиче Сибирь являлась далекой и малоправляемой провинцией, где в откровенно извращенной форме проявлялись пороки, которыми страдало московское государство: воеводы без всякого зазрения совести и с особой наглостью брали взятки и совершали притеснения; служилые люди издевались над местным населением и обкладывали его непомерными налогами в свою пользу; пьянство дошло до таких пределов, что правительство вынуждено было отправить войска для уничтожения кабаков в Тобольске и других крепостях (кроме Верхотурья, где находилась главная сибирская таможня и было скопление торговых людей, потребление вина которыми являлось значительной статьей дохода для казны).

В 1621 г. патриарх Филарет посвятил в Сибирь первого архиерея, архиепископа Киприана. В те времена церковью в Сибири почти не было, а потому не было духовного надзора за переселенцами. Филарет полагал, что именно это обстоятельство стало причиной неблагочестивого образа жизни сибиряков.

Но русские сибиряки не хотели слушать Киприана. Они продолжали отличаться невероятной распущенностью нравов. Филарет неоднократно посылал в Сибирь обличительные грамоты, которые читались прилюдно и всенародно, но толку от этого было мало.

«До Бога высоко, до царя далеко» — емко и точно выразила народная мудрость существовавшую (и что самое интересное — продолжающую существовать!) полноту русской провинциальной жизни. Укоры Филарета в адрес сибирских переселенцев по поводу несоблюдения постов, за то, что они «ели и пили с иноверцами, усваивали их обычаи, находились в связи с некрещеными женщинами, впадали в кровосмешение, насильно брали себе чужих жен, закладывали, продавали и перепродавали их друг другу, приезжая в Москву с казною, сманивали и увозили в Сибирь женщин и в оправдание своих безнравственных поступков показывали грамоту, будто данную им каким-то дьяком Андре», оставались не более чем словами. Сибирское духовенство снисходительно относилось к развратному поведению своей паствы, потому что и сами церковники нередко вели себя не лучше мирских людей.

Накануне своего восемнадцатилетия Алексей Михайлович задумал жениться. По старинному обычаю в начале 1647 г. были созваны около двухсот кандидатов, из числа которых отобрали шестерых и представили царю.

Алексею Михайловичу приглянулась Евфимия (в других источниках — Ефросинья) Федоровна Всеволожская, дочь касимовского помещика.

«Когда ей (имеется в виду Ефросинья Всеволожская. — В. К.) в первый раз одели царскую одежду, то женщины затянули ей волосы так крепко, что она, явившись перед царем, упала в обморок, — пишет Н. Костомаров. — Это приписали падучей болезни. Опала постигла отца невесты за то, что он, как обвинили его, скрыл болезнь дочери. Его сослали со всей семьей в Тюмень. Впоследствии он был возвращен в свое имение без права выезда куда бы то ни было».

Происшествие с избранной невестой сильно подействовало на молодого царя. Хорошо зная историю своих

предшественников, Алексей Михайлович все равно не смог избежать отчаяния. Несколько дней подряд он тосковал, не ел и не пил, а боярин Морозов старался отвлечь его от мрачных мыслей охотой.

Между тем народная молва приписала несчастный случай с Евфимией Всеволожской козням именно Морозова, в планы которого эта свадьба не входила. Он всеми силами старался отгородить молодого царя от тех, кто мог перейти ему дорогу в управлении государством и влиянии на Алексея Михайловича. С подачи Морозова из числа придворных исчезал любой, кто не был ему послушен. Одних посылали на службу в дальние воеводства, других в результате интриг отправляли в ссылку. Так, например, в ссылке оказался боярин Стрешнев, родной дядя Алексея Михайловича по матери; обвиненный в волшебстве, он был сослан в Вологду.

Морозов сам стал искать кандидатуру в царские невесты среди тех, кто беспрекословно подчинялся ему, кому он доверял. Таким человеком стал бедный и незнатный дворянин Илья Данилович Милославский. У него было две красивые дочери, на одной из которых Морозов задумал женить царя, а на второй жениться сам. В разговоре с Алексеем Михайловичем он все чаще стал говорить об этих девицах, а затем устроил так, что царь увидел дочерей Милославского на богослужении в Успенском соборе. Пока девушки молились, Алексей Михайлович рассмотрел их и распорядился пригласить в палаты к своим сестрам. Морозов исполнил распоряжение, и вскоре молодой царь одну из них — Марию — назвал своей невестой.

16 января 1648 г. Алексей Михайлович сочетался браком с Марией Ильиничной Милославской.

«Свадьба эта, сообразно набожным наклонностям царя, отличалась тем, что вместо игры на трубах и органах, вместо битья в накры (литавры), как это допускалось прежде на царских свадьбах, певчие дьяки рас-

певали стихи из праздников и триодий», — сообщают исторические документы.

«Брак этот был счастлив: Алексей Михайлович нежно любил свою жену, — говорит Н. Костомаров. — Когда впоследствии она была беременна, царь просил митрополита Никона молиться, чтобы жену «разнес Бог с ребеночком», и выражался в письме такими словами: «А какой грех станетца, и мне, ей-ей, пропасть с кручины; Бога ради, молю за нее».

26 января, спустя десять дней после царского венчания, боярин Морозов, несмотря на существенную разницу в возрасте, женился на сестре царицы Марии. (Первый раз Морозов женился в 1617 г., за двенадцать лет до появления на свет Алексея Михайловича. Неудивительно, что у этой брачной пары, по выражению англичанина Коллинза, жившего тогда в Москве, «вместо детей родилась ревность, которая познакомила молодую жену старого боярина с кожаной плетью толщиной в палец».)

Стараясь упрочить свое положение при дворе, Морозов начал выдвигать на ответственные должности родственников царицы, которые стали и его родственниками. Но вскоре оказалось, что он просчитался. Будучи небогатыми и незнатного происхождения, Милославские принялись брать непомерные взятки и воровать. Сам царский тесть, Илья Данилович Милославский, увидел в своем новом положении неплохую возможность для личного обогащения.

Но никто так не опротивел народу, как двое подручных Морозова, состоявших в родстве с Милославскими: Леонтий Плещеев и Петр Траханиотов. Первый из них заведовал Земским приказом, второй — Пушкарским. Плещеев взыскивал непомерную плату с тех, кто судился, Траханиотов обирал служилых людей, воруя их жалованья. Торговцы были озлоблены на Морозова за потакание иностранцам и за новые поборы.

«25 мая 1648 г. царь возвращался от Троицы, — сообщают исторические источники. — Толпа остановила его. Некоторые схватили за узду его коня. Поднялся крик, требовали, чтобы царь выслушал народ; жаловались на Плещеева, просили сменить его и назначить на его место другого. Мольбы сопровождались, по обычаю, замечаниями, что «иначе народ погибнет вконец». Молодой царь испугался такой неожиданности, не сердился, но ласково просил народ разойтись, обещал разведать все дело и учинить правый суд. Народ отвечал ему громкими изъявлениями благодарности и провожал желаниями многолетнего здоровья.

Может быть, дело бы этим и кончилось, но тут некоторые из подручников Морозова, благоприятелей Плещеева, бросились на толпу с ругательствами и начали кнутьями бить по головам тех, которые, как они заметили, выступали вперед к царю с жалобами.

Толпа пришла в неистовство и начала метать камнями. Приятели Плещеева бросились опроретью в Кремль. Народ с криком — за ними. Они едва успели пробраться во дворец. Стрельцы, стоявшие на карауле в Кремле, с трудом могли удержать толпу от вторжения во дворец.

Толпа все более и более разъярялась и кричала, чтобы ей выдали Плещеева на казнь.

Тогда попытался выйти на крыльцо всемогущий Морозов, но вид его только более озлобил народ. Его не слушали, не давали говорить и вопили: «Мы и тебя хотим взять!»

Морозов поспешно удалился во дворец.

Неистовая толпа бросилась на приступ дома Морозова, в котором оставалась его жена. Народ разломал ворота и двери и ворвался внутрь; все в нем было перебито, изломано, из сундуков вытаскивали золотые ткани, меха, жемчуг; все было поделено; срывали с икон богатые оклады и выбрасывали на площадь; один из

верных слуг Морозова осмелился сказать что-то противное народу; он был немедленно выброшен за окно и зашибся до смерти. Боярыню Морозову не тронули, но сказали ей: «Если бы ты не была сестра царицы, то мы бы тебя изрубили на куски!» Ограбивши дом, москвичи ограбили все боярские службы, разбили богатую карету, окованную серебром, подаренную царем на свадьбу Морозову, добрались и до погребов, где стояли бочки с медом и винами, разбили их, разлили, так что по колена ходили в вине, и перепились до того, что многие тут же умерли.

Расправившись с домом Морозова, толпа бросилась на дворы разных его благоприятелей, разнесла дом Плещеева и Траханиотова, которых, однако, не нашли. Ограблены были также дворы бояр князей Одоевского, Львова и др. Досталось и думному дьякону Назару Чистову: народ злился на него за прежнюю, уже отмененную, соляную пошлину. Незадолго перед тем он расшибся, упав с лошади, и лежал больной; услышавши, что народ ломится к нему на двор, он заполз под кучу веников и приказал слуге наложить еще сверху свиных окороков; но слуга, захвативши в доме несколько сот червонцев, выдал его народу, а сам бежал. Народ вытащил Чистова из-под веников и заколотил палками до смерти.

Кремль между тем затворили, а народ, учинивший свою расправу, опять бросился к Кремлю требовать выдачи своих лиходеев. Царь выслал к мятежникам своего двоюродного дядю Никиту Романова, которого народ любил; но на все его увещания толпа твердила одно: выдать на казнь Морозова, Плещеева и Траханиотова. Романов обещал доложить об этом царю, но заметил народу, что Морозова и Траханиотова нет в Кремле. Тогда во дворце решили пожертвовать Плещеевым и вывели его из Кремля в сопровождении палача. Народ не дал палачу исполнить казни, вырвал

у него из рук Плещеева и заколотил палками до смерти. Его голова была разбита, так что мозг брызнул некоторым в лицо. «Вот как угощают плутов и воров!» — кричал народ.

На другой день толпа снова бросилась к Кремлю требовать Морозова и Траханиотова. Морозов хотел было перед тем спастись бегством, ускользнуть из Кремля, но его узнали ямщики, и он едва успел уйти от них и пробраться обратно в Кремль. Царь, чтобы спасти Морозова, решил пожертвовать Траханиотовым. Его в Кремле действительно не было. Царь выслал князя Пожарского к народу с приказом отыскать Траханиотова и казнить. Траханиотов между тем успел уже уйти из Москвы и был схвачен близ Троицы. По царскому приказанию в угодность народу его водили с колодкой на шее по городу, а потом отрубили ему голову».

Своего любимца Морозова царь спас, сослав в дальний монастырь. После него самым влиятельным лицом при Алексее Михайловиче стал боярин Н. Одоевский, под руководством которого комиссии было поручено упорядочить русские законы. Так в октябре 1649 г. появилось на свет Соборное Уложение.

1669 г. выдался несчастливый для царской семьи. 2 марта после тяжелых родов умерла Марья Ильинична. Она родила девочку, которая умерла через два дня после рождения. Всего же царица подарила Алексею Михайловичу тринадцать детей — восемь девочек и пять мальчиков (их пяти выжило двое). За добрый и отзывчивый характер Марья Ильинична сыскала у современников любовь и почтение.

Спустя три месяца после смерти царицы семью постигла новая беда: умер царевич Симеон, а через несколько месяцев — царевич Алексей. Царь, нуждаясь в понимании и утешении, еще больше сблизился в это время с Артамоном Матвеевым. Этот человек был од-

ним из тех немногих русских людей, которые сознавали пользу просвещения, любили читать и ценили искусство. Возглавляя Посольский приказ, Матвеев превратил его в подобие учебного заведения. Под его руководством там переводились и издавались книги: «Василиологион» — история древних царей; «Музы или семь свободных наук»; «Государственная большая книга» — изложение русской истории с приложением портретов государей и патриархов.

Любознательный по натуре, Матвеев много общался с иностранцами, был знаком с нравами и обычаями многих народов и находил их превосходство над русскими. Этому знакомству способствовало и то обстоятельство, что сам он был женат на шотландке Гамильтон, принявшей при православном крещении имя Авдотьи Григорьевны. По жене он находился в родстве с Нарышкиными, представителями старинного рода рязанских дворян, происходивших от крымского выходца. В XVII в. Нарышкины были наделены поместьями в Тарусе. Один из Нарышкиных, Федор Полуектович, был женат на племяннице жены Матвеева, тоже из рода Гамильтон, названной в крещении Авдотьей Петровной. Брат Федора, Кирилл Полуектович, стрелецкий голова, позже пожалованный в стольники, был женат на Анне Леонтьевне Леоновой. Кроме сыновей, у них была дочь Наталья, которая с одиннадцати лет воспитывалась в доме Матвеева.

В конце 1669 г. царь Алексей Михайлович решил жениться во второй раз. По устоявшемуся обычаю в Москву стали свозить девушек для смотра. Однажды, в начале февраля 1670 г., царь увидел в доме Матвеева Наталью Нарышкину. Девушка понравилась царю, но он продолжал смотреть, надеясь найти еще более красивую избранницу.

Соперницей Натальи Нарышкиной стала Авдотья Беляева. Она была отобрана из числа многочисленных

кандидаток, и царь два месяца колебался в выборе между двумя красавицами.

Не столько против Нарышкиной, сколько против Матвеева начались козни. Придворные боялись, что брак царя с Нарышкиной сделает Матвеева, который и без того пользовался благосклонностью Алексея Михайловича, поистине всемогущим человеком.

Царю подбросили письма, компрометирующие Матвеева. Подозрение в их составлении пало на Шихарева, дядю Беляевой. В его доме провели обыск, но ничего не нашли, кроме травы зверобоя. И хотя Шихарев клятвенно уверял, что лечится этой травой, его подвергли пытке. В те времена трав боялись, с ними связывали разные суеверия.

Выбор Алексея Михайловича остановился на Наталье Нарышкиной, но свадьба была отложена по той причине, что царю было сорок лет, он имел дочерей одного возраста с Натальей. Кроме того, тетки царя, пожилые девы и богомольные хранительницы старины, не терпели Матвеева и его родню за связь с иностранцами и склонность к иноземным обычаям.

Эти и другие причины могли затянуть брак, но не могли поколебать решения царя. 23 января 1671 г. Алексей Михайлович женился на 20-летней Наталье Кирилловне Нарышкиной. Опасения ревнителей старины оказались не напрасны: царь полностью подчинился влиянию Матвеева и молодой жены. Он называл Матвеева не иначе, как другом, и писал ему письма такого содержания: «Приезжай скорей, дети мои и я без тебя осиротели. За детьми присмотреть некому, а мне посоветоваться без тебя не с кем».

Матвеев вел себя благоразумнее прежних фаворитов. Хотя официально он управлял Посольским и Малороссийским приказами, однако носил звание только думного дворянина. По желанию царя он построил себе огромные палаты у Никиты на Столпах и по собствен-

ному вкусу украсил их на европейский манер: на стенах висели картины известных мастеров, покои были заставлены европейской мебелью. Даже в домовой моделине иконостас был сделан по итальянскому образцу. Матвеев никогда не держал взаперти «под домашним арестом» ни своей жены, ни своих родственниц и воспитанниц. В его доме звучала музыка и был устроен домашний театр, в котором играли немцы и дворовые люди.

30 мая 1672 г. родился царевич Петр, будущий российский император и великий царь-преобразователь. В ознаменование этого радостного события Матвееву и отцу Натальи царь пожаловал звания окольничих. Сама же царица Наталья получила еще большую власть над супругом. Вопреки прежним старым обычаям она позволяла себе ездить в открытой карете и показывалась народу. *Ревнителю старины видели в этом приближение Антихриста.*

Алексей Михайлович и сам переменялся до неузнаваемости. Он не был похож на того царя, каким был сам еще десять лет назад. Под влиянием Матвеева и жены он завел у себя театр и пригласил в Москву странствующую немецкую труппу Йогана Готфрида Григори. В Преображенском селе была устроена «комедийная хоромина», а в кремлевском дворце царя — «комедийная палата».

1 сентября 1674 г. в Успенском соборе царь перед народом объявил своим наследником царевича Федора. Алексей Михайлович не был стар и имел хорошее здоровье. Лишь чрезмерная тучность расстраивала его организм и подготавливала к преждевременной смерти.

В январе 1676 г. он внезапно почувствовал упадок сил. 28 января царь благословил на царство сына Федора, а царевича Петра поручил заботам деда, Кирилла Нарышкина, князя Петра Прозоровского, Федора

Головина и Гаврилы Головкина. Затем по давно установленному обычаю он приказал выпустить из тюрем всех узников, вернуть из ссылок всех ссыльных, простить все казенные долги и заплатить за тех, кто сидел за частные долги, причастился Св. Тайн и стал ожидать кончины.

На следующий день, 29 января 1676 года, в девять часов вечера три колокольных удара на Успенском соборе возвестили народу о кончине царя Алексея Михайловича, прозванного «Тишайшим».

Федору Алексеевичу исполнилось лишь 14 лет. По тому времени он получил хорошее образование. Семейным учителем и воспитателем его и сестры Софьи был знаменитый ученый, писатель и оратор Симеон Полоцкий. Он преподавал царским детям латинский язык, богословие, риторику и пиитику. Под влиянием учителя Федор увлекся стихосложением и даже переложил на стихи некоторые псалмы.

Совсем еще юного царя женили на дочери мелкого дворянина Агафье Семеновне Грушецкой. Брак длился недолго, в 1681 г. царица умерла вместе с младенцем-сыном. Вскоре Федор женился на 14-летней Марфе Апраксиной, крестнице А. Матвеева. (Братья Марфы, Федор и Петр Апраксины, впоследствии стали сподвижниками Петра Великого.)

В новом браке Федор прожил всего лишь два с половиной месяца. Он скоропостижно скончался 27 апреля 1682 г. По версии одного из современных исследователей А. Богданова, вполне вероятно, что царя отравили.

В тот же день патриарх Иоаким в обход 16-летнего Ивана объявил новым царем 10-летнего Петра, который отличался от сводного брата крепким здоровьем и живым умом. Петру принесли присягу придворные, приказные служащие, военный гарнизон и москвичи. В столицу возвратили Нарышкиных и А. Матвеева, сосланных при Федоре.

Но тут в дело престолонаследия вмешалась властолюбивая дочь Алексея Михайловича царевна Софья. Она использовала волнение среди стрельцов, чтобы вырвать власть из рук Нарышкиных. По Москве был пущен слух о том, что Нарышкины отравили царевича Ивана.

Вооруженные стрельцы ворвались в Кремль. К ним вышла царица Наталья с Петром и Иваном. Убедившись, что наследники живы, стрельцы под влиянием вожakov убили двух братьев царицы, а также Матвеева, Долгорукова, Ромодановского и других бояр. Они потребовали, чтобы правили оба брата — Иван и Петр. Царями объявили Ивана и Петра, а правительницей при них стала царевна Софья (1682—1689).

РЕФОРМАТОР-БЛУДОДЕЙ

25 июня Иван и Петр были венчаны на царство. Правление Софьи началось с подавления стрелецких волнений. Был казнен князь Хованский, начальник Стрелецкого приказа. Новым начальником Стрелецкого приказа стал преданный Софье дьяк Шакловитый.

Петр в это время жил с матерью в селах Воробьево, Коломенском, Преображенском и только изредка приезжал в Кремль для участия в придворных церемониях и приема иностранных послов. Фаворитом царевны был князь Василий Голицын, один из образованнейших людей своего времени, возглавлявший Посольский приказ. Но его положение, как и положение всего правительства Софьи, покачнулось после двух неудачных крымских походов.

В январе 1689 г. Наталья Кирилловна женила 17-летнего Петра на Евдокии, дочери окольничего Федора Лопухина. Это означало не только совершеннолетие царевича, но и приближение решительной схватки за власть, которую Софья не собиралась уступать. За семь лет она так привыкла к ней, что приказала в указах и грамотах ставить свое имя рядом с именами царевичей, приняла титул Самодержицы, чтобы стать постоянной соправительницей братьев.

План дворцового переворота разработал князь Борис Голицын, родственник Софьиного фаворита В. Голицына. 7 августа 1689 г. в Кремле распространили слух о том, что с целью убийства Ивана Софью и ее единоутробных сестер «потешные» намереваются вывезти из села Преображенского.

По приказу Софьи в Кремль были введены стрельцы, ворота на ночь заперли. В сторону Преображенского направились конные разъезды. Одновременно с этим к Петру явились подкупленные стрельцы и сообщили, что Софья собирает полки с целью убить молодого царя.

Петр оставил мать и беременную жену, ускакал и спрятался в Троице-Сергиевой лавре. К нему стали подтягиваться его сторонники — верные служилые люди и патриарх. Вскоре Петр потребовал выдачи Ф. Шакловитого, начальника Стрелецкого приказа.

Софья поняла, что проиграла. После казни Шакловитого и ссылки фаворита Голицына царевну заточили в Новодевичий монастырь. Новый стрелецкий бунт ускорило развитие событий, и бывшая соправительница была пострижена в монахини под именем Сусанны. До самой смерти (3 июля 1704 г.) Софья находилась в монастыре под строгим надзором.

Наступила пора почти десятилетнего правления царицы Натальи и ее родственников, которое, по словам современников, было «весьма непорядочное и недовольное народу и обидное». До 1696 г. царский титул формально сохранялся за царем Иваном. Он не участвовал в управлении страной и принимал участие лишь в официальных церемониях. Самостоятельное правление Петра начинается после Азовских походов (1695—1696) и Великого посольства (1697—1698).

Петр был баловнем в царской семье. Ему не исполнилось и четырех лет, когда умер отец. Крестным отцом будущего императора был сводный брат Федор, который тоже очень любил младшего брата. Он же выбрал ему учителя — дьяка Никиту Зотова. Тот учил царевича азбуке, чтению и письму.

События 1682 г. прервали систематическое образование, а кровавая расправа над близкими родственниками стала причиной нервного расстройства: на всю

жизнь у него остались конвульсивные движения головы и лица.

Военное дело, инженерное и артиллерийское искусство Петр осваивал в Немецкой слободе. Голландец Циммерман учил его арифметике, геометрии и фортификации; другой голландец, Брант, обучал плаванию под парусами. В Немецкой слободе Петр сблизился с генералом Гордоном, шотландцем на русской службе, и швейцарцем Лефортом. Там он пристрастился к шумным пирам и разгулу, научился курить трубку, что при его отце строго преследовалось. В Голландии, Англии, Бранденбурге и других странах Западной Европы Петр производил неизгладимое впечатление на своих собеседников.

«Он очень хорош и весьма дурен; прекрасная натура, но дурно воспитана», — удивлялись его уму и живости и поражались его невоспитанности жена и теща курфюрста Фридриха III.

Отдыхом для Петра служили многочисленные пьянки и развлечения, которые назывались «бахусовыми пирами», «побоищами с Ивашкой Хмельницким» и на которых нередко устраивался настоящий разгул разврата. Был даже учрежден «Сумасброднейший, всешутейший и всепьянейший Собор» во главе с учителем Петра, «князь-папой» Никитой Зотовым. На этих гулянках Петр был самым главным участником, заставлял гостей пить до потери сознания, внимательно выслушивал их пьяную болтовню.

Нет никакой тайны в том, что Петр I был если не самым, то одним из самых любвеобильных монархов в истории Европы. Для него не имела особого значения внешняя красота, привлекательность девушки или женщины. Многочисленные любовницы не только из числа представительниц русской знати, но и иностранок из Немецкой слободы окружали этого человека с юности до самой смерти. До сих пор в народе ходят

невероятные и просто фантастические небылицы о страстной ненасытной натуре и физических данных первого российского императора.

Однако обо всем по порядку. Несмотря на чрезмерное пристрастие к женскому полу, семейная жизнь Петра была не очень счастливой. Близко прикоснувшись с западноевропейскими обычаями и нравами, после возвращения из первого заграничного путешествия в сентябре 1698 г. царь приказал отправить царицу Евдокию в Суздальский Покровский монастырь, где вскоре ее постригли в монахини под именем Елены. (До конца дней Евдокия оставалась в монастыре и умерла 27 августа 1731 г., на 6 лет пережив своего царственного мужа.) Сына Алексея, которому исполнилось восемь лет, он поручил сначала заботам сестры Натальи, а затем — своего неизменного спутника, ближайшего и преданнейшего фаворита Александра Меншикова. Но воспитатели не усмотрели за молодым царевичем, который вскоре оказался в лагере противников Петра.

В 1703 г. в доме своего фаворита царь увидел женщину, которая сумела пленить его с первого взгляда. Этой женщиной была Марта Скавронская, ставшая в крещении Екатериной Алексеевной (ее крестным отцом был царевич Алексей). Я не стану пересказывать ее жизненный путь и подробности встречи с Петром, потому что довольно подробно писала об этом в своей книге «Серые кардиналы Кремля». Скажу лишь, что современники не находили Екатерину красавицей.

«Лицо у ней простое и грубое», — заметил французский посол при царском дворе Кампредон.

«Он ли не балагурил прежде с приближенными о своих интрижках? Отчего же о Марте он ни слова? Значит не мимолетна была тень задумчивости, упавшая на лицо его на памятном ужине у Меншикова?» — задавался вопросами в своем дневнике Ф. Вильбоа, современник Петра и приближенный к нему человек.

Можно долго гадать о том, какие же чувства питал Петр к новой возлюбленной. Только факты — а они, как всем известно, вещь упрямая — говорят о прочной связи Петра с Екатериной. Царь настолько был привязан к ней, что перед Прутским походом объявил Екатерину своей женой, а в феврале 1712 г. обвенчался с ней и сделал законной женой (что по понятиям православной церкви являлось невиданным кощунством: ведь крестным отцом Марты Скавронской был царевич Алексей).

(Екатерина рожала Петру одних девочек. Первая дочь, Екатерина, умерла в младенчестве. В январе 1708 г. на свет появилась Анна. Выданная замуж за Карла-Фридриха, герцога Шлезвиг-Голштейн-Готторпского, она умерла в 20-летнем возрасте. Сын от этого брака стал впоследствии императором Петром III, супругом Екатерины Великой.)

В 1709 г. после Полтавской битвы Россия стала сильной европейской державой, с которой вынуждены были считаться. В конце того же года царь отправил сына в Дрезден для завершения образования и женитьбы на одной из иностранных принцесс.

В европейской политике кровное родство имело большое значение, поэтому брачные союзы между представителями коронованных фамилий являлись одной из главных целей дипломатии. В этой сфере российской политики Петр тоже стал преобразователем и покончил с кровной изоляцией дома Романовых. В октябре 1711 г. в саксонском городе Торгау царевич Алексей сочетался браком с принцессой Софией Шарлоттой Кристиной Брауншвейг-Вольфенбиттельской. (Родная сестра принцессы Софии была замужем за австрийским эрцгерцогом Карлом, ставшим в конце того же года германским императором.)

В 1714 г. у Софии-Шарлотты и царевича Алексея родилась дочь Наталия, а 13 октября 1715 г. на свет

появился сын, которого называли Петром. Роды оказались тяжелыми, и принцесса София-Шарлотта вскоре умерла.

«Легенда о том, что она не умерла, а скрылась под именем графини Кенигсмарк и что после ее видели в Луизиане и на Ильде-Франс, где она будто бы вышла замуж за простого сержанта — относится к области фантазий даже автором, который счел нужным упомянуть об этих романтических подробностях, найденных в бумагах Дюкло, — писал В. Андреев. — Иными ее преждевременная смерть приписывалась распущенности нрава и жестокости несчастного царевича Алексея. Малютки-дети ее остались круглыми сиротами на попечении приставленной к ним матерью гувернантки немки Роо. Императрица Екатерина, любившая мать сирот, пеклась теперь о них и даже торжественно праздновала день рождения маленького Петра, между тем как дед его обыкновенно проводил тот же день в Шлиссельбурге, празднуя совпадавшую с днем рождения великого князя годовщину одной из своих побед».

В том же году Екатерина родила, наконец, Петру сына. (Перед тем будущая императрица родила еще двух девочек, Наталию и Маргариту, которые умерли в младенчестве. Впоследствии на свет появились еще трое детей: два мальчика и девочка — Павел, Наталия и Петр, которых постигла горькая участь многочисленного потомства Екатерины Алексеевны от Петра.)

Царь потребовал от сына отречься от прав на престол и заставил дать согласие на пострижение в монахи. Царевич Алексей дал согласие, но потом бежал за границу и укрылся во владениях своего тестя Карла VI.

В Германию Петр отправил своих ближайших помощников П. Толстого и А. Румянцева, которые уговорили царевича вернуться в Россию и просить у отца прощения. Однако по возвращении домой царевич Алексей не получил никакого прощения. Его заперли

в каземате и под пыткой заставили назвать имена тех, кто был с ним в сговоре, хотел посадить Алексея на престол и вернуть старые порядки.

Суд из высших сановников приговорил царевича Алексея, как государственного преступника, к смертной казни. 26 июня 1718 г. приговор был приведен в исполнение в застенках Петропавловской крепости. (Авторитетный исследователь российской истории Е. Анисимов писал: «Как умер царевич Алексей, мы, вероятно, не узнаем никогда». В своей книге «Время Петровских реформ» он приводит интересный документ — копию письма гвардии капитана А. Румянцева к некоему Д. Титову, в котором утверждается, что по личному приказу Петра царевича Алексея убили Бутурлин, Ушаков и ездившие за ним в Германию Толстой и Румянцев.)

«Екатерина была подходящим Петру человеком, — писал С. Платонов. — Она скорее сердцем, чем умом, понимала взгляды, вкусы и желания Петра, откликнулась на все, что интересовало мужа, и с замечательной энергией умела быть везде, где был муж, переносить все то, что переносил он. Она создала Петру не знакомый ему ранее семейный очаг».

Зная любвеобильный характер Петра, его темперамент и вкус, Екатерина сама отбирала и приводила мужа в спальню девушек и женщин.

«Незаконные потомки Петра равнялись по числу потомкам Людовика XIV», — писал польский историк К. Валишевский.

Петр действительно не обращал особого внимания на внешние данные своих избранниц. Его любовницами были свояченица Меншикова горбунья Варвара Арсеньева, дочь князя Дмитрия Кантемира — Мария. Еще одна Мария — Румянцева — к моменту смерти Петра была беременна. (В том же 1725 г. родился сын, которого называли Петром и который впоследствии стал знаме-

нитым полководцем, фельдмаршалом Румянцевым-Задунайским.)

Трагична судьба еще одной возлюбленной Петра — красавицы Марии Гамильтон, внучки Артамона Матвеева, фаворита Алексея Михайловича. Ее история интересна тем, что иллюстрирует не только придворные нравы при Петре, но и вообще русские нравы начала XVII в.

«Гемильтон или Гамильтон принадлежит к клану древнейших и именитейших родов датских и шотландских, разделенных на множество ветвей, — писал В. Семеvский. — Мы не станем перечислять знаменитых представителей и представительниц этой фамилии, но заметим, что хроники Гамильтонов богаты самыми разнообразными деяниями на поприщах политическом, литературном, придворном, в областях искусства, живописи, музыки...

Вслед за таким генеалогическим вступлением можно подумать, что фрейлина Гамильтон, героиня настоящего рассказа, в высшей степени замечательное лицо, что жизнь ее полна романтическими деяниями. Нет, «девка Марья Гаментова», как названа Гамильтон в современных ей застеночных документах и в пыточных допросах, личность интересная, но в другом роде, в других нравах...

Мы были бы не правы, если бы... стали утверждать, что любовная страсть, любовные интриги, блуд, даже разврат до Петра I не были ни в обычаях, ни в примерах нашего отечества. Напротив, можно привести бесчисленное множество свидетельств из иностранных писателей и отечественных документов о том, что любострастие, блуд, разврат имели громадные размеры в допетровской Руси...

Иностранцы... самыми мрачными красками изображают нравственный характер русской женщины XVII в. Правдивый Корб прямо говорит в дневнике 1699 г., что

прелюбодеяние, любострастие и другие пороки превышают в России всякую меру: «Не напрасно спорят после этого о русских нравах: больше ли в них невежества или невоздержания и непотребства. Сомневаюсь, существует ли даже в законах наказание за подобные преступления. По крайней мере мне известно, что когда одного капитана осудили на отсечение головы за преступную связь с восьмилетней дочерью, начальник укорял его такими словами: «Разве ты не мог удовлетворить своей страсти сношением с иной женщиной, когда можешь иметь столько распутных женщин, сколько у тебя кошек?»

...В самом деле, если говорить о любострастии, то эта тема с петровского времени получила еще большее развитие. Нравственного очищения не последовало. Разврат только сделался утонченнее, но едва ли не пошлее. Суровый монарх, грозный ко всем преступлениям и проступкам, уступая духу времени и свойствам собственного темперамента, был очень снисходителен к прелюбодеянию. Петр Васильевич Кикин, нещадно сеченный кнутом за растление малолетних, спустя некоторое время, в 1704 г., по воле монарха ведал всеми рыбными промыслами и мельницами России.

Этот случай достаточно ярко показывает, как человек смотрел великий Преобразователь России на плотское согрешение. Кроме духа времени, этому воззрению способствовали собственные склонности монарха. Всем известно, что телесная крепость и горячая кровь делали его любострастным. Может быть, что заграничные путешествия еще более развили в нем этот, если не порок, то недостаток...

Пример Петра не мог не действовать на его окружающих, в особенности на людей, более или менее сочувствовавших его реформам. Пример в слабостях еще более заразителен: недаром царевич Алексей, задумав обвенчаться с крепостной девицей Ефросиньей Федо-

ровой, говорил: «Ведайте, что я на ней женюсь. Ведь и батюшка мой таково учинил». Недаром генерал-прокурор, государево око, Павел Иванович Ягужинский и некоторые другие по произволу и капризу развелись с женами и вступили в брак с другими. Очень хорошо зная любострастные деяния своего повелителя, и денщик Орлов смелее действовал в своих любовных шашнях с забытой красавицей (имеется в виду Мария Гамильтон после разрыва с Петром. — В. К.).

Если тесные комнатки летнего, зимнего и других домов государевых, в которых помещалась придворная прислуга, были не всегда удобны для свиданий любовников, то громадный сад (ныне Летний, а также сад у Инженерного замка) со своими гротами, островками на прудах, беседками, рощами и аллеями представлял прекрасное место в летние месяцы для интимных бесед Орлова с Гамильтон. Денщик и фрейлина, лакей и горничная — им хорошо было известно, когда, не опасаясь городского надзора, можно было всласть наговориться и нацеловаться.

Нечего и говорить, что подобных нежных любовников было очень и очень много. Не все были так счастливы из падших красавиц, что падение их не имело особых последствий: многие становились матерями; некоторые, подобно Гамильтон, вытравливали детей лекарствами; некоторые решались умерщвлять плод любви.

15 декабря 1717 г. государь, расписав во все коллегии президентов, поспешил в Москву, чтоб все приготовить для приема первенца-сына (его, как мы помним, уговорили вернуться в Россию и покаяться перед отцом. — В. К.). За ним поскакали его приближенные, его денщики (между ними Иван Орлов). На другой день со своей свитой и фрейлинами (между ними была Гамильтон) выехала из Петербурга Екатерина Алексеевна. 23 декабря державные супруги были в Белокаменной.

Петр, если верить его поденным запискам, по приезде в Москву занялся гражданскими делами. Эти гражданские дела состояли в следствии и суде над сыном, первой женой, сестрами, десятками вельмож, именитых духовных, именитых женщин и проч...

Оговаривалось людей все больше и больше! От друзей царевича Алексея уже очередь доходит до собственных друзей и наперсников царя: князь Яков Федорович Долгорукий, граф Борис Петрович Шереметьев, князя Дмитрий Михайлович и Михаил Михайлович Голицыны, Баур, Стефан Яворский, Иов Новгородский, митрополит Киевский, епископы: Ростовский, Крутицкий, даже князь Ромодановский, Стрешнев, сам Меншиков подвергаются подозрению!

Все были встревожены, каждый опасался за себя. Ежедневные розыски, доносы сделали чутье у сыщиков необыкновенно тонким. Положение Гамильтон делалось невыносимо. При пытливом надзоре за всеми и каждым ее преступление, хотя и не политическое, не могло остаться втайне.

Из подлинного дела «О девке Гаментовой» явствует, что, увлекаемая ревностью, Мария Даниловна решилась погубить свою соперницу (генерал-майоршу Чернышеву) сплетней, одной из придворных интриг, которые так часто удавались другим. Она повела дело с того, что вздумала напугать Орлова и тем отвести от Чернышевой. Когда Орлов зашел утром пить кофе, Мария Даниловна под видом строжайшего секрета сказала ему: «Сказывала мне сама государыня-царица о том, что один денщик говорил с Авдотьей (Чернышевой) о ней, о царице: кушает де она воск, от того у нее на лице угри!» В это время неосторожная камер-фрейлина, всеми силами желавшая выкопать яму своей сопернице генеральше, стала рассказывать другим, что о страсти цариценой есть воск и происходящих от того на лице ее угрях ей говорили Орлов и Авдотья Чернышева...

С неудачного (может быть и справедливого) сказания о воске и угрях разрягается над Гамильтон грозная туча. Нет сомнения, что камер-фрейлина тогда же была посажена в тюрьму. Деятельный монарх, занятый московским и суздальским розысками по делу первенца сына, не имел времени обратиться к рассмотрению дела своей бывшей любовницы.

Между тем допросы и пытки в Петропавловской крепости продолжались. Мария Гамильтон призналась, что находилась в длительной интимной связи с Иваном Орловым и трижды была беременная от него. Во всех подробностях она рассказала о том, что двоих детей вытравила лекарствами, которые брала у царского лекаря, а третьего ребенка придавила. Признавая себя виновной в этих преступлениях, Мария Гамильтон не возвела на Ивана Орлова ни слова поклепа.

Насколько молчалива была Гамильтон, настолько говорлив был ее оробевший любовник. В день второй пытки камер-фрейлины он написал длинное письмо, которое, за неимением существенных фактов, наполнил обстоятельным рассказом о том, как и где в Голландии он был пьян, как бранился с Марией, называл ее бл...; как по приказу Питера писал ей извинительные грамотки; как, вновь напившись, величал ее к ё... и бил! Писал Орлов и о щупаньи живота Марии в Ревеле, приводил свои пытливые расспросы о тугости живота и ее уклончивые ответы. Затем дал подробный отчет о сплетнях денщиков и баб при дворе после возвращения в С. Петербург о беременности Марии и о судьбе ребенка. В заключение письма Орлов говорил о необходимости, «чтоб у Марьи спросить при других про Александра подьячего, про Семена Маврина, потому что они с ней жили так же, как и он».

Что было причиной строгости царя относительно женщины, которая пыткой и годовым самым ужасным заключением, причем четыремя месяцами в кандалах,

была достаточно наказана?.. Не было ли другого обстоятельства, которое вызывало со стороны царя Петра строжайшее наказание камер-фрейлины Гамильтон?

Мы не беремся решать, кто был отцом задушенного дитяти: Петр Алексеевич или Иван Орлов. Но едва ли может быть сомнение в том, что ревность, досада на неверность Гамильтон немало усугубили строгость к ней великого монарха.

Мария Даниловна до последнего мгновения ждала прощения. Догадываясь, что государь будет при казни, она оделась в белое шелковое платье с черными лентами в надежде, что красота ее, хоть и поблекшая от пыток и заточения, произведет впечатление на монарха.

Впрочем, государь был ласков по крайней мере в том, что не осыпал ее упреками, насмешками, бранью, чем сплошь и рядом сопровождалась прочие казни в его высочайшем присутствии.

Трепетала от ужаса камер-фрейлина, молила о пощаде. Петр простился с ней, поцеловал и сказал: «Без нарушения божественных и государственных законов не могу я спасти тебя от смерти. Итак, прими казнь и верь, что Бог простит тебя в грехах твоих, помолись только ему с раскаяньем и верою».

Она упала на колени с жаркой мольбой. Государь что-то шепнул на ухо палачу. Присутствовавшие думали, что он изрек все милостивейшее прощение. Но они ошиблись. Царь отвернулся, сверкнул топор и голова скатилась на помост. Он исполнил данное прежде обещание: тело красавицы не было осквернено прикосновением рук палача.

Великий Петр, как рассказывают иностранцы, поднял голову и почтил ее поцелуем. Так как он считал себя сведущим в анатомии, то счел своим долгом показать и объяснить присутствующим различные части в голове; поцеловал ее в другой раз, затем бросил на землю, перекрестился и уехал с места казни.

...Петр приказал конфисковать и сохранить самое драгоценное, что имела Мария Даниловна: ее красивую голову».

Несколько раз уже Петр собирался короновать Екатерину императрицей с тем, чтобы в случае необходимости именно ей передать престол. Однако разные обстоятельства каждый раз заставляли его откладывать это дело. Наконец 15 ноября 1723 г. появился манифест. От имени императора Петра он извещал: «Следуя примеру императоров Василия, Юстиниана и Гераклия, намерен венчать свою супругу императрицею».

Торжественную коронацию предполагали отпраздновать зимой 1723—1724 гг., но вдруг пришлось продлить срок приготовлений, и коронация была совершена лишь 26 мая 1724 г.

«По случаю отпразднованного перед тем с великолепием Екатерининного дня императрице было прислано между прочим и послание в стихах от немцев, жителей Нарвы, — писал В. Андреев. — Самый существенный стих в этой эпистоле можно передать по-русски словами: «Ах, если б мы могли сказать ей это в церкви»... У немцев в Нарве не было своей церкви: им предлагали в русском городе ходить в русскую церковь, и немцы, всегда практичные, даже в излишней преданности властям, делали тут тонкий намек, что недурно было бы, если бы им позволено было устроить свою церковь. Вообще самодержавной воли Петра было достаточно, чтобы вызвать излишнюю преданность императрице, но кто ручался, что эти излишния были искренними? Петр имел в виду будущее. Как скоро он умер бы, теперешние льстецы могли первые отвернуться от императрицы-иностранки простого звания и происхождения. Как скоро бы железные поводья, в которые Петр затянул все в России, ослабили, — где была гарантия, даже после венчания Екатерины, что воля его видеть ее преемницей будет исполнена? Вот

почему сам Петр находил, что примера императоров, коронованных императрицами Зиновию, Лупицию и Марию, было недостаточно; что было недостаточно даже его самодержавной власти, чтобы утвердить Екатерину на готовившемся ей престоле. И вот Петр прибегал к той же тактике, которую употребил при оглашении своего брака с Екатериной. При главных сановниках государства он говорил, что заслуга Екатерины перед страной велика, что она разделяет с ним его труды, отправляясь даже в походы, и что, наконец, женщина, спасающая государство в 1711 г., достойна править этим государством. Петру нужен был аргумент, который действовал бы на патриотизм подданных, и это спасение было опять пущено в дело.

Между тем приготовления к коронации шли своим чередом. Во Франции делали для императрицы порфиру, и хотя Вебер говорит, что она стоила лишь 4 тыс. рублей, но ее осыпали таким количеством золотых двуглавых орлов, что вместе с короной, весившей четыре с половиной фунта, императрице предстояло, в теплый весенний день, нести на себе тяжесть в 150 фунтов (61,5 кг). Как ни крепко сложена была Екатерина — мы знаем, что она вытянутой рукой поднимала маршальский жезл Петра на свадьбе Головкина — а этого жезла не поднять было таким же образом денщику Петра, молодому Бутурлину, и точно также не мог поднять его и австрийский посланник граф Кинский — как физически ни сильна была Екатерина, но и она не раз во время процессии должна была останавливаться под этой тяжестью символов величия. Впрочем, три дня, проведенные ею перед коронацией в посте и молитве, также могли иметь влияние на то, что Екатерина была слабее в день коронации, чем обычно.

К коронации был учрежден отряд лейб-гвардии императрицы, положивший начало кавалергардскому пол-

ку. Сначала в этом отряде было лишь 60 всадников — все офицеры. Командиром над ними был назначен расторопный и молодец собою, «глаз» Петра, генерал-прокурор Павел Ягужинский. Лошадей для отряда, конечно, образцовых, велено было представить иностранным и русским купцам.

Одновременно с отрядом из 60 кавалергардов был устроен штат из 60 придворных дам для императрицы. Во время коронации архиепископ Новгородский подал Екатерине державу; скипетр все время держал сам Петр. Он же сам надел корону на венчавшуюся. Эта корона, весившая 4,5 фунта и стоившая 1,5 млн. руб., была сделана к торжеству русским мастером. Главным ее украшением был огромный — в палец длиною — рубин Меншикова. Некоторые жемчужины в ней стоили каждая по 2 тыс. руб. Когда Петр надевал корону на Екатерину, та со слезами благодарности на глазах хотела нагнуться, чтобы рукою обнять его колени, но Петр не позволил ей этого сделать.

Прошло несколько месяцев после этого — и какая перемена в отношениях супругов! Петр в гневе на Екатерину. Над ее канцелярией назначена ревизия, доходы ее прекратились, так что она должна была занять у своих фрейлин. Петр собственноручно разрывает акт, которым назначил ее наследницей престола.

Откуда такая перемена? Уже то, что Петр искренно был привязан к Екатерине, дает понять, что удар по его самолюбию был очень силен, раз уж дело дошло до таких мер».

Екатерина не только поставляла супругу «метре-сишек» и не уступала ему на пирах. Она преподнесла Петру «сюрприз», которого тот не ожидал, но который был вполне закономерен при их если не развратном, то по крайней мере вольном образе жизни. Он вдруг узнал, что Екатерина изменяет ему, что у нее была связь с камергером Виллимом Монсом, братом быв-

шей царской фаворитки Анны Монс. В расчет не входило то, что сам Петр познакомился с Анной еще в начале 90-х годов в Немецкой слободе и имел с ней интимную связь.

К моменту коронации Екатерине исполнилось 38 лет. Она не была ни аристократкой, ни красавицей, как Мария Гамильтон. Сохраненный для потомков размер ее обуви заставил графиню Шуазель-Гуффье саркастически заметить в своих «Записках», что «императрица Екатерина была с этим миром на хорошей ноге».

Зато природа наделила Екатерину от рождения здоровьем, статной и свежей внешностью. Многие современники вспоминали, что ее приятные черты лица представляли нечто особенное: они были неуловимы для кисти художника, с нее нельзя было написать хорошего портрета.

Екатерина была хорошей наездницей и великолепной танцовкой. Ее характер представлял собой смесь замечательной женственности и мужской отваги. Обходительная и любезная с окружающими, она могла спокойным ласковым словом смягчить вспыльчивого Петра. Она не боялась стать лицом к лицу с любой опасностью. (Так, например, через год после смерти супруга, когда к Ревелю подошли английский и датский флоты, Екатерина выказала желание возглавить русский флот и вести его на неприятеля. А незадолго перед своей смертью в мундире полковника она произвела обычный смотр гвардейских полков. При построении в каре Семеновского полка раздался случайный выстрел. Пуля пролетела в нескольких сантиметрах от Екатерины и убила бывшего рядом с ней знатного русского купца. Сохраняя бесстрастный вид, императрица продолжила смотр войск, как будто ничего не произошло.)

С другой стороны, следует помнить о непостоянном, вечно неудержимом нраве Петра, его постоянные поиски приключений на стороне, взаимную пере-

палку с Шереметьевой, имевшую, как замечает В. Андреев, «прямое отношение к причинам, сведшим его в могилу».

Петр искал развлечений на стороне и тогда, когда могучая его натура была если не сломлена, то потрясена приближавшимися годами старости, после долгих лет не всегда легкого правления и не всегда умеренной жизни. Екатерина же в это время была еще в самом расцвете лет.

Все это следует иметь в виду, чтобы реально представить себе так называемое «дело камергера Монса», ставшее последним громким придворным скандалом накануне смерти Петра.

Свою бывшую любовницу Анну Монс Петр выдал замуж за генерала Балка. Позже она стала одной из придворных дам Екатерины. Ее брат, Виллим Монсдела-Кроа, в то же самое время был произведен в камергеры императрицы. Постепенно войдя в доверие, он стал получать от нее столько знаков внимания, что злые придворные языки, делавшие из мухи слона, откровенно сплетничали о любовной связи Екатерины с Монсом.

«Страстность Екатерины и впечатлительность привлекательного собой, отличавшегося изящными манерами камергера завели дело слишком далеко, — писал В. Андреев. — Уши посторонних слышали и глаза видели много такого, на чем обыкновенно лежит печать тайны. Вильбуа говорит, что он, ничего не зная об отношениях Екатерины с Монсом, проник в их тайну, когда однажды увидел их вместе, хотя и не одних. Огласка была сильна. Ягужинский, прозванный «глазом» Петра за бесцеременную правдивость, открыто выговаривал Монсу за его поведение. Наконец, разразилась буря.

Петр не мог не узнать об отношении Екатерины к Монсу. Он решился накрыть виновных и страшно отомстить одному из них. Что руководило им в этом

случае — оскорбленное чувство любящего или обиженное самолюбие? Любовь Екатерины к другому или огласка? Полагаю, что больше последнее...

Всегда крутой и необузданный в гневе, Петр вышел из себя. Но перед тем, как буря разразилась, тучи собирались долго. Петр три дня прятался в Зимнем дворце, пока Екатерина и придворные не подумали, что он уехал. Внезапно покинув свое укрытие, он застаёт Екатерину и Монса сидящими на скамейке в уединенном месте сада. На некотором расстоянии от них — г-жа Балк. Петр уверен, что она на страже. Он перевел стрелки часов Монса так, чтобы было позже. По дороге домой Монса арестовал Ушаков. Есть известие, что Петр, решив сам быть судебным следователем дела Монса, в первое время лично подавал арестованному пищу, чтобы не допускать к нему посторонних. Сначала Монс был заключен в Зимнем дворце, откуда он был перевезен в крепость. Первое время Петр хотел отдать дело Монса на суд государственных чинов, но Остерман и гр. П. Толстой уговорили его не делать этого. Они сумели убедить Петра в том, что в таком случае его дочерям от Екатерины не найти женихов. Петр согласился с ними, и Монса судили только за то, что он и его сестра, Балк, брали от посторонних лиц приношения за ходатайства у императрицы, тем самым нарушая закон 1714 г. о взяточничестве. Обвинение было справедливо, и формально дело производилось лишь о «вещественной благодарности», которую Монс и его сестра не отвергали, хотя каждый знал истинную причину преследования.

Однажды в темный осенний вечер, когда в крепости происходило расследование дела Монса, Петр приехал к своим дочерям в тот момент, когда француженка давала им урок. Со слов Вильбоа, француженка передавала после, что Петр был страшно бледен, его глаза навывкате горели гневом. Он стал ходить по комнате большими шагами, бросая время от времени грозные взгляды

на своих дочерей. При нем обычно был складной охотничий нож, и он раз 20 вынимал его, открывал и складывал. Между тем все бывшие в комнате успели одна за другой выскользнуть в соседнюю комнату, и только одна маленькая француженка, севшая от страха под стол, оставалась свидетельницей дальнейшего. Петр бил кулаком по столу и в стены, бросил свою шляпу на пол и, наконец, выходя из комнаты, так сильно ударил дверь, что та треснула.

В другое время Петр стоял с Екатериной во дворце у окна.

— Ты видишь, — сказал он, — это венецианское стекло. Оно сделано из простых материалов, но, благодаря искусству, стало украшением дворца. Я могу вернуть его в прежнее ничтожество.

С этими словами он разбил стекло вдребезги. Екатерине нетрудно было понять намек, но она не потеряла присутствия духа.

— Вы можете это сделать, но достойно ли это вас, государь? — ответила она. — И разве от того, что вы разбили стекло, дворец ваш сделался красивее?

Петр ничего не ответил. Хладнокровие здорового смысла утешило раздражение».

Монса казнили в ноябре 1724 г. Перед казнью Петр сказал ему, что жалеет, что должен лишиться его, но решение должно быть приведено в исполнение. Монс умер, не выказав упадка духа. Может, потому, что Петр в назидание за проступок заставил Екатерину присутствовать при казни фаворита.

Перед смертью Монс передал исповедовавшему ему пастору часы с портретом Екатерины. Позже под подкладкой его одежды нашли еще один портрет императрицы, осыпанный бриллиантами. Третий портрет Монс успел передать своему доверенному человеку при аресте. Сестре Монса назначили 11 ударов кнутом, но ей дали только 5 и сослали в Сибирь.

В те времена головы казненных по азиатскому обычаю еще выставлялись на общее обозрение. После казни Екатерину специально провезли так, что платье ее коснулось эшафота.

Голову камергера Монса, как и голову фрейлины Марии Гамильтон, поместили в спирт и отдали в Академию Наук, где их хранили в особой комнате.

Екатерина очень верила в вещие сны, рассказывала их придворным, чтобы найти толкование. За две недели до ареста Монса она видела во сне, как постель ее покрылась змеями, сплетенными в беспорядочный клубок. Одна из них бросилась на нее, обвила и стала душить. Екатерина стала защищаться, долго боролась, но сумела ее одолеть. Тогда остальные змеи расплзлись. Сама императрица объяснила для себя этот сон, как то, что ей предстоит серьезная схватка с недругами, из которой она выйдет победителем.

Через два месяца после казни Монса, в январе 1725 года, Петр тяжело заболел. Он умер 28 января в страшных мучениях от уремии (острого самоотравления организма, обусловленного почечной недостаточностью), так и не успев назначить наследника.

ЖЕНСКАЯ НОША — «ШАПКА МОНОМАХА»?

После отречения от прав на престол и смерти царевича Алексея и последовавшей в 1719 г. смерти сына Петра от Екатерины единственным мужским представителем династии Романовых остался Петр Алексеевич — сын царевича Алексея и принцессы Софии-Шарлотты-Кристины Вольфенбюттельской. До Петра не было закона о престолонаследии. По обычаю престол переходил к старшему сыну предыдущего монарха или новый монарх выбирался Земским собором.

Петр категорически отказывался видеть на российском престоле сына «государственного преступника», поэтому законом от 5 февраля 1722 г. установил новый порядок престолонаследия: царствующий государь может назначить наследником кого захочет; если же назначенный наследник окажется непригодным для царствования, государь может отрешить его от наследства и назначить другого.

К моменту смерти императора никто из членов его семьи не имел бесспорных прав на престол. Единственному мужскому представителю семейства — внуку Петра, Петру Алексеевичу, — было всего 10 лет. Женщины, по понятиям того времени, не могли быть на престоле.

Но именно женская линия дома Романовых была представлена широко. Кроме императрицы Екатерины и ее двух дочерей, в состав императорской фамилии входили дочери покойного царя Ивана Алексеевича, сводного брата Петра. В 1684 г. Иван женился на Пра-

сковье, дочери стольника и воеводы Федора Салтыкова. Из пяти дочерей Ивана в живых остались трое: Екатерина была замужем за принцем Мекленбург-Шверинским Карлом-Леопольдом (их дочь Анна станет впоследствии соправительницей при царствующем младенце Иоанне VI Антоновиче), Анна, вдовствующая герцогиня Курляндская (она была замужем за герцогом Курляндским Фридрихом-Вильгельмом, а с 1730 г. стала императрицей российской) и 20-летняя Прасковья (умерла в 1731 г.).

Анна, старшая дочь самого Петра, в 1724 г. была помолвлена с Карлом-Фридрихом, герцогом Шлезвиг-Голштейн-Готторпским (в феврале 1728 г. от этого брака родился мальчик, ставший, как я говорила, императором Петром III; сама же Анна спустя три месяца после родов умерла). В то время было много разговоров о том, что Петр склонен был завещать корону своей способной и умной дочери Анне. (До мая 1724 г. существовало завещание Петра в пользу Анны. Затем появилось новое, где наследницей признавалась Екатерина. Однако после скандала с Монсом в секретном приложении к брачному контракту Анны с герцогом Карлом-Фридрихом предусмотрел возможность вступления на престол будущего сына Анны, что и произошло.)

Екатерина не думала тогда о власти.

«На сорок дней она оставляет тело умершего супруга непогребенным и ежедневно утром и вечером по полчаса плачет над ним, — писал В. Андреев. — Придворные дивились, откуда столько слез берется у императрицы. Два англичанина нарочно ходили ежедневно к гробу Петра, чтобы смотреть на эти слезы, как на диковинку. Вильбоа говорит, что, глядя на эти слезы Екатерины, он растрогивался, как на представлении «Андромахи». Тело Петра стояло открытым так долго, что наконец запах от него стал чувствоваться по всему дворцу. В это же

время умерла от быстрой горячки маленькая дочь Петра и Екатерины, Наталья Петровна, и очень вероятно, что миазмы от подверженного гниению тела отца могли отравить малютку-дочь».

Вопрос о престолонаследии решило ближайшее окружение Петра — Меншиков, Ягужинский и Толстой, а главное — гвардейские полки, Преображенский и Семеновский. *Так впервые в истории России на престол вступила женщина — Екатерина I Алексеевна.*

Она не умела ни читать, ни писать ни на одном языке, зато свободно говорила на русском, немецком, шведском, польском и понимала по-французски. Делами управления государства Екатерина практически не занималась. В 1726 г. был учрежден Верховный тайный совет из шести членов при исключительном положении Меншикова.

Кроме того, в это время сама Екатерина тяжело болела. Предчувствуя скорый конец императрицы, Меншиков стал предпринимать меры к своей безопасности. Он стал сближаться с великим князем Петром Алексеевичем. Замуж за него прочили Наталью Петровну, младшую дочь Петра. Однако скоропостижная смерть великой княжны вскоре после отца нанесла ощутимый удар по придворным и семейным планам. Находчивый Остерман, воспитатель Петра Алексеевича, дал понять, что за Петра может быть посватана другая дочь Екатерины — Елизавета. Против этого варианта придворные не возражали, и сама императрица была не против подобного брака.

Зато возражения были у Меншикова. Его главным аргументом в споре было то, что Петру шел 11 год, а Елизавете исполнилось 17 лет. Но вместо одной совершеннолетней невесты Меншиков представил другую — свою дочь Марию. Он добился согласия Екатерины на ее брак с наследником престола, для чего расторг помолвку дочери с Яном Сапегой.

Чтобы избежать возможного скандала, Сапеге была предложена другая кандидатка в жены — Софья Скавронская, племянница Екатерины — единственная из Скавронских, приближенная при дворе. Отец Софьи и брат Екатерины, Карл Самойлович, хоть и получил богатые поместья и числился камергером двора, но не имел ни чинов, ни орденов. При Петре Скавронские оставались жить на родине, было только высочайше предписано, чтобы они ни в чем не нуждались. Вступив после смерти мужа на престол, Екатерина вызвала брата с семьей в Петербург, хотя жена Карла, латышка по национальности, горько плакала и молила, чтобы их оставили на родине.

В апреле 1727 г. Екатерина тяжело заболела. 29 апреля ждали ее смерти, но обильная рвота и 5-часовой сон на руках дочери Анны обещал благоприятный исход болезни. Но через несколько дней императрице стало хуже, и она умерла 6 мая 1727 г.

«Молва, передаваемая иностранными писателями о том, что она могла быть отравлена медленным ядом, находила, быть может, поддержку себе в известном споре Меншикова с Бассевичем о престолонаследии, в выстреле, произведенном во время смотра войск и, наконец, в болезни с рвотами, — писал В. Андреев. — Но без доказательств все это может быть упомянуто, как версии.

Фактом остается лишь то, что 6 мая 1727 г. во дворце русских царей пресеклась жизнь, которая началась в избе литовского крестьянина и закончилась на одном из самых могущественных престолов. Были и другие примеры возвышения лиц до порфиры и трона, рожденных в низкой доле, но там большей частью сильный характер, замечательный ум, умение пользоваться обстоятельствами выдвигали баловней судьбы. Екатерина возвысилась до трона благодаря случаю и Петру; удивительно ли, что в самодержице русской Екатерине I до

конца ее жизни проглядывала прежняя мариенбургская Марта? Она и царицей не хотела учиться читать и писать, потому что вся ее забота — делать угодное Петру. До конца жизни она была подчинена Меншикову. Она не была честолюбива и взошла на трон лишь потому, что так сложились обстоятельства: этого хотели Меншиков и Бассевич. Она никогда не забывала, чем была прежде, не стыдилась своего прошлого, не отталкивала от себя тех, кто знал и окружал ее в прошлом. Блеск и пышность не поразили ее; прежняя бедная доля не пугала ее. О ней можно сказать доброе слово: к ее чести, как ни менялись ее титулы и прозвища, она оставалась прежней. А это можно сказать далеко не о всех и не о каждом».

После смерти Екатерины на престол взошел 12-летний внук Петра, Петр II. Таким было завещание императрицы. (В случае его бездетной смерти трон переходил к цесаревне Анне Петровне с наследниками, а затем — к цесаревне Елизавете Петровне с наследниками.)

Меншиков и не предполагал, что его торжество и величие будут продолжаться всего 4 месяца. То, чего не сделали все происки врагов, все прежние ошибки и злоупотребления «светлейшего» князя, сделал каприз 12-летнего мальчика. Вознесенный на пирамиду власти, бывший пироженик разучился гнуть спину перед кем бы то ни было. В юном императоре он видел лишь мальчика, которому он в качестве будущего тестя служит опекуном и от которого вправе требовать повиновения. Меншиков не брал в расчет не по годам решительный характер Петра II.

Между тем уже через несколько дней после смерти Екатерины, 13 мая, Петр озадачил фаворита Петра. Со словами: «Сегодня я лишился фельдмаршала», он протянул ему указ о назначении генералиссимусом.

Но не столько сам Меншиков, сколько Остерман, воспитатель Петра и сторонник придворной партии Долгоруковых, настраивал малолетнего императора против фаворита его деда. Он умело использовал то обстоятельство, что Петру II никогда не нравилась Мария Александровна Меншикова. Вскоре юный император отказался от нареченной невесты и приказал впредь не упоминать ее имени в его присутствии и на богослужении. Он не только перестал здороваться с Марией, но и спешил демонстративно отвернуться от нее при встрече.

Так Меншиков оказался в опале. Новые временщики Долгоруковы поспешили произвести конфискацию всего принадлежавшего ему несметного богатства и удалить бывшего фаворита со всем семейством в ссылку — сначала в Раненбург, а затем в далекую Сибирь. На пути в сибирскую ссылку Меншиков лишился верного спутника всей своей жизни — жены Дарьи Михайловны. Слепшая от постоянного плача, она из Раненбурга выехала уже будучи больной. Длительная езда в простой телеге, скудная пища и отсутствие теплой одежды привели к тому, что в 12 верстах от Казани обоз вынужден был остановиться. Княгиню Дарью Михайловну внесли в простую крестьянскую избу, и она умерла на руках своего семейства и в окружении конвойных солдат. Смерть жены вызвала у Меншикова такое сильное потрясение, что он, гордый, жестокий и алчный во времена своего величия, прибыл к месту постоянной ссылки смиренным и благочестивым человеком.

Удовлетворенные расправой с Меншиковым, Долгоруковы в конце 1729 г. обручили Петра II с княжной Екатериной Алексеевной Долгоруковой. Самого же молодого императора мало заботили как брачные приготовления, так и управление государством. Совершенно не заботясь о своем неокрепшем организме и здоровье, он предавался постоянным шумным пирам и охоте.

Бракосочетание между Петром и Екатериной было назначено на 19 января 1730 г. Но в ночь именно на 19 января Петр II умер от оспы. *С его смертью пресекалась мужская линия династии Романовых.*

Петр не оставил завещания. Согласно завещанию Екатерины, престол должен был перейти к Петру III, сыну Анны Петровны, который родился 10 февраля 1728 г., или царевне Елизавете Петровне. Но придворная партия, державшая власть при Петре II, задумала ограничить самодержавие в свою пользу и, сохранив втайне завещание Екатерины I, предложила занять престол герцогине Курляндской Анне, дочери Ивана Алексеевича, с условием подписания ограничительных условий в пользу Верховного тайного совета.

Анна согласилась на условия. Она приехала в Москву и, видя недовольство дворян, расторгла договор с верховниками и восстановила самодержавие. Вслед за новой императрицей в Россию хлынули курляндские немцы во главе с ее любовником, камергером Эрнстом Иоганном Бироном. С ним и его женой Анна проводила значительную часть своего времени.

Бенигна Трейден, бывшая фрейлина герцогини Курляндской, по воспоминаниям современников, была «маленькой, страшно рябой, но при этом недурной собой женщиной с очаровательной шеей». Горделивая, резкая во взглядах и речах, она была чуть ли не более властолюбива, чем ее муж.

Однако был у этой женщины один недостаток, который до сих пор порождает многочисленные споры: бездетность. На этом основании некоторые исследователи считают, что дети Бенигны Бирон были детьми Анны Иоанновны от Бирона. Если сравнить то, как эти две женщины относились к детям, носившим фамилию Бирон, трудно усомниться в правдоподобности такой версии.

Тот, кого интересуют подробности романа Анны с Бироном, я отсылаю к главе «Бирон» в моей книге

«Серые кардиналы Кремля». Здесь же хочу добавить, что по оставленным словесным портретам современников Анна Иоанновна была очень некрасивой, мужеподобной и грубой женщиной.

«Престрашного была взору, — писала в своем дневнике княгиня Долгорукова, дочь фельдмаршала Шереметева. — Отвратное лицо имела. Так была велика, когда между ковалеров шла, всех головой выше, и чрезвычайно толста. Любимыми занятиями ее были охота, грубые развлечения с участием шутов и дурак, а также балет и опера».

Что касается престолонаследия, то Анну беспокоила жизнь внука Петра, Карла-Петра-Ульриха, вдали от России. Одно время придворные вынашивали план женитьбы сына Анны Петровны с Анной Леопольдовной, племянницей императрицы. Такой вариант мог предупредить осложнения с престолонаследием. Но в августе 1739 г. Анну Леопольдовну выдали замуж за Антона-Ульриха, герцога Брауншвейг-Люнебургского.

Умирая в октябре 1740 г., Анна завещала престол новорожденному младенцу Иоанну Антоновичу, сыну своей племянницы, при регентстве Бирона. Но через месяц Бирон был арестован фельдмаршалом Минихом. Правительницей стала Анна Леопольдовна, ленивая и неумная женщина, а главным деятелем правительства был назначен граф А. Остерман.

Между тем в среде военных зрел новый заговор. 25 декабря 1741 г. Елизавета пришла в казармы лейб-гвардии Преображенского полка, третья часть которого начинала свою службу еще при ее отце. Она повела полк во дворец, чтобы арестовать Брауншвейгскую фамилию.

(Обещав вернуть Анну, Антона-Ульриха и их сына обратно в Германию, Елизавета не сдержала слова. Младенец Иоанн был разлучен с родителями и отправлен в Холмогоры, а потом в Шлиссельбург, где содер-

жался в одиночном заключении и был убит в 1764 г. по приказу Екатерины II.)

Началось 20-летнее правление Елизаветы. Современники отмечали красоту дочери Петра, веселость, открытый и добрый характер. Это не мешало Елизавете Петровне довольно круто расправляться со своими противниками. Так, например, за неосторожные высказывания Лопухиным, родственником царицы Евдокии — Степану, его жене красавице Наталье и их сыну Ивану — отрезали языки и сослали в Сибирь. В царице поразительным образом сочетались, на первый взгляд, несовместимые качества.

Но это только на первый взгляд. Елизавета представляла собой типичную русскую натуру петровского и послепетровского времени — «с русским нутром, но в европейском глянце». Она была религиозна, совершала богомолье в Троицу и Киев, строго соблюдала посты и обряды — и в то же время предавалась развлечениям: балам, маскарадам, катаньям. При ней, как при ее отце, снова началось *пьяное веселье*.

«На престоле самодержавных царей явилась женщина, с достоинствами и недостатками обыкновенной женщины, до зрелого возраста не мечтавшая о царской власти, возведенная на трон стечением обстоятельств и на троне чувствовавшая себя неспособной к правлению, — писал В. Андреев. — Это придает особый оттенок всему правлению Елизаветы. На первом плане тут женщина и только потом правительница».

Точно так же и мужчины играли в ее жизни и правлении особую роль. Отец видел ее французской королевой. Он поручил своему послу в Париже князю Куракину, мужу родной сестры царицы Евдокии Федоровны Лопухиной, переговоры о браке между Елизаветой и Людовиком XV. И хотя красавице русской великой княжне была предпочтена Мария Лещинская, герцоги

Бурбонский и Орлеанский были в числе наиболее предлагаемых женихов.

С молодых лет у нее было два фаворита — Алексей Разумовский и Александр Бутурлин, которые с воцарением Елизаветы были произведены в графы и фельдмаршалы, хотя не участвовали ни в одном военном сражении. Через год после занятия престола Елизавета сделала свой выбор в пользу Алексея Разумовского, который стал ее морганатическим супругом.

Они были одногодками. Алексей родился в селе Лемешах на Черниговщине от казака Разума. Благодаря своему великолепному голосу Разумовский попал в хор певчих одного украинского помещика, а спустя некоторое время — в хор царских певчих.

Елизавета сразу обратила внимание на Разумовского. Она сама неплохо пела, и ее записочка с подписью «первый дискантист» послужила поводом к розыску и допросам в царствование Анны Иоанновны.

Они тайно сочетались браком в 1742 г. в подмосковном селе Перове. По другим источникам, свадьба праздновалась в Москве у Воскресения в Барашах, на Покровке. Еще одно предание гласит, что свадьба была отмечена в здании, где позже разместилась 4-я московская гимназия.

По некоторым историческим сведениям, до Разумовского Елизавета предлагала руку возвращенному из ссылки Шубину. Вряд ли это правдоподобно, если учесть, что на руку царевны претендовали не только герцоги Бурбонский и Орлеанский, но и представители германских династий.

В Петербурге для Разумовского был построен отдельный дворец, ставший известным как Аничков. Несколько лет супруги жили дружно. Иностранец Шерер писал, как однажды он видел Елизавету Петровну и Разумовского, выходявших из театра. Разумовский

надел на супругу шляпку, а потом бережно закутал ее, так как было холодно.

Но не только Алексей был осыпан милостью. Его 20-летний брат Кирилл был сделан графом и гетманом малороссийским, что по званию соответствовало чину фельдмаршала.

Оба брата не стеснялись своего простого происхождения, не стеснялась этого и Елизавета. Императрица и вместе с тем женщина, она без всякого смущения встретила в гетманском дворце в Батурине с матерью Разумовских, старушкой в платке и кацавейке. Алексей и Кирилл первыми долго смеялись, когда киевская академия вздумала вывести их родословную от князя Гедимины и написала об этом целый трактат.

Елизавета поражала всех не только великолепием императрицы, но и тем, что в своем доме умела быть доброй хозяйкой и стряпать кушанье. Думаю, не будет преувеличением, если я скажу, что поразительное сочетание простоты и величия Елизавета переняла от своей матери, которая была простого происхождения. По этой же причине, отринув всякие предрассудки, она сочеталась браком с Разумовским. И если Елизавета негодовала на Фридриха II, запрещала подданным иметь его портреты, а портрет короля, подаренный ей генералом Тотлебенем, пылился где-то в темном углу дворца, то одной из главных причин подобного отношения было то, что Фридрих не жил со своей законной женой.

Красавец собой и великодушный по характеру, в нетрезвом виде Алексей Разумовский был крут нравом и тяжел на руку. Мавра Егоровна Шувалова каждый раз заказывала молебен, если ее муж, граф Петр Иванович, возвращался с охоты и не был избит Разумовским под пьяную руку батожем. (Мавра Егоровна, урожденная Шепелева, являлась домашним человеком у Елизаветы. Это была та самая Мавра Шепелева, ко-

торая жила с Анной, сестрой императрицы, в Голштинии и переписывалась с Елизаветой о молодых людях, которые нравились той и другой, о чепчиках и пеленках, которые Анна Петровна сама шила для своего будущего ребенка.).

О самом Петре Шувалове сохранилась другая интересная история. Известно, что Елизавета питала страсть к театру и костюмированным представлениям. Увидев однажды на сцене юношу-актера, она сказала, что внешне он похож на польского графа Дмитревского.

Так кадет Бекетов превратился в известного артиста Дмитревского. Каждый раз перед выходом на сцену Елизавета сама одевала юношу. Красавец Бекетов вскоре после выпуска из кадетского корпуса был произведен в полковники. Чтобы устранить со своего пути потенциального фаворита, Петр Шувалов дал Бекетову мазь для лица, от которой пошли угри. Парень моментально лишился милостей императрицы, как заподозренный в протivoестественных половых связях. (Причина такого поступка станет понятна позже, когда близким фаворитом императрицы будет не кто иной, как Иван, брат Петра Шувалова.)

Что касается нравственности в эпоху Елизаветы, то и здесь, как отмечают многие авторы, она вела себя чисто по-женски. В царствование Елизаветы были смягчены некоторые самые жестокие пытки и наказания, которые применялись к женщинам.

Не оставила императрица без внимания и проблемы половых взаимоотношений. С целью поставить эти отношения в рамки известных приличий при ней появился на свет сенатский указ о запрещении париться в банях вместе лицам обоего пола.

Елизавета считала своей обязанностью охранять нравственность подданных от разлагающего влияния иностранных обычаев. Вряд ли она не понимала, что с этим ей никогда не удастся справиться. Ведь уже тог-

да стали появляться публичные дома для очень состоятельных клиентов из девиц аристократического происхождения.

Один из таких домов открыла в Петербурге на Вознесенском проспекте немка, ставшая известной под именем Дрезденши. В услужение она отбирала молодых, хорошо сложенных, стройных красивых девушек. Каждую ночь на вечеринки к Дрезденше съезжалось множество гостей. Все шло тихо и гладко, пока слух о салоне Дрезденши не дошел до императрицы.

Арестованная содержательница притона на допросе оговорила всех, кого только помнила. Девушек, которые на нее работали, тоже арестовали, а затем отправили на принудительные работы на прядильный двор в деревню Калинкину.

Несмотря на подобные меры, на столичных улицах проституток-одиночек не уменьшалось, а прибавлялось. По этому поводу 1 августа 1750 г. из Кабинета императрицы последовал следующий указ: «Понеже по следствиям и показаниям пойманных сводниц и бл...дей, некоторые показываемые ими непотребные кроются, и, как известно, около Санкт-Петербурга по разным островам и местам, а иные в Кронштадт ретировались, того ради Ее Императорское Величество указала: тех кроющихся непотребных жен и девок, как иноземок, так и русских сыскивать, ловить и приводить в главную полицию, а оттуда с запискою присылать в Калининский дом».

Оба брата долгое время сохраняли свое значение при дворе, пока в милости у Елизаветы не оказался Иван Шувалов. Вот где становится ясным, по какой причине Петр Шувалов беспокоился, что рядом с императрицей может появиться новый фаворит: он как будто специально берег это место для брата.

Петр Шувалов к тому времени управлял многими внутренними делами в стране и сумел нажать огромное

состояние. Он приложил немало усилий для того, чтобы свести своего брата Ивана с Елизаветой.

Еще будучи камер-пажом Иван Шувалов отличался склонностью к серьезным занятиям и наукам. В молодости его постоянно видели за книгой. Именно на этой почве — любви к наукам и образованию — они и сошлись, младший Шувалов и Елизавета. С его именем и именем М. Ломоносова связано открытие Московского университета, а в Петербурге была открыта Академия художеств. Иван Шувалов сблизился с Вольтером, который по его предложению за русское золото написал «Историю Петра Великого».

Иван Шувалов оставался при Елизавете до самой ее смерти. Чувствуя скорую кончину, императрица передала фавориту ключи от шкатулки, где хранилась ее частная казна: 300 тыс. рублей (следует сказать, что частная казна Анны Иоанновны составляла 6 миллионов рублей).

Елизавета Петровна умерла 25 декабря 1761 г. С ее смертью *угасла и женская линия династии Романовых.*

Но мой рассказ о Елизавете Петровне был бы неполным, если бы я не упомянула о дочери, которую она родила от Алексея Разумовского.

Судьба этой дочери — не только настоящая тайна кремлевской любви, но и сюжет, достойный пера мастера детективно-приключенческого жанра. Уже в царствование Екатерины Великой под именем княжны Таракановой в Италии появилась молодая девушка, которая называла себя дочерью Елизаветы и Разумовского.

Она мало что помнила о своем детстве. Из ее собственных рассказов выходило, что она родилась в 1745 г., а после жила в Киле (в Голштинии, там же, где родился и рос Карл-Петр-Ульрих) и Персии. Она также помнила, что ее звали Алиной и что о ней заботился какой-то важный человек. Среди придворных ходили

разговоры о том, что в бумагах Ивана Шувалова всему этому были подтверждения, но Екатерина приказала замять дело.

«В записках аббата Горани упоминается, что княжна Тараканова была младшей из трех дочерей от брака А. Г. Разумовского с Елизаветой Петровной, — писал В. Андреев. — Молодой человек под именем князя Тараканова жил впоследствии в России и умер, облившись какой-то жидкостью при проведении химических опытов. Слова аббата Горани о том, что Тараканова была дочерью Разумовского, совпадают с тем, что говорила княжна о годе своего рождения. Если она действительно родилась в 1745 г., то это было за несколько лет до разрыва с Разумовским, перед возвышением И. И. Шувалова. В рассказе Таракановой о себе так всё сходилось, что ему вполне можно верить. Она говорила, что родилась в 1745 г., за 4 года до размолвки отца с матерью. Четырехлетняя девочка могла только смутно помнить об этом времени и говорила лишь, что ей передавали другие. Затем она помнит себя в Киле, — и действительно, когда узы с Разумовским были расторгнуты, участь детей его должна была перемениться. Куда же можно было послать маленькую княжну Тараканову, как не в Голштинию, где со времени Анны Петровны и после, когда голштинский герцог жил в России, у Елизаветы Петровны было более всего связей, чем где бы то ни было за границей?»

«Какой-то важный человек», который заботился о княжне, был скорее всего Иваном Шуваловым. Только он был в то время самым доверенным лицом во всех личных делах Елизаветы. Княжна Тараканова помнила себя привезенной в Персию, недалеко от русской границы. Восток с его особенностями резко запечатлелся в памяти девочки. На ее содержание поступали значительные денежные суммы, и она помнила, что с раннего

детства ей постоянно говорили, что она дочь Елизаветы Петровны.

«Если все это была сказка, то сказка, надо заметить, очень продуманная, — писал тот же В. Андреев. — Одно верно: кто бы ни сходил с княжной Таракановой за границей, каждый верил ее словам. Ходили слухи, что из России увез Тараканову Радзивилл, сначала в Польшу, а затем в Италию, чтобы действовать с ее помощью против Екатерины II. Но теперь установлено точно, что Радзивилл действительно познакомился с Таракановой из политических соображений, но уже за границей, после того, как она имела много сторонников и доброжелателей. Польские патриоты хотели воспользоваться именем дочери Елизаветы Петровны против Екатерины. Несомненно, что расчет на Тараканову был в связи с пугачевским бунтом... противники влияния Екатерины в Польше... старались воспользоваться Таракановой для своих целей.

Хотя Радзивилл вошел в сношение с Таракановой, у него дело не вышло. Радзивилл был не из тех, которые могли искусно плести интригу. Да и сама княжна Тараканова обладала достаточно пронизательным умом, чтобы различать, с кем иметь дело. Мы бы напрасно стали приписывать ей честолюбивые стремления. Она действительно называла себя дочерью Елизаветы Петровны, но только потому, что ей с детства говорили об этом и она была уверена в своем происхождении. Она не могла иметь и мысли о каком-либо праве на русский престол, о свержении Екатерины II. По отзывам современников, это была обворожительная собой женщина, светская, ловкая, женские слабости преобладали в ней над честолюбием. Говорят, Радзивилл, у которого были конфискованы имения в Польше за сношения с Таракановой, вступил в сделку с князем Репниным, по которой ему были возвращены имения, но за это он отказался от связи с Таракановой».

Далее в судьбе княжны Таракановой заметную роль начинает играть не кто-нибудь, а сам Алексей Орлов, тогда еще всесильный фаворит Екатерины. Именно ему императрица поручила секретное задание: похитить Тараканову и тайно доставить в Россию.

Княжна Тараканова жила в Италии довольно скромно. Средства ее были слишком ограничены для того, чтобы шиковать. Одни называли ее княжной Таракановой, другие — смешивали фамилии Тарканова и Дараган. Сама же княжна называла себя Елизаветой, принцессой Владимирской. В принятом на себя княжной Таракановой титуле Екатерина увидела посягательство на свою власть. Тараканова могла быть неопасна для Екатерины сама по себе, но кто мог дать гарантии, что кто-то не воспользуется ее именем против императрицы? Поэтому и было решено захватить Тараканову и привезти ее в Россию.

За дело взялся Орлов. Он воспользовался своим пребыванием в Италии и с помощью неаполитанца Рибаса встретился с Таракановой. Орлов притворился не только в том, что недоволен правлением Екатерины, но и в том, что страстно влюблен в самую княжну. Не чуждая женских слабостей, княжна Тараканова отдалась Орлову.

Как только между княжной Таракановой и Алексеем Орловым начались сексуальные отношения, был поднят вопрос о браке. Тут же явились подставные священники и чиновники. «Так ли было, как вслед за аббатом Горани говорят Кастера и Тук, — замечает В. Андреев, — только впоследствии Орлов на слова Екатерины заметил, что он ради ее пользы готов жениться на Таракановой: следовательно, он не считал себя связанным с ней брачными узами».

Алексею Орлову ничего не стоило влюбить в себя княжну Тараканову настолько, что та полностью отдалась его власти. Иначе, кажется, и быть не могло. Алек-

сей Орлов был воплощением настоящего мужчины: «дюжий, рыжий, красивый — 9 пудов веса». Так описывали его современники. Он мог одним взмахом сабли отрубить голову быку. В Риме, ухаживая за княжной, Орлов производил впечатление тем, что, сдавливая в руке, крошил хрусталь и железо, и мог раздавить яблоко в ладонь, зажав между пальцами.

Позабыв о всяких предосторожностях, однажды она соглашается посмотреть торговые корабли, на которых Орлов прибыл в Италию. Но как только она поднялась на корабль, к ней подошел капитан Литвинов и объявил арест. Соблюдая внешнее приличие, он арестовал также и Орлова.

В тот же день судно подняло паруса и направилось в Петербург. Там княжну Тараканову ждал каземат Петропавловской крепости. Екатерина была в таком раздражении от нее, что не могло быть и речи о каком бы то ни было снисхождении. Особенно злило императрицу то, что княжна Тараканова продолжала подписываться: Elisabeth. На донесения, что Тараканова остается при своих прежних убеждениях, Екатерина реагировала тем, что называла ее лгуньей и побродяжкой.

По приказу императрицы были усилены меры строгости при содержании под арестом. Допрос следовал за допросом. Иногда они продолжались целыми сутками, и тогда в камере постоянно оставались офицер и два солдата.

Измощенная физически и нравственно, княжна Тараканова заболела чахоткой. Но даже в таком положении она родила сына (впоследствии — Александр Алексеевич Чесменский; фамилия и отчество ясно указывают на того, кто был его отцом: перед поездкой в Италию главной заслугой Алексея Орлова считалась победа русского флота при Чесме).

Алексей Орлов несколько раз приезжал на свидание с княжной в Петропавловскую крепость. «И тогда, —

по свидетельству все того же В. Андреева, — даже сторожу в другой комнате было слышно, как княжна резко и громко говорила с ним, а Орлов больше молчал и тушевался».

Княжна Тараканова чахла день ото дня. Не только врачи, но и те, кто ее видел, говорили, что смерть ее близка. И действительно, вскоре пропадают всякие упоминания о княжне Таракановой. Одни полагали, что она утонула в наводнение 1777 г., другие — что она умерла своей смертью и была погребена под полом каземата, прозванного «алексеевским равелином».

После этой истории с дочерью Елизаветы о княжне Таракановой вскоре забыли. Но как только исчезла княжна Тараканова, в Ивановском монастыре под Москвой появилась старица Досифея. Она жила в большой, хорошо убранной келье в строгом затворничестве. Даже сестры-послушницы редко виделись с ней. Досифея была единственной, кто мог не присутствовать при общей службе.

В Ивановский монастырь к Досифее иногда приезжали важные люди. Косвенным подтверждением тому, что Досифея — это та самая княжна Тараканова, дочь Елизаветы и Алексея Разумовского, является тот факт, что Алексей Орлов всегда старался объезжать Ивановский монастырь стороной.

Досифея оставалась загадкой для всех сестер монастыря. Никто из них не знал, кто она такая, какое носила имя до пострижения. Если верить статье исследователя русской истории XIX в. Мельникова «Кн. Тараканова и принцесса Владимирская», Досифея открылась только Г. И. Головиной. Она рассказала о своей жизни за границей, о похищении и привозе в Россию, о содержании в крепости и пострижении в монахини. Если молоденькая девушка Г. Головина была тогда знакома с закулисной историей своего времени, ей бы непременно открылась полная картина несчастной судьбы

дочери Алексея Разумовского и императрицы Елизаветы, внучки Петра Великого.

Досифея прожила в монастырском заточении долгую жизнь и умерла в 1810 г., в царствование Александра I, внука Екатерины Великой. На ее похоронах присутствовала вся тогдашняя знать и первая аристократия Москвы. На надгробной плите значилось: «Здесь погребена старица Досифея, род. в 1745 г. и ум. в 1810 г.».

Ее сын, воспитанный Алексеем Орловым, впоследствии стал военным и дослужился до генеральского звания...

Со вступлением на престол Петра III в России утвердилась Гольштейн-Готторпская ветвь Романовых.

«Никогда в нашей стране, да, кажется, и ни в каком другом государстве, верховная власть не переходила по такой ломаной линии», — писал В. Ключевский.

Гольштинский герцог Карл-Петр-Ульрих был не только внуком Петра I, но и племянником Карла XII (сыном его брата) и имел права как на русский, так и на шведский престолы. Его мать, Анна Петровна умерла от простуды через несколько месяцев после рождения сына, а в 11 лет мальчик лишился и отца.

Объявленный наследником шведского престола, Карл-Петр-Ульрих начал изучать шведский язык. Но в начале 1742 г. по требованию Елизаветы ее племянника привезли в Петербург, крестили в православие, нарекли Петром Федоровичем и в ноябре того же года объявили наследником престола.

Поиски подходящей кандидатуры в невесты будущему императору привели к тому, что Елизавета оставила свой выбор на Софии-Фредерике-Августе, принцессе Ангальт-Цербской, чей дядя по матери, князь-епископ Любекский Карл-Август, был когда-то ее женихом, но умер в 1727 г. Сохранив нежную память о своем женихе, Елизавета не могла не знать, что у его

сестры, Иоанны-Луизы есть дочь, почти сверстница Петра (Екатерина родилась 2 мая 1729 г.).

В феврале 1744 г. невеста с матерью приехали в Россию. Приняв православие, принцесса София-Фредерика-Августа стала Екатериной Алексеевной. В августе 1745 г. Петр III и Екатерина, троюродные брат и сестра, сочетались браком. (Это официальная версия. Но есть также версия о том, что отцом Екатерины был Иван Иванович Бецкой, внебрачный сын фельдмаршала Трубецкого. Эту версию высказал Петр Бертенев, издатель «Русского Архива». Основным аргумент Бертенева тот, что секретарь Бецкого присутствовал при свидании Екатерины с Иваном Ивановичем и видел, как Екатерина целовала у Бецкого руку.)

Сразу после объявления женихом и невестой Петр заболел оспой. Несмотря на то, что болезнь оставила на нем страшные следы, Екатерина при первом же свидании с нареченным женихом встретила его с выражением неизменной привязанности.

«Была ли это маска?» — задается вопросом В. Андреев и сам же отвечает на свой вопрос:

«Можно сказать только одно: Екатерина вступала в брак по расчету».

Со стороны Петра III было больше привязанности к кухне, чем любви. Это подтверждает та откровенность, с какой он вел с ней беседы. Если верить дневникам самой Екатерины, то Петру больше нравилось то, что она ему кузина и что по этой причине он может говорить с ней о своих сердечных привязанностях. Он рассказывал своей нареченной невесте о страстном чувстве к Лопухиной. Не наделенная превосходной красотой, Екатерина обладала женственностью, которая компенсировала внешние недостатки. Она сумела поставить себя в разговорах с Петром так, что была поверенным сначала жениха, а затем и мужа. Она стала его ментором — учителем и советчиком в амурных де-

лах с другими женщинами. Петр настолько доверился Екатерине, что даже через две недели после свадьбы признавался ей в любви к мадмуазель Карр.

Зная в подробностях о всех привязанностях супруга, Екатерина оставалась бесстрашной наблюдательницей. Она ехала в Россию с твердым намерением единолично управлять страной, поэтому лелеяла мысль о государственном перевороте и захвате престола. Такая мысль возникла у нее задолго до 1762 г. Обвинения супруга в духовной ничтожности, склонности к грубым кутежам и сексуальному разврату, неспособности управлять государством были выдуманы Екатериной лишь для того, чтобы оправдать государственный переворот.

Между тем за 186 дней своего правления Петр III успел ликвидировать ужасную Тайную канцелярию, издать манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству», прекратить преследования старообрядцев и задумал передать управление церковно-монастырских земель в руки государства (что, кстати, говоря, Екатерина осуществила в 1764 г.).

В 1756 г. Елизавета тяжело заболела. Екатерина составила план действий, которым поделилась с английским послом Вильямсом. Тот одобрил план и передал Екатерине на его осуществление 10 тыс. фунтов стерлингов. Но императрица Елизавета выздоровела, и план переворота пришлось отложить до лучших времен.

В декабре 1761 г. Петр занял престол. Екатерина медлила по той простой причине, что была на пятом месяце беременности. 11 апреля 1762 г. в Зимнем дворце она тайно родила сына, которого при первом удобном случае немедленно вывезли из столицы доверенные люди Екатерины в сопровождении отца младенца — Григория Орлова.

Младенца окрестили и нарекли Алексеем Бобринским. Впоследствии он получил графский титул и стал родоначальником графского рода Бобринских.

(Тем, кто интересуется подробностями российской истории, могу сказать, что одним из немногих потомков графа Алексея Бобринского, переживших лихолетья XX в. в России, является Николай Николаевич Бобринский, автор повести «Сын императрицы». Он живет в Москве, по материнской линии является правнуком известного славянофила А. Хомякова, а по отцовской — праправнуком Екатерины Великой и Григория Орлова. Не менее интересные факты почерпнет читатель и из повести Н. Бобринского. Она от первой до последней строчки основана на подлинных исторических событиях и фактах, которые на протяжении многих лет автор собирал по крупицам. Кстати говоря, Н. Бобринский полностью разделяет версию П. Бертенева о том, что отцом Екатерины был Иван Бецкой и считает это неоспоримым историческим фактом.)

Когда разговор заходит о Екатерине-женщине, то на первый план всегда выставляется любвеобильность, в которой она не уступала Петру I. Амурные подвиги императрицы настолько многочисленны, что их изложению могла бы быть посвящена отдельная книга. Но большинство рассказов о необузданной страсти Екатерины к мужскому полу, ее гиперсексуальности — будто по ее приказу строили в шеренгу солдат и отбирали самых крепких из них, с заметными физическими достоинствами или что для удовлетворения ее похоти приводили даже жеребцов, выведенных Алексеем Орловым — относятся к области мифов.

О внешней красоте и привлекательности будущей императрицы немалую заботу проявляла Елизавета. Первое время своей жизни в России Екатерина не пользовалась косметикой, составляя редкое исключение среди представительниц слабого пола при дворе.

Именно Елизавета послала ей коробку с румянами и белилами. С неменьшим старанием она заботилась о Екатерине, когда сводила загар с ее лица смесью лимона, яичного белка и французской водки. Рекомендованный состав оказался таким верным средством, что впоследствии Екатерина сама неоднократно советовала другим воспользоваться им как от загара, так и от лишаяев. Угри на лице Екатерина вывела маслом Фальке, которое давал ей придворный медик Бёргаве.

Но не только о внешней красоте Екатерины заботилась Елизавета. Она категорически воспрещала ей ездить верхом на том основании, что желала, чтобы Екатерина поскорее стала матерью.

Однако не сама Екатерина была виновницей того, что стала матерью не так скоро, как хотела императрица и придворные. Первые признаки беременности она почувствовала, когда двор собирался в Москву. Что собой представляли эти длительные, 48-часовые, непрерывные поездки по русскому бездорожью в несовершенных экипажах и каретах, невозможно даже представить. Екатерину так растрясло, что у нее случился выкидыш.

Кроме того, следует учесть то обстоятельство, что Петр относился к Екатерине больше как к кухне, чем к законной супруге. Он сам хвастался перед ней своей связью с мадемуазель Карр. Позже его внимание привлекла дочь жившего в ссылке Бирона. Низкорослая и горбатая, но обладавшая привлекательными глазами, умница и прирожденная интриганка, молодая Бирон была нелюбимой дочерью в своем семействе. Она признавалась императрице Елизавете, что отец и мать притесняют ее за желание перейти в православие. Тогда Елизавета приняла девушку под свое покровительство, взяла ко двору и стала ее крестной матерью. Петр, не любивший русского языка и русских традиций, сошелся с молодой Бирон на том, что мог сколько угодно говорить на немецком языке.

Любовницей Петра была также некрасивая фрейлина Полянская. Узнав о связи наследника с ней, Елизавета не раз зло высмеивала ее в присутствии посторонних. Много толков и слухов ходило и о связи Петра с Елизаветой Воронцовой, которой он, уже став императором, вручил орден Екатерины. Не отличавшаяся способностями, резкая и грубая в обращении, высокая и полная, внешне не привлекательная из-за следов оспы на лице, Елизавета не была той женщиной, связь с которой могла положительно повлиять на Петра. Злые придворные языки называли ее «трактирщицей».

Что оставалось Екатерине, в которой все видели женщину? Все, кроме супруга. Поэтому нет ничего удивительного в том, что охлаждение отношений между ними возникли очень рано. Вскоре у Екатерины тоже появились фавориты. В их числе был граф Станислав Понятовский, ставший последним королем Речи Посполитой, граф Сергей Салтыков и Григорий Орлов.

К тому моменту, когда желание Елизаветы исполнилось и Екатерина забеременела, у нее был любовный роман с Сергеем Салтыковым. Поэтому неудивительно, что именно ему придворная молва приписала отцовство Павла.

«Как же берегли нервы Екатерины? — писал В. Андреев. — В это время бдительным стражем при ней и Петре Федоровиче был, вместо покойного Чеглокова, Александр Шувалов. Екатерина обладала умением смягчать всех церберов, с которыми сталкивалась. Старик Чеглоков перед смертью влюбился в нее, и Александр Шувалов, бывший прежде начальником тайной канцелярии, мог быть в ее обществе только обходительным кавалером».

Павел родился 20 сентября 1754 г. Сразу после рождения Елизавета забрала его к себе в покои под присмотр мамок и нянек, оставив ослабевшую после родов Екатерину без всякого попечения. То ли придворные

служу о том, кто является настоящим отцом мальчика, дошли до императрицы, то ли по какой-то иной причине, но в это время между двумя женщинами начинаются частые разлады: если Екатерина при встрече не очень низко кланялась, острая на язык Елизавета тут же спрашивала, не болит ли у нее шея; потом Екатерина получила от императрицы выговор за то, что сделала долг в 2 тыс. руб.; когда Екатерина плакала, получив известие о смерти отца, то Чеглокова, придворная дама Елизаветы, высказала ей в глаза, что он не был королем, чтобы о нем плакать целую неделю.

Переворот 1762 г. в пользу Екатерины был совершен не без помощи фаворитов, среди которых в то время первую роль играл Григорий Орлов и от которого Екатерина родила сына.

«Переворот 1741 г. поставил во главе правления Елизавету, женщину умную, но малообразованную, которая принесла на престол только женский такт, любовь к своему отцу и симпатичную гуманность, — рассуждая об отличиях двух государственных переворотов, писал С. Платонов. — Поэтому правительство Елизаветы отличалось разумностью, гуманностью и благоговением к памяти Петра Великого. Но оно не имело своей программы и поэтому стремилось действовать под началом Петра. Переворот 1762 г., напротив, поставил на трон женщину не только умную и с тактом, но и чрезвычайно талантливую, на редкость образованную, развитую и деятельную. Поэтому правительство Екатерины не только возвращалось к хорошим старым образцам, но вело государство вперед по собственной программе, которую приобрело мало-помалу по указанию практики и отвлеченных теорий, усвоенных императрицей. В этом Екатерина была противоположна предшественнице. При ней была система в управлении, и поэтому случайные лица, фавориты, менее отражались на ходе государственных дел, чем это было при Елизавете, хотя фавориты

Екатерины были очень заметны не только деятельностью и силой влияния, но даже капризами и злоупотреблениями».

Взойдя на престол, Екатерина, как и ее предшественница, намеревалась вступить в морганатический брак с Григорием Орловым.

Хотя у Екатерины в то время были близкие отношения с Орловым, она вполне могла обойтись без этого брака. Но дело в свои руки взял Бестужев, которому такой брак был выгоден. Он повел дело довольно хитро: от высших чинов государства было написано прошение, в котором от имени народа высказывалось желание, чтобы императрица избрала себе супруга. В прошении называлась и конкретная кандидатура — шлиссельбургский узник Иоанн Антонович. Под прошением подписались 12 епископов, которые сделали оговорку к первоначальному тексту и не ограничивали выбор Екатерины одной кандидатурой.

Расчет Бестужева оказался верен: Екатерина должна была видеть народное желание, затем указание на конкретного кандидата, который с раннего детства провел в заточении и превратился в идиота. Естественно, что между Иоанном Антоновичем и Григорием Орловым бесспорное предпочтение оставалось за последним.

Екатерина согласилась, цель Бестужева и Орловых была почти достигнута. У Марии-Терезии для Григория Орлова запросили титул князя германской империи, его также хотели сделать герцогом ингерманландским.

«Если Екатерина еще могла колебаться, то перед Орловым был пример в прошлом: императрица Елизавета вышла замуж за Разумовского — Екатерина не давала ничего нового, выходя замуж за Орлова, — писал В. Андреев. — Панин, Воронцов и К. Г. Разумовский были противниками подобного брака: они считали его несовместимым с благом России и сверх того видели,

что сама Екатерина не имеет особого желания, чтобы он совершился».

Екатерине нужны были подлинные документы, доказывающие правдивость разговоров о том, что императрица Елизавета на самом деле была повенчана с Разумовским. Ведь именно на них основывала свои надежды партия Бестужева-Орловых.

Но за документами отправляются не они, а Воронцов, один из противников брака. Перед отъездом у Воронцова состоялся откровенный разговор с Кириллом Разумовским. Он не утаил от него, что если брак будет документально подтвержден, то Разумовский получит титул «высочества». Но он также дал понять ему, что лучше бы этих документов не было. Разумовский встал, открыл потайной сейф, вынул из него бережно завернутый сверток бумаг и молча бросил в камин.

Женатый на Нарышкиной, Кирилл Разумовский, по словам современников, при его красоте в молодости был львом петербургских дамских салонов, где не он, а за ним ухаживали. Один германский сатирик того времени встречался с ним тогда, когда Разумовский являлся президентом Академии наук, и говорил после, что «президент имеет больше детей от разных женщин, чем написал книг, и знал профессоров меньше, чем петербургских кокеток». Кирилл Разумовский и в самом деле не отличался особой ученостью и блестящими способностями, зато обладал пронизательным умом и верным взглядом на вещи. Он никогда не претендовал на то, чего не имел.

Екатерина была расположена к Разумовскому. Во время пешего путешествия Елизаветы к Троице он часто заезжал в село Раево, где жили Екатерина и Петр. Она не могла не заметить, что Разумовский увлечен ею, точно так же, как сама она не могла не обратить внимания на красавца-мужчину.

После восшествия Екатерины на престол К. Разумовский был у нее своим человеком, хотя особых поручений на него она не возлагала. Он был лишь членом совета императрицы.

«Один Панин (Н. И.) думает, другой (П. И.) кричит, Чернышев (Захар) предлагает, другой (Иван) трусит, я молчу, а прочие хоть и говорят, да того хуже», — говорил сам Разумовский о заседаниях этого совета.

В 1770 г. К. Разумовский присутствовал при службе митрополита Платона. Обращаясь к гробнице Петра, тот причитал: «Встань!»

Разумовский слушал, а затем сказал с украинским акцентом: «Чого вин его кличе? Як встане, то всим нам достанется».

Как и всех предшественников на российском престоле, Екатерину беспокоило состояние нравственности. Выше я приводила выдержку из указа Елизаветы о борьбе с проституцией. Но результат оказался почти нулевым. Во время Екатерины проституция достигла таких размеров, что составила настоящую проблему физического здоровья людей. Особенно из-за эпидемий сифилиса, которые превратились в настоящее бедствие.

Чтобы хоть как-то приостановить распространение заразы, против которой тогда еще не было лекарств, в 1764 г. вышло постановление Сената: ввиду значительного развития венерических заболеваний среди солдат, велено было допрашивать заболевших, от кого заразились, и «тех женщин разыскивать, по приводе осматривать; если окажутся больными, то лечить; по излечении же отсылать в Нерчинск только таких, кои подлая и бродячия и точно по разведыванию найдутся в том потребстве подозрительными».

Уставом о благочестии 1782 г. воспрещалось свой дом или снятый «открыть днем или ночью всяким людям ради непотребства и непотребством своим или ино-

го искать пропитания». Сводничество наказывалось смирительным домом.

Если посмотреть постановления и указы за собственноручной подписью Екатерины II по борьбе со сводничеством и проституцией, то из них явствует, что императрица прекрасно понимала несостоятельность любых мер. Екатерина считала проституцию фактом, который необходимо признать терпимым. Осторожная во всех своих начинаниях, она приказала ввести обязательный медосмотр всех девушек и женщин, которые подозревались в проституции. Ее стараниями были открыты воспитательные дома и лечебные заведения для больных сифилисом или, как говорили тогда, «франц-венерою».

Но благие начинания Екатерины по государственному контролю за проституцией так и не получили надлежащего развития. Единственное, чего могла добиться Екатерина, так это то, что в столице были назначены особые места для «вольных домов». (Лишь в 1843 г. проституция была признана законом; в столице, а также в Москве, Казани, Одессе, Минске и других городах империи были открыты публичные дома и созданы врачебно-полицейские комитеты, которые занимались розыском женщин-проституток.)

Екатерина II находилась на престоле 34 года. Мы оставляем за скобками как положительные, так и отрицательные государственные деяния, которые были совершены в годы ее царствования. Тема нашего разговора более узкая и вместе с тем довольно необъятная: тайны кремлевской любви. Если верить историкам и мемуаристам прошлого, в разные годы Екатерина имела четырнадцать любовников, которых приближала и делала своими фаворитами. Это касается не только периода ее молодости, но и времени позднего правления. Своего избранника на роль супруга Екатерина селила во дворце и выделяла 250 тыс. рублей на его содержание. Кроме

названных знаменитых любовников императрицы, ее избранниками становились Завадовский, который впоследствии стал первым в истории России министром просвещения; Дмитриев-Мамонов, известный в то время своими литературными опытами; Зорич — основатель 1-го московского кадетского корпуса, а также Платон Зубов — увлечение 60-летней Екатерины.

«При Екатерине любимцы могли иметь силу лишь настолько, насколько того заслуживали по способностям, но никогда воля их не ставилась превыше всего, — писал В. Андреев. — Только Зубов при умственной ограниченности занимает первое место в ее совете. Но это было уже тогда, когда силы ее падали. Но и о Зубове Ермолов отзывался, что он лучше многих современников знал Россию. В большинстве же случаев людьми обыкновенными Екатерина, как она признавалась сама, играла как игрушками».

Императрица умерла 6 ноября 1796 г. на 68-м году жизни. Она готовила на российский престол своего внука Александра, что и выразила в завещании. Но Павел, узнав о тяжелой болезни матери, примчался из Гатчины и сжег завещание. В этом ему помогли граф А. Безбородко и Николай Зубов, брат последнего фаворита императрицы.

РОМАНЫ ИМПЕРАТОРОВ

Заканчивался бурный, кипевший невиданными до того в России страстями, XVIII в., и вместе с ним «шапка Мономаха» переходила от женщин к мужчинам — последним представителям дома Романовых. С неотвратимой неизбежностью надвигался XIX в. — век небывалого расцвета литературы, философии, искусств, прогрессивных реформ, ознаменованный победой над непобедимым Наполеоном, — и в тоже самое время век подавления либерализма, многих национально-освободительных движений и становления России как «жандарма Европы».

Во многих областях и направлениях Россия шагнула далеко вперед по сравнению с предыдущими царствованиями. И только нравы остаются теми же, что издавна и прочно укоренились в доме Романовых. По традиции, которая досталась в наследство от Петра, Романовы все также женились на представительницах правящих дворов Европы, рожали с ними наследников престола, но влюблялись и испытывали глубокие сердечные чувства не в семье, а на стороне.

И все же какие-то изменения произошли: наследники престола получили возможность самостоятельно выбирать себе в супруги ту из западноевропейских принцесс, которая была по сердцу. Но даже при этом должна была быть соблюдена политическая целесообразность выбора.

В 1773 г. Екатерина женила своего сына Павла на Вильгельмине, принцессе Гессен-Дармштадтской, которая в крещении стала великой княгиней Натальей Алексеевной. Но в апреле 1776 г. 21-летняя великая

княгиня умерла во время родов. В тот же год Павел женился снова. На этот раз его избранницей стала племянница Фридриха Великого София-Доротея, принцесса Вюртемберг-Штутгардская. Став в крещении Марией Федоровной, она родила Павлу десять детей — четверых сыновей и шесть дочерей.

Но Павел не отошел от «традиции». В начале 1801 г. в Петербурге распространился слух о том, что Павел совершенно разошелся с женой и увлекся Анной Гагариной. Отца своей возлюбленной — Лопухина — он назначил генерал-прокурором. Внебрачная связь императора стала одной из причин, ускоривших дворцовый переворот и его гибель.

На престол взошел Александр Павлович. Именно его в обход отца Екатерина готовила к российскому престолу. Она сама учила внука читать и писать и осуществляла постоянный контроль за его образованием. Когда Александру исполнилось 16 лет, Екатерина женила его на 14-летней Луизе, принцессе Баден-Баденской.

«Эта пара прекрасна, как ясный день, в ней пропасть очарования и ума; это сама Психея, соединенная с любовью», — писала Екатерина.

Но так думала только она. Александр был красивым молодым человеком. От брака с Луизой, ставшей в крещении Елизаветой Алексеевной, родились две дочери — Мария и Елизавета (обе дочери умерли в младенчестве: первая в годик, вторая — в два годика).

Вопреки восхищенному отзыву бабушки, Александр очень рано отдалился от супруги и вступил в многолетнюю связь с той, которой принадлежало его сердце — Марией Нарышкиной. От нее у Александра родились дети, а смерть любимой дочери Софьи в 1824 г. стала для него тяжелым ударом. Этот удар в сочетании с нарастанием революционных движений в Западной Европе привели к тому, что Александр все более мрачнел

и не мог находиться на одном месте. За последнее десятилетие своего царствования он изъездил вдоль и поперек не только Европу, но и почти всю Россию (Финляндия, Варшава, Берлин, Вена, Париж, Лондон, север и юг России, Урал, Средняя и Нижняя Волга).

Александрю все чаще приходилось думать о кандидате на российский престол. По павловскому закону о престолонаследии им должен был стать Константин, второй после Александра сын Павла. Но цесаревич Константин уже в молодости отличался дикими выходками и грубостью характера, чем напоминал отца. Еще при жизни Екатерины он женился на Юлиане-Генриетте, герцогине Саксен-Кобургской, которая была на два года моложе. Брак оказался несчастливым, и в 1801 г. великая княгиня Анна Федоровна навсегда покидает Россию.

В отличие от старшего брата, Константин никогда не был однолюбом. По числу внебрачных детей его вполне можно было бы поставить в один ряд с великим предком, Петром I. От любовной связи с актрисой Жозефиной Фридрих у Константина родился сын, которого нарекли Павлом Александровым и который впоследствии стал генерал-адъютантом. Плодом сердечного романа с певицей Кларой-Анной Лоранс, побочной дочерью князя Ивана Голицына, стало рождение сына Константина Константинова (впоследствии — генерал-лейтенант) и дочери Констанции, которая была воспитана в доме князей Голицыных и выдана замуж за генерал-лейтенанта Андрея Лишина.

Рассказывая о тайнах кремлевской любви, в этом месте я не могу не рассказать шестой дочери Павла, Анне. В феврале 1816 г. в церкви Зимнего дворца совершилось торжественное бракосочетание: император Александр I выдавал свою младшую сестру замуж за принца Оранского. Однако предыстория этого брака наполнена таким количеством хитрых дипломатических

ходов, торгов и блужданием в лабиринте тайн и секретов, что могла бы послужить сюжетом для многих художественных произведений.

Анна Павловна родилась в 1795 г. Когда ей исполнилось 15 лет, через своего посла Коленкура к ней посватался не кто-нибудь, а сам французский император Наполеон Бонапарт.

«Она высока для своих лет, — писал в одном из секретных отчетов министру внешних сношений по поводу брачных переговоров посол Коленкур. — У нее прекрасные глаза, нежное выражение лица, любезная и приятная наружность. И хотя она не красавица, взор ее полон доброты и тепла. Нрав ее тих и, говорят, очень скромн. Доброте ее отдают предпочтение перед умом... Как все великие княжны, она прекрасно воспитана и образована. Она уже умеет держать себя, как подобает принцессе, обладает тактом и уверенностью, необходимым при дворе. Подобно братьям, она походит на мать. Все говорят, что она унаследует ее походку и формы».

В январе 1810 г. Александр при личной встрече сказал Коленкуру, что Мария Федоровна может дать согласие на брак дочери не ранее чем через два года. На дипломатическом языке это означало вежливый отказ.

В то же время, доверенный человек императора, генерал Чернышев, вел секретные переговоры с нидерландским двором о браке между Анной Павловной и наследным принцем. Проездом из Англии в Россию Александр лично посетил Гаагу и предложил Виллему приехать в Петербург, чтобы познакомиться с Анной.

Секретная переписка продолжалась до битвы при Ватерлоо, когда Александр наконец открыто предложил Виллему заключить брак между его сыном и Анной. Но король надеялся женить сына на одной из принцесс Габсбургского дома, поэтому ответил дипломатично: нужно подумать.

В конце концов Оранский дом породнился с домом Романовых. Лето молодожены провели в России, а в сентябре прибыли в Гаагу.

Живя на чужбине, Анна Павловна никогда не забывала о том, что является императорской дочерью и сестрой, и требовала соответствующего обхождения. Она регулярно писала семье в Россию, делаясь своими радостями и горестями. Изучая нидерландский язык, историю и литературу, много занимаясь благотворительностью (она основала более 50 приютов для детей неимущих), Анна Павловна сыскала искреннюю любовь и восхищение подданных. От своего свекра, короля Виллема, она получила в подарок домик своего прапрадеда Петра в Заандаме по случаю рождения 2 августа 1818 г. второго сына, названного Александром. Она приказала построить для него каменное покрытие, какое возвела Екатерина над домиком Петра в Петербурге.

В марте 1848 г. Анна потеряла сына Александра, а ровно через год, 17 марта 1849 г., в результате несчастного случая умер и ее супруг — нидерландский король Виллем II. После его смерти Анна Павловна обнаружила, в каком ужасном состоянии находятся финансовые дела Оранского дома, и обратилась за помощью к брату Николаю I.

«Милый брат, дорогой и любезный друг, — писала она, — ты, конечно, понимаешь, что только обстоятельства крайней необходимости вынуждают меня нарушить наше общее горе и говорить с тобой о вещах материальных. Я подумала, милый друг, что, поскольку речь идет о чести семьи и памяти нашего дорогого Виллема, которого ты так любил, я должна обратиться к твоему сердцу и воззвать к твоей доброте. Тебе известно о наследстве Виллема. В задачу комиссии, созданной для изучения и рассмотрения этого вопроса, входило собрать необходимые данные и оценить имущество и наличные активы, ровно как и сосчитать долги. По-

следние, как оказалось, составляют 4,5 млн. гульденов. Для их уплаты нам нужно будет продать всю землю и недвижимость в этой стране, поэтому я обращаюсь к тебе, любимый брат и друг, с просьбой, чтобы ты в этот роковой час согласился купить собранные Виллемом картины, к которым ты так привязан и которые уже отданы тебе в залог. Если ты выполнишь мою просьбу, мои дети будут спасены. Ты также спасешь честь семьи».

Николай согласился и купил коллекцию за 137 823 гульдена. Теперь это бесценное собрание картин, среди которых многие принадлежат кисти Рембрандта, — предмет гордости Эрмитажа. На свои личные сбережения Анна купила дворец в Сустдейке, «чтобы этот знак национальной благодарности, подаренный нашему Виллему по случаю битвы при Ватерлоо, не попал в руки Бог знает кого».

После того как у великого князя Николая в 1818 г. родился сын, император Александр остановился на варианте, что его преемником на российском престоле в обход Константина должен стать их младший брат Николай. Об этом он и предупредил младшего брата и его супругу, великую княгиню Александру Федоровну.

В 1819 г. Константин решил вступить в морганатический брак с графиней Яной Грудинской. Константин был командующим русской армией в Польше и жил в Варшаве. Александр, который в то время носил польскую столицу, имел разговор с Константином. Александр дал согласие на развод брата с Анной Федоровной и вступление в морганатический брак с графиней Грудинской при условии, что Константин передаст свои права на престол Николаю.

Результатом соглашения стал манифест от 20 марта 1820 г., согласно которому член императорской фамилии при вступлении с лицом невладетельного дома не мог передавать детям права на престол.

Внезапная смерть Александра I в далеком Таганроге 19 ноября 1825 г. не только возвела на престол Николая I, младшего сына императора Павла, но и породила красивую легенду о старце Федоре Кузьмиче.

Уже в пятимесячном возрасте Николай был произведен в полковники и назначен шефом лейб-гвардии Конного полка, а в четыре года — шефом лейб-гвардии Измайловского полка. Николая готовили к военной карьере, и даже в воспитатели к нему определили генерала Ламсдорфа, который сурово наказывал упрямого, непослушного и вспыльчивого великого князя. И все же, несмотря на солидное военное образование, на всю жизнь Николай сохранил страсть только к внешней стороне военной службы — разводам, смотрам, парадам.

Николай отличался высоким ростом и красотой, и его считали красивейшим мужчиной в Европе. Его женой стала принцесса Шарлотта, дочь прусского короля Фридриха Вильгельма III. Приняв православие, она стала именоваться Александрой Федоровной.

«Император Николай питал к своей жене, этому хрупкому, безответственному и изящному созданию, страстное и деспотическое обожание сильной натуры к существу слабому, единственным властителем и законодателем которого он себя чувствует, — писала в своих мемуарах фрейлина императорского двора А. Тютчева. — Для него это была прелестная птичка, которую он держал взаперти в золотой и украшенной драгоценными камнями клетке, которую он кормил нектаром и амброзией, убаюкивал мелодиями и ароматами, но крылья которой он без сожаления обрезал бы, если бы она захотела вырваться из золоченых решеток своей клетки. Но в своей волшебной темнице птичка не вспоминала даже о своих крылышках».

Александра Федоровна была физически слабой, болезненной женщиной. Она родила Николаю четыре сы-

на и три дочери, но император по традиции предавался развлечениям и на стороне.

«Если век Екатерины или Елизаветы Петровны своим бесшабашным, подчеркнутым каким-то цинизмом и распутством весьма успешно бил все рекорды, установленные при дворе Людовика XIV и Людовика XV, если Екатерина и Елизавета навсегда связали свое имя с этой особой, юнкерской, какой-то ухарской, мозги набекрень развращенностью, и прославили этим свое имя, то Николай Павлович имеет все права обижаться за невнимание к нему, — писал историк И. Василевский. — Он, со своей стороны, всемерно старался проявить себя и в этой области не менее, чем та же Екатерина. Вина не его, а неблагодарного потомства в том, что имя Николая не сделалось в этой области нарицательным. Только жестокость Николая Палкина могла затмить эти его заслуги».

Среди бумаг Добролюбова, которые хранятся в Пушкинском доме в Петербурге, есть статья «Разврат Николая Павловича и его приближенных любимцев», которая по цензурным соображениям не могла быть издана. Свою статью Добролюбов начинает с того, что говорит: «Всякому известно, что Николай пользовался репутацией неистового рушителя девической невинности». Современники из числа придворных, которые были в курсе всех слухов и сплетен, утверждали, что при дворе нет ни одной фрейлины, которая бы не подверглась сексуальным домогательствам самого Николая или кого-нибудь из членов августейшего семейства.

«Обыкновенный порядок был такой: брали девушку знатной фамилии в фрейлины, употребляли ее для услуг благочестивейшего самодержавнейшего императора, а затем императрица Александра начинала сватать обещанную девушку за кого-нибудь из придворных женихов», — со ссылкой на Добролюбова, писал И. Василевский.

Любопытная черта нравов того времени: женитьба на любовнице императора считалась не только наилучшим способом к придворной карьере, но еще и честью, оказанной жениху августейшим монархом.

Вот типичный и одновременно редкий пример того времени. Полковник лейб-гвардии гусарского полка Никитин женился на дочери барона Фредерикса, которая перед замужеством находилась в интимной связи с Николаем. Узнав об этом, муж позволил себе упреки в адрес жены за роман с императором. По жалобе жены полковника Никитина сослали для прохождения службы в один из отдаленных полков. Лишь когда его жене надоел петербургский климат и она уехала за границу, не в меру требовательному супругу разрешили вернуться в столицу.

Жалобы на сексуальные домогательства представляли собой исключение. Да и кому было жаловаться, если насильник — это не кто-нибудь, а сам император! Когда фрейлина Рамзай, дочь финляндского генерал-губернатора, позволила себе уклониться от обычных знаков внимания Николая I и заперла на ключ двери своей спальни, ее отец был немедленно отстранен от должности.

Добровольные, а чаще добровольно-принудительные, услуги по женской части в царствование Николая создавали почти идеальные условия для ошеломительной служебной карьеры, дававшей власть над верно-подданными.

«Наружность Николая, прятавшегося от России плотной стеной тайной полиции, составленной из филеров, битых офицеров и воров, пойманных на краже казенных денег, Герцен рисует чертами незабываемыми, — читаем у И. Василевского. — Николай, превративший всю Россию в острог, свирепый часовой в ботфортах, со свинцовыми пулями вместо глаз, с бегущим назад малайским лбом и звериными выдающимися вперед челюстями... Он заводит бесконечные интрижки

в театрах, где появляется в уборных актрис. На этих театральных амурах царя делает свою карьеру заботящийся об их интересах директор театров Гедеонов. Николай ездит в Смольный монастырь, и так как здесь его амурам помогает начальница института для благородных девиц графиня Адлерберг, то ее сын, со товарищ Николая в сексуальных похождениях, делает блестящую карьеру. Вначале он назначен адъютантом Николая, а затем министром двора. Николай ездит по маскарадам, устраивает ряд веселых интрижек, — и пышную карьеру делает А. Ф. Орлов, которому надлежит при таких поездках наблюдать за местностью и охранять покой самодержца».

Сохранились рассказы современников о том, какие меры принимал граф Клейнмихель, чтобы покрепче привязать Николая к своей жене. Глава Третьего отделения и гроза всей России задумал объявить, что его жена имеет детей от Николая. Тогда, по расчетам изобретательного графа, на него должен будет снизойти дождь императорской благосклонности.

Дело было за малым, нужно было родить ребенка. Вся беда заключалась лишь в том, что графиня Клейнмихель была бесплодна. Но и это не смутило главу Третьего отделения. Он пустил слух о том, что жена его лечится от бесплодия, а через некоторое время графиня уже щеголяла... с подвязанным животом. В положенный срок она на короткое время исчезала из светского круга и ждала, пока муж отыщет новорожденного младенца. Когда все оказывалось в порядке, распускался слух, что ребенок у графини от Николая. Император горячо благодарил Клейнмихеля за то, что тот воспитывает незаконных царских детей. И поскольку «дождь августейшей благосклонности» был обилен, к подобному ухищрению Клейнмихель прибегал восемь (!) раз, в результате чего глава Третьего отделения обзавелся пятью сыновьями и тремя дочерьми.

Обратимся к историку И. Василевскому:

«В многочисленных и типично-казарменных амурных похождениях Николая I чрезвычайно отчетливо проявляется, что перед нами не просто похождения савраса без узды, но разгул и разврат именно его императорского величества, самодержца всероссийского. Такова сущность его манеры ухаживать. Любой комплимент по адресу смазливенькой дамы произносится Николаем I так авторитетно и увесисто, как будто под ним следует подпись: Дан в городе Санкт-Петербурге, в лето от рождества Христова 1851-е, царствования же нашего в 26-е...

Эти цифры в данном примере не случайны. Именно в этом, 1851 году Николай I на дворянском балу встретил 18-летнюю красавицу Жадимировскую. Встреча оказалась чревата последствиями. В порядке высочайшей милости Николай I не только соизволил сказать Жадимировской несколько комплиментов, но и запомнил ее, в обычном порядке до ее сведения было доведено о чувствах, какие его величество изволит питать по ее адресу. Ко всеобщему изумлению Жадимировская, незадолго перед тем выданная замуж за нелюбимого мужа, вместо того чтобы возликовать, резко уклонилась от амурных предложений царственного селадона. Горе несчастной! Злобный, высокомерный, желчный Николай I сумел отомстить наивной женщине, посмевшей — вы подумайте! — уклониться от объяснений величества».

Супружеское ложе с Николаем I по очереди делили многие представительницы высшего света. Одной из них была Варвара Нелидова. Она была племянницей Екатерины Нелидовой, всемогущей фаворитки Павла I (которую позже сменила Лопухина). Будучи фрейлиной, Варвара Нелидова одно время открыто жила с Николаем в Зимнем дворце.

Образ жизни не мог не отразиться и на правлении Николая. Он не смог пережить крах системы, которую

создавал на протяжении всего царствования. Отличаясь железным здоровьем, в начале 1855 г. Николай I слег от легкой простуды. 13 февраля он получил известие о неудаче русской армии под Евпаторией, и 18 февраля скончался. По столице мгновенно распространился слух о том, что император покончил жизнь самоубийством.

«Сдаю тебе мою команду, к сожалению, не в том порядке, как желал, оставляя много хлопот и забот», — сказал он наследнику перед тем, как принять яд.

Новым императором стал Александр II. Еще наследником он первым из русских государей совершил путешествие в Сибирь, а во время заграничной поездки выбрал себе невесту — дочь великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвиг Максимилиану-Августу-Софию-Марию, которая в России приняла имя Марии Александровны.

Их свадьба состоялась в 1841 г., а 18 августа следующего года на свет появилась дочь Александра (умершая в семилетнем возрасте). Почти через год, 8 сентября 1843 г., родился сын Николай (умер в 22-летнем возрасте), а за ним, 26 февраля 1845 г., — Александр, будущий император России. Всего же у Александра II и Марии Александровны родилось шесть сыновей и две дочери.

Вступив в возрасте 37 лет на престол, Александр II действительно получил в наследство от отца страну, дела в которой в полном запустении. Поэтому императору пришлось не только приводить их в порядок, но и поновому завоевывать авторитет на международной арене. Старший сын Николая I стал не только царем-реформатором, но и первой жертвой той системы, которую насаждали в России его предки. Никогда еще до него никто не совершал столько покушений на жизнь царственной особы, и вряд ли сам император Александр II осознавал, когда взорвалась бомба террориста-народоволь-

ца, что в его смерти виновата не она, а то, что он успел и чего не успел сделать.

В жизни императора Александра II была любовь, которая послужила основой для произведения М. Палеолога «Роман императора» и художественного сериала, неоднократно показанного по телевидению.

Этой любовью была Екатерина Михайловна Долгорукая. Ей исполнилось только 17 лет, ему было 47, когда он увидел ее на балу и влюбился с первого взгляда. Совсем ещё девочка, Екатерина Долгорукая сумела совершенно подчинить императора своей воле. Она на долгие годы стала его неизменной спутницей и соучастницей во всех делах. От их романа родилось трое детей — сын Георгий и две дочери — Ольга и Екатерина (один мальчик умер).

Однако положение Долгорукой долгие годы оставалось неопределенным: она не жена, но она и не любовница, или то и другое вместе. Удивительно, но Александр II сохранял свое искреннее чувство к Долгорукой на протяжении всей их связи, не позволяя выходить замуж. Он боялся потерять ту, чье положение всецело зависело только от него.

Мария Александровна знала о связи мужа с Долгорукой, но, похоже, понимала, что ничего не сможет сделать. Она сознавала, что является как бы препятствием на пути влюбленных, и тяготилась своим незавидным положением.

Ее смерть в мае 1880 г. позволила Александру выполнить долг, который висел над ним более десяти лет. Вскоре после похорон жены он вступил в тайный морганатический брак с возлюбленной. Он присвоил Екатерине Михайловне Долгорукой титул светлейшей княгини Юрьевской и задумал короновать ее новой царицей.

Однако планам Александра II на счастливую семейную жизнь не суждено было сбыться. 1 марта 1881 г. он погиб во время очередного покушения. У набережной

Екатерининского канала, на месте гибели императора, позже был воздвигнут храм Воскресения Христова «на крови». Никто и не предполагал, что он станет символом трагической судьбы дома Романовых.

Александр III не готовил себя в императоры. Он занял трон в силу трагических перипетий, которые пережила семья. Наследником престола был Николай, который должен был стать императором под именем Николая Второго.

Его преждевременная смерть в апреле 1865 г. возвела на трон Александра, который женился на невесте брата, датской принцессе Марии-Фредерике-Дагмаре, ставшей в православии Марией Федоровной. Через год после смерти жениха она вышла замуж за его брата.

Александр III было всего 49 лет, когда 20 октября 1894 г. от «гипертрофии сердца и жировом перерождении его при хроническом интерстициальном воспалении почек, изменения в почках были сравнительно незначительны». Он правил Россией 13 лет и умирал в полной уверенности, что оставляет сыну великую страну.

Когда 26-летний Николай II вступил на престол, современники стали находить такие исторические совпадения и приметы, которые предрекали молодому императору насильственную смерть.

Совпадения и приметы начали сбываться с коронации, когда по нерадивости полиции в толпе на Ходынке погибло несколько тысяч человек.

Николай при его склонности к мистицизму верил в приметы. По преданию, незадолго перед насильственной гибелью император Павел имел беседу с одним русским юродивым-прорицателем, который предрек насильственную гибель династии в 1918 г. «при царе, нареченном Николаем». Предсказание было записано Павлом, положено в шкатулку и замуровано в потайном месте его дворца с непременным условием: вскрыть через сто лет после его смерти.

Вскрыть шкатулку выпало Николаю II. Придворные также вспоминали судьбу Людовика XVI и его жену Марию Антуанетту, портрет которой висел в парадном зале Царскосельского дворца. (Под ним царская семья вставляла во время приемов гостей.) А ведь во время коронации Людовика в Париже тоже произошла давка, в которой погибли люди. И то, что французский король закончил свою жизнь на плахе, тоже всем было хорошо известно.

Что касается женитьбы Николая, то и здесь не обошлось без мистики и суеверий. Александр III был категорическим противником женитьбы сына на Алисе, принцессе Гессен-Дармштадтской.

Она была не только внучкой английской королевы Виктории, но и племянницей германского императора Вильгельма II. Николай увидел ее впервые в Виндзорском замке и сразу влюбился. Королева Виктория благожелательно отнеслась к чувствам, которые возникли у ее любимой внучки к молодому наследнику российского престола. Александр III, наоборот, был категорическим противником подобного брака. Он знал, что гемофилия поражала из поколения в поколение членов гессенского дома по мужской линии.

Но Николай ни о ком не желал слышать, кроме принцессы Алисы. Долгие годы их любовь продолжалась по переписке, пока в апреле 1894 г., незадолго до своей смерти, Александр благословил брак сына. Свадьба состоялась в ноябре того же года, вскоре после похорон императора Александра.

Принцесса Алиса получила воспитание в Виндзорском замке, однако во всем остальном она мало чем отличалась от типичной английской девушки викторианской эпохи. И кто бы мог подумать, что искрящейся радостью принцессе, «виндзорскому солнечному лучику», как ласково называл ее в своих письмах Николай, суждено стать русской царицей, фанатичной приверженкой православной церкви.

Но очаровательная принцесса несла с собой и семена будущих бедствий: вместе со склонностью к мистике она унаследовала от матери способность передавать наследникам по мужской линии гемофилию. И то, что в семье Николая и Александры первыми на свет появились четыре дочери, сейчас может восприниматься не иначе, как божественное провидение, предупреждение свыше.

Страстное желание родить Николаю наследника побудило царицу искать помощи не только у святых старцев, но и у шарлатанов, авантюристов и мнимых чудотворцев. И когда через десять лет супружеской жизни 30 июля 1904 г., на свет появился сын, это было истолковано именно как чудо.

Но вместе с чудом на трон легла печать смерти: наследник страдал гемофилией. Это стало понятно с первого мгновения его появления на свет: у мальчика не прекращалось пуповинное кровотечение.

Александра Федоровна была не из тех женщин, которые сдаются без борьбы. Убежденная, что вера способна свернуть горы, она была одержима идеей найти святого человека, который молился бы за нее и ее сына.

И такой человек объявился. Имя ему — Григорий Распутин. Неграмотный крестьянин, который в молодости отличался конокрадством, беспробудными пьянками, буйством и распутством (отчего и получил свое прозвище — Распутин).

Настоящая фамилия «чудотворца» — Новых Григорий Ефимович. Он родился в селе Покровском Тюменского уезда Тобольской губернии в 1864/65 г. Пить начал с 15 лет, а в 20 лет, после женитьбы, превратился в алкоголика. Пойманный однажды на месте преступления, он был сильно избит односельчанами и сдан в волостное правление.

Однако и после этого Новых не перестал воровать. Тогда сельское общество подняло вопрос о ссылке его

в Восточную Сибирь. Ему удалось избежать ссылки благодаря паломничеству в Верхотурский монастырь.

После трехмесячного пребывания в монастыре у Распутина — теперь не только земляки, но и он сам себя так величал, — начинается новый период жизни. Он забросил семью и хозяйство и за несколько лет побывал в десятках всевозможных обителей, в том числе и на Афоне. Он бросил пить, курить и употреблять в пищу мясо. После возвращения в родное село он устроил в подполье молельню, где вместе со своими поклонниками, число которых все время росло, устраивал своеобразные «богослужения». Они неизменно заканчивались самым скотским развратом.

«Дар спасения женских душ через унижение их гордыни, очищение их от скверны, снятие с них страстей, особенно же изгнание из грешниц блудного беса», — так сам Распутин характеризовал смысл своих «богослужений».

Он говорил, что обрел в себе эту способность в родном селе, куда из высшего света стекались именитые и богатые паломницы, прослышавшие о чудесах отца Григория.

«Я видел их гордость, — говорил он потом. — Они считали себя превыше всех. Золото, бриллианты и деньги туманили их ум. Ходили как павы. Думали, весь свет для них. Все остальное — ничто. Я полагал, надо их смирить, унижить. Когда человек унижится, он многое постигает. Я хотел, чтобы они пережили все это... И вот, в этом диком заблуждении, я заставлял их идти с собой в баню. Их было двенадцать женщин. Они мыли меня и претерпели все унижения...»

С течением времени слава нового и весьма своеобразного «праведника» росла. Умный и хитрый мужик, Распутин ловко и очень умело воспользовался ей и, в конце концов, попал в Петербург, а затем и ко двору.

Это произошло в 1904 г. «Клиентуру» старца составляли женщины — от дам и девиц высшего света до заурядных проституток. Нет необходимости описывать его пьяные развратные похождения и способы добывания денег. Отметим только, что общая причина, по которой многочисленная женская рать осаждала Распутина, коренилась в кризисе режима, которая обычно сопровождается падением нравов, увлечением мистикой и эротоманией. Особенно это характерно для женщин, прежде всего высшего общества, но такое поведение не обходит стороной и более низкие слои общества. Конкретные же причины могли быть самые разные, начиная от банального сексуального разврата, прикрытого флером мистики и святости, до трезвого расчета с помощью старца устроить свои денежные дела, карьеру мужьям и возлюбленным. Но были и поклонницы, которые искренне верили в святость Распутина.

При посещении Иерусалима в 1911 г. Распутин обратил внимание на обряд омовения ног, о чем написал царице: «Золотые мои молотки достиг град свят... напишу о всей церемонии умыли ноги я расскажу приеду вы истинные мои боголюбивые вы хотя без умывания ног господи гроб это такая радость».

Из этого короткого отрывка можно понять только то, что Распутин обратил главное внимание при посещении Иерусалима на обряд омовения ног. И это не случайно, так как одной из его излюбленных мер унижения прекрасного пола было принуждение гордых красавиц мыть ему ноги. При этом Распутин, совершенно голый, заставлял женщин самих раздеваться донага, «дабы в муках голизны своей грешницы сильней почувствовали высшее смирение». Когда же для унижения женской гордыни и это средство оказывалось недостаточным, Распутин прибегал к телесному наказанию: имея перед собой евангельский пример Христа, изгнавшего однажды верием-торгующих из

храма, так и он однажды в публичном доме в Казани просвещал души женщин и бил своим поясом бежавших перед ним голых девиц.

Но, как писал литературный критик Н. Евреинов, все эти факты «бледнеют перед теми чудесами, каких достигал отец Григорий во врачевании блудных страстей путем поцелуев, прикосновений особого рода и путем совокупления ради совершенного изгнания из одержимых женщин блудного беса».

«Мне прикоснуться к женщине все равно, что к чурбану, — говорил он сам придворному священнику иеромонаху Илиодору. — У меня нет похоти. И дух бесстрастия, во мне суший, я передаю им, а они от этого делаются чище, освящаются».

С момента появления Распутина при дворе и до его убийства через его руки прошло столько женщин, что такое не снилось ни Петру Первому, ни Николаю Первому. Среди них были женщины всех возрастов и различного общественного положения. Но особое внимание Распутин уделял «освящению» молодых и богатых, в которых, по словам самого Распутина, «блудный бес особенно властно дает о себе знать рядом с духом гордыни». Он также говорил, что относится к своим подвигам, как к подвигам любви, и черпает в них новую силу.

«Подобно ученым отцам Западной церкви, знавшим, что *diaboli virtus in lumbis* (дьявол прячется в ляжках), отец Григорий, несмотря на свою неискренность в науке, хорошо был осведомлен, где именно прячется в женщинах мучающий их блудный бес, — писал Н. Евреинов. — Отсюда именно и изгонял он властно лукавого, не заботясь о суетном чувстве приличия у спасаемого, подобно тому, как не заботится о том же мудрый гинеколог, врачующий пациентку от тайного недуга».

Конечно, читателя вполне резонно интересует вопрос: будучи вхож в царские покои, не изгонял ли

Распутин блудного беса из самой царицы? Прямых подтверждений тому нет, но многочисленные слухи и сплетни, дошедшие до наших дней, дают повод думать, что царица была в интимной связи со «святым» старцем. Эта легенда получила широкое распространение не только у нас, но и на Западе. Сам Распутин, по свидетельству современников, отзывался на этот счет лишь намеками.

Биограф царицы В. Канторович в книге «Александра Федоровна Романова» отмечал, что она была очень впечатлительна и легко возбудима в половом отношении. «Прожив двадцать лет с мужем, она не перестает быть во власти эротических воспоминаний и образов, которые порой вытесняли все остальное», — писал В. Канторович.

Если принять во внимание крайне чувственный характер Александры Федоровны, можно, конечно, и без неоспоримых свидетельств предположить, что ей также приходилось порой «страдать от блудного беса» и искать избавления в «освящающих объятиях чудотворца».

В. Канторович в своей книге говорит о том, что Александра Федоровна знала об интимной связи своего супруга с фрейлиной Анной Вырубовой. Биографу царицы поражала «атрофия нравственного возмущения, последняя степень равнодушия к своему собственному достоинству» с ее стороны. Только этими причинами он объясняет поведение Александры Федоровны, но при этом не допускает и мысли о физической связи ее с Распутиным.

Как фрейлина Вырубова, так и императрица Александра Федоровна относились к числу тех поклонниц Распутина, которые искренне верили в его святость. В годы войны широко распространились слухи, что обе эти женщины сожительствовали с ним. Но слухи и сплетни, как мы видели, так и остались историчес-

кой легендой. Единственное, что было верно, — это то, что влияние Распутина на них стало сразу прочным и сильным.

«Некогда своеобразные «богослужения» дали основания подозревать Распутина в хлыстовстве, — писал Н. Евреинов. — Несколько слов о сексуальной этике хлыстов (по-видимому, искаженное произношение христов). Начнем с брачных отношений «божьих людей». Как известно, хлысты считают священников поганцами, смутниками, любодеями или гнездниками, потому что они женаты. Брак и крещение хлысты приравнивают к осквернению, вступающих в брак считают погубившими свою душу.

Отвергая церковный брак, хлысты учат, что с прежней (до вступления в секту) женой следует жить как с сестрой. Хлысты имеют духовных жен, плотские связи с коими не составляют греха, ибо здесь проявляется не плоть, а Христова духовная любовь. Вступить в связи с чужими женами у хлыстов, значит иметь любовь, что голубь с голубкой. Поэтому хлысты, не теряя брака, оправдывают внебрачные отношения. Вступающий в секту хлыстов, если он женат, должен прекратить супружеские отношения, но без гласного расторжения брака...

Сам являя чудовищный пример супружеской неверности, Распутин, не порывая со своей женой, учил той же хлыстовской этике и своих поклонниц вкупе с их мужьями, являл себя ревностным последователем хлыстовского учения и повадок. Даже такие сравнительные пустяки, как хорошо многим памятные обязательные лобзания Распутина при встрече его с женщинами, не свободны от подозрения в хлыстовстве. Во всех своих блудодейниях Распутин повторяет до некоторой степени житие своего предшественника Радаева, знаменитого в 50-х годах прошлого столетия арзамасского хлыстовского пророка».

Трагическая жизнь и судьба последнего российского императора закончилась в Ипатьевском доме, как некогда царствование Романовых начиналось с Ипатьевского монастыря. Михаилу Федоровичу, первому царю из дома Романовых, пришлось подняться на двадцать три ступеньки, чтобы занять престол. Ровно столько же прошел Николай Второй со своим семейством, чтобы спуститься в подвал Ипатьевского дома. Как тут не поверить в судьбу, если и царствование его длилось ровно двадцать три года?

В заключении рассказа о Романовых я хотела бы обратиться к той теме, которая обычно остается за кулисами главных исторических событий — морганатическим бракам.

Волна этих браков захлестнула Романовых еще до революции. Сначала родной брат императора Михаил женился на дважды разведенной Наталье Шереметьевской, потом сестра Ольга вышла замуж за Николая Куликовского. Великий князь Михаил был убит под Пермью, а его жене, получившей титул графини Брасовой, и сыну удалось выехать за границу.

Родной дядя Николая Второго, великий князь Павел Александрович, вторым браком был женат на Ольге Пистолькорс, урожденной Карнович. Этот брак, доставивший Николаю много хлопот, был признан, а Ольге Пистолькорс и ее детям от брака с Павлом Александровичем был пожалован титул графини Гогенфельзен (с началом войны смененный на титул княгини Палей).

Павел Александрович был расстрелян в январе 1919 г. в Петропавловской крепости вместе с тремя своими двоюродными братьями.

Княгине Палей удалось покинуть Россию через Финляндию, перебраться во Францию и спасти двух своих дочерей — Ирину и Наталью. Она была совершенно убита известием о смерти мужа и сына, и после мечтала издать стихи Владимира — талантливое по-

эта и драматурга. Но она оставила лишь мемуары, где описала трагический путь своей семьи, виновной лишь в принадлежности к дому Романовых.

Старшая дочь княгини Палей, княжна Ирина, вышла замуж во Франции за князя Федора Александровича, сына Александра Михайловича и Ксении Александровны. Летом 1990 года ее сын — князь Михаил Федорович Романов — впервые посетил Россию. Она умерла осенью того же года.

В морганатическом браке состоял и великий князь Борис Владимирович, внук Александра II и племянник Александра III. Он эмигрировал во Францию в начале революции и был обязан своим спасением счастливому случаю. В 1913 г., прогуливаясь по Латинскому кварталу Парижа, он наткнулся на выставку художественно нарисованных подушек. Будучи ценителем искусства, Борис Владимирович приобрел их значительное количество. Прошло четыре года, и командир большевистского отряда, которому было приказано расстрелять Бориса Владимировича и его брата Андрея, оказался тем самым бывшим художником, чьи подушки некогда оценил великий князь. Большевистский комиссар не мог убить человека, оценившего его искусство. Он посадил обоих великих князей в автомобиль и вывез в район белых армий. Женатый на Зинаиде Рашевской, дочери генерала, героя Порт-Артура, Борис Владимирович жил и умер на юго-западе Франции. Его брат Андрей Владимирович женился в эмиграции на известной русской балерине Матильде Кшесинской, у которой был роман с наследником-цесаревичем Николаем Александровичем, будущим императором Николаем II.

От гражданского брака с великим князем Сергеем Михайловичем, внуком Николая I, у Матильды Кшесинской в 1902 г. родился сын Владимир, которого великий князь Андрей Владимирович усыновил. Но в мемуарах сама Кшесинская утверждала, что отцом ее сына все же

являлся Андрей Владимирович. После того как Кшесинская стала законной женой великого князя, в 1935 был пожалован титул княгини Романовой-Красинской. Ее сын носил отчество Андреевич. Андрей Владимирович умер в 1956 г., Матильда Кшесинская, бывшая на семь лет старше своего мужа, — в 1971 г., в возрасте 99 лет. Сын пережил ее лишь на три года.

Из шестерых сыновей великого князя Константина Константиновича, известного поэта К. Р., в живых осталось только двое. Талантливый пушкинист, Олег Константинович, погиб на фронте. Князя Иоанн, Константин и Игорь, правнуки Николая I, погибли в шахте под Алапаевском. Их брата, князя Гавриила Константиновича, ЧК арестовало летом 1918 г. Его жена — балерина Антонина Нестеровская — бросилась к Урицкому. Бокий, заместитель Урицкого, приказал перевести тяжело больного Гавриила в больницу. С помощью врача, лечившего Максима Горького, Нестеровская забрала мужа из больницы и переехала в единственное безопасное место во всем Петрограде — квартиру Горького и Андреевой.

Андреева, назначенная управляющей всеми театрами Петрограда, добилась у Зиновьева разрешения на выезд князя Гавриила в Финляндию. В последний момент отъезд чуть не сорвался, но судьба больного князя и его жены тронула комиссара. Он выпустил их из страны без паспортов, которые так и остались в ЧК. Антонина Нестеровская перевезла еле живого своего мужа через границу... на саночках и еще долго не верила своему счастью.

Обе сестры князя Гавриила — Татьяна и Вера — и брат Георгий тоже бежали за границу. Татьяна, вдова князя Багратион-Мухранского, уехала из России вместе с сыном Теймуразом и дочерью. Вырастив детей, она постриглась в Иерусалиме под именем Тамары. Ее младшая сестра Вера до войны жила в Германии у род-

ственников матери, великой княгини Елизаветы Маврикиевны. После войны она работала в Красном Кресте, а в 1951 г. переехала в США. Сейчас она живет в старческом доме для русских эмигрантов в штате Нью-Йорк, которым руководит княжна Ливен. Георгий Константинович умер в 1938 г. в США во время операции. Ему было всего 35 лет.

Князь Гавриил Константинович, которого большевики отпустили за границу умирать, довольно скоро поправился и получил от Владимира Кирилловича титул великого князя. Он жил в Париже и являлся почетным покровителем нескольких русских эмигрантских организаций. Ему суждено было пережить свою жену Антонину Нестеровскую на пять лет. Похоронив ее в 1950 г., он вскоре женился на красавице-княжне Ирине Куракиной, дочери предводителя ярославского дворянства.

В 1922 г. двоюродный брат Николая II, великий князь Кирилл Владимирович, внук Александра II, объявил себя Блустителем Престола и принял титул Императора Всероссийского Кирилла I. После его смерти в 1938 г. его сын, Владимир Кириллович, не решился провозгласить себя императором и остался Главой Российского Императорского дома. Его признали все трое оставшиеся к тому времени в живых великих князя — Борис и Андрей Владимировичи и Дмитрий Павлович, внук Александра II, а также князя Гавриил Константинович и Всеволод Иоаннович. Сыновья умершего в 1933 г. Александра Михайловича, правнуки Николая I, под заявлением о признании великого князя Владимира Кирилловича Главой дома не подписались.

В августе 1948 г. Владимир Кириллович обвенчался с княжной Леонидой Георгиевной Багратион-Мухранской. Брак был признан равнородным, так как до 1801 г. Багратионы были царской династией. Ранее Леонида Георгиевна состояла в гражданском браке с американцем Самнером Кирби и имела от него дочь Елену.

От Владимира Кирилловича Леонида Георгиевна в декабре 1953 г. родила дочь Марию. Когда она достигла династического совершеннолетия, Владимир Кириллович издал «Акт об учреждении по его кончине Блюстительства Российского престола в лице его дочери». Мария была названа единственной законной наследницей, так как претенденты по мужской линии состояли в мorganатических браках.

В 1976 г. Мария Владимировна вышла замуж за Франца-Вильгельма, принца Прусского, правнука императора Вильгельма II, которому был пожалован титул великого князя Михаила Павловича, что возмутило потомков династии Романовых. В марте 1981 г. у Марии Владимировны родился сын Георгий, что повлекло за собой новую волну неприятия со стороны родственников.

«Счастлирое событие в Прусском королевском доме не имеет отношения к Романовым, поскольку новорожденный князь не принадлежит ни к Русскому Императорскому дому, ни к роду Романовых», — заявил князь Василий Александрович, к тому времени «старейшина» рода Романовых.

Владимир Кириллович умер 21 апреля 1992 г. в Майами. Зарубежная русская православная церковь отказала ему в отпевании, поэтому хоронили его в конце мая того же года в Санкт-Петербурге, в Петропавловской крепости, в бывшей великокняжеской усыпальнице.

В конце июня 1992 г. в Париже собрались мужские представители потомков Романовых. Они должны были решить, кто же официально станет главой семейства, но решение так и не было принято. Князь Николай Романович заявил тогда: «У российской императорской династии нет больше главы, и сам русский народ должен принять в связи с этим решение».

Завершая рассказ о мorganатических браках дома Романовых, нельзя не сказать хотя бы несколько слов

о забытой ветви — потомстве опального великого князя Николая Константиновича. Внук Николая I и старший брат поэта Константина Константиновича, он при Александре II был сослан в Сибирь за кражу бриллиантов из оклада семейной иконы и неукротимое женолюбие. Александр III разрешил ему поселиться в Ташкенте. В ссылке у великого князя появились незаконные дети. Одна из его дочерей — Дарья — впоследствии была секретарем у Мариетты Шагинян. В Ташкенте Николай Константинович женился на дочери ташкентского полицеймейстера Надежде Дрейер. От нее он имел сыновей Артемия и Александра, которые стали носить фамилию Искандер.

В несколько лучших условиях великий князь стал жить лишь при Николае II. По крайней мере, опальному Николаю Константиновичу разрешили распоряжаться своим состоянием. Он приветствовал февральскую революцию в России и умер от воспаления легких в 1918 г., был похоронен в Ташкенте, но могила его не найдена.

Старший сын великого князя, Артемий, погиб через год после смерти отца. Александр с белой армией попал за границу. В России у него осталась жена, Ольга Искандер, и двое детей, которые вынуждены были скрываться под чужой фамилией. Дочь Александра, Наталья Андросова (фамилию дал ей второй муж матери, чтобы скрыть происхождение падчерицы), в свое время была бесстрашной мотогонщицей и блестящей красавицей. В настоящее время в полном одиночестве она живет в Москве. Ее брат, Кирилл, умер в феврале 1992 г.

Александр Искандер жил во Франции, не общаясь ни с кем из своих родственников, и умер в 1957 г., так и ничего не узнав о судьбе своей семьи. Во Франции он был вторично женат на Наталье Конаковой, которая после его смерти очень бедствовала и зарабатывала на жизнь тем, что публиковала в эмигрантских газетах но-

стальгические рассказы своего мужа о его детстве и юности в России. Его мать, Надежда Александровна, прожила 12 лет при советской власти в сторожке своего бывшего дворца. Узбеки, благодарные великому князю за то, что он устроил в их городе водопровод, время от времени подсовывали ей под дверь немного денег. В бедности и одиночестве, она умудрялась подкармливать бездомных собак и умерла от укуса одной из них, которая оказалась бешеной...

* * *

Закрывается последняя, хотя, следует признать, и не совсем полная, страница обширной главы «Тайн кремлевской любви». Читатель познакомился с нравами, которые на протяжении долгих столетий отечественной истории диктовали и, я надеюсь это доказать, продолжают диктовать нам свою моду, стиль жизни и способ поведения в любой ситуации.

За десятилетие после провозглашения М. Горбачевым перестройки в жизни нашей страны, а, значит, и в нашей с вами жизни, произошло невероятное количество всевозможных событий. Что касается темы «кремлевской любви» — а мода, как известно, диктовалась в России всегда сверху, — то здесь мы получили не только возможность смотреть специальные ночные телеканалы «Плейбой» и «Пентхауз», но и читать русскоязычные версии соответствующих западных образцов. Мы также получили возможность знать о любовных романах и сексуальных скандалах представителей искусства и политики, а также государственных чиновников высшего ранга. Мало того, за последнее десятилетие мы столько всего узнали о западном образе жизни (потому что теперь каждый желающий может получить визу в паспорт и отправиться, если позволяют средства, хоть на южный берег Африки), лю-

бовно-сексуальных связях и скандалах тамошних звезд искусства и политики, что порой создается впечатление о поразительном сходстве двух образов жизни — их и нашего.

Смею заверить своего читателя, что подобное впечатление совершенно ложно. По правде говоря, мне самой хотелось бы, чтобы я ошиблась; чтобы телевизионный и литературный ликбез дал свои положительные всходы; чтобы моя страна была в ряду могущественнейших государств мира; чтобы за рубль давали двадцать, тридцать, пятьдесят долларов, а не двадцать, тридцать, пятьдесят рублей за доллар; чтобы Россия по праву, а не из политической необходимости занимала место в восьмерке самых сильных, экономически развитых держав.

Но пока этого нет. История человеческой цивилизации знает лишь несколько случаев, когда за короткий промежуток времени мировоззрение нации менялось кардинальным образом. Оптимист скажет, что это произойдет со временем, пессимист — что этого не будет никогда. Тот, кто внимательно ознакомился с нравами старой России, изложенными на предыдущих страницах, сам поймет, отчего происходит в нас подобное разделение на оптимистов и пессимистов.

«Что такое секс, чувственная страсть для русской женщины и для русского мужчины? — размышляя о русском Эросе, задается вопросом Г. Гачев. — Это не есть дар Божий, благо, ровное тепло, что обогревает жизнь, то сладостное естественное отправление прекрасного человеческого тела, что постоянно сопутствует зрелому бытию, — чем это является во Франции и где любовники благодарны друг другу за радость, взаимно друг другу приносимую. В России — это событие, не будни, но как раз стихийное бедствие, пожар, землетрясение, эпидемия, после которого жить больше нельзя, а остается лишь омут, обрыв, откос, овраг...

Эрос в природе и у животных независим от чувственности, электрической реактивности кожи. Толстокожий бегемот ищет совокупиться с бегемотихой оттого, что пришла пора, и его изнутри распирает эротический сок, а не оттого, что он узрел красивую самку, потерялся о нее зрением, телесными касаниями, возбудился, восстал и оросил. В этом смысле животное обычно существует как особь, одно тело, а как род живет в праздник, единожды в год, точнее, род в это время им живет: этой и множеством других особей — своих, рассыпанных молекул.

Человек же — «зоон политикон» (по Аристотелю), животное общественное, коллективное, прежде всего в том смысле, что людская особь менее самостоятельна как тело в мире и испытывает постоянную нужду в другом теле, без которого жизнь не в жизнь. И это не для Эроса нужно, для продолжения рода — праздничного существования, а просто для будничного, повседневного бытия. На ночь слетаются половинки, восстанавливаются в единую плоть, оросив друг друга соками единой утробы и накопив силы для выживания днем. Утром расходятся по своим особенным делам, живут как особи, а ночью — как род людской. Значит, человек как грудной младенец природы, как на непрерывной подкормке у Эроса, на непрерывных дотациях состоит: ему, как диабетика, нужны повседневные впрыскивания, иначе помрет.

И секс есть эта доза, квант Эроса.

Вот почему в чувственной любви люди испытывают ощущение младенческой чистоты и невинности... Эротическое бесстыдство — голубино чисто, ибо здесь словно стыда (а с ним и грех) не народилось, а они — Адам и Ева до грехопадения. Ведь они просто плоть едину воссоздают — святое дело и чистое».

Примерно о том же за восемь десятилетий до Г. Гачева говорил В. Розанов в своей книге «Дети лунного

света». Идея греховности любви, идея скверны, идея аскетизма, по его мнению, возникла из полового извращения, из гермафродитизма, из женомужества и мужеженства. Причем гермафродитизм может ничем не выражаться физически, а только психически, душевно. Разве это не «обратная сторона луны», открытая Гачевым?

Итак, Розанов писал:

«Высокое здоровье и красоту древних греков, палестинских евреев и теперешних мусульман можно объяснить тем, что муж посещает жену свою, живущую отдельно в своем шатре: тут совокупление происходит так нежно, ласкаясь, так свежо и, в заключение, так сладко и напряженно, с такой большой активностью в себе, как у нас случается, когда с заработка в недалеком городке или с ямщичьей поездки возвращается в дом «на побывку». А несколько обломовский характер вообще русских, как племени, как массы, происходит едва ли не от «родительских кроватей», еженощного спания вместе жены и мужа. При этом условии привычно все слеживается, формы приспособляются одна к другой — детей рождается очень много, но с невысокой жизненностью, вялых, анемичных, бесталанных, склонных к заболеваниям. Известно, что детская смертность в России велика, как нигде. Нет бури, а все дождичек. Между тем только из бури выходит — талант, красота, сила, жизненность. При «побывках домой» или при «посещениях шатра» (одной из жен), как и в священное установление субботы, — как известно, начинающейся у евреев с появления первых вечерних звезд пятницы и, следовательно, центрально вмещающей в себя ночь с пятницы на субботу, когда «старое благочестие каждого еврея требовало родительского совокупления» (признание мне одного еврея), — во всех этих трех случаях разыгрывалась гроза страсти, и, естественно, она разыгрывалась во всех красотах

своих, так запечатленных в «Песне Песней»: «Да лобзает он меня лобзанием своим...» У нас все это происходит сонно. Нет священства, а только «нужда». Праздник не окружает совокупления, как у евреев их Суббота и у мусульман Пятница... между тем совокупление должно быть именно не «нуждою», «сходил» и заснул... вовсе нет: оно должно быть средоточием праздничного, легкого, светлого, беззаботного, не отягченного ничем настроения души, последним моментом ласк, нежности, деликатности, воркованья, поцелуев, объятий. Но как у нас в старомосковскую пору новобрачных, даже незнакомых друг другу, укладывали в постель, и они «делали», так и до сих пор русские «скидают сапоги», и проч. и, улегшись — «делают», а затем засыпают без поэзии, без религии, без единого поцелуя часто, без единого даже друг другу слова! Нет культуры, как всеобщего, и нет явлений, единичностей в ней, нет единичных праведных, благочестивых зачатий (кроме счастливых редких случаев)».

Еще более точно *выразил* глубоко и истинно русское отношение к любви Н. Бердяев. В своих «Размышлениях об Эросе» он писал:

«...я принадлежу к той породе людей и, может быть, к тому поколению русских людей, которое **видело в семье и деторождении быт, в любви же видело бытие** (выделено мной. — В. К.)... пол свидетельствует о падшестве человека. В поле человек чувствует что-то стыдное и унижающее человеческое достоинство. Человек всегда тут что-то скрывает. Он никогда не скрывает любви-жалости, но склонен скрывать любовь сексуальную. Меня всегда поражало это сокрытие пола в человеке. В самом сексуальном акте есть что-то уродливое. В сексуальной жизни есть что-то унижительное для человека. Только наша эпоха допустила разоблачение жизни пола. И человек оказался разложенным на части. Таков Фрейд и психоанализ,

таков современный роман. В этом — бесстыдство современной эпохи, но также и большое обогащение знаний о человеке. Мне всегда думалось, что нужно делать различие между эросом и сексом, любовью-эросом и физиологической жизнью пола. Это сферы переплетающиеся, но они различны. *Жизнь пола — безликая, родовая. В ней человек является игрой родового стихии. В самом сексуальном акте нет ничего индивидуального, личного, он объединяет человека со всем животным миром. Сексуальное влечение само по себе не утверждает личности, а раздавливает ее. Пол безлик, не видит лица. В жизни пола есть безжалостность в отношении к человеку, есть согласие отказаться от чисто человеческого* (курсив мой. — В. К.). Индивидуализация полового влечения есть ограничение власти пола. Любовь — лична, индивидуальна, направлена на единственное, неповторимое, незаменимое лицо. Половое же влечение легко соглашается на замену, и замена, действительно, возможна... Любовь всегда относится к единичному, а не к общему».

ЛЮБОВНЫЙ СОЮЗ МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И НАРОДОМ

После того, что мы узнали о русских нравах прошлого, у читателя, надеюсь, не возникнет сомнений в том, что народничество, нигилизм, анархия были истинно русскими явлениями. Как, впрочем, и последующий большевизм — русская версия марксизма, — и клановый социализм. (Все это я пыталась аргументированно обосновать на страницах своих предыдущих книг. Насколько удачной оказались мои попытки, судить читателю.)

Большинство русских мыслителей сходились во мнении, что как народничество, нигилизм, анархизм XIX в., так и большевизм XX в., являются порождением раскола, произведенного в эпоху Петра. Почему все эти явления прижились в России? Почему именно русская почва оказалась наиболее благодатной для них?

Философы и историки искали и находили на них свои ответы. Меня же, исходя из конкретно определенной темы, интересует: каким образом русские нравы повлияли на возникновение и укоренение этих явлений? Как это отразилось на нашем характере?

«Россия была преимущественно аграрной страной», — приходится читать вывод, многократно повторенный разными исследователями.

Да, была. Ну, а дальше что? Большинство из тех, кто повторяет этот вывод, не идет дальше обычной констатации всем давно известного факта. А ведь всегда — и, как мне кажется, особенно сейчас, — мы больше нуждались не в констатации, а в разъяснении этого

факта, понимании тех глубинных причин и мотивов, которые его породили. Мы нуждались и нуждаемся в осознании того, к чему он привел.

Народничество, нигилизм, анархизм. Вдумайтесь в значение этих слов, соотнесите их смысл с тем порядком вещей в нравах и чувствах русского человека, который мы наблюдали на примерах царственных особ, и вы наверняка поймете, что народничество, нигилизм и анархизм могли возникнуть только на нашей почве.

Для подтверждения высказанного предположения сошлемся на авторитет известного русского философа Н. Бердяева:

«Ни один народ Запада не пережил так сильно мотивов покаяния, как народ русский в своих привилегированных. Создался своеобразный тип «кающегося дворянина». «Кающийся дворянин» сознавал свой социальный, а не личный грех, грех своего социального положения и в нем каялся. Социолог-народник 70-х годов Н. Михайловский делает различие между работой совести и работой чести. Работа совести происходит в привилегированных классах, в дворянстве, работа же чести, требование признания человеческого достоинства происходит в народе, в низших, угнетенных классах. Народниками-дворянами руководило чувство совести, народниками-разночинцами — чувство чести. Русскому народничеству всегда было свойственно отвращение к буржуазности и боязнь развития капитализма в России. Народники верили в особые пути развития России. В этом революционеры-народники сходятся с славянофилами.

Русскому народу всегда были чужды римские понятия о собственности. Абсолютный характер частной собственности всегда отрицался. Для русского сознания важно не отношение к принципу собственности, а отношение к живому человеку... Важно отметить, что русская интеллигенция отличалась от за-

падных *intellektuels* не только духовно, но и по своему социальному положению. Западная интеллигенция в социальном смысле буржуазна, она обыкновенно принадлежит к привилегированным, достаточным классам. Это определяется условиями высшего образования на Западе. Русская интеллигенция обыкновенно была пролетарской... Русский коммунизм имеет доктрину противоположную народничеству, но в него вошли сильные элементы русского религиозного народничества».

Когда при Александре II было отменено крепостное право, то даже Герцен и Чернышевский написали в честь императора хвалебные отзывы. Но реакция сверху и революция снизу привели к тому, что стала нарастать нездоровая атмосфера.

В дворянстве и при императорском дворе нашлось много противников отмены крепостничества. В правящем слое стал преобладать аффект страха, который всегда преобладал у русской власти после Петра и являлся последствием раскола русской жизни и неорганического характера государства.

Революционное движение вылилось в террористические акты против царя, но они не могли изменить государственный строй: русский народ все еще верил в священность самодержавной монархии.

«Для крайних, максималистических революционных течений конца 60-х годов наибольший интерес представляет зловещая фигура Нечаева, характерно русская фигура, — писал Н. Бердяев. — Он был основателем революционного общества «Топор или народная расправа». Нечаев составил «Катехизис революционера», документ необычайно интересный, единственный в своем роде. В этом документе нашли предельное выражение принципы безбожной революционной аскезы. Это правила, которыми должен руководствоваться настоящий революционер. Нечаевский «Катехизис рево-

люционерера» до жуткости напоминает вывороченную аскетику, смешанную с иезуитизмом».

Нечаев опустился до изуверства, но он был искренно верившим фанатиком. Если подбирать соответствующий ему литературный образ, то *психологически* ближе всего к нему стоит Петр Верховенский. Он имел психологию раскольника, готового убить любого и при этом погибнуть самому. Даже Бакунин отрекся от Нечаева, который компрометировал идеи революции и социализма.

Я не случайно привела пример с литературным образом. Известно, что именно Нечаев и «нечаевское дело» послужили поводом к написанию «Бесов» Достоевского. Дело об убийстве нечаевцами студента Иванова, заподозренного в провокаторстве, настолько поразило Ф. М. Достоевского, что он запечатлел его в убийстве Шатова.

«Катехизис революционерера» не может не поразить нормального здравомыслящего человека. В нем есть некий мистический ужас. Но особенно интересно то, что в предложенном Нечаевым типе крайне централизованной и деспотической революционной организации, пронизанной железной дисциплиной и строгой подчиненностью, в которой все распоряжения и команды идут сверху и должны беспрекословно исполняться, просматривается прототип будущей большевистской партии.

«Революционер — обреченный человек, — писал Нечаев. — Он не имеет личных интересов, дел, чувств, привязанностей, собственности, даже имени. Все в нем захвачено одним исключительным интересом, одной мыслью, одной страстью: революцией» (курсив мой. — В. К.).

Эти слова вам ничего не напоминают? Революционер должен порвать с гражданским порядком и моралью цивилизованного мира, в котором он живет и кото-

рый жаждет уничтожить. Выходит, для него «все морально, что служит делу революции»? Так ведь это же те самые слова, которые много позже повторил Ленин! Революционер должен уничтожать всякую преграду на своем пути; тот не революционер, кто продолжает дорожить хотя бы чем-нибудь в этой жизни. Настоящий революционер должен увеличить страдания и насилие, чтобы вызвать недовольство и подвигнуть массы на восстание.

«Что-то из Нечаевского аскетического революционно-го типа перешло к Дзержинскому, создателю и руководителю Чека, — писал Н. Бердяев. — Дзержинский был, конечно, верующий фанатик, допускавший все средства во имя осуществления царства социализма. Он причинял страшные страдания, он был весь в крови, но согласен был сам на жертвы и страдания. Он был 15 лет на каторге. Верующий католик в юности и молодости, готовившийся в священники, он переключил свою религиозную энергию. И это произошло со многими революционерами. Коммунисты все-таки смягчили нечаевский катехизис, но многое из этого катехизиса вошло в русский коммунизм, особенно в первоначальный период. Сам Нечаев просидел 10 лет в каторжной тюрьме, Алексеевском Равелине, в ужасающих условиях. Там он сагитировал и превратил в своих агентов всю стражу тюрьмы и через нее сносился с партией народной воли, которой давал советы. Это был человек исключительной силы. Но торжество такого человека не могло предвещать ничего доброго».

Наравне с нигилизмом и народничеством, одним из элементов русской души является анархизм. «Анархия — мать порядка!», «Семь бед — один ответ!» — истинно русские лозунги. Они — порождение русской *дионисийской* стихии. Русский народ согласен покорно сносить выпавшие на его долю испытания. Он готов быть материалом для создания великого мирового госу-

дарства, всеславянской цивилизации. Но в нем также скрыт бунтарский дух, склонность к вольнице — к анархии. Стенька Разин и Емелька Пугачев — чисто русские образы.

Несмотря на это, как общественно-политическое течение анархизм сложился в 40—70-х годах прошлого столетия на Западе. Он выступал за немедленное уничтожение всякой государственной власти путем стихийного бунта народных масс. Главными западными идеологами анархизма стали Штирнер и Прудон.

Российская почва оказалась весьма благодатной для идей анархизма. Ведь русская интеллигенция тоже не любила государство, она не считала его своим. Государство для них — это «они», чужие; «мы» же, свои, живем в ином измерении, которое чуждо всякому государству. Русскому народу была свойственна мысль как о священном помазании власти, так и мысль, что любая власть есть зло и грех.

«Поразительнее всего, что идеология анархизма есть, по преимуществу, создание высшего слоя русского барства, и этот русский анархизм приобрел общеевропейское значение, — говорит Н. Бердяев. — Барин Бакунин, князь Кропоткин, граф Толстой — создатели русского и мирового анархизма. Центральной является фигура Бакунина. Бакунин — фантастическое порождение русского барства. Это огромное дитя, всегда воспламененное самыми крайними и революционными идеями, русский фантазер, неспособный к методическому мышлению и дисциплине, что-то вроде Стеньки Разина русского барства».

Бакунин эмигрировал из России и участвовал почти во всех европейских революционных событиях. Он познакомился с Марксом и некоторое время был с ним в дружеских отношениях. Идея о мессианском призвании пролетариата в учении Маркса — от Бакунина. Но потом они не просто расходятся, а становятся смер-

тельными врагами. Для Бакунина, который не любил немцев, Маркс — государственный и пангерманист. Поэтому главный труд Бакунина называется «Кнутагерманская империя и социальная революция».

Революционный мессианизм Бакунина — это русско-славянский мессианизм. Он был убежден в том, что мировой революционный пожар будет зажжен русским народом и славянством. В этом русском революционном мессианстве он является прямым предшественником российских большевиков. Ему принадлежат слова: «Страсть к разрушению есть творческая страсть».

«Анархизм Бакунина есть бунтарство, — говорит Н. Бердяев. — Он хочет поднять мировой бунт, зажечь мировой пожар, разрушить старый мир. Он верит, что на развалинах старого мира, на пепелище сам собой возникнет новый мир. Бакунин хочет взбунтовать народные, пролетарские массы всего мира. Он хочет обращаться к черни, к низам и верит, что взбунтовавшаяся чернь, сбросив все оковы истории и цивилизации, создаст лучшую, вольную жизнь. Он хочет разнуздать чернь. Бакунин народник в том смысле, что он верит в правду, скрытую в трудовом народе, в темной массе и особенно в русском народе, который он считал народом-бунтарем по преимуществу. Все зло для него в государстве, созданном господствующими классами и являющимся орудием угнетения... Человек для Бакунина стал человеком через бунт. Есть три принципа человеческого развития: 1) человек животный, 2) мысль, 3) бунт...

[...] Но атеизм Бакунина был еще более воинствующим, грубым и насильническим, чем атеизм Маркса... В религии божественное возносится на небо, а грубое животное остается на земле... Бакунин в отличие от Белинского очень грубо говорил о Христе: «Христа нужно было бы посадить в тюрьму как лентяя и бродягу»; «Человек, одаренный бессмертной душой и сво-

бодой, есть существо антиобщественное, ибо бессмертный дух не нуждается в свободе». Общество порождает индивидуума, общество источник морали. В противоположность Максу Штирнеру, анархизм Бакунина решительно антииндивидуалистический, коллективистский, коммунистический. Бакунин отрицает личность, ее самостоятельную ценность и автономию. В этом он отличается от Прудона. Он проповедует анархокоммунизм. Но в отличие от анархокоммунизма Кропоткина, который окрашен в цвет идеологического оптимизма, у Бакунина он окрашен в зловещий цвет разрушения и бунта против всего, прежде всего против Бога. Бакунин сравнивает церкви с кабаками. Он восклицает: «Одна лишь социальная революция будет обладать силой закрыть в одно и тоже время все кабаки и все церкви». Воинствующий коммунизм Бакунина идет дальше воинствующего атеизма русских коммунистов, которые все-таки не закрыли всех церквей и на которых чувствуется интеллектуалистическое влияние марксизма. Но в воинствующем атеизме Бакунин является предшественником коммунизма. Анархизмом и бунтарством Бакунина коммунизм воспользовался для дела разрушения».

Как и народник Нечаев, анархист Бакунин отрицательно относился к науке и интеллигенции. Поэтому нет ничего удивительного в том, для и Ленина интеллигенция была ничем иным, экскрементами.

«Убийство Александра II по постановлению «Народной воли» было концом и срывом русских революционных движений до возникновения марксизма, — говорит Н. Бердяев. — Это была трагедия единоборства русской власти и русской интеллигенции».

Таким образом, в метафизическом плане смысл русской любви заключается не в послушании и покорном несении тягот и бремени мира, в творческом дерзновении, одним из проявлений которого является бунт.

Эта любовь сродни садизму. В ней русский дух испытывает упоение, свой наивысший взлет, экстаз. «Любовь по-русски» трагична в этом мире, она не допускает благоустройства и не подчиняется никаким нормам. Любящим она сулит гибель, а не счастливое устройство жизни. Величайшим в «любви по-русски» является то, что сохраняет ее таинственную святость — отречение от всякой жизненной перспективы. Жизненное, семейное благоустройство в русской любви становится могилой истинного чувства. Русская любовь может достичь вечности только через жертвенную гибель в этой жизни, поэтому она тесными интимными узами связана со смертью.

«...мы растем, близимся к могиле, почти влюблены в нее неведомой нам самим любовью; почему не представить и не объяснить, что и обратно могила влюблена в колыбель и случаи предгробного влюбления и есть показатели господства жизни над смертью, «разверзание зева смерти», откуда изводится живое, — писал В. Розанов. — Тянется колыбель к гробу; и вот обратно тянется гроб к колыбели. Все — в связи. Все — обнимается. С точки зрения дальности и расстояния как условия любви, что может быть дальше, чем смерть и рождение? И в редчайших случаях, когда каким-то мистическим глазком звездочка смерти и звездочка рождения пронимут между собой телескопическую даль и усмотрят друг друга, они страстно мечутся навстречу друг другу... Ничего нельзя представить глубже всепоглощающей нежности, какую оказывает старый юному».

Более полно сформулировал тот же момент в русской любви Н. Бердяев. Он точнее понял ее глубинную суть:

«Подлинная любовь иного мира, любовь, творящая вечность, исключает возможность сексуального акта, преодолевает его во имя иного соединения. Известно,

что сильная влюбленность иногда противоположна специфическому сексуальному влечению, не нуждается в нем. И сильное влечение к сексуальному акту слишком часто не связано ни с какой влюбленностью, иногда даже предполагает отвращение. Влюбленность жаждет абсолютного соединения и абсолютного слияния, духовного и телесного. Сексуальный же акт разъединяет. *На дне его лежит отвращение и убийство* (курсив мой. — В. К.)... В любви утверждается личность, единственная, неповторимая. Все безличное, родовое, все подчиняющее индивидуальность порядку природному и социальному враждебно любви, ее неповторимой и неизреченной тайне. *Нет и быть не может закона для любви, любовь не знает закона* (курсив мой. — В. К.). В любви побеждается тяжесть «мира». В семье есть тяжесть благоустройства и безопасности, страх будущего, бремя, так же, как в других формах приспособления, — в государстве, в хозяйстве, в позитивной науке. Любовь — свободное художество. В любви нет ничего хозяйственного, нет заботы. И свобода эта покупается лишь жертвенностью. Свобода любви — истина небесная. Но свобода любви делает ее вульгарной. Вульгарна та свобода любви, которая прежде всего заинтересована в сексуальном акте. Это не свобода любви, а рабство любви, это противно всякому восхождению пола, всякому взлету любви, всякой победе над тяжестью природного пола. В любви есть экстатически-оргийная стихия, но не природно-родовая. Оргийный экстаз любви — сверхприроден, в нем выход в мир иной... Смертельная тоска сексуального акта в том, что в его безличности раздавлена и растерзана тайна лица любимого и любящего. Сексуальный акт вводит в круговорот безличной природы, становится между лицом любящего и любимого и закрывает тайну лица. Не в роде, не в сексуальном акте совершается соединение любви, творящее иную, новую жизнь, вечную жизнь лица.

В Боге встречается любящий с любимым, в Боге видит любимое лицо. В природном мире любящие разъединяются. Природа любви — космическая, сверхиндивидуальная. Тайну любви нельзя познать в свете индивидуальной психологии. Любовь приобщает к космической мировой иерархии, космически соединяет в андрогиническом образе тех, кто был разорван в порядке природном. Любовь есть путь, через который каждый раскрывает в себе человека-андрогина».

Этими выводами о метафизической стороне русской любви можно было бы и закончить наши размышления о ней. Но не до конца раскрытым остается вопрос, вынесенный в заглавие этой главы: как складываются чувственные отношения в паре «власть — народ»? Имеем ли мы достаточно оснований утверждать, что между властью и народом, между вождем и народом существует любовная связь?

Свои рассуждения о «Тайнах кремлевской любви» я начинала с «Преданий старины глубокой». Именно на страницах первой русской летописи впервые появляются три большие идеи-настроения, которые тайно или явно противоборствовали на протяжении последующей русской, а затем и российской истории: приверженность Земле-Отечеству, служение Власти и стремление к личному благополучию. (В основе знаменитой формулы «православие, самодержавие, народность», принадлежащей министру народного просвещения С. Уварову, лежат те же идеи, только видоизмененные.)

«Идея Отечества всегда требует от своих граждан больше, чем они могут, а главное — больше, чем хотят дать, — пишет А. Кузьмин. — Поэтому Власть всегда настороженно относится к Земле. Но она не может принять и своекорыстных наклонностей обывателей. А потому не может пойти на совершенное уничтожение или открытое попрание требовательных притязаний Земли. В конечном счете идеи живут потому, что они

выражают жизненные потребности каких-то общественных слоев... Власть всегда предпочитает историю, в которой героями являются правители, прежде всего их собственные генеалогические предки. Обыватель ищет идеи, позволяющие ему так или иначе оправдать собственный эгоцентризм. Он может оказаться и на стороне Земли, и на стороне Власти, если почувствует в этом непосредственную выгоду. Но предпочтение отдаст тем учениям и течениям, которые освобождают его от непосредственных обязанностей. Христианство в конечном счете давало возможность его использования и первым, и вторым, и третьим... А на границе взаимодействия Власти и Общества всегда клубится плотный туман демагогии».

Почему я вспомнила об этих идеях? Потому что любовь — это не только отношения между мужчиной и женщиной. Несмотря на то что на протяжении всей истории лучшие умы бились над разгадкой этой великой тайны, она до сих пор остается тайной. Я могу высказать лишь свое объективное мнение относительно этой тайны, как может его высказать любой человек, не лишенный способности рассуждать. И тему «Тайны кремлевской любви» я выбрала не только потому, что она более общая. Именно потому, что она общая, есть реальная возможность не потеряться в лабиринтах тех разновидностей любовного чувства, которые присутствуют в нашей жизни. Именно из-за ее общего характера можно увидеть общие закономерности существования любви в широком смысле — национальной традиции и понять, как она влияла на формирование русского характера и русской истории. И еще. По моему глубокому убеждению, нельзя раскрыть и понять «Тайны кремлевской любви» без понимания любовной связи между властью и народом.

Лучше всего это представить на конкретных примерах. Существует расхожее мнение: «Каждый народ

достоин своего правителя». Опуская философско-психологические доказательства, скажу, что он — это мы, а мы — это он. И если в настоящее время со стороны оппозиции слышны различные критические замечания и упреки в адрес президента Б. Ельцина, якобы обманывающего народ и не желающего уйти в отставку по состоянию здоровья (как задуманная, но так и не осуществленная процедура импичмента в Думе), то эти упреки и нам с вами — всем россиянам. Это не Б. Ельцин, а мы с вами находимся в полном душевном упадке; это не Б. Ельцину, а нам с вами провели аортно-коронарное шунтирование; это не Б. Ельцину, а нам с вами необходим периодический отдых или плановый медосмотр.

В свое время мне на глаза попала книга О. Вейнингера «Пол и характер», написанная еще в начале века. Она вызвала неоднозначную реакцию у меня, как у женщины, у моего мужа, как у мужчины, у наших друзей и знакомых, с которыми мы много и бурно дискутировали по поводу ее содержания и половой ориентации ее автора.

Это было в начале 90-х годов. С тех пор книга О. Вейнингера занимала свое место на книжной полке. И вот теперь, работая над рукописью своей книги о «Тайнах кремлевской любви», я снова обратилась к ней. При более вдумчивом и менее эмоциональном ее повторном прочтении я нашла в ней мысль, которая не могла не заинтересовать меня.

«...только люди, которые не ощущают никакой потребности в духовной деятельности, испытывают особенно сильное половое влечение к своей матери, — пишет О. Вейнингер. — От человека, отцовство которого ограничивается кругом только телесных детей, следует ожидать, что он среди всех женщин выберет самую плодовитую, наиболее приближенную к типу женщины-матери. *Выдающиеся люди всегда любили только*

проститутки (я все время говорю, естественно, не об одной только продажной женщине); их выбор всегда останавливается на женщине бесплодной. Если же они и оставляют потомство, то оно лишено всякой жизнеспособности и очень склонно к вымиранию; в этом следует признать факт, покоящийся на очень глубокой этической основе. Земное отцовство так же малоценно, как и материнство; оно так же безнравственно; оно тоже нелогично, ибо является во всех отношениях иллюзией: ни один человек не может знать, в какой степени является отцом своего ребенка. Наконец, это чувство очень непродолжительно и преходяще: каждый народ, каждая раса, в конце концов, гибли и бесследно исчезали с лица земли».

Автор высказывает мысль, что широко распространенное благоговейное преклонение перед женщиной-матерью, которую мужчины признают наиболее совершенным типом женщины, лишено всяких оснований. Мужчины утверждают, что только в женщине-проститутке женщина находит свое полное завершение.

Подобная позиция имеет разные основания. По мысли автора, она скорее всего вполне соответствует тем идеальным требованиям девственности, которые в силу особой потребности каждый мужчина предъявляет к женщине. А между тем, замечает автор, целомудрие чуждо как женщине-матери, так и женщине-проститутке. Мысли и чувства первой направлены на ребенка, вторая — страстно жаждет мужчину.

«Эта иллюзия нравственности не остается без награды: мужчина самым неосновательным образом возносит женщину-мать в моральном и социальном плане над проституткой, — делает вывод О. Вейнингера. — Женщина-проститутка совершенно игнорирует тот масштаб ценности, которого придерживаются мужчины. Она не подчиняется идеалу девственности, которого мужчины так настойчиво требуют. Она протестует про-

тив всего этого в самых разнообразных формах. Этим объясняется исключительное положение проститутки в обществе: она стоит вне права, вне закона, вне сферы социального уважения. Женщине-матери не стоит большого труда подчиниться мужчине: ведь главным для нее является жизнь ребенка, жизнь рода.

Другое дело — проститутка. Она по крайней мере живет исключительно своей жизнью (в неразрывной связи с этим находится тот факт, который многим покажется очень странным: проститутки больше заботятся о чистоте своего тела, чем женщины-матери), хотя бы ей это далось ценой общественного презрения (я беру крайний случай). В ней, правда, нет того мужества, что у матери, она насквозь труслива, но зато обладает неизменным коррелятом трусости — нахальством, а потому не стыдится своего бесстыдства. Склонная от природы к многомужеству, она отдается всем мужчинам, не ограничиваясь одним только основателем семьи. Она дает безграничный простор своему влечению, удовлетворяя его на зло всему. Она — владычица, которая отлично понимает, что в ее руках — власть. Женщину-мать легко смутить, еще легче оскорбить; проститутку же никто не в состоянии задеть, оскорбить. Мать, как хранительница рода, семьи, обладает сознанием *чести*, проститутка же игнорирует всякое общественное уважение — в этом ее гордость, это заставляет ее высоко держать свою голову. Но мысль, что у нее нет никакой власти, она не в состоянии понять».

Здесь мы подошли к главному месту размышлений О. Вейнингера, — той мысли, о которой я говорила выше. Автор сравнивает политику и проституцию (стоит помнить, что размышления автора проходят в психологически-философской плоскости), приводит в пример таких личностей, как Александр Македонский и Наполеон. Сравнения и размышления О. Вейнингера на подобную тему, если читатель захочет сопоставить

их соответствие с жизненными реалиями, легко проверить. Стоит лишь приложить его характеристику к тем личностям, которые правили в России на протяжении XX в.

«Каждый великий человек содержит в себе нечто родственное проститутке (каждый политик является некоторым образом и народным трибуном, а в трибунале лежит элемент проституции — публичность), — пишет О. Вейнингер. — В сознании своей власти ни завоеватель, ни проститутка не могут быть смущены кем бы то ни было, в то время как другие люди очень легко смущаются. Как и великий трибун, всякая проститутка уверена, что она может *осчастливить* человека своим разговором с ним. Обратите внимание на такую женщину, когда она обращается к полицейскому за справкой или входит в какой-нибудь магазин. Безразлично, приказчики ли там или приказчицы, купила ли она ценную вещь или безделушку. Она глубоко убеждена в том, что раздает какие-то подарки на все стороны.

Те же элементы можно раскрыть и во врожденной политике. Стоит только вспомнить отношение Гёте, насквозь проникнутого сознанием своего «я», к Наполеону в Эрфурте для того, чтобы видеть, что многие глубоко убеждены в этой способности подобных людей действительно *одаривать* всех (миф о Пандоре, о рождении Венеры: едва вынырнув из морской пены, она окидывает милостивым взором все окружающее)...

Теперь же я хотел бы доказать, что великие политики не брезгают в своей деятельности ни обманом, ни ложью, что эта черта, свойственная даже самым величайшим среди них, как, напр., Цезарю, Кромвелю, Наполеону. Александр Великий стал даже убийцей и с чувством удовольствия выслушивал оправдания своего поступка, которые придумал для него софист. Но лживость несовместима с гениальностью. Наполеон

на о. Св. Елены пресытился ложью; он написал мемуары, насквозь проникнутые сентиментализмом, и его последним словом была любовь к Франции, что вполне соответствовало характеру его альтруистической позы. Наполеон — это величайшее из всех явлений — дает выразительное доказательство того, что «великие люди дела» — преступники, а потому они могут быть гениями. Его нельзя понять иначе, как по той *изумительной интенсивности*, с какой он бежал от самого себя; только таким образом можно объяснить себе всякое завоевание, как ничтожных, так и огромных размеров. Над своей собственной сущностью Наполеон никогда не в состоянии был думать. Он и часу не мог остаться без какого-нибудь подвига, который должен был наполнить его существо: поэтому-то он и должен был завоевать весь мир. Так как он обладал выдающимися качествами, гораздо более выдающимися, чем все императоры до него, то вполне естественно, что ему необходимо было очень многое, чтобы подавить в себе противоречия своей натуры. Заглушить свою лучшую сущность — вот властный мотив его честолюбия. Человек гениальный может делить с остальными людьми их страсть к славе и удивлению; но его честолюбие будет совершенно иного рода. Он не поставит все предметы в мире в исключительную зависимость от себя, не свяжет их с собой, как с эмпирической личностью, и не нагромоздит их на своем имени в виде бесконечной пирамиды. Вот почему достоверное ощущение действительности постепенно покидает императора (он становится эпилептиком). Он отнял свободу у объекта и вступил в преступную связь с вещами, превратив их в средства для своих целей, в подножие своей ничтожной личности с ее эгоистическими, хищными замыслами. У великого человека есть определенные границы, так как он монада из монад, так как он — что является наиболее важным — сознательный микрокосм.

Он — патогенен, включает в себя всю вселенную и уже при первом опыте (я беру самый выдающийся случай) видит тесную связь мировых явлений; ему нужны дальнейшие переживания, но ему не нужна индукция. Великий трибун и великая гетера — абсолютно безграничные люди. Они превращают мир в декорацию, на которой должно с особенной яркостью отразиться их эмпирическое «я». Потому им чужда любовь, дружба, расположение; в их душе нет любви.

Вспомните глубокую сказку о царе, который хотел завладеть звездами. Она раскрывает идею императора с ослепительной ясностью. Истинный гений сам воздаст себе честь; но ни в коем случае не становится к черни в отношении взаимной зависимости, как это делает трибун. Ибо великий политик не только спекулянт и миллиардер, он к тому же уличный певец; он великий шахматист, но и великий актер; он деспот, но он в сильной степени заискивает у других; он не только прости-туирует, он сам величайшая проститутка. Нет такого политика, такого полководца, который «снисходил» бы к другим людям. Его снисхождения приобретают известность — это его половые акты! Улица является также принадлежностью истинного трибуна. Отношение его к черни, как к своему дополнению, является конститутивным для политика. Вся сфера его деятельности — это чернь. С отдельными людьми, с индивидуальностями он порывает, если он, конечно, не умен. Но если он также хитер, как Наполеон, то он лицемерит и оказывает им всякие знаки уважения для того, чтобы сделать их безвредными для себя. Наполеон тоньше всех понимал свою зависимость от черни. В своих замыслах политик не может руководствоваться одним только желанием своим; не может он этого сделать как в том случае, если он — сам Наполеон, так и в том случае, когда он вдруг захотел бы осуществить свои идеалы, чего Наполеон ни в коем случае не сделал бы: чернь, этот ис-

тинный владыка его, живо вразумил бы его. Всякое «наказание воли» имеет значение только для формального акта инициативы; но воля властолюбца свободной быть не может.

Каждый император отлично чувствует свою связь с народными массами, а потому они как бы инстинктивно стоят за конституцию, за народные или военные собрания, за всеобщее избирательное право (как Бисмарк в 1866 г.). Не Марк Аврелий и Диоклетиан, а Клеон, Антоний, Фемистокл, Мирабо — вот личности, в которых вполне отлилась фигура политика. *Ambitio* в собственном смысле слова значит «хождение вокруг». Это именно и делают, как трибун, так и проститутка. Эмерсон говорит, что Наполеон гулял «инкогнито» по улицам Парижа с тем, чтобы прислушиваться к ликованию и восторженным крикам толпы. То же самое говорит Шиллер о Валленштейне.

«Великие люди дела», как известное явление, уже с давних пор приковывали к себе внимание художников (не философов) своей исключительной своеобразностью. Неожиданная аналогия, которая была развита мною, облегчит нам задачу понимания этого явления. Постараемся его проанализировать и уложить в рамки какого-нибудь определенного точного понятия. Антоний (Цезарь) и Клеопатра — люди, весьма похожие друг на друга. Большинство людей увидят, пожалуй, в этой параллели какую-то фикцию. Но для меня эта аналогия не подлежит никакому сомнению, как бы сильно ни расходились на первый взгляд эти люди. «Великий человек дела» отказывается от своей внутренней, духовной жизни с тем, чтобы изжить себя в мире и уничтожиться, подобно всему изжитому, вместо того, чтобы вечно пребывать в виде чего-то внутренне-пережитого; свою собственную ценность он со всей свирепостью отвергает и держит себя всю жизнь вдали от нее. То же самое представляет собой и проститутка. Она нагло

бросает в лицо всему обществу ту ценность, которую могла приобрести от него в качестве матери, но не для того, чтобы углубиться в свою внутреннюю сущность и вести созерцательную жизнь, а исключительно с тем, чтобы дать полный простор своему чувственному влечению. Оба они — великая проститутка и великий трибун — являются факелами с ослепительным, далеким светом, их путь усеян грудой трупов, но они угасают, как метеоры, бессмысленно, бездельно для человеческой мудрости, не оставив после себя ничего неизменного, ничего вечного. Только мать и гений ведут свою тихую работу, рассчитанную на будущность. Поэтому трибун и проститутка получили название «бичей Божьих». Они рассматриваются, как явления глубоко анти-моральные.

Здесь мы еще раз убеждаемся, насколько правильно было господствовавшее в свое время мнение, согласно которому «великий человек воли» был исключен из понятия гения. Не только философский, но и художественный гений имеет ту характерную особенность, что теоретическое или образное мышление преобладает у него над всем практическим».

О. Вейнингер, как я уже говорила, написал свою книгу в начале столетия. Будь он нашим современником, ему не пришлось бы далеко ходить за примерами. В XX в. (о чем было сказано во вступлении) появился ряд личностей с деструктивным характером.

Глубокая метафизическая связь — я хочу подчеркнуть: именно метафизическая — таких личностей с народом является парой «мужчина — женщина» («насильник — изнасилованная»). Гитлер, например, создавая свой «личный миф» для германского народа, в первой главе «Mein Kampf» излагает историю своей семьи как историю трагического союза молодой Германии с разращенной старой монархией Габсбургов. Он называет Германию «возлюбленной матерью» (вот откуда лозунг:

«Deutschland uber alles!»), а позже, в пору своего правления, невестой и даже женой («Я женат на Германии»). Материнский комплекс и ненависть к отцу, а также ко всем символическим заменителям отца, приняли у Гитлера крайне разрушительные формы.

Американский психоаналитик Э. Эриксон, исследуя личность Гитлера, шел через поиск внутреннего родства между детством этого человека и детским опытом тогдашней Германии. Он отметил несомненную связь между длительной политической нестабильностью Германии, слабостью ее политических институтов, отсутствием длительной интеграции в национальном масштабе и отражением всех этих факторов на характере немецкой семьи.

Тех, кто стал под знамена Гитлера, объединяло отрицание отцовского авторитета и приверженность ко всякого рода мистико-романтическим сущностям (Природа, Культура, Раса, Гений). Обычно исследователи полагали, что мать открыто или тайно на их стороне, но на отца смотрели как на врага. Идеология тех, кто встал под знаменами Гитлера, служила отражением незрелости Германии. Во всяком случае весь этот мятеж никуда не вел. Романтический бунтарь сам неизбежно превращался в казенного чиновника или бюргера, наделенного дурным сознанием и вымещавшего свои обиды на сыновьях, которые, как выразился великий немецкий философ, всегда дурны, и наказание метафизически оправданно. Но, несмотря на свое неприступное величие, отец нередко терял всякий авторитет у сыновей. Этот процесс шел постепенно, но в результате военного поражения и экономической разрухи подрыв отцовской власти в Германии принял катастрофический характер.

Гитлер обладал особой способностью активировать неосознанные страхи и неразрешенные конфликты, присущие многим. В условиях кризиса сам носитель такого опыта легко превращается в символический образ,

надеясь чертами харизматического лидера. В своих речах он постоянно стремился вызвать у слушателей образ «чистой», сильной и единой Германии, очищенной от любого «зла» (вот оно, мужское превознесение матери, которая, по Вейнингеру, должна соответствовать «идеальным требованиям девственности»). Гитлер специально апеллировал к молодежи и призывал «взять свою судьбу в собственные руки», отвергнуть подорванные авторитеты отцовского типа. В результате сам Гитлер начинает выступать в глазах молодежи как заместитель отцовской власти, близкий по своему типу к предводителю бандитской шайки. Подобный лидер способен держать в руках своих соучастников, с одной стороны, вызывая их восхищение тотальным отрицанием всех общественных норм (то, что, по Вейнингеру, сближает политика с проституткой), а с другой, — втягивая молодежь в преступления, из которых уже нет выхода. Вместе с тем, авторитет харизматического лидера удерживается до тех пор, пока он не оступится — хотя бы единожды — и не уронит себя в глазах сообщников. Если подобное произойдет, его постигнет участь прежнего низвергнутого «отца». (Не то ли самое случилось каждый раз в нашей с вами истории, когда при всенародном восхищении правителем мы начинали его охаивать сразу за тем, как закрывалась крышка гроба?)

«Власть, основанная на любви народа к вождю, непрочная власть, ибо она всегда зависит от народа, — писал в своем «Государе» Н. Макиавелли. — Власть, основанная на страхе народа перед вождем, — прочная власть, ибо она полностью зависит только от вождя».

В самом начале своей книги я, ссылаясь на Э. Фромма, говорила о том, что любовь является единственным средством человеческого существования, спасения от тревоги и страха перед лицом одиночества. Но какие же, в таком случае, чувства испытывают друг к другу власть и народ?

На примерах личной жизни русских царей мы видели, чем порой оборачивалось подчинение власти народу. Русская национальная стихия женственна по своей природе, как никакая другая. Она, как истинная женщина, находится в полном подчинении у состояния, переживаемого в данный момент.

Русский человек, как и весь русский народ, безраздельно отдается то ли радости любви, то ли страданию от несчастья. У него нет половинчатого состояния. Русский народ склонен к одержимости, что неоднократно доказано многочисленными историческими примерами. В своей глубинной основе русский бунт имеет много общего с женской истерией. «Истеричная русская баба» — это не только о русской женщине, это о русском народе вообще. Поэтому в русской любовной стихии есть нечто очень страшное для возлюбленного — власти, нечто бездонное, как океан. Любовные притязания русского народа так безмерны, что никогда не могут быть удовлетворены русской властью. Власть, как мужчина в женщине, ищет в народе красоту, но красота народа была и остается внешней для власти. Власть не принимает народную красоту в себя, не приобщает ее к своей природе, поэтому и не может любить народ вечной любовью. (Выражением этого несоответствия, как мне кажется, и являются знаменитые строки Ф. Тютчева: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить, — у ней особенная стать: в Россию можно только верить».)

Психологическая взаимозависимость, которая присутствует в любовной паре «власть — народ», вызывает невольное сравнение с парой «садист — мазохист».

В своей истории русский народ неоднократно проявлял себя как мазохист. Мы видели, как он относился к тем, кому не доверял, кто был не свой, — к иностранцам и самозванцам. Он чувствовал свое единство только с родной русской властью, защищал ее, ей доверял и по-

корялся. Без нее он не видел смысла в своем собственном существовании. В народном представлении сила власти невероятно преувеличивалась. Они свято верили в богоизбранность своего царя — помазанника Божия: «Он — все, я — ничто. Я имею значение лишь постольку, поскольку я его часть; будучи его частью, я становлюсь причастен к его величию, силе и уверенности».

Такой была логика исторического поведения русского народа. Но ведь это логика мазохиста, который самоустраивается от принятия ответственных решений и никогда не рискует. По Фромму, мазохистская личность «никогда не остается в одиночестве, но и никогда не бывает независимой; ей не хватает целостности; этот человек не вполне родился. Бывает мазохистская покорность судьбе, болезни, поп-музыке, оргиастическим состояниям — и во всех этих случаях личность отрекается от своей целостности, становится орудием кого-то или чего-то внешнего по отношению к себе, ей не нужно решать проблему жизни посредством созидательной деятельности».

Нельзя сказать, чтобы русская власть была независима от русского народа. И все же она распоряжалась, эксплуатировала, унижала, причиняла боль и ввергала в страдания — в общем, вела себя так, как ведет себя садист по отношению к мазохисту. Народ, однако, не все время подчинялся распоряжениям, терпел эксплуатацию и унижения. Фромм замечает, что «в смысле более глубоком, эмоциональном, здесь больше общего, нежели различного: и то, и другое есть слияние без целостности».

Вникнув в суть этого замечания, не видишь ничего удивительного в том, что очень часто власть и народ менялись местами в симбиотической паре «садист — мазохист».

Рассматривая вопрос практики любви, тот же Фромм одним из условий выдвигает *веру*. Верила ли

русская власть в свой народ? Верил ли русский народ своей властью?

Вопросы, на мой взгляд, весьма риторические. Именно на неверии власти в народ, как и неверии народа во власть, ее отрицании возникли те типично русские явления, о которых я говорила выше: народничество, нигилизм, анархизм. Однако и власть не верила в свой народ. Как власть, так и народ жили с *иррациональной верой* друг в друга: «она такая, потому что такой была всегда»; «она такой, потому что таким был всегда». Основа же рациональной веры в самостоятельности.

«Корни иррациональной веры — в том, что человек подчиняется власти, которая ощущается как подавляюще сильная, всеведущая и всемогущая, и отказывается от своего собственного могущества и силы, — писал Э. Фромм. — Рациональная вера основана на противоположном переживании. Эта вера существует в нашем сознании, потому что возникает в результате наших собственных наблюдений и размышлений... *Основа рациональной веры — плодотворность. Жить с верой — значит, жить плодотворно. Отсюда следует, что верование во власть и использование власти противоположны вере. Верить в существующую власть равнозначно неверию в развитие еще нереализованных возможностей. Это предсказание будущего, основанное исключительно на «очевидном» настоящем; но оно оказывается серьезным просчетом, глубоко иррациональным в ошибочной недооценке развития человека и его возможностей. Рациональной веры во власть не бывает (выделено мной. — В. К.).* Власти можно подчиняться или — для тех, кто ею обладает, — подчиняться стремлению ее сохранить. Хотя приумножение власти кажется самой реальной из всех реальностей, история показывает, что это самое непрочное из всех достижений человека. Поскольку вера и власть исключают друг друга

(выделено мной. — В. К.), все религии и политические системы, которые первоначально были основаны на рациональной вере, приходят в упадок и постепенно теряют свою силу, если опираются на власть или вступают с ней в союз».

Полагаю, что пространной цитаты Э. Фромма достаточно, чтобы подвести черту под вопросом о взаимоотношениях в паре «власть — народ». Основанные на неудовлетворении друг другом, они порождают невротическое расстройство. Русская власть и русский народ часто ссорились и проявляли взаимную неудовлетворенность. Они давно потеряли непосредственность в своих взаимоотношениях и соблюдают лишь внешнюю корректность по отношению друг к другу. Взаимная отчужденность породила сильные метания, которые в виде крайностей проявляются в характере русского человека.

Рассуждая о схожей схеме поведения между родителями в семье, Фромм говорит о психологических последствиях развития ребенка. Для нас важным моментом в размышлении философа является то, что этот ребенок — девочка:

«Маленькая девочка ощущает вокруг себя атмосферу «корректности», которая в то же время исключает близкие отношения с отцом или матерью и поэтому озадачивает и пугает ее. Она никогда не знает, что чувствуют и думают родители; в этой атмосфере неизменно присутствует что-то неизвестное и таинственное. В результате девочка замыкается в своем собственном мире, фантазирует, отдаляется от родителей и в дальнейшем сохраняет такую же установку в любви.

Подобное отчуждение ведет за собой развитие сильного беспокойства и ощущение отсутствия опоры под ногами, и часто приводит к мазохистским установкам, которые становятся единственным источником сильных ощущений. Такие женщины предпочитают, чтобы муж

устраивал скандалы, а не вел себя нормально и разумно, потому что при этом по крайней мере снимается тяжесть напряжения и страха; нередко они бессознательно провоцируют мужа на такое поведение, чтобы положить конец мучительной неопределенности».

Разве не то же самое мы видели на примере поведения молодой женщины, которая вышла замуж за иностранца и укоряла его за то, что он ее не бьет (а значит, не любит)?

XX в. стал временем особой бесчеловечности, массового кровавого террора и уничтожения миллионов людей. Судьба любви оказалась не менее трагичной, чем в предыдущие эпохи. Какие тайны породила кремлевская любовь? Как складывается ее извилистый путь в наши дни? Об этом мы и поговорим в последней главе книги.

АЛОЕ ЗНАМЯ КРЕМЛЕВСКОЙ ЛЮБВИ

Любовь одна, но подделок под нее — тысячи.
Ф. де Ларошфуко

Грош цена тому чувству, у которого есть цена.
Н. С. де Шамфор

Я не стану рассуждать о политическом и экономическом кризисе в России в начале нашего столетия. Эта тема настолько огромна, что заслуживает специального исследования. Скажу только, что этот кризис сопровождался вспышкой повышенного интереса к мистике и оживлением бурной эротомании.

Придя к власти, большевики не могли не заняться проблемой сексуальности и ее отношения к любви. Но еще до прихода к власти в интимных отношениях мужчины и женщины вслед за марксизмом они увидели яркое проявление человеческой сущности.

«Дорогой друг! — писал В. Ленин в 1915 г. в одном из своих писем к И. Арманд. — План брошюры очень советую написать подробнее. Иначе слишком многое неясно. Одно мнение должен высказать уже сейчас: п. 3 — «требование (женское) свободной любви советую вовсе выкинуть. Это выходит действительно не пролетарское, а буржуазное требование. В самом деле, что Вы под ним понимаете? Что можно понимать под ним?

1. Свободу от материальных (финансовых) расчетов в деле любви?

2. То же от материальных забот?

3. От предрассудков религиозных?

4. От запрета папаша?
5. От предрассудков «общества»?
6. От узкой обстановки (крестьянской или мещанской или интеллигентски-буржуазной) среды?
7. От уз закона, суда и полиции?
8. От серьезного в любви?
9. От деторождения?
10. Свободу адюльтера? И т. д.

Я перечислил много (не все, конечно) оттенков... но для №№ 1—7 надо выбрать иное обозначение, ибо свобода любви не выражает точно этой мысли. А публика, читатели брошюры неизбежно поймут под «свободой любви» вообще №№ 8—10, даже вопреки Вашей воле. Именно потому, что в современном обществе классы, наиболее говорливые, шумливые и «вверху-видные» понимают под «свободой любви» №№ 8—10, именно поэтому сие есть не пролетарское, а буржуазное требование».

В другом письме на имя того же адресата В. Ленин продолжает:

«По поводу Вашего плана брошюры я находил, что «требование свободы любви» неясно и — независимо от Вашей воли и желания... явится в современной общественной обстановке буржуазным, а не пролетарским требованием... Чтобы неясное сделать ясным, я перечислил примерно десяток возможных (и неизбежных в обстановке классовой розни) различных толкований, причем отметил, что толкования 1—7 будут типичны для пролетарок, а 8—10 для буржуазок... Пунктов 1—7 Вы вовсе не касаетесь. Значит, признаете их правильность? (То, что вы пишете о проституции пролетарок и их зависимости: «невозможности сказать нет» вполне подходит под пп. 1—7. Несогласия у нас здесь нельзя усмотреть ни в чем.) Не оспариваете Вы и того, что это пролетарское толкование. Остаются пп. 8—10. Их Вы «немного не понимаете» и «возражае-

те»: «не понимаю, как можно (так и написано!) отождествлять (!!??) свободу любви с п. 10... Выходит, что я «отождествляю», а Вы меня разносить и разбивать собрались? Как это? Что это? *Буржуазки* понимают под свободой любви пп. 8—10 — вот мой тезис. Опровергаете вы его? Скажите, что *буржуазные* дамы понимают под свободой любви? Вы этого не говорите. Неужели литература и жизнь не *доказывают*, что буржуазки именно это понимают?.. А раз так, дело тут в их классовом положении, и «опровергнуть» их едва ли можно и едва ли не наивно. Надо ясно *отделить* от них, *противопоставить* пролетарскую точку зрения... А Вы, совершенно забыв объективную и классовую точку зрения, переходите в атаку на меня, будто я «отождествляю» свободу любви с пп. 8—10... «Даже мимолетная страсть и связь» «поэтичнее и чище», чем «поцелуи без любви» супругов. Так Вы пишете. И так собираетесь писать в брошюре. Прекрасно. Логичное ли противопоставление? Поцелуи без любви и пошлых супругов *грязны*. Согласен. Им надо противопоставить... что?.. Казалось бы: поцелуи с любовью? А Вы противопоставляете «мимолетную» (почему мимолетную?) «страсть» (почему не любовь?) — выходит, по логике, будто поцелуи без любви (мимолетные) противопоставляются поцелуям без любви супружеским... Странно. Для популярной брошюры не лучше ли противопоставить мещански-интеллигентски-крестьянский... пошлый и грязный брак без любви — пролетарскому гражданскому браку с любовью (с добавлением, если уж непременно хотите, что и мимолетная связь-страсть может быть грязная, может быть и чистая). У Вас вышло противопоставление не классовых *типов*, а что-то вроде «казуса», который возможен. Но разве в казусах дело? Если брать тему: казус, индивидуальный случай грязных поцелуев в браке и чистых в мимолетной связи, — эту

тому надо разобрать в романе (ибо тут весь гвоздь в индивидуальной обстановке, в анализе характеров и психики данных типов). А в брошюре?..»

Я привела столь обширную цитату для того, чтобы читатель увидел отношение к сексу и любви не столько большевиков, сколько отношение самого вождя. И вот почему.

Не помню, когда точно (то ли в конце 70-х, то ли в самом начале 80-х годов), я впервые услышала байку о том, что у Ленина были дети. Но не с Крупской, а с другой женщиной, пламенной революционеркой Инессой Стеффен.

Она родилась в Париже в семье артиста, рано лишилась отца и воспитывалась у родственников в Москве, где вышла замуж за обрусевшего француза-фабриканта по фамилии Арманд. Уже будучи матерью пятерых детей, Инесса Арманд становится революционеркой (член РСДРП с 1904 г.). За участие в революции 1905 г. ее отправляют в ссылку, откуда она бежит в Париж, где знакомится с Ульяновым-Лениным, и по его предложению ведет занятия по политической экономике в политической школе Лонжюмо.

Любовная связь Ленина и Арманд не было секретом для соратников по революционной борьбе, в том числе и для Н. Крупской. Эта тема являлась табу только для простых граждан необъятной советской империи.

(Забегая вперед отметим, что Крупская знала о любовной связи мужа и Инессы Арманд. Уже после 1917 г. она даже предлагала Ленину развод, от которого тот отказался. С Арманд она навсегда сохранила дружеские отношения. В личном альбоме Н. Крупской на первой странице были два фото самых дорогих и близких ей людей: Ленина и Арманд).

Как известно, дыма без огня не бывает, и слухи о том, что у Арманд был ребенок от Ленина, возникли по одной простой причине: после смерти революцио-

нерки и подруги Н. Крупская взяла на свое попечение ее младших детей.

На июнь 1912 г. приходится пик бурного романа. Однако вскоре между влюбленными наступает разрыв интимных отношений. Не вдаваясь в подробности скажем, что революционер победил в Ленине человека.

«Расстались мы, дорогой, с тобой, — и это так больно. Я бы и сейчас обошлась без поцелуев, только бы видеть тебя, иногда говорить с тобой было бы радостью, и это никому бы не могло причинить боль. Зачем было этого меня лишать?» — писала она Ленину вскоре после того, как ее отправили с партийным заданием в Петербург. Это единственное письмо личного характера до сих пор хранится в бывшем Центральном архиве ЦК КПСС.

А вот запись, сделанная Арманд в своем дневнике незадолго до смерти. (Она умерла 24 сентября 1920 г. на Северном Кавказе, заболев холерой): *«Я ко всему равнодушна, а главное — почти со всеми скучаю. Горячее чувство осталось лишь к детям и к В. И.»*

Учитывая эти обстоятельства, совершенно по-иному начинаешь воспринимать те замечания, которые сделал Ленин спустя три года после разрыва с Арманд и в которых — по крайней мере со стороны женщины — ощущается момент глубоко личного характера. В чем он проявляется?

По-моему, прав был О. Вейнингер: *«Выдающиеся люди всегда любили только проституток* (я все время говорю, естественно, не об одной только продажной женщине); их выбор всегда останавливается на женщине бесплодной. Если же они и оставляют потомство, то оно лишено всякой жизнеспособности и очень склонно к вымиранию; в этом следует признать факт, покоящийся на очень глубокой этической основе».

Приведя эту цитату, я, конечно, не имела в виду непосредственный физиологический смысл, а тот, кото-

рый вкладывал сам автор, — психологически-философский. Психологически-философский подход следует также использовать при рассмотрении детства и юности будущего большевистского вождя, который воспитывался в семье при строгом, требовательном, но редко бывающем дома отце и снисходительной матерью, сторонницей вольного духа и свободы любви.

Родители Ленина, Мария Бланк и Илья Ульянов, по российским меркам были «цветы запоздалые». Они вступили в брак, когда ей шел двадцать девятый год, ему было за тридцать. Мировоззрения обоих супругов тоже не совпадали: мать, как я уже сказала, была сторонницей вольного духа и свободной любви, отец — типичным консерватором, отстаивавшим строгие православные правила и домострой. В тогдашнем Симбирске все знали, что настоящим хозяином в доме Ульяновых и воспитателем детей был не Илья Николаевич, который по четыре-пять месяцев находился в разъездах, а доктор Иван Покровский. Исходя из этого, становится понятной ошибка писца, в дипломе за 1891 г. на имя Владимира Ульянова назвавшего последнего не Ильичом, а Ивановичем.

По убеждениям доктор Иван Покровский был революционером. Он распространял нелегальную литературу, которая попадала и в опекаемую им семью Ульяновых. Так с раннего возраста дети приобщались к революционным идеям.

В августе 1874 г. в семье Ульяновых произошло пополнение — родился Дмитрий. В этом же году разлад между родителями будущего вождя мирового пролетариата достиг своего апогея и был острым, как никогда раньше.

«Нет ничего тайного, что не стало бы явным». Человеческая память сохранила для нас воспоминания тех, кто жил рядом с семьей Ульяновых и не понаслышке знал о взаимоотношениях в «святом семействе». Их

приводит Виктор Правдюк в своем рассказе о «Семье У.»: «Никем из соседей не подвергалось сомнению, что отцом Дмитрия Ульянова является не Илья Николаевич, а доктор Иван Покровский, фаворит Марии Ильичны». В доказательство приводился тот факт, что «Дмитрий был единственным ребенком в этой семье, не предрасположенным к нервным срывам и депрессиям. Он единственный носил густую шевелюру (а все Ульяновы рано лысели), имел детей и, как и Иван Покровский, впоследствии стал врачом. К этому еще можно добавить, что по сохранившимся фотографиям Дмитрий Ульянов и Иван Покровский имеют поразительное внешнее сходство».

В семье Павлиновых, с одной из представительниц которой беседовал В. Правдюк, утверждали, что старшего сына, Александра, Мария Ульянова родила от революционера-народника Д. Каракозова, с которым в 60-е годы XIX в. у нее был роман в Пензе. Следует сказать, что фотографическое сходство между этими людьми тоже наводит на определенные размышления.

«Я тоже была женой инспектора народных училищ, но я же не моталась со своими любовниками по всей России и не рожала детей от учеников своего мужа», — отзывалась о Марии Ульяновой одна из ее современниц, жившая по соседству в Симбирске.

Каждый из нас приносит во взрослую жизнь стереотипы того поведения и тех взаимоотношений, что царили в доме, в котором он воспитывался и рос. Но даже в приглаженной и приукрашенной биографии Ленина М. Шагинян сумела рассказать о том, как в семье Ульяновых наказывали детей, на определенное время закрывая в темном отцовском кабинете.

Финал подобного воспитания оказался не тот, что в рассказе М. Шагинян («когда его хватились и стали искать, маленький Володя спокойно спал в отцовском кресле»). На самом деле в Ленине развился панический

страх перед темнотой. Жесткое семейное воспитание, лишенное искренней родительской любви и ласки, тоже не прошло даром. Его отголоском стала патологическая жестокость и ненависть будущего вождя мирового пролетариата, который любого из своих оппонентов тут же причислял к врагам.

Длительное пребывание в самодержавно-православном монолите привело русский народ накануне революции к тотальному отрицанию самодержавия и религии. Это отрицание выразилось, как и предсказывал Ф. Достоевский, в полном безразличии к добру и злу.

«Морально все, что служит делу пролетариата». Эта формула стала удобным оправданием для большевиков и тех, кто за ними пошел: она одна заменила десять библейских заповедей.

Библейское же: «Не прелюбодействуй» заменила «свобода любви». Как раз та самая, по поводу которой велся заочный спор между Лениным и Арманд.

Что под ней подразумевалось, откуда ее корни? Давайте перечитаем одно место из «Манифеста Коммунистической партии» и попробуем себе представить, как оно могло быть понято *гегемоном*, вчерашним деревенским мужиком:

«Но вы, коммунисты, хотите ввести общность жен, — кричит нам хором вся буржуазия.

Буржуа смотрит на свою жену как на простое орудие производства. Он слышит, что орудия производства предполагается предоставить в общее пользование и, конечно, не может отрешиться от мысли, что и женщин постигнет та же участь.

Он даже и не подозревает, что речь идет как раз об устранении такого положения женщины, когда она является простым орудием производства.

Впрочем, нет ничего смешнее высокоморального ужаса наших буржуа по поводу мнимой официальной

общности жен у коммунистов. Коммунистам нет надобности вводить общность жен, она существовала почти всегда.

Наши буржуа, не довольствуясь тем, что в их распоряжении находятся жены и дочери их рабочих, не говоря уже об официальной проституции, видят особое наслаждение в том, чтобы соблазнять жен друг у друга.

Буржуазный брак является в действительности общностью жен. Коммунистам можно было бы сделать упрек разве лишь в том, будто они хотят ввести вместо лицемерно-прикрытой общности жен официальную, открытую. Но ведь само собой разумеется, что с уничтожением нынешних производственных отношений исчезнет и вытекающая из них общность жен, т. е. официальная и неофициальная проституция».

Точную иллюстрацию того, как мог быть понят смысл приведенного отрывка, дает рассказ А. Чехова «Новая дача».

Инженер Кучеров руководил строительством моста недалеко от деревни Обручаново. Живописные окрестные места понравились его жене, которая и уговорила мужа купить небольшой участок земли и построить здесь дачу.

Будучи благовоспитанными интеллигентными людьми и ощущая исконную дворянскую вину перед своим народом, Кучеров и его жена искренно желали добра деревенским жителям. Но мужики почти сразу же невзлюбили дачников, и отношения не сложились. А тут еще однажды две лошади и бычок инженера случайно забрели на сельский луг.

Разразился скандал.

«Не имеете полного права обижать народ! Крепостных теперь нету!» — разорались деревенские мужики.

Тогда Кучеров решил встретиться с местными, объяснить и как-нибудь уладить конфликт:

— Здравствуйте, братцы! — сказал он.

Мужики остановились и снимали шапки.

— Я давно уже хочу поговорить с вами, братцы, — продолжал он. — Дело вот в чем. С самой ранней весны каждый день у меня в саду и в лесу бывает ваше стадо. Все вытоптано, свиньи изрыли луг, портят в огороде, а в лесу пропал весь молодняк. Сладу нет с вашими пастухами; их просишь, а они грубят. Каждый день у меня потрава, и я ничего, не штрафую вас, не жалуюсь, между тем вы загнали моих лошадей и бычка, взяли пять рублей. Хорошо ли это? Разве это по-соседски? — продолжал он, и голос у него был такой мягкий, убедительный и взгляд не суровый.

— Разве так поступают порядочные люди?.. Я и жена изо всех сил стараемся жить с вами в мире и согласии, мы помогаем крестьянам, как можем... Вы же за добро платите нам злом. Вы несправедливы, братцы. Подумайте об этом. Убедительно прошу вас, подумайте. Мы относимся к вам по-человечески, платите и вы нам тою же монетою.

Повернулся и ушел. Мужики постояли еще немного, надели шапки и пошли...»

Полагаю, современному читателю вполне понятен смысл той речи, которую произнес инженер перед крестьянами. А теперь давайте посмотрим на то, как сами крестьяне восприняли и поняли эту речь.

«До деревни дошли молча. Придя домой, Родион (один из тех мужиков, которые встретили Кучерова. — В. К.) помолился, разулся и сел на лавку рядом с женой...

— По дороге около Никитовой гречи того... инженер с собачкой... — начал Родион, отдохнув, почесывая себе бока и локти. — Платить, говорит, надо... Монетой, говорит... Монетой не монетой, а уж по гривеннику со двора надо бы. Уж очень обижаем барина, жалко мне...»

В чем же причины подобного непонимания двух человек, говорящих на одном и том же языке?

Ответ на него лежит не в области социальных различий (Кучеров — дворянин, Родион — безграмотный крестьянин). Просто эти два человека обладают различными типами мышления.

Инженер Кучеров является представителем прежних хозяев жизни, Родион — тот тип русских людей, которые после революции *будут названы* хозяевами жизни. Он обладает мышлением, в котором господствуют *общие представления* и которые известный французский психолог К. Леви-Брюль считал характерным признаком паралогического мышления. В нем причинно-следственные связи, которые рациональное мышление анализирует, подменялись сопричастием, устанавливаемым между коллективом и значимым для него объектом. Поэтому человек с паралогическим мышлением считает результаты своего труда зависимыми от соблюдения ритуалов и вмешательства сверхъестественной силы.

Паралогическое мышление, которое было характерно для первобытного сознания, было «ориентировано по преимуществу на передаваемые от поколения к поколению «коллективные представления» и безрефлексивное следование традиции» (К. Леви-Брюль). Для «коллективных представлений» индивидуальный опыт является несущественным: его данные *никогда не могут поставить под сомнение вековые устои и эффективность магических ритуалов.*

Пример с крестьянином кому-то из читателей может показаться неубедительным. Мол, что тут говорить: крестьянин, он и есть крестьянин, да еще дореволюционный — темный, забитый, необразованный. (Кстати, в советскую эпоху слово «крестьянин» получило отрицательно-унизительную оценку, которая, к нашему всеобщему стыду, до сих пор сохранилась в со-

знании горожанина. Эта оценка и смысловое значение ничем не отличаются от того, которое слово «крестьянин» имело в тюремно-лагерном лексиконе: «крестьяне» на нем — вши; «крестьянин» — глупый, недалекий человек; мелочный, жадный человек; завистник; бездельник, филон.)

Но нами же руководили не крестьяне, а «великие вожди».

Чтобы развеять подобные мифы, вот вам еще два примера:

«Бажанов, бывший секретарь Сталина, рассказывал, как два секретаря Сталина — он, Бажанов, и Товстуха — разговаривали однажды в коридоре здания Центрального Комитета. Появляется Сталин. Секретари умолкают. «Товстуха, — говорит Сталин после паузы, — моя мать имела козла, который походил на тебя... Он не имел только очков...» Довольный собою, Сталин уходит в свой кабинет».

А вот второй пример:

«Когда я возглавлял правительство, молодой пианист, который получил премию на конкурсе Чайковского, был женат... Не был, а он и сейчас женат. Англичанка, значит. И у них ребенок был. После окончания, после конкурса, они выехали в Англию. Там родители этой англичанки, англичане живут. Мне говорили, что она родом или, значит, родилась в Исландии. Но вот, все-таки англичанка. Английская подданная. Паспорт у нее английский».

Чем вам не язык чеховского Родиона? А между тем этот отрывок взят мной из неотредактированной магнитофонной записи мемуаров Н. Хрущева.

Тип человека, представленный в рассказе А. Чехова Родионом (как Сталин и Хрущев), не отделяет себя от общины, от коллектива. Его мышление сродни тому, которое господствует в деклассированной люмпен-пролетарской и воровской среде.

(Люмпен-пролетариат — это бродяги, нищие, уголовники. А разве не в них сталинская государственная система превратила большинство народа? Прочтите произведения В. Шаламова, Л. Разгона, А. Солженицына, Е. Гинзбург — и вы поймете, в какую жуткую мясорубку был ввергнут народ, в одночасье оказавшись в одной огромной зоне, огороженной колючей проволокой.)

Как крестьянин Родион понял инженера Кучерова, точно так же *новый человек* — «хозяин жизни» мог понять приведенный отрывок из «Манифеста Коммунистической партии». Логика его до смешного проста: раз «буржуа смотрит на свою жену как на простое средство производства», раз они, «не довольствуясь тем, что в их распоряжении находятся жены и дочери их рабочих, не говоря уже об официальной проституции, видят особое наслаждение в том, чтобы соблазнять жен друг у друга», то и мы будем делать то же самое. Ведь теперь не они, а мы настоящие хозяева жизни. Да и коммунисты «хотят ввести вместо лицемерно-прикрытой общности жен официальную, открытую». Значит, узаконивают для нас то, что раньше было законом только для буржуа.

И началось по стране повальное «сладострастие» — утоление низменной животной страсти, которую красиво называли увлечением, «свободной любовью». Прекрасной иллюстрацией того, какими были последствия этого увлечения, являются эпидемии сифилиса в провинциях, многочисленные случаи изнасилований, типичным примером которых стало «Чубаровское дело» в Ленинграде и т. д.

В 20-е годы Советская Россия пережила настоящий бум различных моделей сексуального поведения. Одна из них, например, утверждала: любви нет, есть лишь инстинктивная потребность в половом акте. Удовлетворять ее нужно, как утолять жажду, поэтому и сама теория получила название «стакана воды».

Характерным примером «свободы любви» является любовная связь между поэтом-футуристом В. Маяковским и Лилей Брик. Эта пара — одна из примечательнейших любовных пар в истории мировой литературы. Для одних любовный роман между Маяковским и Брик был отталкивающим примером буржуазно-декадентской морали, вызывающим негодование и непостижимую ненависть. Другие видели в нем образец «любви поэта», своеобразный бытовой эксперимент по созданию нового типа любви и дружбы, семьи будущего. В этом толковании взаимоотношения между поэтом и его возлюбленной выглядят как идеализированный миф.

Лили Брик происходила из еврейской семьи. Ее отец, родом из Лиепай, был юристом. Мать, Елена Юльевна, была из рижской еврейской семьи. Отец и мать были антисемитами и убежденными сторонниками еврейской ассимиляции. «Папа из-за своего еврейства ходил в помощниках 25 лет и в окружном суде за него выступали его помощники, давно уже присяжные поверенные, — писала Л. Брик. — Отношение к еврейству у меня было больное с самого начала».

Семья жила в самом центре Москвы, в переулках Маросейки. Осипа Брика, брата своей гимназической подруги, она встретила и полюбила в 13 лет. Он был на три года старше. В 1908 г. она с отличием закончила гимназию и поступила на высшие женские курсы, хотела изучать математику. Однако интерес к математике ослабел, и Лили поступила в Московский архитектурный институт, где занималась живописью и лепкой. Осенью 1911 г. она уехала в Мюнхен, откуда вернулась только после Рождества. Осип Брик тут же предложил ей выйти за него замуж, и Лили согласилась. Свадьба состоялась 11 марта 1912 г., венчал их московский раввин. Молодожены переехали в четырехкомнатную квартиру в Б. Чернышевском переулке, которую родители Лили сняли для новобрачных.

В. Маяковский и Лили Брик впервые встретились летом 1915 г., но были наслышаны друг о друге задолго до личного знакомства. Брик увидела поэта 7 мая 1913 г. на торжественном вечере, посвященном возвращению из эмиграции К. Бальмонта. Маяковский выступил в роли эпатазирующего будетлянина и приветствовал поэта-символиста «от имени врагов».

Разразился скандал. Среди тех, кто был возмущен выходкой Маяковского, были и супруги Брик.

«Мне и Брику все это очень понравилось, но мы продолжали возмущаться, я в особенности, скандалистами, у которых ни одно выступление не обходится без городского и сломанных стульев», — позже вспоминала Л. Брик.

Осенью того же года Маяковский познакомился с младшей сестрой Лили, Эльзой. К тому времени супруги Брик переехали в Петроград и не жили в родительском доме, в котором после знакомства с Эльзой Маяковский часто бывал в гостях.

В 1914 г. Урий Каган, отец Лили Брик, заболел раком. Лето 1915 г. Эльза проводила с родителями на подмосковной даче в Малаховке. Туда приезжал Маяковский, который в то время был в близких отношениях с Эльзой. Там же на даче состоялась первая встреча поэта с Л. Брик, которая приехала из Петрограда навестить больного отца. Вот что записала в своем дневнике Л. Брик о той первой встрече:

«Пришел Маяковский, поздоровался и ушел с Элей гулять. Сижу полчаса, сижу час, пошел дождь, а их все нет. Папа болен, и я не могу вернуться домой без Эли. Родители боятся футуристов, а в особенности ночью, в лесу, вдвоем с дочкой».

Потом они виделись снова. Но только в конце июля наступил тот радостный день, который в своей автобиографии Маяковский назовет «радостнейшей датой».

«Умер папа, — вспоминала Л. Брик. — Я вернулась из Москвы с похорон. Приехала в Питер Эльза... приехал Владимир из Финляндии. Мы умоляюще шепнули Эльзе: «Не проси его читать». Но Эльза не послушалась, и мы услышали в первый раз «Облако в штанах».

Супруги Брик пришли в восторг от поэмы.

«Брики отнеслись к стихам восторженно, безвозвратно полюбили их, — много лет спустя писала Э. Триоле. — Маяковский безвозвратно полюбил Лилию». (Кстати говоря, поэма вышла в сентябре с посвящением: «Тебе, Лилия». Поэт употребил форму имени «Лилия» вместо Лили, потому что она казалась ему более русской. Лили Брик была названа в честь одной из возлюбленных Гете — Лили Шёнemann.)

Маяковский так страстно влюбился в Лили Брик, что не вернулся обратно в Куоккалу. Он оставил там даму сердца и остался в Петрограде, поселился в гостинице «Пале Роял», а затем снял жильё поближе к улице Жуковского, где жили Брики.

Вскоре в этой квартире образовался настоящий светский салон. Маяковский стал приглашать туда своих друзей поэтов — В. Каменского, Д. Бурлюка, Б. Пастернака, В. Хлебникова и многих других. Приходили не только футуристы. К числу частых гостей принадлежал Н. Кузмин, который под аккомпанемент рояля исполнял свои песенки. Среди друзей салона была знаменитая танцовщица Екатерина Гельцер, банкир Л. Гринкрот, представители делового мира.

Те, кто навещал квартиру Бриков, вели не только поэтические беседы, но и являлись заядлыми картежниками. Почти каждый вечер играли в покер, «тетку», винт, «железку». Вскоре в квартиру Бриков зачастили филологи: Р. Якобсон, Б. Кушнер, Л. Якубинский, В. Шкловский. Именно на квартире Бриков впервые было основано «Общество изучения поэтического языка».

Любовь к Лили преобразила жизнь Маяковского. До встречи с ней он жил богемной жизнью и никогда не думал о постоянном пристанище. Он не был семейным человеком и не стремился им стать. Но после знакомства с Бриками он обрел общность другого рода.

«Это чужое, казалось бы, гнездо он охранял и устраивал, как свое собственное устраивал бы, будь он семейственником, — писал Н. Асеев. — Гнездом этим была семья Бриков, с которыми он сдружился и прожил всю свою творческую биографию».

Через Бриков поэт — выходец из небогатой провинциальной семьи, без настоящего образования, вошел в новую культурную и социальную среду. Он начал перенимать привычки их круга, постриг свои длинные волосы и навсегда избавился от желтой кофты и фрака, стал носить костюм, пальто и обзавелся тростью.

Лили стала новой и единственной героиней в жизни и творчестве Маяковского. Когда в 1928 г. вышел первый том его собрания сочинений, посвящение гласило: «Л. Ю. Б.». Он посвятил этой женщине все написанное им как до, так и после их знакомства.

Маяковский восторженно воспевал свою любовь, без которой ему нет ни моря, ни солнца и имя которой звучит радостнее всех: Лиличка! Любовное чувство поэта было столь огромно, что его радости и огорчения он переживал гиперболически.

«Володя не просто влюбился в меня — он напал на меня, это было нападение, — вспоминала Л. Брик. — Два с половиной года не было у меня свободной минуты — буквально».

В эти первые годы любовный роман Л. Брик и Маяковского был тайным. Муж Л. Брик ничего не знал о тайных свиданиях своей жены с поэтом.

В феврале 1917 г. в России грянула революция, за ней последовала вторая. Первая продолжительная разлука между Л. Брик и Маяковским произошла зи-

мой 1917—1918 г. Поэт уехал в Москву. Главной причиной его отъезда было неприятие культурной программы большевиков в том виде, как она была сформулирована наркомом просвещения А. Луначарским.

Разлука длилась три месяца. Весной 1918 г. Маяковский снял три фильма. Последним из них был «Закованная фильмой». Сценарий к картине поэт написал специально для Л. Брик.

Фильм был снят в мае—июне 1918 г. Маяковский играл в нем роль художника, Л. Брик — балерину. После съемок они вместе вернулись в Петроград, и поэт прописался в доме по улице Жуковского, где жили Брики. Потом все трое — Лили, ее муж Осип и Маяковский — выехали в Левашово под Петроградом. Тогда же началась открытая жизнь поэта с возлюбленной.

«Только в 1918 г. я могла с уверенностью сказать О. М. о нашей любви, — вспоминала Л. Брик. — С 1915 г. мои отношения с О. М. перешли в чисто дружеские, и эта любовь не могла омрачить ни мою дружбу с ним, ни дружбу Маяковского и Брика. За три прошедших года они стали необходимы друг другу — им было по пути и в искусстве, и в политике, и во всем. Все мы решили никогда не расставаться и прожили жизнь близкими друзьями».

«Хотя отношения с Маяковским перешли в новое качество, но любовь (в более широком смысле слова) Л. Ю. к О. М. не ослабевала, — комментирует Б. Янгфельд этот момент в жизни поэта. В другой записи она разъясняет предпосылки этой дружбы (которая не была *menage a trois*): «Мы с Осей больше никогда не были близки физически, так что все сплетни о «треугольнике», «любви втроем» и т. п. — совершенно не похожи на то, что было. Я любила, люблю и буду любить Осю больше чем брата, больше чем мужа, больше чем сына. Про такую любовь я не читала ни в каких стихах, ни в какой литературе... Эта любовь не мешала моей

любви к Володе. Наоборот: возможно, что если бы не Ося, я любила бы Володю не так сильно. Я не могла не любить Володю, если бы его так не любил Ося. Ося говорил, что для него Володя не человек, а событие. Володя во многом перестроил Осину мышление... и я не знаю более верных друг другу, более любящих друзей и товарищей».

В начале июля 1918 г. младшая сестра Лили с матерью выехали в Париж. Эльза должна была выйти замуж за французского офицера Андре Триоле.

«Мать мучительно переживала перемену в личной жизни Лили, — писала Э. Триоле. — Для нее эта перемена, к которой она совсем не была подготовлена, оказалась сильным ударом. Она не хотела видеть Маяковского и готова была уехать, не попрощавшись с Лилей».

Но Лили Брик приехала проститься с матерью и сестрой — без Маяковского.

В марте 1919 г. Маяковский и Брики переехали в Москву, которая стала новой столицей Советской России. Поэт делал плакаты для Роста, а затем и для Главполитпросвета. Важным стимулом его работы были материальные льготы в голодной и холодной Москве.

Осенью 1922 г. Маяковский и Брики совершили поездку в Германию и Францию. Тогда любовный роман между поэтом и его музой претерпел серьезные испытания, они на два месяца расстались, чтобы испытать себя. Но в 1924 г. новое испытание: летом 1922 г. у Лили был роман с А. Краснощековым, бывшим председателем и министром иностранных дел Дальневосточной Республики. В 1921 г. он вернулся в Москву, стал председателем промбанка и заместителем Наркомфина, а осенью 1923 г. был арестован по необоснованным обвинениям в злоупотреблении властью.

Осень 1924 г. Маяковский провел в Париже, а в мае 1925 г. он снова поехал во Францию, откуда отправился путешествовать в США и Мексику.

Это была самая дальняя и самая длительная поездка в его жизни. В Нью-Йорке поэт встретил американку русского происхождения Элли Джонс (Елизавету Зиберт). Плодом непродолжительного любовного романа стала дочь, которую Маяковский признал своей (к сведению читателей, интервью с этой женщиной уже преклонного возраста во время горбачевской перестройки показал в своей передаче В. Молчанов).

После возвращения поэта из Америки отношения между ним и Лили Брик пошли на спад. «Характер наших отношений изменился», — записала в дневнике Л. Брик. Она имела в виду то, что после семи лет их интимной связи пришел конец. В 1926 г. Маяковский путешествовал по СССР. В том же году он познакомился с Натальей Брюханенко, работавшей в библиотеке Госиздата. Они стали встречаться, а в августе—сентябре 1927 г. провели месяц в Крыму. Одновременно у Лили Брик был любовный роман с кинорежиссером Л. Кулешовым.

Отношения между Маяковским и его новой возлюбленной были настолько серьезными, что Л. Брик сочла нужным, хоть и в шуточной форме, предупредить поэта: «Пожалуйста, не женись всерьез, а то меня все уверяют, что ты страшно влюблен и обязательно женишься».

Это была первая угроза существованию «семьи» Маяковского и Бриков. Поэт продолжал встречаться с Брюханенко, но все-таки не женился на ней. Несмотря на все побочные романы, Маяковский и Л. Брик запланировали совместную поездку в Берлин весной 1928 г.

Осенью поэт отправился в Париж, а 20 октября поехал в Ниццу, где вместе с дочкой отдыхала Элли Джонс. Но встреча не получилась, и через пять дней Маяковский вернулся в Париж. Вечером того же дня, 25 октября, он познакомился с Татьяной Яковлевой, мо-

лодой русской, которая в 1925 г. приехала к своему дяде в Париж.

Маяковский и Т. Яковлева с первого взгляда влюбились друг в друга. Лишь спустя три недели он написал Л. Брик: «Моя жизнь здесь какая-то странная, без событий, но с многочисленными подробностями, это для письма не материал, а только можно рассказывать». «Многочисленные подробности» относились к новой любви.

В то время поэт нуждался в любви. Сам он признавался близким, что «только большая, хорошая любовь может еще спасти меня». Впервые с 1915 г. он встретил женщину, которая была нужна ему.

Несмотря на то что Т. Яковлева пользовалась репутацией роковой женщины и у нее было много поклонников, в письме к матери она сама признавалась в любви к Маяковскому. Пять недель они ежедневно встречались, и стихи, посвященные новой возлюбленной, были первой светлой любовной лирикой после поэмы «Люблю», написанной шесть лет назад.

Он полностью отдался новой страсти. Уехав в декабре 1928 г. в Москву, поэт уже в феврале возвращается в Париж и проводит с любимой два с половиной месяца. Он предложил Т. Яковлевой стать его женой и уехать с ним в СССР, но девушка ответила уклончиво.

Любовный роман продолжался, Маяковский собирался приехать во Францию осенью. Но поездка не состоялась. Поэту было отказано в визе. В советской традиции в этом было принято обвинять Бриков, которые не были заинтересованы в женитьбе поэта на Т. Яковлевой.

«Самоочевидно, что Л. Ю. и О. М. не «хотели», чтобы Маяковский женился на Т. А. Яковлевой, — пишет Б. Янгфельд. — Их отношения основывались на том, что они жили вместе. К романам и другим временным связям относились с терпением, даже к такой перма-

нентной связи, как между О. М. и Е. Г. Жемчужной. Но женитьба Маяковского на Т. А. Яковлевой означала бы конец их совместной жизни; вряд ли она согласилась бы «делить» Маяковского с Л. Ю. и О. М., вернувшись в СССР. В этой связи нельзя также недооценивать роль Маяковского как «кормильца семьи», подчеркнутую Р. О. Яacobсоном. Но отсюда сделать или намекать на вывод, что Л. Ю. и О. М. действительно воспрепятствовали парижской поездке Маяковского, — по меньшей мере легкомысленно. В отсутствие доказательств такого вмешательства мы должны искать других объяснений несостоявшейся поездки...

Слухи о разных интригах в связи с парижской поездкой Маяковского проистекают частично из того факта, что среди знакомых Маяковского и Бриков в ту пору был крупный чекист Я. С. Агранов. Одно время после революции О. М. работал юридическим экспертом в Чека, но, судя по всему, только до 1924 г. Агранова привел в семью Маяковский, который, вероятно, познакомился с ним через В. М. Горожанина, агента ГПУ, с которым поэт встретился в 1926 г. в Крыму и вместе с которым написал сценарий «Инженер д'Арси». У Агранова были литературные интересы, и в 1928—1930 гг. он много общался с Маяковским и Бриками — не исключено, что он был специально приставлен к ним по работе. В Агранове Маяковский и Брики имели, таким образом, высокую протекцию, но и он обо многом узнавал благодаря этому знакомству; конечно, он знал о романе с Т. А. Яковлевой».

Следует помнить и о том, что 1929 г. был объявлен Сталиным «Годом великого перелома». В феврале из СССР был выдворен Троцкий, в ноябре из состава ЦК вывели Бухарина. В течение года проводились партийные чистки, которые затронули и культурные учреждения: Академию Наук, Пушкинский дом, МХАТ, ГАХН. В конце лета и осенью в печати велась травля

против Б. Пильняка и Е. Замятина (в которой, как это не прискорбно звучит, принял участие и Маяковский), напечатавших свои произведения за границей.

Кроме того, в сентябре 1929 г. произошел инцидент, который осложнил выезд советских граждан за границу: сбежал советник посольства в Париже, старый большевик Г. Беседовский, после чего был принят закон о «невозвращенцах».

11 октября Маяковский узнал о том, что Т. Яковлева выходит замуж за французского виконта дю Плесси. Он сильно переживал такое глупое окончание романа с любимой девушкой.

Последний раз поэт виделся с Бриками 18 февраля 1930 г., когда они уезжали за границу — в Берлин и Лондон. Последнюю свою открытку ему они послали по пути домой из Амстердама 14 апреля 1930 г., в день самоубийства. Револьверный выстрел поставил точку в странном романе, тайна которого до сих пор остается до конца неразгаданной.

(С подробной историей любовного романа и перепиской между В. Маяковским и Л. Брик читатель может познакомиться в книге Б. Янгфельда «Любовь это сердце всего».)

После непродолжительного периода «свободной любви» уже в 20-е годы ей была противопоставлена «идейно-классовая любовь». Она отрицала исключительность любви и осуждала выделение влюбленной пары из коллектива. Именно эта теория стала главенствующей в нашей нравственной жизни и продолжала существовать вплоть до 60-х годов. «Деструкция любви» была напрямую связана с классово-идеологией, которую большевики насильно прививали народу. Господство социально-классового над индивидуальным, общественный диктат над личностью, жесткое социальное расписание человеческого поведения были причинами полного игнорирования внутренней свободы личности.

Коллективизм, понятый как стадность, приводил к беззастенчивому вторжению в духовный внутренний мир человека. В пионерско-комсомольско-партийных организациях начались общественные суды над чувствами. Наказаниями за неуютную любовь служили исключения из пионеров-комсомольцев-коммунистов с сухой лаконичной формулировкой: «за аморалку».

«Диктат над чувствами людей перекалечил не только многие человеческие судьбы, но и воспитывал рабскую психологию, насаждал агрессивно-мещанскую мораль, убогую, уравнительную, далекую от духовной культуры, конформистскую и воинственно-невежественную, — писала Г. Стрельцова в своем нравственно-психологическом очерке «Судьба любви сегодня». — Воители «идейной любви» были наивно и бездумно убеждены в необходимости социального контроля над личной жизнью людей, в возможности авторитарного управления чувствами и разумного подавления «неуютной любви». Дело доходило до того, что «передовые члены общества» не должны были любить «безыдейно», например классовых врагов, «морально-неустойчивых», «идейно не выдержанных», женатых мужчин и, конечно, замужних женщин. Не должны! Увы! Как будто любовь имеет какое-нибудь отношение к такому долгу... Отсюда «воспитание наоборот» нескольких поколений мужчин и женщин, глубоко убежденных в справедливости этого пресловутого «Не должны!». Неважно, что жизнь опровергала на каждом шагу это деспотическое кредо, а поэты тысячелетиями воспевали загадочную природу любви, ее свободу и неподвластность сознательному контролю. Испокон веков любили всех, независимо от возраста, ранга, звания, достоинств и недостатков и... отметки в паспорте. Однако кредо действовало неукоснительно. Если кто-то добровольно его не понимал и не выполнял, то общественные организации пытались навязать его принудительно. Отсюда нескон-

чаемый поток «личных дел», разбираемых на комсомольских и партийных собраниях с пристрастным и тенденциозным «допросом» и унижительным «копанием» в душе человеческой. Несчастный «идейно выдержанный» и «морально устойчивый» влюбленный чувствовал свою «вину» и даже «порочность» за то, что любил не «как должно», а как «сердце велит». Ему советовали «взять себя в руки», «прислушаться к голосу разума», подавить «крамольные чувства» и... перестать любить, иначе — «приговор окончательный и обжалованию не подлежит».

Можно как-то понять безумно отчаявшегося человека, ищущего выход там, где его нет. Можно простить юное существо, по неопытности поддавшееся уговорам старших и совершившее эту роковую ошибку. Но поражает нравственная и эмоциональная глухота взрослых и даже пожилых людей, агрессивно убежденных в своей мнимой правоте и требующих вмешательства внешних инстанций в то, что должно быть «сокровенным для двоих» и укрытым от чужих глаз. Пожалуй, само это «дикое убеждение», каким бы ни был его источник, скорее всего свидетельствует, что эти люди «еще» не знают, что такое любовь: либо фактически никого не любили, либо так и не осознали таинственной природы любви. Каков результат всех этих обращений во «внешние инстанции»? Теперь чаще всего отрицательный, приводящий к неминуемому разрыву отношений между близкими людьми. Если бы эта энергия, направленная «вовне», была использована для осмысления внутриличностного конфликта, результаты могли быть более положительными. В конце концов, никого нельзя сделать счастливым принудительно и коллективно!»

Так жили и любили (а точнее — вынуждены были жить и любить) простые граждане великой страны. А какие секреты таит в себе кремлевская любовь?

Об одном из них — семейной тайне вождя — я уже упомянула. Эта тайна, как и родословная Ленина, для большинства читателей по-прежнему остается тайной за семью печатями. Выходит, в нынешней России это, оказывается, кому-то не совсем выгодно.

При Сталине, как верном и последовательном продолжателе дела Ленина, преследовалась не только свободная любовь, которую мы видели на примере Маяковского и Бриков, но и всякое отклонение от традиционного патриархального представления о любви и сексе. Не могло быть никакой другой любви, кроме классово оправданной и целесообразной.

«Коллективизм, организация, активизм, диалектический материализм — вот четыре основных мощных столба, подпирающие собою строящееся сейчас здание пролетарской этики, — вот четыре критерия, руководствуясь которыми всегда можно уяснить, целесообразны ли с точки зрения интересов революционного пролетариата тот или иной поступок, — проповедовал А. Залкинд в «Двенадцати половых заповедях революционного пролетариата». — Все, что способствует развитию революционных, коллективистских чувств и действий трудящихся, все, что наилучшим образом способствует планомерной организации дисциплины внутри пролетариата, все, что увеличивает революционную боеспособность пролетариата, его гибкость, его умение бороться и воевать, все, что снимает мистическую, религиозную пленку с глаз и мозга трудящихся, что увеличивает их научное знание, материалистическую остроту анализа жизни, — все это нравственно, этично с точки зрения интересов развивающейся пролетарской революции, все это надо приветствовать, культивировать всеми способами...

[...] Половая жизнь для создания здорового революционно-классового потомства, для правильного, боевого использования всего энергетического богатств-

ва человека, для революционно-целесообразной организации его радостей, для боевого формирования внутриклассовых отношений — вот подход пролетариата к половому вопросу.

Половая жизнь как неотъемлемая часть прочего боевого арсенала пролетариата — вот единственно возможная сейчас точка зрения рабочего класса на половой вопрос: все социальное и биологическое имущество революционного пролетариата является сейчас его боевым арсеналом.

Отсюда: все те элементы половой жизни, которые вредят созданию здоровой революционной смены, которые грабят классовую энергетику, гноят классовые радости, портят внутриклассовые отношения, должны быть беспощадно отмечены из классового обихода, отмечены с тем большей неумолимостью, что половое является привычным, утонченным дипломатом, хитро пролезающим в мельчайшие щели — попущения, слабости, близорукости».

Я не хотела бы здесь возвращаться к многократно рассмотренным историям из семейной жизни наших прошлых и нынешних вождей. Тот, кого интересуют эти подробности, может обратиться к книгам «Кремлевские жены», «Кремлевские невесты», «Кремлевские свадьбы и банкеты», «Серые кардиналы Кремля» и «Кремлевская дочь Галина Брежнева». Я хотела бы обратить внимание читателей лишь на те тайны кремлевской любви, в которых наиболее полно раскрываются особенности трагического пути любовного чувства, пережитые в XX в.

Для меня такой тайной являются поразительные, просто невероятные перипетии во взаимоотношениях между мужчиной и женщиной (не знаю, как читателю, а мне очень трудно произнести «между двумя влюбленными», «между возлюбленными», если дело касается представителей советской власти первых десятилетий) с «классовым сознанием».

Приведенная цитата из «Двенадцати половых заповедей революционного пролетариата» ясно дает понять, какими принципами обязаны были руководствоваться молодые люди при выборе спутника жизни. Нагнетаемая истерия с «классовыми врагами, которые не дремлют», порождала всеподозрительность и, по логике вещей, должна была подорвать доверие человека к человеку.

И все же в реальности мы нередко можем видеть совершенно противоположную картину. Помните, я говорила о забытой ветви дома Романовых — потомстве опального великого князя Николая Константиновича? Трагическая судьба, постигшая его детей после революции, не является чем-то из ряда вон выходящим. Как, впрочем, и тот факт, что двоих детей Александра, сына великого князя, ради спасения усыновил и записал на свою фамилию второй муж его жены Ольги Искандер. Из ряда вон выходящим является, скорее, поступок человека по фамилии Андросов, который, зная, что ему может грозить за укрывательство классового врага, — более того, внуков великого князя и праправнуков императора Николая I, — он все же усыновил их и записал на свою фамилию.

Однако не менее поразительной является другая история — сталинского палача Н. Ежова.

При одной фамилии этого человека, стоящего в ряду первых лиц кровавого режима, ее трудно назвать любовной. Будучи типичным представителем своего времени с типичной — как и положено коммунисту — пролетарской биографией, волей судьбы он был вознесен на вершину властной пирамиды: после окончания Промакадемии заведовал отделом кадром ЦК партии, а потом сменил Г. Ягоду на посту наркома НКВД. Сыграв свою роль в политических планах Сталина, Н. Ежов должен был сойти со сцены так же, как и его предшественник.

«Ежовым Сталин был уже недоволен, — говорит в своих мемуарах Н. Хрущев. — Ежов к тому времени буквально потерял человеческий облик, попросту спился. Он так пил, что и на себя не был похож (курсив мой. — В. К.)»

Отмеченный момент очень важен для понимания общей картины. Выходит, даже у такого палача, как Ежов было сердце?!

Но дальше открывается тайна, достойная воплощения в художественном слове как поучительный пример, как парадокс сталинского времени.

«Я думаю, — говорит Н. Хрущев, — так повлияло на него то, что он знал, что происходит. Он понимал, что Сталин им пользуется как дубинкой для уничтожения кадров, прежде всего старых большевистских кадров, и заливал свою совесть водкой».

В силу своего национального характера мы привыкли делать поспешные, категоричные и однозначные выводы о людях и явлениях. А они, оказывается, не такие уж и однозначные. Да, прав был Хрущев в своем понимании того, что происходило с Ежовым, и я с ним полностью согласна. Последующие события только лишний раз подтверждают, что всякое человеческое поведение следует воспринимать с мудростью змеи.

«Позднее мне рассказывали следующее, — пишет Н. Хрущев. — На последнем этапе его жизни и деятельности у него заболела жена. Она легла в Кремлевскую больницу, но уже было решено, что, как только она выздоровеет, ее арестуют. Сталин широко применял такой способ ареста. Через жен ответственных работников он старался раскрыть «заговоры», раскрыть предательство их мужей — ответственных работников. Жены ведь должны знать их секреты и сумеют помочь государству разоблачить врагов народа. Так были арестованы жены Михаила Ивановича Калинина, Кулика, Буденного, позже и жена Молотова Жемчужина. Я да-

же не знаю, сколько их было, таких; наверное, огромное количество невинных женщин, которые пострадали за невинность своих мужей. Все они были расстреляны или сосланы.

Жена Ежова стала выздоравливать и вскоре должна была выписаться из больницы, но вдруг умерла».

После смерти жены Ежова поползли слухи о том, что она отравилась. Хрущев соглашается с подобной версией. Много позже стало известно, что накануне смерти к ней в больницу приходил Ежов. Он принес жене огромный букет цветов, поговорил и ушел.

«Мы считали: раз она отравилась, то спрятала концы в воду и отрезала возможность разоблачить своего мужа», — добавляет Н. Хрущев.

Не знаю, как для читателя, но для меня это не просто удивительный случай. Зная, какие круги ада ожидают жену в случае ареста, Ежов предложил ей не испытывать судьбу и добровольно уйти из жизни. Значит, в его душе и в самом деле осталось нечто от человеческого? Значит, не до конца очерствело сердце? Или все-таки за себя он боялся больше, чем за жену, а потому не доверял ей, опасался быть оклеветанным? И если он был такой душевный в отношении своей жены, то где же была его душа, когда подписывались приговоры и отправлялись на смерть десятки, сотни тысяч других безвинных жертв, которые не были его родственниками и свойственниками?

История с Ежовым — одна из «Тайн кремлевской любви», которая ждет своего глубокого осмысления, как и многие другие тайны, которые невозможно понять здравым рассудком.

Одна из них — история с П. Жемчужиной, женой Молотова, о которой упоминал Н. Хрущев. Член партии с дореволюционным стажем, активная и волевая женщина, П. Жемчужина занимала ответственные партийные и государственные посты: сначала руково-

дителя парфюмерной промышленности, затем наркома рыбной промышленности. Она никогда и ни при каких обстоятельствах никому не подавала даже намек на то, что является женой В. Молотова, одного из приближенных Самого.

По воспоминаниям Хрущева, Сталин уважал П. Жемчужину, относился к ней с почтением. При посещении Большого театра для нее делалось исключение, и она сидела в правительственной ложе. Женам других членов Политбюро это редко позволялось. Так, например, несколько раз в правительственной ложе бывала Е. Ворошилова, жена легендарного маршала.

«На грудь Жемчужиной сыпались ордена, но все по справедливости и не вызывали каких-либо разговоров, — пишет Н. Хрущев. — Вдруг, я и сейчас не могу ничем объяснить это, на Жемчужину был направлен гнев Сталина. Не помню, в чем ее обвинили. Помню только, что на Пленуме ЦК партии был поставлен вопрос о Жемчужиной. С конкретными обвинениями в ее адрес выступил Шкирятов — председатель комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). Шкирятов — старый большевик, но Сталин обратил его в свою дубинку. Он слепо делал все так, как говорил Сталин...

Жемчужина выступила на Пленуме в свою защиту. Я восхищался ею внутренне, хотя и верил тогда, что Сталин прав, и был на стороне Сталина. Но она мужественно защищала свое партийное достоинство и показала очень сильный характер... Голосовали за вывод ее из Центральной ревизионной комиссии ВКП(б), или из состава кандидатов в члены ЦК. И все, конечно, голосовали единогласно за предложение, которое было сделано докладчиком. Воздержался один Молотов. Позднее я часто слышал упреки Молотову и прямо в лицо, и за глаза: осуждали его как члена Политбюро и члена ЦК, который не поднялся выше семейных отношений,

до высоты настоящего члена партии, не смог осудить ошибки близкого ему человека».

Так происходило наверху. Вершина — пусть из-за своей недоступности и не всегда отчетливо видная — все же находится на виду, в то время как история и дела рядовых героев России предаются забвению. И чаще всего это происходит по той же простой причине — замалчивании, таинственности.

Среди моих сограждан вряд ли есть хотя бы один человек, который бы не слышал таких имен, как Чапаев, Петька и Анка. Даже среди представителей молодого поколения вряд ли найдется человек, не знающий хотя бы одной смешной истории о них — анекдота. Вместе с тем, вряд ли кто-то может рассказать что-то о реальной жизни и судьбе легендарных личностей.

Жизнь и судьба Анны Николаевны Фурмановой-Стещенко, той самой легендарной Анки из чапаевской дивизии, сложилась не менее трагично, чем судьба многих прославленных героев гражданской войны.

После гражданской войны героическая женщина обрела свое личное счастье, выйдя замуж за героя венгерской революции Людвиг Гавора. Плодом этой любви стал сын Дмитрий.

Счастье, однако, длилось недолго. Людвиг Гавора, мужа Анны Николаевны, арестовали и расстреляли в 1938 г. Вскоре она умерла, оставив сиротой семилетнего сына. Теперь злой рок, словно по наследству, продолжал преследовать Дмитрия Людвиговича. Он закончил факультет журналистики МГУ, был подающим надежды журналистом, работал вместе с зятем Хрущева, Аджубеем.

Жизнь складывалась замечательно. Дмитрий женился, у него родилась дочь. Но в один прекрасный день сын легендарной Анки получил страшное известие: произошла авиакатастрофа. В одно мгновение он потерял любимых жену и дочь.

Дмитрий запил и стал стремительно опускаться, теряя человеческий облик. Он не видел никакого смысла в своей жизни, искал себе погибели. Может, именно поэтому с ним и произошла трагедия: ведя в нетрезвом виде автомобиль, он сбил человека. Жертва осталась жива, но сам Дмитрий был приговорен к тюремному заключению.

Отсидев год, он вышел на свободу. У него было время все обдумать и взвесить, и жажда жизни победила. Дмитрий перестал пить, женился во второй раз на женщине с двумя детьми, устроился на работу. Все шло хорошо, жизнь новой семьи постепенно налаживалась.

Но, видимо, не так просто отпускает злой рок избранных. Он, как Бог библейского Иова, испытывает их на прочность. Спокойная семейная жизнь Дмитрия Стешенко (некогда мать записала сына на свою фамилию, чтобы спасти от неприятного клейма «врага народа») продолжалась очень недолго: вторая жена вместе с детьми погибла в автокатастрофе.

Он снова запил, теперь уже основательно. И хотя женился в третий раз — и опять на женщине с двумя детьми, — все также продолжает пить, выкуривать по две пачки «Беломора» в день и жить трагическими воспоминаниями о прошлом.

Да, кремлевская любовь хранит много трагических тайн. Представители высшей партийной иерархии не всегда — а точнее никогда, — не следовали тем принципам, которые так тщательно расписал А. Залкинд в «Двенадцати половых заповедях...». Чего стоит семейная трагедия самого Сталина. Первый раз он женился то ли в 1902 (до ссылки в 1903 г.), то ли в 1904 г. (уже после ссылки). Его женой стала Екатерина Сванидзе. Он познакомился с ней через брата Александра, вместе с которым учился в Тифлисской семинарии. Тот факт, что в выборе жены главную роль сыграл комплекс ма-

тери, подтверждается не только совпадением женских имен, но и их внешним сходством.

Екатерина Сванидзе была простой грузинской девушкой, для которой обязанности жены составляли главную суть ее жизни. По воспоминаниям современников, она была глубоко религиозной и часто по ночам молилась о том, чтобы ее муж оставил кочевую жизнь революционера и занялся чем-то более основательным. Она напоминала Сталину мать еще и тем, что была безгранично предана ему и смотрела как на полубога.

Первый брак Сталина вряд ли можно назвать счастливым. Супруги виделись очень редко. В 1908 г. Екатерина родила Сталину сына Якова, а через год заболела и умерла. (Впоследствии Якова воспитывал не отец, а тетя, старшая сестра Екатерины Сванидзе.)

Во второй раз Сталин женился лишь спустя десять лет. Его избранницей стала Надежда Аллилуева, дочь старого революционера Сергея Аллилуева, с которым Сталин был знаком с 1904 г. На 23 года моложе своего мужа, Надежда Аллилуева была совсем не похожа на Екатерину Сванидзе. Человек, для которого общественная деятельность являлась насущной потребностью, она впитала большевизм с молоком матери. Выйдя замуж, она не замкнулась в домашнем хозяйстве.

Член партии с 1918 г., Надежда Аллилуева некоторое время вместе со Сталиным работала в Царицыне. В начале 1919 г. она уже в личной канцелярии Ленина, потом — в редакции журнала «Революция и культура». Позднее она поступила в Промакадемию, собиралась стать специалистом по синтетическим волокнам.

Надежда Аллилуева родила Сталину двоих детей — сына Василия (1921) и дочь Светлану (1926). В ночь с 8 на 9 ноября 1932 г. она покончила жизнь самоубийством.

«Все дело было в том, что у мамы было свое понимание жизни, которое она упорно отстаивала. Компро-

мисс был не в ее характере. Она принадлежала сама к молодому поколению революции — к тем энтузиастам-труженикам первых пятилеток, которые были убежденными строителями новой жизни, сами были новыми людьми и свято верили в свои новые идеалы человека, освобожденного революцией от мещанства и от всех прежних пороков. Мама верила в это со всей силой революционного идеализма, и вокруг нее тогда было очень много людей, подтверждавших своим поведением ее веру. И среди всех самым высоким идеалом показался ей некогда отец. Таким он был в глазах юной гимназистки, — только что вернувшийся из Сибири «несгибаемый революционер», друг ее родителей. Таким он был для нее долго, но не всегда... И я думаю, что именно потому, что она была женщиной умной и внутренне бесконечно правдивой, она своим сердцем поняла, в конце концов, что отец — не тот человек, каким он ей казался в юности, и ее постигло здесь страшное, опустошающее разочарование».

Так представляла себе семейную трагедию Светлана Аллилуева, дочь Сталина, сменившая в 1957 г. фамилию отца на фамилию матери.

На похороны своей молодой жены (она была лишь на восемь лет старше Якова, его сына от первого брака) Сталин не пошел. Надежду Аллилуеву хоронили родные и близкие. До конца своих дней он также больше никогда не появился в Зубалово, приказав построить для себя новую дачу в Кунцево, и сменил прежнюю кремлевскую квартиру.

Глубокая печать трагической любви легла впоследствии на детей. Это только для Сталина «сын за отца не ответчик». Любой же здравомыслящий человек может вам доказать: ответчик, еще какой ответчик! От кого, как не от своих родителей, мы перенимаем стереотипы семейного поведения? И признания сына — лучшее доказательство моим словам.

«Отец на меня жалуется, говорит, что я горяч, не выдержан, веду себя не как положено, — признавался позднее Василий. — А кто в этом виноват? От кого я мог быть хорошо воспитан? Сам он не занимался нашим воспитанием — у него работа. После смерти матери отдал нас на воспитание во 2-й интернациональный дом — вместе с испанскими детьми. Затем нас воспитывали беззубая немка и рязанский милиционер, который научил меня пить водку и шляться по бабам».

Примерно о том же в одном из своих интервью говорил и его сын, режиссер Театра Российской армии Александр Васильевич Бурдонский: «С детства им занимались чужие люди. В 14 лет какие-то бабы уже тащили его в койку. Каждый хотел извлечь из этого какие-то выгоды. Он с детства был лишен искреннего к себе интереса — не как к сыну Сталина, а просто как к обычному ребенку. Это и определило его характер, за который он и расплатился жестоко».

Первый брак Василия оказался несчастливым. От него остались двое детей — сын Александр и дочь Надя — и неприятные воспоминания. Во второй раз Василий не женился, а просто жил в гражданском браке с любимой женщиной. Да, вы не ошиблись, именно любимой. Иначе и нельзя назвать ту искреннюю связь, которая соединила его с Капитолиной Васильевой, известной в свое время пловчихой, мастером спорта СССР по плаванию. Она могла стать чемпионкой мира по плаванию (К. Васильева установила почти два десятка рекордов СССР), но ради Василия отказалась от спортивной карьеры.

Семья была большая, пять человек: Василий, Капитолина и трое детей — сын и дочь его от первого брака и ее дочь от первого брака. Однако и новую семейную жизнь ждал крах. Сын Сталина к тому времени уже страдал алкоголизмом. После смерти отца его несколько раз предупреждали, чтобы «держал язык за

зубами», предлагали различные выгодные варианты подальше от столицы. Он мог жить, где пожелает, кроме Грузии.

Но Василий отказался. 28 апреля 1953 г. после очередной пьянки с иностранцами его арестовали, обвинили в превышении служебных полномочий, рукоприкладстве, интригах и дали 8 лет тюрьмы. Он тогда уже страдал алкоголизмом, который, наконец, и у нас признан страшной болезнью, отправили в ссылку в Казань, где при загадочных обстоятельствах закончился его земной путь. (Новые подробности о последнем периоде жизни В. Сталина, о его любви к К. Васильевой читайте в книге С. Грибанова «Хроника времен Василия Сталина».)

Личная жизнь дочери Светланы складывалась тоже нелегко. Семнадцатилетней девушкой она влюбилась в Алексея Каплера, который был старше ее на 22 года. Как признается сама Светлана, Каплера в дом привел Василий. По ее же признанию, последний раз они виделись в конце февраля 1943 г., а 2 марта его арестовали, препроводили на Лубянку, обвинили в связях с англичанами и арестовали.

«3 марта утром, когда я собиралась в школу, неожиданно домой приехал отец, что было совершенно необычно. Он прошел своим быстрым шагом прямо в мою комнату, где от одного его взгляда окаменела моя няня, да так и приросла к полу в углу комнаты... Я никогда еще не видела отца таким. Обычно сдержанный и на слова и на эмоции, он задыхался от гнева, он едва мог говорить: «Где, где это все? — выговорил он, — где все эти письма твоего писателя?»

Нельзя передать, с каким презрением выговорил он слово «писатель»... «Мне все известно! Все твои телефонные разговоры — вот они, здесь! — он похлопал себя рукой по карману. — Ну! Давай сюда! Твой Каплер — английский шпион, он арестован!»

Я достала из своего стола все Люсины записи и фотографии с его надписями, которые он привез мне из Сталинграда. Тут были и его записные книжки, и наброски рассказов, и один новый сценарий о Шостаковиче. Тут было и длинное печальное прощальное письмо Люси, которое он дал мне в день рождения — на память о нем.

«А я люблю его!» — сказала, наконец, я, обретя дар речи. «Любишь!» — выкрикнул отец с невыразимой злостью к самому этому слову. — И я получила две пощечины, — впервые в своей жизни. «Подумайте, няня, до чего она дошла!» — он не мог больше сдерживаться, — «Идет такая война, а она занята!..» и он произнес грубые мужицкие слова, — других слов он не находил...»

А. Каплер провел в заключении 10 лет и возвратился в Москву только после смерти Сталина.

В 1944 г. Светлана вышла замуж за И. Мороза, с которым училась в университете. Отец ее браку не препятствовал, но и с мужем дочери никогда не встречался. После истории с Каплером он больше никогда не вмешивался в личную жизнь дочери.

Этот брак распался через 3 года, от него у Светланы остался сын. Вскоре она вышла замуж за Ю. Жданова. Это был брак, по ее признанию, без особой любви, без особой привязанности, по здравому размышлению. Он также не принес Светлане счастья, и вскоре распался. Дочь Катю Светлана воспитывала без мужа.

В 1967 г. дочь Сталина выехала в Индию для сопровождения тела покойного Раджи Бриджа Сингха, своего очередного мужа. Находясь в Индии, Светлана обратилась в посольство США с просьбой о политическом убежище.

«Светлана не проявляла никаких забот о своих брошенных в России детях: Иосифе (22 лет) и Екатерине

(17 лет)», — уже после ее приезда в США с удивлением отмечала зарубежная печать.

«Жизнь моих детей не изменится, они уже достаточно взрослые», — оправдывалась дочь Сталина.

В США она поселилась в Принстоне, штат Нью-Джерси. Многочисленные поклонники стали посылать ей домой цветы, письма, всевозможные подарки и предложения о браке.

«В общественных кругах и кругах деловых людей не без успеха ухаживали за ней», — писал о ней в мае 1985 г. журнал «Шпигель» в статье «Мой отец меня расстрелял бы за это».

Спустя три недели после переезда в США Светлана вышла замуж за архитектора В. Питерса. 21 мая 1971 г. у нее родилась дочь Ольга, в 1978-м получившая американское гражданство. Однако и этот брак не был продолжительным, Светлану словно бы преследовал злой рок. В 1973 г. брак был расторгнут, а Аллилуева получила право родительской опеки.

Прожив несколько лет в разных городах Калифорнии и Нью-Джерси, она переехала в Англию. 10 ноября 1984 г. Светлана Питерс, урожденная Сталина, обратилась в советское посольство в Лондоне и попросила разрешения возвратиться в СССР.

Ей была предложена квартира в Москве, но Светлана выбрала город Тбилиси, где ей сразу же была выделена двухкомнатная квартира, установлена пенсия и прикреплена служебная машина, которую она могла вызывать по мере необходимости.

К сожалению, у нее не сложились отношения с детьми, которых она не видела почти 17 лет. Ее дочь вообще отказалась встречаться с ней, а с сыном Светлана рассорилась настолько, что даже обратилась к властям с требованиями выслать его из Москвы на Сахалин. Все это и послужило причиной ее официаль-

ного обращения к Советскому правительству с просьбой разрешить выезд в США.

Она не смогла больше жить в стране, в которой родилась и прожила значительную часть своей жизни. Диктатор, единственного слова которого было достаточно, чтобы ударными темпами вручную вырыть крупнейший канал, возвести дворец или переселить десятки миллионов людей за колючую проволоку, оказался совершенно несостоятельным отцом. Его «мудрости, прозорливости, воли, любви и человеческого тепла», воспетых в многочисленных романах, поэмах, стихах и кинофильмах, не хватило, чтобы своих собственных детей вырастить патриотами, полезными Родине.

Не минула горькая чаша зловещего времени и К. Кузакова — внебрачного сына Сталина. Его головокружительная карьера — от беспартийного преподавателя Ленинградского финансово-экономического института до заместителя начальника управления пропаганды ЦК ВКП(б) — оборвалась еще при Сталине, который в критическую минуту все же сохранил жизнь внебрачному сыну.

«При Хрущеве и Брежневем я был директором издательства, начальником управления Министерства культуры и долгие годы — членом коллегии Гостелерадио, — вспоминает сам К. Кузаков. — А прервалась карьера, если говорить коротко, в результате интриги Берии... Берия пытался уничтожить Жданова. И хотел, чтобы компромат на Жданова Сталину дал я... Берия вынес вопрос об «атомном шпионаже» на Политбюро, и там, как мне потом рассказывал Жданов, требовал моего ареста. Он ведь понимал, что в тюрьме они заставят меня подписать любые признания. Сталин долго ходил вдоль стола, курил и потом сказал: «Для ареста Кузакова я не вижу оснований».

«Что позволено Юпитеру, не позволено быку». Пренебрегать моралью не всегда мог даже тот, кто занимал

лучшие места на вершине властной пирамиды и был вхож в ближний круг.

Рыба, как всем хорошо известно, гниет с головы. Так и многие низменные пороки в совсем еще недавние времена исходили с вершины властной пирамиды. Я не знаю, насколько правда то, о чем написано в книге «Я была любовницей Сталина». Но то, что писали и говорили о ближайшем подручном Сталина, Лаврентии Берия, являлось чистой правдой. По личному распоряжению этого «нахала и похотливого борова», как назвал его один из современников, подручные разъезжали по улицам Москвы в поисках симпатичных девушек и молодых женщин. Нередко было так, что Берия сам отправлялся на «охоту».

С именем подручного палача Сталина народная молва прочно связала Сухановку — бывшую Свято-Екатерининскую пустынь у села Суханово. Близкое расположение к Москве стало роковым поворотом в трехсотлетней истории монастыря: в 1937 г. по приказу Н. Ежова он был превращен в абсолютно секретный и закрытый «Объект № 110». Надзиратели здесь не знали имен не только заключенных, но и своих собственных. И те, и другие были под номерами.

С приходом Берия Сухановка стала его «личной тюрьмой». Он любил приезжать сюда ночью в сопровождении многочисленной охраны и участвовать в допросах «особо опасных преступников». В южном корпусе бывшего монастыря для Берия был устроен шикарный кабинет. Пол покрывал шестигранный шведский паркет, стены были задрапированы отлакированной многослойной авиационной фанерой, своим зеленым покрытием письменный стол напоминал стол для игры в бильярд.

Комната отдыха, соседняя с рабочим кабинетом, служила для похотливых развлечений. Кроме «врагов народа», в Сухановке держали молоденьких симпатич-

ных «дочерей врагов народа». Они составляли своеобразный «гарем», постоянное пополнение которого входило в прямые обязанности следователей и охраны Сухановской пыточной. Несовершеннолетних девочек приводили в комнату отдыха Берия, где после кровавых экзекуций происходило грубое жестокое надругательство над телами и душами «наложниц».

У меня нет особого желания пересказывать подробности грязных походов Берия. Любители пикантных подробностей могут найти их в многочисленных газетно-журнальных публикациях и книгах. Скажу лишь, что жестокий циничный разврат процветал не только в Сухановке и не только со стороны Берия. В литературе последних лет появились произведения А. Солженицына, Е. Гинзбург, В. Шаламова и многих других авторов, в которых очевидцы рассказывают о трагической судьбе десятков и сотен тысяч безвинных жертв. Из тех же источников читатель может узнать и об исковерканных судьбах многих знаменитых людей, осмелившихся, как известная киноактриса Зоя Федорова, отклонить настойчивые домогательства Берия, который воровал и насиловал несовершеннолетних девочек и в кабинете которого после ареста был найден список с именами и фамилиями более ста женщин, по его указу поставляемых кагэбэшниками.

С именем Берия связано и еще две удивительные женские истории. Одна из них — история легенды советской разведки Ольги Чеховой, о которой говорили, что она спала с двумя великими сатрапами — Берия и Гитлером.

Она родилась в 1896 г. в семье инженера-железнодорожника Константина Книппера, 20-летней вышла замуж за артиста МХАТа Михаила Чехова, племянника А. П. Чехова. Летом 1921 г. после гастролей МХАТа в Германию Михаил Чехов остался за границей и не вернулся в СССР. Вместе с ним осталась и красавица

жена. (По версии сына Берии, Серго, после эмиграции мужа Ольга развелась с ним и жила у своей тетки Ольги Книппер-Чеховой, в будущем народной артистки СССР. Она выехала в Германию лишь в 1922 г. с официальной формулировкой: с целью получения образования в области кинематографии.)

Спустя несколько лет Михаил и Ольга расстались. Он уехал в Ригу, она осталась в Берлине. Однажды в ресторане «Эрмитаж» она встретила молодого человека. Узнав, что он работает в посольстве, она попросила его помочь с возвращением в Москву. На это молодой человек ответил, что вернуться она сможет при одном условии: если станет работать на советскую разведку.

Перед ней поставили очень сложное задание: войти в доверие и основательно познакомиться с Гитлером и его ближайшим окружением. Для этого решили устроить выставку персональных живописных работ (кроме артистического таланта, Ольга Чехова обладала также значительным художественным даром).

Приглашения получили не только известные берлинские художники, но и видные партийные деятели. Персональные приглашения получили Гитлер, Геббельс, Гейдрих, Шелленберг.

Гитлер, который сам в прошлом занимался живописью, не раз бывал на различных художественных выставках. Он покровительствовал художникам.

Ольга не ждала, что он приедет. Но он приехал.

Они уже однажды встречались. Сводником выступил Борман. Гитлер колебался: стоит ли знакомиться с неарийкой? Более того, русской. Увидев перед собой голубоглазую красавицу с точеной совершенной фигурой, Гитлер бросил упрек в сторону Бормана: «Ты шутишь, Мартин. Русские бабы, насколько мне известно, толстые и скуластые. А эта — настоящая арийка!»

«Все очень просто, мой фюрер, — нашелся Борман. — Вы же знаете, в древности русскими управляли

викинги, которых они называли варягами. А они самые что ни на есть чистокровные арийцы. Ольга, несомненно, потомок викингов».

И вот теперь он приехал на ее выставку. За ним следовал адъютант с огромным букетом белых роз. Фюрер обошел экспозицию, поздравил Ольгу с успехом и преподнес цветы. В ответ Чехова подарила Гитлеру свою картину «Портрет войны». После получасовой беседы за кофе последовало приглашение в поместье, где Гитлер собирался показать молодой талантливой красавице свои картины.

Визит в поместье состоялся через две недели. Гитлер показал госте свои картины, развешанные в двух парадных комнатах. Чехова хвалила их и выражала удивление тем, как такой занятой государственный человек может еще находить время для художественных занятий и создавать удивительные композиции. Она даже сделала несколько замечаний по их поводу, но таких, чтобы не обидеть гостеприимного хозяина.

«Вы удивительная женщина, фрау Ольга, — восторгался Гитлер. — Вы не только талантливая актриса и художница, но и искусствовед!»

На прощание он подарил ей «Mein Kampf» в специальном переплете.

Политический и творческий бомонд Берлина узнал о благоволении фюрера к Чеховой и стал смаковать подробности.

Вскоре Ольга уехала на гастроли в Ригу. Там она встретилась с одним из руководителем советской разведки Кривицким, который передал ей приказ «Центра» как можно теснее сблизиться с Гитлером и его приближенными.

Обласканная вождями, Ольга Чехова довольно легко и непринужденно сошлась с Эммой Зоннеман-Геринг и Магдой Геббельс, а также с женами других высших чинов. Словоохотливые жены и высшие чины

давали Ольге большой материал, особенно во время застолий.

«За высокие заслуги в немецком патриотическом кино и в немецком театре» в 1936 г. Ольге Чеховой присваивается звание «Государственная актриса». Ольга благодарит и выражает уверенность, что и другие артисты будут удостоены того же звания. В центральных газетах печатают ее фотографии, поздравления от Гитлера, Геббельса, Бормана, Риббентропа и Шелленберга.

Вскоре Ольга получает задание: составить развернутую характеристику на Гитлера. Через некоторое время в «Центр» отправляется шифровка следующего содержания: «На поверхности он вежлив, иногда обаятелен, спокоен, корректен, дружелюбен, сдержан... Он отличный мастер перевоплощения. Его планы — это планы сатаны. Они грандиозны. Он готов перевернуть весь мир и уничтожить половину человечества... Действия Гитлера непредсказуемы... Он приходит в морг и, улыбаясь смотрит на трупы (тех, кто убит по его приказу). Для него нет близких друзей, в том числе и женщин... Впрочем, человеческая натура Гитлера — страшный лабиринт с ужасными темными закоулками».

В первый раз «Государственная актриса» Чехова навлекла на себя немилость тем, что вступилась за режиссера, еврея по национальности. Но опала длилась недолго, и актриса-разведчица снова возвращается в высший свет.

На одной из киносъемок Ольга познакомилась с привлекательным молодым и талантливым режиссером Карлом Вольфом. В прошлом известный спортсмен, он был почти на десять лет моложе Чеховой. Но через полгода она выходит за него замуж. По приказу Геббельса начинается проверка родословной Вольфа. В результате оказалось, что бабушка по отцу у него была наполовину еврейка. Начались неприятности. Ведомство пропаганды затягивало разрешение

на съемки фильма. Положение не изменило даже личное обращение Чеховой к Геббельсу.

А однажды он, постоянно встречавший Ольгу после спектакля, не пришел. Утром ей позвонили из полиции и сказали, что Карла нашли мертвым во дворе театра. Расследование длилось несколько месяцев, но так ничем и не закончилось.

20 апреля 1941 г. Ольга была приглашена на празднование дня рождения Гитлера, после чего передала в Москву: «После уточнения плана «Барбаросса» окончание всех приготовлений в связи с этим планом отнесено на 15 мая. По плану Геринга авиация сконцентрирует удар на железнодорожных узлах западной части, электростанциях Донецкого бассейна, авиапредприятиях Москвы. Авиационные базы под Краковом являются основным исходным пунктом».

За несколько дней до роковой даты она передала:

«Срочное сообщение. Гитлер утвердил дату вторжения: 22 июня 1941 года. Время начала боевых действий сдвинуто с 3.30 на 3.00.»

Она продолжала работать и передавать сообщения и во время войны, когда по личной протекции Гитлера вынуждена была сняться в роли легендарной немецкой шпионки Мата Хари. Однажды после спектакля к ней зашел приехавший с фронта генерал-полковник Паулюс и пригласил на банкет по поводу рождения наследника. Захмелевшие в застолье генералы разговорились, и на следующий день в «Центр» ушло донесение о том, что армия Паулюса нацелена на Сталинград.

По поводу вступления немецких танков в Сталинград Гитлер устроил прием. Одним из первых пришел поздравить фюрера Вальтер Шелленберг, начальник внешней разведки. Гитлер усадил своего любимца между собой и Ольгой и стал расспрашивать о Якове Джугашвили, который содержался в лагере Заксенхаузен. Шелленберг сообщал о том, что сын Сталина категори-

чески отказался сотрудничать с ними. Ольга осмелилась предложить свои услуги и поговорить с Яковом, на что Гитлер дал согласие.

В лагерь ее сопровождал сам Шелленберг. Когда ввели лейтенанта Джугашвили, Ольга попросила шефа немецкой внешней разведки оставить ее один на один с арестованным.

От помощи Ольги Яков отказался. Чехова лишь передала ему, что жена Роза и дети здоровы, а отец шлет привет. «Он гордится вами», — закончила она.

Через сутки Сталину вручили расшифрованную телеграмму, на которой тот поставил резолюцию: «Готовьте два десантных отряда». (О попытке освобождения Якова Джугашвили из концлагеря, рассказанной в мемуарах испанской коммунистки Долорес Ибаррури, я упоминала во вступлении к книге «Кремлевская дочь Галина Брежнева».)

В самом начале 1945 г. Гиммлер приказал провести личную проверку Ольги Чеховой. Была создана группа из семи человек, которая работала три месяца.

Мартовским вечером Чехову пригласили в вечерний клуб СС. Был устроен вечер эротического искусства для уезжавших на фронт офицеров: низкопробные фильмы, эротическая кулинария и любовные напитки, на сцене поочередно пели обнаженные девицы. Вечер был в самом разгаре, когда начался воздушный налет. Он прервал эротическое действо, а Ольга получила сведения о мерах по обороне Берлина.

Во время ночной бомбежки смертельно ранена была фрау Марта, через которую Чехова отправляла свои донесения в «Центр». На исповеди она рассказала пастору о том, что является связной советской разведчицы и назвала имя Ольги. Пастор тут же передал сведения в ведомство Гиммлера. Шеф гестапо лично отправился в театр, чтобы немедленно арестовать Чехову. Он без стука вошел в примерную и объявил:

«Фрау Чехова, вы арестованы как государственный преступник».

Ей стоило больших усилий получить 12-часовую отсрочку, сказав спокойным голосом, что она ждет Гитлера и других представительных гостей.

Утром, когда 8 «мерседесов» и «хорьхов» прибыли к особняку на Гросс-Глинике, где она проживала в собственном доме, Гиммлер застал Ольгу в обществе Гитлера и Евы Браун (это было последнее появление фюрера на людях; остальное время до самоубийства он провел в подземном бункере) и предпочел незаметно ретироваться.

Ольга воспользовалась серией воздушных налетов английской авиации на Берлин и переехала в деревню под Магдебургом. Гестаповских ищеек сбило с толку еще и то, что берлинский дом актрисы и театр во время бомбежек были разрушены.

В деревне она прожила до июля 1945 г., когда в один из дней к дому за ней подъехала машина. Через сутки она уже была на конспиративной квартире Главного управления «СМЕРШ» в Москве. Начались продолжительные допросы о связи с высшими чинами фашистской Германии, на которых Ольга Чехова подтвердила, что неоднократно бывала на приемах в министерстве пропаганды или главной канцелярии, была в хороших отношениях с Гитлером, Геббельсом, Герингом, Борманом, Риббентропом, Шелленбергом и многими другими. Она категорически опровергла слухи о близких отношениях с Гитлером или кем бы то ни было из его окружения, которые объяснила завистью к ней и желанием скомпрометировать в глазах русских. По словам С. Берия, «оперативному работнику Главного управления «СМЕРШ», проживавшему вместе с Ольгой Чеховой в квартире под видом сотрудницы «Интуриста», она же заявила, что в Германии ее будут стараться оклеветать. При этом в качестве примера рассказала, что в 1945 г. радиостан-

ция «Атлантик» однажды передала сообщение, что Чехова вышла замуж за афганского посла в Германии и перешла в магометанскую веру. В другом случае «Атлантик» сообщила, что она вместе с германскими руководителями бежала из Берлина в другой город и занимается политической деятельностью».

Судьба Ольги Чеховой решилась в кабинете Сталина, где присутствовали Берия, Мехлис, Молотов и руководители разведки.

«Что будем делать с дамой-фрау? Она хорошо нам помогла», — первым сказал Сталин.

«Надо ее наградить», — предложил генерал Серов.

«Правильно, наградим», — согласился Сталин.

Она вернулась в Западную Германию, еще более 15 лет работала в театрах разных городов. Уйдя со сцены, Ольга Чехова организовала косметическую фабрику под Гамбургом, которой руководила до 1976 г. Слухи о том, что она была советской разведчицей, которые особенно сильно муссировались в западной печати после ее возвращения осенью 45 г., так и остались слухами.

Однако не только Берия, но и другие «верные продолжатели дела Ленина—Сталина» страдали чрезмерным равнодушием к красивым женщинам, особенно к известным певицам, актрисам театра и кино, о чем я уже писала в своей книге «Кремлевская эстрада».

Вообще говоря, кремлевские властители прошлого и настоящего никогда не были равнодушны к представителям искусства.

«Как только я появилась на московском небосклоне — молоденькая певица, — меня подхватили чиновники из Министерства культуры и стали возить по правительственным приемам и банкетам, — вспоминает Г. Вишневская, за которой, по ее собственному признанию, страстно ухаживал Н. Булганин. — Происходили они обычно в посольствах, в ресторане «Метрополь», а самые важ-

ные — в Кремле, в Георгиевском зале. Считается это великой честью и почетом для артистов.

Привозили нас в Кремль и проводили под охраной в комнату около Георгиевского зала, где шел банкет. Иногда приходилось по несколько часов ждать своего выхода. Нервы на пределе — боишься, что от долгого ожидания голос сядет... А тут и Козловский, и Рейзен, Михайлов, Плисецкая, Гиллельс, Ойстрах...

Противнее всего было петь в конце приема. Огромный зал, сотни людей, перед эстрадой — длинный стол, где сидят члены правительства, уже как следует «подавшие», у всех распаренные лица; один кричит что-то на ухо соседу, другой смотрит на тебя осоловелыми глазами... Стоишь, бывало, на сцене, и хочется сквозь землю провалиться от стыда и обиды. А кругом пьют, жуют, повернувшись к тебе спиной, гремят вилками и ножами, чокаются бокалами, курят. И в этом огромном кабаке ты пой и ублажай их, как крепостная девка. Бывало, дождешься и такой чести, что за стол позовут — сиди с ними, глуши коньяк стаканами.

Меня эта великодержавное, лапотное хамство оскорбляло до глубины души, и однажды после выступления у меня началась за кулисами истерика».

Тайны окутывают трагическую любовь многих представительниц мира искусства. Одной из них является актриса кино и Театра Ленкома Татьяна Окуневская.

Ее красотой и обаянием восхищалась большая часть мужского населения Советского Союза. На фильмы «Майская ночь», «Горячие денечки» или «Александр Пахоменко» многие ходили только потому, что в них снималась женщина, в которую они были тайно влюблены. Они мечтали обладать ею — именно обладать, потому что иное выражение вряд ли подойдет к тем представлениям, которые господствовали в то время, когда носители люмпенизированного сознания видели в красивой женщине прежде всего красивую самку, а те, кто был

образован и считал себя интеллигентным человеком, просто хотел иметь рядом с собой красивую женщину как редкую вещь. (Кстати говоря, и то и другое представление основано на деструктивной психологической установке, в основе которой, как и в глубинной основе советского мировоззрения в целом, лежит некрофилическое начало.) Мне представляется, что как раз названные выше причины стали основанием к безумной ревности, которую испытывал к Окуневской ее первый муж — кинорежиссер Варламов.

«Я разошлась с ним, потому что он был очень ревнив, — признавалась сама Т. Окуневская в интервью корреспонденту газеты «Совершенно секретно». — Привозят меня, к примеру, со съемки, ассистент режиссера провожает меня до подъезда. Варламов тут же начинал меня душить. Это было просто невозможно».

Вторым ее мужем стал Борис Горбатов, советский писатель, произведения которого сегодня вряд ли кто-то из читателей помнит или знает (сборник рассказов «Обыкновенная Арктика», роман «Донбасс» и повесть «Непокоренные»).

Они встретились и поженились, когда Б. Горбатов был никому не известным журналистом газеты «Правда». Их брак длился 11 лет. На вопрос корреспондента все той же газеты «Совершенно секретно»: Горбатов любил вас? Т. Окуневская ответила:

«О его любви ко мне рассказывали легенды. А я — не знаю. Он был такой неинтересный, неинтеллигентный». То, что этот брак продержался более десяти лет, актриса объяснила тем, что «у дочери все-таки был уже второй отец, потом — мы с ним еще одну девочку удочерили. Семья вся моя была арестована, о маме надо было заботиться. Не так просто решиться ломать жизнь».

Будучи по натуре очень скрытным человеком, Б. Горбатов не проявлял, как первый муж, бурных сцен

ревности. Он, возможно, и догадывался о существовании тайной стороны светской жизни жены, но никогда этого не показывал.

Но самый громкий роман пережила Т. Окуневская после съемок фильма «Ночь над Белградом». Он вышел на широкий экран сразу после войны. Тогда же актриса отправилась в гастрольную поездку по Югославии.

«Принимали меня потрясающе, — вспоминала Т. Окуневская в интервью М. Дементьевой. — В аэропорту, увидев толпы людей, я сначала даже не поняла, что все они встречают меня. А потом повсюду я обнаружила множество своих портретов, рядом с портретом Тито, только размером поменьше... Последним городом в моей программе был Белград. Здесь я выступала в знаменитом зале «Коларчева»... Успех превзошел все ожидания... на концерте присутствовал сам Тито со своим штабом.

После этого концерта Тито во дворце устроил прием. Для меня одной. То есть там был весь его генералитет и единственная женщина — я. Для тогдашних нравов соцлагеря это было совершенно неслыханно. На приеме Тито держался со мной очень любезно и галантно».

Так случилось, что примерно через три месяца маршал Тито прибыл с визитом в Москву. По поводу этого визита в «Метрополе» от имени югославской делегации был устроен прием.

В числе приглашенных на светскую вечеринку была и Окуневская. Тито пригласил ее на танец. Это была единственная возможность поговорить без свидетелей, и югославский руководитель воспользовался ей, чтобы сделать Окуневской предложение. Он обещал специально для нее построить в Загребе киностудию и требовал немедленного ответа.

Выслушав его, Окуневская ответила: «Знаете, маршал, у меня идея. Переезжайте-ка лучше вы к нам, и мы подыщем вам хорошую работу в ЦК».

В беседе с М. Дементьевой актриса также сказала о Тито:

«...я никогда не относилась к нему безразлично. Он был интересный, элегантный, с хорошими манерами. Опять же — чистый, умный, это всегда отличало иностранных коммунистов от наших. Но главное — эти великолепные черные розы, которые он присылал мне на каждый спектакль «Сирано». Разве такое может оставить женщину равнодушной?»

В результате послевоенного раздела Европы шла подготовка по созданию социалистического лагеря. В 1948 г. СССР заключает с Венгрией, Румынией и Болгарией договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. (С Югославией такое соглашение было подписано еще в 1945 г.) В начале 1949 г. был создан СЭВ, в который Югославия не вошла: в апреле 1948 г. испортились личные отношения между Сталиным и Иосифом Броз Тито. Это стало причиной похолодания в отношениях между двумя странами и последующего разрыва.

Окуневскую арестовали в том же, 1948 г. В качестве одного из свидетелей по обвинению актрисы в антисоветской агитации и шпионаже на Лубянку была вызвана актриса и режиссер, народная артистка РСФСР Серафима Германовна Бирман. Независимая смелая женщина, она шокировала следователей тем, что изругала их на чем свет.

«Как вы смели меня вызывать к себе открыткой? — возмутилась она. — Что теперь подумают соседи? Ведь это хуже, чем пригласить в публичный дом!»

Кагэбешники опомнились, остудили боевой пыл актрисы и приступили к допросу. Их интересовала Окуневская. С. Бирман ответила, что Окуневская — дивная актриса, что ее ждут в театре и что она ее очень любит.

«Единственное, чего я никогда не могла простить Окуневской и не прощу, так это то, что она никогда не

носила бюстгальтера! — сказала в заключение С. Бирман. — Да! В сексе ей не было равных».

Б. Горбатов предал свою жену, эту невероятно красивую женщину и замечательного человека. Он заочно развелся с ней и женился на другой женщине, актрисе Театра сатиры. Но его второй брак, — впрочем, как и всю жизнь, — вряд ли можно назвать счастливым или хотя бы удачным. Он умер в 44 года, за несколько месяцев до освобождения Окуневской. «Я думаю, что его убил страх», — говорит актриса.

После реабилитации Т. Окуневская вернулась в родной Театр Ленкома, которым тогда уже руководила Софья Гиацинтова и из которого через несколько лет была уволена.

«Впоследствии Гиацинтова мне признавалась, что к моему увольнению имел отношение Константин Симонов, зачем-то ему это было нужно, — говорит Т. Окуневская. — Он вообще мне массу гадостей сделал. Чего стоит одно стихотворение про меня, посвященное другу — это Горбатову. Смысл там был такой: с кем ты жил, она никогда не работала, только ела и пила».

Несмотря на жуткие перипетии в жизни, актриса говорит, что счастлива, потому что ей «удалось сохранить... главное — мое ощущение мира». Лучшим романом в своей жизни она считает связь с югославским послом в СССР В. Поповичем.

«Это было изумительно, — признается актриса. — Красив он был невероятно. Я даже собиралась уйти от Горбатова. Когда Владо передавал мне что-то по поручению Тито, я всегда спрашивала: вы за себя это говорите или за маршала? А закончилось все довольно банально. Возвращался Горбатов из длительной командировки, Владо устроил мне истерику — чтобы я переехала жить к нему. А я истерик не переношу. В общем, мы поругались. Потом Попович из Союза бежал... Больше я его никогда не видела».

Амурные дела еще одного верного последователя Ленина—Сталина были и остаются не просто «тайной кремлевской любви». Они покрыты непроницаемым мраком и гробовым молчанием. Этот руководитель — Ким Ир Сен, со дня рождения которого, как со дня рождения великих пророков мировых религий, в Северной Корее ведется летоисчисление.

Первую жену он потерял, когда однажды вынужден был бежать и скрываться от японцев. Потерял, забыл или оставил так, как некоторые люди по рассеянности оставляют в троллейбусах или в других местах зонтик, папку с документами или какую-нибудь мелкую безделушку. Легенда утверждала, что молодая женщина была схвачена японскими оккупантами и погибла во время пыток, так и не выдав партийных секретов своего революционного мужа.

Второй женой будущего «правителя-солнца» стала Ким Чжон Сук. Молодая женщина входила в состав корейского партизанского отряда, который базировался и проходил подготовку в районе Хабаровска. Именно здесь, на советской территории, она родила Ким Ир Сена двоих сыновей — Юру и Шуру. Юра — это наследник Ким Ир Сена и нынешний правитель Северной Кореи Ким Чен Ир. Второй сын вождя утонул в бассейне в Пхеньяне после захвата власти.

Судьба Ким Чжон Сук напоминает трагическую судьбу Надежды Аллилуевой: она покончила с собой. По слухам, ее смерть напрямую была связана с увлечением Ким Ир Сена своей молодой секретаршей Ким Сон Э, которая стала третьей женой вождя и соратницей по партийному руководству страной. От этого брака у Ким Ир Сена родилось двое сыновей.

Личная жизнь вождя была скрыта от простых корейцев непроницаемой перегородкой. Лишь благодаря разным источникам — иностранным дипломатам, работавшим в Северной Корее, высокопоставленным госу-

дарственным чиновникам, бежавшим из страны, — известно, что Ким Ир Сен питал особую слабость к прекрасной половине человечества и находил отдых в развлечениях и забавах вне стен семейной спальни: интимные отношения с молоденькими женщинами, которых специально для вождя по всей стране подбирало Главное управление охраны, являлись не только отдушиной, но и стимулятором активности.

Но ни молоденькие женщины, ни премудрости восточной медицины не смогли предотвратить неизбежного: 8 июля 1994 г. Ким Ир Сен умер. Преемником вождя стал его сын — Ким Чен Ир. Он не только продолжил великое дело «чучхе», но и перенял от него пальму равнодушия к слабому полу.

Новое «солнце нации» закончил Пхеньянский университет и некоторое время работал в ГУО. Первый раз Ким Чен Ир женился во время учебы на студентке факультета русского языка и литературы Пхеньянского университета. Однако, как и в случае с отцом, первый блин оказался комом: несмотря на рождение дочери, брак распался. Ким Чен Ир не только заглядывался на других женщин, но и бил свою жену.

Второй женой «любимого руководителя и солнца нации» стала его секретарша Ким Ен Сук. От этого брака у Ким Чен Ира появились на свет дочь и сын. Ким Ен Сук до сих пор остается официальной женой вождя.

Сын следовал по стопам отца, поэтому вполне естественным выглядит тот факт, что младший Ким превзошел Кима старшего в искусстве любви. Многие дочери и жены высоких партийных и государственных чинов перебивали в постели Ким Чен Ира. От этих многочисленных связей на свет появилось около десятка внебрачных детей.

Питая особую слабость к общению с представительницами искусства, Ким Чен Ир еще при жизни отца перешел из Главного управления охраны на работу заве-

дующего отделом культуры ЦК Трудовой партии КНДР. С тех пор сексуальными партнершами Ким Чен Ира становятся исключительно молоденькие актрисы и певицы. Неслучайно особой опекой как старшего, так и младшего вождей пользовался женский вокально-танцевальный ансамбль. После знакомства с анкетными и внешними данными Ким Чен Ир лично утверждал каждую кандидату в художественный коллектив.

Типичным примером безудержной сексуальной страсти Ким Чен Ира является молоденькая актриса Сам Хи Рим. Лишенная невинности «дорогим и любимым руководителем», она родила сына, с которым некоторое время жила в Москве.

Ким Чен Ир не обошел своим вниманием и самую известную в Северной Корее актрису Хон Юнг Хуэй. Любовная связь с младшим вождем была оценена для нее званием народной артистки и главными ролями в самых лучших спектаклях.

«...Любая из кореянок... почла бы за счастье отдаться одному из вождей, — пишет в своей статье А. Нестеров. — И не только потому, чтобы доставить удовольствие лидерам нации, — это свидетельство высокого доверия и почетный долг, а и потому, что избранницы вождей и их родственники, как правило, получали большие привилегии в смысле еды, других материальных благ и продвижения по службе. Изнасилованы в полном смысле слова, по всей вероятности, были те иностранки, которых похищали за границей и затем содержали в специальном гостевом доме вождей. Среди таких несчастных упоминаются гражданки Японии, Ливана, Макао и других стран. Операции по «приглашению» и доставке руководству КНДР представительниц зарубежного слабого пола поручаются агентам корейских спецслужб. Иностранные дипломаты, работающие в корейской столице, говорят, что на окраине Пхеньяна есть огромный комфортабельный подземный бункер, где предаются развлечениям высшие

корейские руководители. Там, глубоко под землей, оборудованы концертный зал, кинозал, специальные комнаты отдыха и есть все необходимое для того, чтобы вожди могли расслабиться после трудной работы по управлению нацией».

«Тайнами кремлевской любви» были не только зарубежные высшие партийные и государственные чиновники со своими домочадцами, но и свои собственные. В предыдущих книгах я неоднократно обращалась к личной жизни вождей, которая долгие годы считалась государственной тайной.

Никто из «простых смертных» не должен был знать о том, сколько у кого из членов правительства было жен и детей, кто из них имел любовниц или внебрачных детей. Наверняка мало кто знает о том, что Татьяна Филиповна была второй женой Председателя КГБ, а потом — Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. Андропова, у которого от первого брака остался сын Владимир. Несмотря на то, что родители разошлись, когда мальчику исполнился всего один год, судьба Владимира Андропова сложилась не лучшим образом. Имевший к двадцати годам неполное среднее образование и две судимости, парень умер в возрасте тридцати пяти лет.

Судьбу Игоря Андропова, сына от второго брака, тоже нельзя назвать счастливой. Перспективный дипломат, он являлся советским послом в Греции, но позже был отозван и стал работать простым мидовским работником. Некоторые утверждают, что отзыв был связан с болезнью. Его личная жизнь не сложилась. Первым браком он был женат на журналистке, корреспонденте газеты «Советская культура» Татьяне Квадраковой. Коллеги с завистью наблюдали, как за ней после работы заезжала служебная черная «Волга».

Позже этот брак распался, и новой невесткой Ю. Андропова стала Людмила Чурсина. Она покорила своей красотой, мощным, ярким и темпераментным характе-

ром советских зрителей еще тридцать лет назад, сразу после выхода на экраны художественного фильма «Угрюм-река» по роману В. Шишкова, в котором сыграла Анфису. Народная артистка СССР, лауреат Государственной премии, в одно время она даже получила приглашение сниматься в Голливуде с гарантией трехгодичного контракта. Но «благодаря» неустанной заботе государства о своих гражданах Людмиле Чурсиной не суждено было стать звездой Голливуда. Родившаяся в Таджикистане и выросшая в Грузии, актриса с внешностью гордой красавицы-сибирячки последние 15 лет работает в Театре Российской Армии и является одним из руководителей Гильдии киноактеров России. Их союз с Игорем Андроповым оказался непрочным, и после развода Игорь вернулся к своей первой жене.

Личная жизнь Ирины, дочери Андропова, сложилась также не самым блестящим образом. Она была замужем за актером Театра на Таганке М. Филипповым. Его родственная связь с Генеральным секретарем ЦК КПСС настолько тщательно скрывалась, что даже коллеги-артисты узнали о ней лишь из траурного репортажа о похоронах Ю. Андропова. Но брак распался, позже М. Филиппов стал мужем актрисы Н. Гундаревой. Имевшая возможность ни в чем себе не отказывать, Ирина вынуждена была писать просьбы о разрешении пользоваться поликлиникой медицинского центра в Сивцевом Вражке (бывшее 4-е Управление при Минздраве СССР).

Раз уж я вспомнила об Ю. Андропове, то следует упомянуть о деятельности всемогущей организации, которую он возглавлял. Ведь она, кроме того, что внесла свою значительную лепту в возникновение «тайн кремлевской любви», тоже некоторым образом «причастилась» к развитию нравов в нашей стране. Именно под непосредственным патронажем КГБ в СССР появилась валютная проституция, о которой во времена перестройки столько говорилось и писалось.

Да что там — даже фильмы снимались! Так вот, оказывается, что в этом направлении «преступный мир действовал бок о бок с КГБ».

«В 1987 г., например, тайные агенты ЦРУ в Москве обнаружили созданную КГБ сеть валютных проституток, — писал в своем цикле статей «Власть и преступность в России» Ю. Бокарев. — По американским агентурным данным КГБ завлек в эту сеть от 10 до 13 тысяч девушек в возрасте от 16 до 30 лет. Из них около 6 тысяч искали клиентов в московских гостиницах. Вовлеченные в сеть девушки проходили недельные специальные курсы в специальном центре подготовки КГБ в Ясенево. Там их обучали английскому (в пределах 50-ти слов). После этого девушек отправляли в московские, ленинградские, киевские и ташкентские гостиницы. Девушки никогда не поднимались в гостиничные номера, а везли своих клиентов в районы новостроек (в Москве — в район Давыдовской улицы, где КГБ задействовал тысячи квартир). Органы пытались опровергнуть данные доклада ЦРУ (не факт существования этой сети, а роль КГБ в ее создании), но они были подтверждены французским фотокорреспондентом в сентябре 1990 г.».

Это происходило во времена Леонида Ильича Брежнева, которого, как и одного из царей дома Романовых, вполне можно назвать Тишайшим. Да и о какой морали могла идти речь, если в семействе «Его Превосходительства» происходили такие амурные истории, что некоторые их не грех поставить в один ряд с любовными тайнами любвеобильного сатрапа Ивана IV или реформатора-блудодоя Петра I.

Прежде всего, это дочь Л. Брежнева, Галина. В ее тайных амурных списках значатся такие имена, как известный в свое время силач, а впоследствии директор одного из московских цирков Е. Милаев, солист балета М. Лиёпа, знаменитый иллюзионист и продолжатель цирковой династии И. Кио.

Галина была также вхожа в дом известного киноактера, проживающего ныне в США, Олега Видова. Но главной страстью «Мадам» стал цыган Борис Буряце, счастливая звезда которого вспыхнула яркой звездой на небосклоне московского бомонда не без участия Галины и закатилась не без участия ее мужа, Ю. Чурбанова.

Сам Л. Брежнев, по утверждению Е. Чазова, тоже «держал марку». Нашумевшая история с медсестрой Н. упоминалась мной в предыдущих книгах. Здесь скажу только, что связь Л. Брежнева и медсестры Н. зашла так далеко, что любовница стала вести себя вызывающе даже по отношению к супруге Брежнева. Лишь вмешательство Ю. Андропова помогло отстранить медсестру от генсека.

Затворником не был и младший брат Л. Брежнева, Яков. Внебрачная дочь ловеласа и любителя светской жизни, Люба, живет в настоящее время в США.

Еще одной тайной страницей кремлевской любви является визит в Москву в 1978 г. известного африканского диктатора Жана Бедея Бокассы.

Некогда он был офицером, получившим образование во французской колониальной армии и награжденным крестом — Орденом почетного легиона. Захватив власть в своей стране в 1965 г., он в 1972 г. объявил себя пожизненным Президентом. В 1976 г. по его приказанию был отлит 182-килограммовый трон из чистого золота, и Бокасса самолично назвался императором.

На протяжении всей жизни Бокассу сопровождали кровь и насилие. В пять лет на его глазах французский колониальный солдат убил отца. Мать не выдержала удара и спустя несколько дней покончила жизнь самоубийством. Юношей Бокасса ушел служить во французский легион, став первым чернокожим солдатом французской армии.

В армии Бокасса сдружился с Валери Жискард д'Эстеном, будущим президентом Франции. Позже

француз часто гостил в Центрально-Африканской Республике, где любил охотиться на слонов. Французскому президенту не меньше охоты нравились также подарки от африканского друга — алмазы, то чем так богата ЦАР.

В 70-е годы международная общественность все громче обвиняет Бокасу в жестоких преступлениях: убийствах, коррупции, людоедстве и безграничном разврате. У самопровозглашенного императора только официально было 17 жен, от которых он имел 54 ребенка.

К 1978 г. страсти вокруг ЦАР накаляются настолько, что Франция уже не в силах закрывать глаза. Валери Жискар д'Эстен посылает в Банги своего советника с конкретным поручением: в деликатной форме убедить Бокасу подать в отставку.

«Я никому не позволю третировать черный континент!» — резко отреагировал император-людоед на увещевания французского посланника.

Бокасса мог позволить себе дать французам категоричный отказ, потому что к тому времени обзавелся хорошим другом в лице СССР. Именно после похолодания отношений с Францией он совершил свой визит в Москву. Вряд ли для КГБ было секретом истинное лицо этого человека. Руководство СССР очень часто закрывало глаза на «слабости» тех, кто был выгоден в тот или иной период «холодной войны». Лишь когда в стране грянула перестройка и была объявлена гласность, в одном из центральных журналов появилась небольшая заметка — воспоминания бывшего мидовского работника о пребывании Бокасы в Москве. Он рассказал о том, как в номера-люкс любвеобильному каннибалу привозили девушек. Вполне может быть, тех самых девушек, о которых писал Ю. Бокарев. Мне хорошо запомнилось, что автор журнальной статьи, упомянув о людоедстве высокого африканского гостя, говорил о трех-четыре девушки, которые бесследно пропали после отъезда Бокасы из Москвы.

И все же Франция довела дело до конца: во время визита Бокасси в Ливию, в ЦАР происходит правительственный переворот. На престол садится французский ставленник Давид Даско — бывший руководитель страны и дядя императора-людоеда.

На императорской вилле в Кололо дипломаты ООН обнаружили холодильники, забитые человеческим мясом. Допрошенный повар Бокасси рассказал, что вынужден был жарить его на вертеле. Дипломаты ООН узнали не только много интересного о приготовлении человечины, но и об особых вкусах Бокасси, которому очень нравилась человеческая печень и женская тазобедренная часть. Сердца же врагов он любил зажаренными в чилийском соусе.

Вскоре мир узнал и о многих других преступлениях диктатора. Так, например, в ходе расследования стало известно, что своих многочисленных врагов Бокасса бросал на съедение голодным львам и крокодилам. Подобным методом расправы пользовался не только Бокасса, но и его последняя фаворитка — румынская проститутка, подаренная императору-людоеду товарищем Чаушеску.

Сверженный с престола, Бокасса не очень-то и пострадал. 7 лет он провел в ссылке, которая заключалась в проживании в собственном шикарном имении во Франции и не менее шикарном имении в Кот-д'Ивуар. За это время в мире поутихли разговоры о безжалостном императоре-каннибале с требованием судебного процесса и смертной казни. В 1986 г. Бокасса вернулся в столицу ЦАР, был осужден к тюремному заключению, но через три года амнистирован. Он умер в начале ноября 1996 г. от инфаркта на 76-м году жизни.

«Мы так надеялись, что папа просто уснул, пытались его разбудить, но он, к сожалению, умер», — сказал по поводу смерти Бокасси один из его многочисленных сыновей.

Штат специально отобранных девочек держали не только для иностранных гостей. Интимные услуги и развлечения входили в обязательную программу неофициальной части во время визита представителя столичной номенклатуры. Многие партийные и государственные руководители краевого, областного и даже районного масштаба считали своим долгом предложить высокому гостю интимную баньку-сауну или загородный пикник в государственных резиденциях на государственные же средства.

Полагаю, читателю хорошо известна повесть Ю. Полякова «ЧП районного масштаба», по которой был поставлен художественный фильм. Нужно сказать, что факты, ставшие основой сюжета художественного произведения, имели широкое распространение. Так, например, С. Медунову, первому секретарю Краснодарского крайкома партии, снятому с должности и арестованного в августе 1982 г., вменялось в вину не только знаменитое «рыбное дело», но и оказание интимных услуг многим московским лидерам.

Давняя и совсем новая история России хранит еще множество любовных тайн, которые ждут времени для того, чтобы всплыть на поверхность и оказаться в центре внимания. Полагаю, было бы не совсем этично говорить о недавних сексуальных скандалах с бывшим министром юстиции Ковалевым и Генеральным прокурором Скуратовым. И не только потому, что это, как говорится, свежий, «неотстоялый материал», но и потому, что в обоих случаях имеется политическая подоплека, не получившая своей окончательной развязки (бывший «голый министр» Ковалев до сих пор находится под следствием и судебный вердикт по его делу еще не вынесен; дело о съемке скрытой камерой Ю. Скуратова в пикантной ситуации, похоже, также «положили под сукно» до неопределенного момента, например до выборов). Но если говорить о том и о другом в общих

чертах, то следует заметить: оба случая имеют много общего с теми многочисленными примерами из отечественной истории, которые приводились и рассматривались на страницах этой книги. Эти примеры не очень впечатляют, и столетия российской истории лишь сильнее убеждают меня в моем мнении. Внезапно пробужденное пристрастие к западной моде, обильным потоком хлынувшей в Россию после поднятия «железного занавеса», в очередной раз доказывает, что у нашей страны действительно должен быть свой, не похожий ни на западный, ни на американский, неповторимый индивидуальный путь развития. И в том, что с телевизионного экрана на всю страну В. Брынцалов, представляя своих породистых жеребцов, похлопывает жену по заднему месту и со смехом приговаривает: «Видал, какой круп!», — определено, столько же иностранного, как и в сексуальных скандалах с министрами.

Я не права? Тогда выйдите на улицу и послушайте, что говорят простые граждане. «Господи, наконец-то и в нашей стране появились те, что хоть что-то умеют!» — говорят они.

У нас, как всегда, происходят внешние изменения, а не внутренние. И в первую очередь эти изменения повлияли на олигархическую верхушку, о которой все говорят и пишут, но мало кто представляет себе смысл нового словосочетания. Есть среди олигархов те, кто делал карьеру в славные советские времена, есть те, кто делал ее благодаря положению родителей. Кто же они, «новые русские» или олигархи? Как и в чем проявляют они свои чувства?

Вот небольшой отрывок из книги «Кто властвует в России?»:

«Начальник управления «Элбим-банка» Любовь Тимченко не любит серые улицы и черные одеяния своих соотечественников. Хотя у госпожи Тимченко есть отличная чилийская дубленка, приобретенная пару лет назад

в Швеции, модница пополнила гардероб моделью более веселой расцветки. Новая дубленка голубого цвета с натуральной замшевой поверхностью. «За новую дубленку индивидуального дизайна я заплатила 1100 долларов, — рассказывает госпожа Тимченко. — Теперь собираюсь сшить такую же шапку».

Супруга Владимира Груздева, директора торговой компании «Седьмой континент», Ольга Груздева приобрела дубленку в счет гонорара от корпоративного журнала «Седьмой континент». «У меня есть великолепная итальянская шуба, — признается она, — и мне казалось, что проблем с зимним гардеробом в нашей семье не возникнет. Но длинная полосатая дубленка, невероятно легкая, да к тому же двусторонняя, поразила меня своей необычностью».

Ольга Зверева, пресс-атташе Дома «Валентин Юдашкин», летом 1997 г. купила в парижском бутике «Fendi» рыжую дубленку с огромным воротником. В Москве такие дубленки продаются в бутике «Мила-мода» по цене от 3,5 до 7 тыс. долларов. Последняя же покупка госпожи Зверевой — экспериментальная модель шефа, Валентина Юдашкина. Короткая дубленка из мягкого и нежного, как шелк, меха — стриженного тибетского козлика — со вставками из кожи рептилий и боковыми разрезами смоделирована специально для деловых женщин, которые немало времени проводят за рулем. Новая дубленка обошлась Ольге Зверевой всего в 4 тыс. долларов.

Еще десять лет назад хорошая шуба считалась предметом роскоши. Ее покупали одну и на всю жизнь, держали в дальнем углу шифоньера, надевали в редких торжественных случаях и передавали по наследству. Теперь оказалось, что шуб может быть много — как жену восточного шейха. Поэтому богатые люди и их поставщики стали классифицировать шубы по их назначению. Так появились более демократические повседневные, лаконичные деловые и роскошные вечерние.

Цены шуб «на каждый день» колеблются от 8 до 10 тыс. долларов, а отдельные экземпляры — до 20—25 тыс.

Женские шубы делового стиля предназначены для официальных поездок и встреч. Из большого количества их разновидностей особым шиком считаются шубы-панчо из барса. Цена, правда, кусается — 50 тыс. долларов. В последнее время в белоснежной шубе-полосунце из норки можно было увидеть хозяйку фитнес-клуба «World Klass» Ольгу Слуцкер.

Вечерние шубы именуются манто. Они длинные и напоминают одеяния монархов (именно в таком соборном наряде встречал заморских послов Иван Грозный). Вечерние манто шьют из редких и дорогих мехов — горностаю, барса. Президент «Trast-bank», входящего в группу «ЛУКОЙЛ» Азербайджана Алиев купил такую шубу из канадского соболя своей супруге Татьяне за 40 тыс. долларов. Она подбита золотой шелковой подкладкой. Для ее пошива было использовано 117 цельных кусков канадского соболя чайного цвета. В таком манто можно смело отправляться на любое торжество, например в парижскую «Гранд-Опера». По мнению Анны Пригожиной, манто госпожи Алиевой произвело там настоящий фурор».

Такие вот нравы стали господствовать ныне в нашей стране среди представителей высшего общества. Нетрудно предугадать мнение людей этого круга по поводу любви. Если верить современным российским опросам, три четверти мужчин и более трети женщин не верны своим супругам. Выходит, не материальное благосостояние главное для любви?

«А может ее и вовсе нет, раз многотысячелетняя история человечества наполнена такими бурными страстями?» — кто-то задастся справедливым вопросом.

Нет, любовь существует. Именно благодаря ей продолжается жизнь. Не только наша с вами, но Жизнь во-

обще. Ее своенравная природа пробивает себе путь к человеческим сердцам.

В настоящее время в нашей стране с чувства любви сняты все запреты. Что это дало обществу, воспитанному на нигилизме и цинизме? То, что на пьедестале место Любви занял Секс. Раскованность и распущенность в пропаганде секса, демонстрация интимных сцен в художественных картинах приучает нашего современника восхищаться тем, что является вторичным в любви. (Не случайно законодательный орган — Государственная Дума — поспешила принять соответствующий моральный закон.)

Несмотря на это, тайна любви, ее глубинная загадка остается для человеческой души непостижимой. Какие бы ни были времена, как бы не складывалась наша жизнь, ясно только одно: любовь, как писал Фромм, всегда была, есть и будет единственной надеждой человека на спасение от страха одиночества и отчужденности...

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
НА ЗАРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	10
ЭПОХА АНТИЧНОСТИ	19
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И ВОЗРОЖДЕНИЕ	64
ПРЕДАНЫЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ	111
«БЛАГОЧЕСТИВЫЙ» КНЯЗЬ-САМОДУР	129
ЛЮБВЕОБИЛЬНЫЙ САТРАП	165
НРАВЫ И ЧУВСТВА СМУТНОГО ВРЕМЕНИ	192
«ТАТИ БЛУДЛИВЫЕ»	207
АМУРНЫЕ ТАЙНЫ ДОМА РОМАНОВЫХ	245
В ПЛЕНУ ДЕДОВСКИХ ОБЫЧАЕВ	245
РЕФОРМАТОР-БЛУДОДЕЙ	266
ЖЕНСКАЯ НОША — «ШАПКА МОНОМАХА»?	287
РОМАНЫ ИМПЕРАТОРОВ	318
ЛЮБОВНЫЙ СОЮЗ МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И НАРОДОМ	351
АЛОЕ ЗНАМЯ КРЕМЛЕВСКОЙ ЛЮБВИ	378

Литературно-художественное издание

Краскова Валентина

ТАЙНЫ КРЕМЛЕВСКОЙ ЛЮБВИ

Ответственный за выпуск *Н. В. Клакоцкая*

OCR - Давид Титиевский, апрель 2017 г., Хайфа

Подписано в печать с готовых диапозитивов 05.01.2000.

Формат 84×108¹/₃₂. Печать высокая с ФПФ. Бумага типографская. Усл. печ. л. 23,52. Тираж 11 000 экз. Заказ 86.

«Фирма «Современный литератор».

Лицензия ЛВ № 319 от 03.08.98.

220029, Минск, ул. Красная, 5-12.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.

220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35-305.

Ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
ППП им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Чем отличается любовь власть придержащих,
от любви обычных людей?

Чем отличается любовь по-русски от прочих
любвей на свете?

Какие тайны скрывают славные стены
Кремля?

Какова была она, закулисная жизнь
московских правителей?

Вот какие секреты раскрывает читателю
книга «Тайны кремлевской любви».

... Цари и великие князья, императоры
и генсеки, — все они были еще и мужчинами.

Мужчинами, которым было не чуждо ничто
человеческое.

28614

Тайны кремлевской любви, К. Красов

18

18.03.2000